

ША ФОРД

ХРУПКОСТЬ ТЕНИ

ЗАБЫТЫЙ СУДЬБОЙ
КНИГА 2

Зима покидает королевство, но, хотя тает снег, появляется новая опасность. Тьма нависла над Срединой: армия вернулась за высокие стены, из-за ворот не ускользает ни вести. Ходят лишь слухи, что король сошел с ума. Каэл об этом не знает: он обращает внимание на долины. Но удача не на его стороне, его план вскоре терпит неудачу. И он начинает подозревать, что кто-то желает его смерти. Если Каэл хочет выжить, ему нужен новый план. И быстро. Тем временем, Килэй оказывается в пустыне. Время — ее враг, а Белокости собралась сила, что угрожает уничтожить все, если доберется до долин. Но ее гордость не даст ей увидеть опасность, и вскоре она с товарищами теряется среди высоких дюн.

Ша Форд

Хрупкость тени

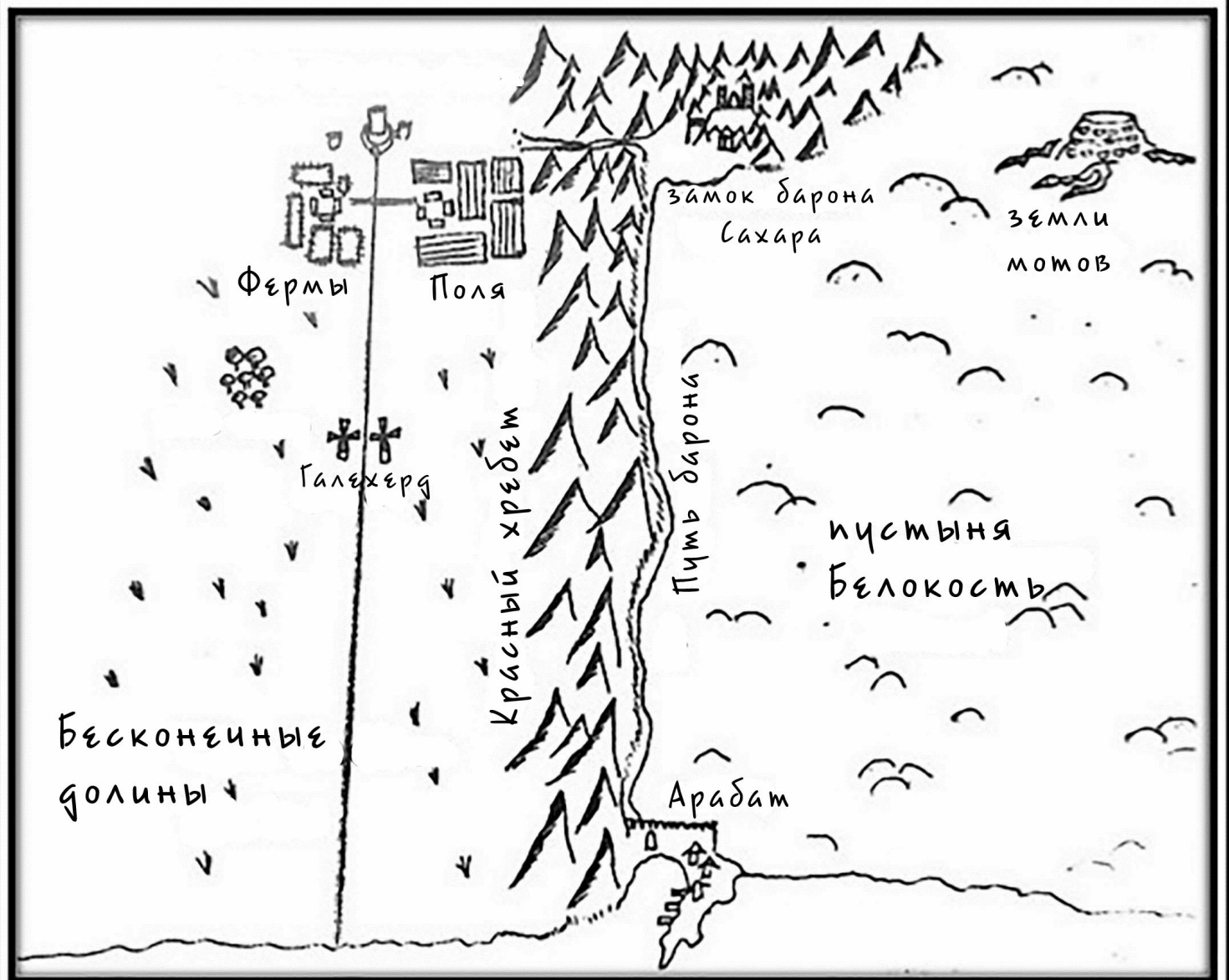
Серия: Забытый судьбой — 2

Перевод: Kuromiya Ren

Моей прекрасной кузине Байлэй:

*Мы наблюдали, как ты росла любящей и уверенной молодой женщиной,
теперь ты смотришь на нас сверху.*

*Ты — наш ангел, наш свет,
и мы любим тебя всем сердцем.*

Пролог:

Только гонец

Перед сумерками было тихо. Солнце опускалось к горизонту на западе, двигалось уверенно, как нож убийцы сквозь плоть. На миг все королевство окрасилось в красный.

Зима отступала, и весне уже спешил сюда, зеленые листья уже появлялись на самых высоких ветвях Великого леса. Скоро в воздухе будет слышно пение птиц, а лед, сковывающий воду лошадей, растает сам по себе. Но, что важнее, дороги снова будут заполнены торговцами.

Для одного торговца казалось, что весна приближается медленно. Он чуть не попал на ужин, чуть не раскрыл себя, и если он хотел, чтобы это продолжалось, ему нужно было быстро двигаться. Он спешил по темному коридору, рассеянно кивая слугам, пока не попал в безопасность своего кабинета. Он закрыл тяжелые дубовые двери и выдохнул с облегчением.

Комната была маленькой: стол, стул и камин как раз влезли в нее. Но все равно это было убежище.

В этом месте его не касались тревоги королевства. Его жена могла ворчать, жаловаться тем, кто слушал о том, как она сама управляла домом все время, пока он торговал. Но в кабинете он ее не слышал. Ничто не беспокоило его, даже слуги или ссоры сыновей.

Нет, слышно было только веселый треск огня в камине, и все проблемы могли решить деньги.

Стопка писем ждала его на столе, и он весь день собирался открыть их. Он устроился на стуле и достал маленькую шкатулку из верхнего выдвижного ящика. Она была для пера и чернил, но он нашел шкатулке другое применение. Вместо пера лежала трубка, а вместо чернильницы — пачка его любимого вишневого табака.

Он щедро насыпал табака в трубку и пошел к камину, чтобы зажечь ее. Только когда воздух наполнил аромат сладкого дыма, он открыл письмо.

Так он предпочитал проводить вечера: курить, читать и думать. Он читал первое письмо, все было по делу. Никаких ссор и воплей жены. Письмо пришло от хозяина магазина в Белокости, который заявлял, что рабочие барона снова подняли цены. Он хотел провести переговоры и договориться о скидке.

Торговец посмеялся и обмакнул перо в чернила.

Мой дорогой друг, — начал он, — если бы мы спорили каждый раз, когда барон поднимает цену на свои безделушки, мы бы ничего не добились. Нет, боюсь, я должен настоять на предыдущей цене...

— Вечер добрый, Рэндалл.

Хвостик «е» Рэндалла взлетел по странице, когда он вздрогнул. Он увидел фигуру у окна, и трубка чуть не выпала из его рта.

Она выглядела как разбойница в легкой броне и маске, что скрывала нижнюю часть лица. Броня была черной и хорошо сделанной, обычный бандит не мог себе такого позволить. Поверх узких брюк была красная юбка, цвет сочетался с шарфом, что был ниже ее маски.

Ее можно было назвать красивой. Черные волосы ниспадали свободно ниже плеч, были такими чистыми, что блестели в свете огня. Ее фигура была обещающей. Но та часть лица, которую было видно, отгоняла такие мысли из головы Рэндалла.

Ее темные брови были так низко, что почти касались глаз, они были сдвинуты так, что придавали ей суровый вид, усиливали ее взгляд.

— Что... как это понимать? — осведомился Рэндалл, убирая трубку и хмурясь. — Кто вы?

— Хмм, — пробормотала женщина. Она вытащила клочок пергамента из-за воротника и развернула его. Быстро взглянув на него, она снова посмотрела ему в глаза. — Вы — Рэндалл Оуклофт, верно?

— Я, — рявкнул он, сунув трубку в рот.

— Тогда вы должны все понимать. Я пришла от лица графини Д'Мер.

Ах, снова. Он не собирался с этим мириться, в этот раз он хотел все прояснить. Рэндалл затянулся трубкой.

— Это из-за дурацкого моста на реке? — женщина кивнула, он выпустил дым. — Я уже говорил ей: мне все равно, что ее отряды идут на тысячу миль дальше, я не дам ей расширить мой мост. Его хватает для моих телег, должно хватать и ей.

Женщина молчала и смотрела на него.

У Рэндалла закружилась голова. Он думал, что это от стресса, он пытался сделать так, чтобы слова звучали твердо. Он вдохнул дым снова... чтобы успокоиться.

— Она разрушила землю Уильямсона, — продолжил он. — И не исправила. Так что простите, но я не хочу ее рабочих, ломающих мой мост...

— Прощения не будет, — сказала женщина. Маска приглушала ее голос, но слова от этого менее резкими не становились. Она смяла пергамент рукой и бросила в огонь.

Значение было понятным.

— Мое убийство вам не поможет, — прорычал Рэндалл. Он злился сильнее, чем боялся. Какая наглость! Он был так зол, что начал потеть. Он смахнул капли со лба в нетерпении. — Если я умру, поместье перейдет моей жене, а она лучше сунет руку в печь, чем позволит чему-нибудь случиться с мостом. Ее отец построил его, это все, что у нее осталось от него.

Темные глаза женщины стали полумесяцами. Она... улыбалась? Он так подумал. Но маска мешала понять. Дым обжигал глаза, видимо, потому что его зрение затуманилось.

— Я пришла не убивать вас, — сказала она, словно это была шутка. — Я только гонец.

— Правда? — Рэндалл протер глаза. — Тогда... — он закашлялся, горло вдруг сдавило, — зачем все это? — пролепетал он.

Он указал на опасного вида ножи, что были прикреплены к ее рукам, она легонько дотронулась до одного из них.

— Это моя защита, мистер Рэндалл, — тихо сказала она. — Королевство — опасное место... особенно для дамы. Нет, я не пришла вас убивать. Но и не пришла прощать. Я пришла попросить вас передумать, — она сцепила ладони за спиной. — Вы продадите мост графине?

— Нет, — твердо сказал Рэндалл. Он закашлялся снова, в этот раз выдавить слова было сложнее. — Нет, ни... за что! А теперь... — он закашлялся так, что трубка выпала из руки. Она стукнула по столу, тлеющие листья рассыпались по полированной поверхности. — Прочь... из моего... дома!

Женщина кивнула.

— Как пожелаете, — она была на пути к окну, но замерла и вскинула палец, словно что-то забыла. Она подошла к огню и снова полезла за воротник. В этот раз она вытащила флакон с прозрачной жидкостью.

— Вы же не против? — она бросила флакон в огонь. — Нет, конечно, нет. Наслаждайтесь вечером, мистер Рэндалл.

Окно открылось, но он не смотрел, как она уходит. Он смотрел на флакон.

Он перестал кашлять, потому что не мог даже вдохнуть. Голова болела. Рэндалл понял, что это не от дыма. Его отравили!

И флакон с противоядием он должен был забрать.

Он слез со стула, смог пройти пару шагов. А потом его конечности задергались, тело обмякло. Он смог в последний раз поднять голову, хотел подвинуть себя вперед... но не было сил. И Рэндалл затих.

Послание графини было доставлено.

Глава 1

Два вора

Горацио отложил письмо. Он вытер слезы со щек краем грязного фартука и улыбнулся.

Казалось, только вчера Аэрилин просила его отпустить ее в путешествие. Она не знала мира, и Горацио не хотел выпускать ее из виду. Он не думал, что сможет отпустить ее, не был уверен, что Килэй сможет защитить ее.

Когда она поклялась уберечь Аэрилин, он поверил. У него не было привычки доверять изгоям, но было что-то в странных зеленых глазах Килэй, что убедило его.

А еще он видел, что она умеет делать с мечом.

Он снова поднял письмо, скользнул взглядом по множеству страниц и дошел до любимого места. Было сложно поверить, что девочка, которая обычно вопила из-за того, что запачкала платье, прошла ужасную бурю. Но изображение, нарисованное Каэлом на обратной стороне страницы, было очень убедительным.

Угольные завитки волн, неровные линии молний словно оживали на пергаменте. Они терзали кораблик, попавший в эту бурю, рвали паруса, бросали его, и хотя он знал, что все закончилось хорошо, Горацио задерживал дыхание.

Для такого тихого мальчика, Каэл обладал многими талантами.

Нет, Горацио был рад, что Аэрилин отправилась в свое приключение, все прошло хорошо. Его беспокоило только, как часто в письме мелькал этот капитан Лисандр. Он был почти в каждом абзаце: доблестный Лисандр сражался с бурей, лучше капитана не найти, он был способен на все.

Горацио не помнил, чтобы Аэрилин упоминала, что именно сделал этот Лисандр. Он перевернул страницу и нахмурился, там был его портрет, нарисованный Каэлом. Он был красивым, да, но, наверное, слишком жуликоватым для торговца. Что-то в его улыбке вызывало тревогу, сразу хотелось проверить, не пропали ли монеты из кармана.

Это было хуже всего.

Он был погружен в свои мысли, когда входная дверь распахнулась с такой силой, что он чуть не вывалился из кресла. Он услышал шаги в прихожей, собрался с силами.

— Что...? — из-за угла появились два мальчика и врезались в живот Горацио. Они отлетели. — Спокойно, парни! В чем дело?

— Графиня! — старший парень, Чэни, оттолкнул брата.

— И она хочет увидеть Гаррона! — добавил Клод, отцепляясь от Чэни.

Горацио схватился за бок. Селезенка подсказывала ему, что беда на пороге.

— Идите, парни. Идите к отцу. Скажите, чтобы он не выходил из дома, пока графиня не уйдет.

Братья закивали и побежали прочь. Когда задняя дверь захлопнулась за ними, Горацио выдохнул. Но потом он услышал то, от чего его живот снова заболел.

Изящные шаги, две пары туфель стучали по отполированному полу из дуба. Они направлялись к кабинету.

Горацио сунул письмо Аэрилин в угол стола и едва успел развернуться, когда шаги остановились.

В дверях стояли две женщины. Первая была милой молодой женщиной из леса. Хотя она была в тесном красном платье с кружевом, она стояла, расставив ноги, словно была готова

ударить по ногам каждого, кто осмелится напасть на нее.

Ее черты были изящными, но не взгляд. Темные брови были сдвинуты в предупреждении. Горацио замер, пока она скользила взглядом по комнате. Когда она закончила, то пропустила вторую женщину.

Эта была среднего возраста с длинными золотисто-каштановыми волосами и ледяными глазами. Она несла себя, как ведьма несла свой импульс: двигалась изящно и решительно, понимая эффект своих чар.

В горле Горацио пересохло, когда графиня сняла голубые шелковые перчатки, по одному пальцу за раз. Ее полные красные губы надулись, когда она посмотрела на пустой стол. Изящный изгиб шеи переходил в плавный изгиб спины... и ниже.

— Где Гаррон? — сказала она.

Горацио отвел взгляд от ее шеи и попал в ловушку ее кристально-голубых глаз.

Он тревожился. Она не слышала. Он надеялся, что слухи уже дошли до нее или от болтливого моряка, или от других торговцев. Все в Великом лесу слышали о смерти Гаррона, но, похоже, никто не хотел сообщать графине.

И теперь она стояла в кабинет Гаррона, и Горацио понимал, что у него нет другого выбора.

Ему нужно было осторожно подбирать слова, иначе его жизнь быстро оборвется. О, она не убьет его на месте, графиня была терпеливой. Она могла сыграть эмоции. Могла рассмеяться или поджать губы. Или сохранять спокойствие. Он не знал.

Он мог до ночи не узнать, была ли она в гневе. А потом он мог перепить вина за ужином. Или уснуть и больше не проснуться. Такое случалось с другими торговцами. В тавернах по всему королевству мрачно шутили: из двенадцати умерших в Великом лесу за смертями одиннадцати стоит графиня.

Горацио не хотел говорить, но заставлять графиню ждать было тоже опасно. Он смог выдавить слова:

— А вы не слышали, моя графиня?

— Что не слышала? — ее голос стал таким же холодным, как взгляд. — Говори, повар. У меня нет времени на загадки.

— Гаррон убит.

Его слова прозвучали громко, заглушили шум его колотящегося сердца. Он не хотел так это произнести. Даже после зимы горя правда жалила ему глаза.

Графиня снова повернулась к столу, словно ожидала, что Горацио опровергнет это. Словно надеялась найти Гаррона там, считающего прибыль за день.

— Ясно, — сказала она через миг. — Если он убит, расскажешь, как это произошло?

Горацио рассказал ей все, что помнил, о том ужасном дне. Он рассказал ей о нападении монстров, наполовину людей, наполовину волков. Он рассказал, как Гаррон направлял людей, как его хитрость спасла их жизни. Он рассказал ей правду: Гаррон сражался до конца.

Когда он закончил, Д'Мер сдержанно кивнула. Она села за стол, провела ладонью по отполированной поверхности. Она обвела пятна чернил и царапины, оставшиеся от кинжала Гаррона, когда он спешил открыть письма. Она напряженно думала о чем-то, а Горацио побаивался, что его следующий вдох станет последним.

Он был потрясен, когда она вдруг расплакалась.

Ее плечи содрогались от всхлипов. Д'Мер прижала ладонь к лицу, кожа побелела там,

где прижимались ее ногти. Ее дыхание вырывалось резко, она словно давилась своей кровью.

Горацио не знал, что делать. Он посмотрел на лесную девушку, та опасно щурила глаза. И он смотрел на ковер, пока графиня пыталась совладать с собой.

Она не сразу перестала плакать. Но когда она заговорила, в ее голосе уже не было и следа печали.

— Он умер в бою, — сухо сказала графиня. А потом ухмыльнулась. — А я-то думала, что его добьют пироги.

Горацио осторожно улыбнулся ей.

— Он любил хорошую выпечку, моя графиня. Особенно с яблоками.

— Ага, с сахарной пудрой сверху, — улыбка Д'Мер быстро пропала. — В Поляне монстры, говоришь? Больше похожие на волков, чем на людей?

Горацио кивнул.

— Ты знаешь, откуда они?

Она следила за ним, ее глаза впивались в его щетину и красные щеки. Но Горацио не был дураком. Он знал, что нельзя говорить графине, что на волках был герб Средин. Если он обвинит короля, то сам окажется в петле.

Он кашлянул и осторожно сказал:

— Не знаю, графиня.

Она смотрела на него еще мгновение со спокойным видом. А потом встала.

— Я пришла сказать Гар... я добилась покупки моста Рэндалла. Как только мои люди расширят его, это срежет вам путь на пару часов.

Горацио был удивлен.

— Мост Рэндалла? Я не думал, что он все-таки продаст его.

Д'Мер ухмыльнулась.

— Я его не покупала у него, мост продала его вдова.

— Ясно, — Горацио поклонился, она прошла мимо. Но он так спрятал тревогу на лице. — Премного благодарен. Моя графиня. Я передам остальным.

— Прекрасно.

Она собралась уходить, а Горацио взглянул на закат за окном.

— Через пару часов стемнеет. Не хотите прервать путь и переночевать здесь, моя графиня?

Д'Мер надела перчатки и осмотрела свои ладони.

— Нет, благодарю. Я хочу вернуться в путь. Боюсь, у меня много дел.

Горацио неловко стоял, пока она разглаживала складки на юбке. Тяжелая тишина повисла между ними. Такой была атмосфера между двумя ворами утром, когда им нужно было идти по улицам в свете солнца и перешагивать оставленное ими разбитое стекло.

Горацио не знал, должен ли он что-нибудь сказать... а потом решил, что лучше так все и оставить.

Он хотел проводить ее до двери, но девушка встала перед ним и послала предупреждение во взгляде через плечо. Д'Мер вдруг остановилась на пороге, и девушке пришлось встать на носочки, чтобы не сбить ее.

— Что с девочкой? — сказала графиня, не оборачиваясь.

Горацио решил изложить все просто.

— Я отправил Аэрилин в путешествие с друзьями к Высоким морям, моя графиня. Она

жива и здорова, ей нравятся приключения.

Д'Мер развернулась, вскинула брови.

— О? И что за друзья? Надеюсь, не тот ужасный скрипач.

— Эм, он среди них. Но за ними приглядывает пара воинов с гор.

Ее брови поднялись еще выше.

— С Беспощадных гор?

— Да, — Горацио не знал, стоит ли упоминать другие горы. — Но она в надежных руках, обещаю. Рыжеволосому можно доверять, а женщина владеет мечом лучше любого военачальника. И с ними она... Графиня? Вы в порядке?

Лицо Д'Мер вдруг стало цвета свежесвыпавшего снега. Она схватилась за живот и отпрянула на шаг.

— Да. Я в порядке, — сказала она через миг, взгляд ее стал отдаленным. — Думаю, это от долгого пути. У парня рыжие волосы, говоришь? А как выглядит девушка?

Горацио лепетал, пытаясь подобрать подходящие слова:

— Ах, ну, такую я еще не видел, графиня. У нее темные волосы, зеленые глаза, и ребята все время пялились на нее вместо работы, — ее лицо лишилось всех цветов, и Горацио встревожился, от этого и осмелел. — Что такое, моя графиня? Что не так?

Но она не ответила. Она развернулась и вышла из комнаты, девушка следовала за ней.

Горацио слушал их шаги, пока они не дошли до прихожей. Как только входная дверь закрылась, он рухнул в кресло и схватился за грудь. Он долго не мог совладать с дыханием, а потом долго боролся с горечью, что подступала к горлу.

Но он не мог успокоиться до конца. Он не знал, что означало это выражение лица графини, но подозревал, что как-то подверг Аэрилин опасности.

Это не давало ему покоя день и ночь.

* * *

Карета проехала три мили по дороге, когда Д'Мер смогла заговорить:

— Это она, — сказала она скорее себе, чем кому-то. — Аэрилин путешествует с Драконшей, — карета подпрыгнула, а с ней и ее голос в конце предложения.

— Что это значит, моя графиня?

Конечно, Елена слышала ее. Она сидела так тихо, что Д'Мер забыла, что она была здесь. Но когда она подняла голову, то поймала спокойный взгляд девушки. Движение кареты не беспокоило ее, она сидела ровно, как сидела бы и за обеденным столом.

— Это значит, что нам нужно спешить, — сказала графиня. Она обдумывала проблему, глядя на проносящиеся за окном деревья. — Хотелось бы, чтобы Реджинальд ответил на мое письмо. Не представляю, во что он ввязался.

— Я могу узнать, графиня.

— Возможно, — признала Д'Мер. — Но сперва у меня есть другое задание для тебя. Повар что-то читал перед тем, как мы пришли...

— Письма были от мисс Аэрилин, графиня. Я видела ее имя на конверте, — сказала Елена.

— Я так и думала. Нужно, чтобы ты получила их, — графиня склонилась, — сегодня.

— Да, графиня, — сказала Елена, словно это было не сложнее похода на рынок. Может, для нее так и было.

Красивое личико Элены было маской, скрывающей хищника. Д'Мер смотрела, как она встала, отстегнула юбку от туники, и платье удобно скрывало под собой сапоги, черные леггинсы и два тонких ножа опасного вида, пристегнутые к бедрам.

Элена открыла дверь кареты и склонилась. Графиня успела схватить ее.

— Возвращайся в замок как можно скорее. Времени мало.

Элена кивнула. Она выпрыгнула из кареты как кошка, изящно перекадилась и встала на ноги.

Когда Д'Мер повернулась к ней, она уже пропала.

Глава 2

Бесконечные долины

О, как же было жарко. Невыносимо жарко. Капля пота стекла со лба Каэла на нос. Он пытался смахнуть ее раньше, чем она упадет сама, но двигался не достаточно быстро.

Капля упала на страницы открытой книги, и он выругался вслух.

— Это точно, парень, — сказал Моррис. Жар терзал его горло, и он хрипел сильнее обычного. Он повозился с флягой еще минуту, а потом смог все-таки сунуть ее между рук. Он поднес ее к губам. — Сядь прямо, когда читаешь, и тогда слова не расплывутся, — посоветовал он, глядя, как Каэл вытирает след капли краем рубашки.

— Я пытался, — проворчал Каэл.

Он уже все перепробовал. Он прислонился к стене, пока телега не содрогнулась так сильно, что он ударился затылком. Потом он сел, подняв колени до груди, пока ноги не свело, он склонялся, пока не заболела спина. Он бы растянулся на полу, если бы там не было столько мешков, палок и ящиков.

Нет, безопасно было сидеть только у скамеек, но и там места было мало.

Скамейки были заполнены пиратами, Каэл видел отражение своих страданий на их обветренных лицах. Было сложно поверить, что они вызвались на это, даже были готовы бороться за это. Когда они покидали бухту Взятки, желающих было так много, что капитану Лисандру пришлось выбирать.

Пираты радовались, когда называли их имена. Они целовали семьи на прощание и гордо шли на борт «Грохочущего якоря» с рюкзаками за спинами.

— А что должны делать мы? — крикнул дядя Мартин, когда Лисандр отдал приказ отчаливать. Он опирался на трость и казался маленьким с корабля, но его голос было слышно в прохладном утреннем воздухе. — Чтобы ты знал, мне не нравится оставаться позади.

— Просто продолжайте грабить, — рассеянно сказал Лисандр, убирая волнистые волосы с лица, пока он приказывал повернуть паруса.

— Продолжить...? Как я должен продолжить? — завопил дядя Мартин, потрясая тростью. — Там мои соотечественники, я должен освободить их!

— Ты никого не обманешь, отец, — отозвался Тельред. — Мы знаем, что ты хочешь найти в долинах, это не связано с людьми.

— Не издевайся! Нет ничего плохого в желании увидеть великаншу, пока я не ослеп, — он улыбнулся и добавил. — Я слышал, что они такие же очаровательные, как обычные женщины, только больше! Ты же не дашь любимому старому папочке умереть, не увидев это?

Хотя дядя Мартин жаловался, Лисандр запретил пиратам следовать за ними, сказав, что пробьет их паруса, если заметит на горизонте. И хотя они согласно ворчали, Каэлу казалось, что они не прощаются, уплывая из бухты.

Он не удивился бы, если бы у всех морских псов за спинами были скрещены пальцы.

Бухта осталась позади. Они оставили корабль и большую часть людей у пристани деревушки, приняли облик торговцев. После двух дней тяжелого пути пешком они пересекли границу Высоких морей и пошли по долинам. Им пришлось забраться в телегу и стараться не шуметь.

Армия Гилдерика патрулировала все долины, и толпа путников привлекла бы их внимание.

Каэл сел и моргнул, пытаясь дать глазам отдохнуть от чтения. Капитан Лисандр сидел напротив него, волна его волос прилипла к голове от пота, его улыбка сменилась хмурым видом. Он напряженно сидел на скамейке, его глаза были зажмурены, рука крепко обнимала женщину рядом с ним.

Золотисто-каштановые локоны Аэрилин были заплетены в умелый узел на макушке. Она была в мужской тунике и штанах, но не жаловалась, как раньше. В платье было бы жарче.

Жар мог растопить их, но Аэрилин прижималась к Лисандру. Она теребила пуговицы на его рукавах, когда подняла голову и поймала взгляд Каэла.

Она улыбнулась, но не так, как улыбалась всем. Нет, это была улыбка для него, полная жалости. Так на него смотрели все женщины бухты всю зиму. И ему это надоело.

Он поднял книгу и притворился, что снова читает, закрывшись от нее.

— Далеко еще?

Рычал Тельред, он сжимал кулаки слева от Каэла. Чем дальше они были от морей, тем ворчливее он становился. После нескольких часов в тесной прыгающей телеге он стал невыносимым. И теперь жар добавлял проблем.

Каэл листал книгу, пока не нашел карту Бесконечных долин. Он дважды обыскал библиотеку поместья, но не нашел карты лучше, чем в своей любимой книге, в «Атласе путешественника».

Земля была ровной, и дорога через Бесконечные долины шла посередине. Они могли ехать из одного конца региона в другой, не сворачивая. Он провел пальцем по дороге, пока не добрался до клочка деревьев. Только он был отмечен на карте.

— Там мы устроимся отдохнуть, — сказал он, указывая, хотя знал, что Тельред не смотрит. Его кулаки были прижаты к глазам так сильно, что он бы не мог даже закатить их. — А потом доберемся до деревни Галехерд. И мы попадем туда до заката, если не будем мешкать.

— До заката? — Аэрилин была удивлена. — О, это не скоро!

Лисандр открыл глаза, услышав слезы в ее голосе. Он притянул ее ближе и прижался губами к ее брови.

— Ты даже не заметишь, как пролетит время, дорогая. Каэл все спланировал.

— А если что-то пойдет не так? — она сжала ладонями его рубашку. — А если это надолго? А если я никогда... никогда...?

— Заткнись уже, — Тельред открыл глаза. Они были красными, потому что он прижимал к ним кулаки, и от этого взгляд стал опаснее. — Твое нытье не помогает...

— Ты не знаешь, как это! — слезы Аэрилин все-таки пролились. — Ты не знаешь, как чувствуешь себя, когда терзают твое сердце. Не смей...

— Я прошу просто помолчать! Это много...? Что ты делаешь?

Тельред пытался отдернуть руку, но Каэл сжимал ее крепко. Он прижал кончики пальцев к вене на запястье Тельреда и глубоко вдохнул. Он направил воспоминания о сне в Тельреда, представляя, как они бегут по крови к его голове.

«Спи, — подумал он. — Пора спать».

Он отпустил, когда Тельред покачнулся. Пират рухнул на свернутую палатку и мирно захрапел. Моррис бросил на его плечи ткань и улыбнулся Каэлу, показывая дыру между

зубов.

— Молодец. Ты становишься все лучше.

Каэлу пришлось признать, что его силы исцеления росли, это могло быть связано с чтением. Когда он не читал о Бесконечных долинах, он занимался чтением книги по анатомии. Он все еще не мог сравниться с дедом, Амосом, но все-таки рос.

Когда перед ним будет умирать невинный человек, Каэл сможет спасти его.

Пока Тельред спал на полу, на скамейке стало больше места. Каэл сел на колени и попытался оглядеться. Ржавая решетка закрывала окно, он держался за прутья для равновесия. Через несколько минут без происшествий ему показалось, что он на борту корабля, только волны сменились волнами травы.

— Через пару недель будет лучше, когда вернется зелень, — сказал Моррис. Они смотрели в одно окно, так что борода Морриса щекотала его. Когда Каэл почесал щеку, он рассмеялся. — Будет не так плохо, если отрастишь свою.

— Не могу, — пробормотал Каэл. — Волосы так не растут.

— Потому что ты еще молод. Скоро у тебя вырастет борода, даже раньше, чем ты думаешь.

Каэл сомневался в этом. Но было слишком жарко, чтобы спорить.

Они ехали в относительной тишине какое-то время. Точнее, молчал Каэл. Моррис болтал, но его слова хотя бы заполняли воздух. Каэл заговорил, когда уловил высокий странный звук:

— Что это? — сказал он, прерывая речь Морриса о том, как дядя Мартин мог разбогатеть на продаже грога как крысиного яда.

Шум был ритмичным, словно кто-то открывал и закрывал дверь с ржавыми петлями. Каэл прижался лицом к решетке и склонил голову, чтобы понять, откуда исходит звук.

Огромная каменная структура выростала из земли перед ними, и Каэл узнал в ней мельницу. Две лопасти были сломаны, а на третьей не было ткани. Четвертая лопасть была сломана пополам и едва держалась. Изорванная ткань хлопала на слабом ветру, и, раскачиваясь, сломанная лопасть скрипела.

Каэл оглянулся на Лисандра и Аэрилин. Они задремали, став друг другу подушками. Он посмотрел в противоположное окно. С той стороны тоже была мельница, но ее состояние было еще хуже — всю вершину сдуло, и она напоминала огромный глиняный горшок.

— Галехерд, — сказал Каэл, сопоставив мельницы с рисунком на карте.

— Ага. То, что осталось, — отметил Моррис. Они миновали несколько заброшенных домов, но относительно целых. — Те маги хорошо их отделали.

— Я одного не пойму, — сказал Каэл, отвернувшись от окна. — Я думал, что великаны — великие воины.

— Так и есть. Поверь, проще бороться с акулой в море, чем с великаном в его долинах.

— Тогда как Титус одолел их, если они так сильны?

Моррис фыркнул.

— Сила здесь ничего не решала. Титус пришел сюда с армией *магов*, а ярость великана тут ничем не поможет. Титус заковал их в железо за день, — он застонал, поерзав. — Это был темный день в истории нашего королевства. День, когда Креван захватил магов. Мы так долго жили под защитой шептунов... но теперь нет армии, что готова бороться с магией. Ни в одном регионе.

Каэл понимал это. Он долго молчал, смотрел, как за окном проносятся разрушенные

дома. А потом понял, что так сейчас выглядел и Тиннарк.

Он не хотел думать, что его деревня превратилась в развалины. Он не хотел думать, что дом Роланда скорее всего сожгли, что тоники Амоса разбили о землю, что на месте Зала может быть большой черный кратер. Ему не нравилось думать об этом, и он не думал.

Он стиснул зубы и сосредоточился на задании.

* * *

Они прибыли к деревьям за час до заката. Телегу завезли в чащу, постарались спрятать. Она содрогнулась, когда Каэл прыгнул и прошел к двери.

Ужасный свист сопровождал шаги возницы. Он возился с замком дольше необходимого. Когда он открыл дверь, мужчины уже ворчали.

— Вечерок добрый! — сказал Джонатан, скорчив гримасу. — Давайте уже разводите костер, а то я скоро начну грызть свои сапоги.

— Сначала мы расставим лагерь, а потом поедим, — крикнул Лисандр. Он помогал Аэрилин пройти мимо Тельреда. — Мы не в море, но я все еще капитан. И нам нужно укрытие, чтобы разжигать костер!

После долгих споров они решили, что Джонатан поведет их по долинам. Если его заметят люди Гилдерика, Джонатан сможет заболтать их и уйти. А если солдаты не поверят его бредням, он всегда мог заиграть на скрипке.

А от его ужасных песен убежал бы даже самый опасный великан.

Хотя они были уверены, что Джонатан сможет провести их по долинам, у этого решения был один побочный эффект: скрипач возомнил, что его новая власть позволяет ему быть ужасно надоедливым.

Он отдавал приказы. В первую ночь, когда они остановились, он громко заявлял, что слишком устал, чтобы устанавливать палатку, и приказал Тельреду сделать это за него, и он, к удивлению, послушался. Хотя поставил ему палатку в колючем кустарнике и спрятал колотушку.

Джонатан спал снаружи до полуночи, пока дождь не заставил его убежать в палатку. Когда он проснулся, то забыл, где был, и случайно перевернулся. Половину утра он вытаскивал колючки из зада.

Этой ночью Джонатан заявил, что у него затекло тело, и он не может разгружать вещи, но это не мешало ему надоедать всем.

Он ходил за Лисандром, эхом повторял его приказы. Когда Лисандр вежливо спросил, не хочет ли он продолжить без языка, Джонатан понял намек. Он развлекал себя, становясь за людьми и стегая их кнутом, а потом он сделал это с Аэрилин.

Она выхватила у него кнут и забросила на самое высокое дерево, где он и повис. Пираты радовались.

— И как я вас повезу без кнута? — кричал Джонатан поверх аплодисментов.

— Никак, — просто сказал Лисандр. — Придется тебе доставать его.

Джонатан жаловался, пока ему не сказали, что другой вариант для него — соскребать мозоли с подошв Морриса. Он поразительно быстро полез по дереву, как для человека с затекшим телом.

Они путешествовали весь день, ночь обещала быть ясной, и многие решили не ставить палатки, а достать только спальные мешки. Как только они устроили лагерь и развели костры, Каэл вызвался проверить, не видно ли их с дороги.

До дороги нужно было бежать, но он не был против, было приятно размять ноги. Он смотрел на красные горы вдали, пока бежал. Они были отмечены Красным хребтом на его карте, хотя они были не такими высокими, как Беспощадные горы, они были длиннее. Гряда тянулась от морей, разделяя пустыню и долины.

Как только Каэл добрался до дороги, он повернул и отметил, что лагерь скрылся. Деревья здесь были короткими, верхушки словно придавило грузом небо. Они стояли через промежутки, и между ними было много колючих кустов. Пираты, расчищая место для лагеря, снесли колючие ветви к деревьям и сделали из них стену.

Укрытие не было идеальным, но заметить с дороги их было сложно. Они были довольно далеко от дороги, чтобы патрулю захотелось проверить. Да, основная часть людей осталась в деревне, пока Каэл и маленькая компания пиратов отправилась разбираться с лордом Гилдериком.

Каэл хотел вернуться, когда увидел, как из-за стены колючек появилась Аэрилин с мешком еды в руке. Она прижала другую руку ко лбу, закрывая глаза от садящегося солнца, и заметила его.

— Я подумала, что можно устроить пикник, — сказала она, когда он подошел ближе.

Он не хотел оставаться наедине с Аэрилин даже для пикника. Он быстро соображал.

— А разве не стоит поужинать с Лисандром? Ты не увидишь его еще несколько недель.

— Для этого будет ночь, — сказала она, покраснев при этом. — Нет, я бы хотела поужинать с тобой, если можно.

Он ворчал, но согласился.

Они устроились спиной к лагерю и лицами к закату. Каэл был насторожен, но после пары минут счастливой болтовни Аэрилин он начал расслабляться. Они жевали сушеное мясо и сухари, запивая из фляг.

— Моррис согласился завтра взять меня на охоту, — сказала Аэрилин, пока жевала. — Я видела пару зайцев в зарослях неподалеку. После этого засоленного мяса будет приятно поесть свежего.

— Осторожнее со стрелами. Если закончатся, Ноа будет нести их тебе несколько дней, — сказал Каэл. Сухарь застрял в горле, и ему пришлось сделать большой глоток. Такое часто бывало. Еда не ладила с ним. — И осторожнее с зайцами. Стрелу легко разбить о камень...

— Я знаю. Хватит переживать, — она легонько ткнула его локтем, — ты хорошо меня учил.

Он сомневался, что это было связано с ним. Аэрилин хорошо стреляла, и когда он убедил ее послушаться своих инстинктов, она стала неплохим охотником. Он знал, что она могла прокормить караван.

Они говорили, хотя еда закончилась, а тени сгущались. Каэл подумывал, что это из-за леса.

А потом наступила пауза, тяжелое молчание, которое Аэрилин не спешила заполнить. И Каэл понял, что грядет. Он попытался сбежать.

— Думаю, мне надо...

— Я скучаю по ней, Каэл, — взгляд Аэрилин стал далеким, она смотрела на солнце так,

словно пыталась увидеть вдали потерянную подругу. Она повернулась и одарила Каэла тяжелым взглядом. — Я знаю, что и ты по ней скучаешь...

— Нет, — стена поднялась в его сердце от одной мысли.

Лисандр обещал, что она вернется. Каэл, как дурак, поверил ему. Несколько недель он рано вставал и выглядывал из окна, надеясь, что увидит, как она прибыла из своего путешествия, или заметит на пристани чужой корабль. Но этого не случилось.

Но он не оставлял надежды. Он обыскивал поместье. Он ходил по коридорам задолго до того, как просыпались слуги, надеясь, что услышит ее голос из одной из комнат. Но слышал лишь скрипы старого дома и свои тяжелые шаги.

Он спускался пару раз в подвал, надеясь обнаружить ее у печи. Но там каждый раз был запертый в печи огонь и холодная наковальня. То, что было живым и ярким, теперь было темным... и ужасно пустым.

Дни становились неделями, а потом месяцами, и правда начала давить на него. Она терзала грудь день и ночь, медленно выгоняя надежду из его сердца. И он знал, что если ничего не сделает, правда убьет его.

И он выстроил стену в сердце. Он скрыл ее за ней, закрыл кирпичами воспоминания о ней, прогнал их в угол сознания.

Там он и хотел хранить их. Там и должен был хранить их.

Но Аэрилин не понимала.

— Расстраиваться — нормально, — сказала она, коснувшись его плеча. — Ты имеешь право обижаться. Ты заботился о ней...

— Нет.

— ...но ты убиваешь себя, пытаешься оградиться от этого, — она крепко сжала его руку, и он нахмурился. — Ты должен выпустить это из сердца, Каэл. Выпустить чувства. Выплакаться...

— Я не буду плакать, — сказал он, стряхивая ее руку. — В моей деревне рана, которая не забрала жизнь человека, — повод для праздника, а не скорби. А она не мертва, — он поднялся на ноги. — Но и не вернется. Чем скорее ты это поймешь, тем лучше.

Он побежал, отчаянно пытаясь подавить волну гнева, но услышал крик Аэрилин:

— Ошибаешься! Она вернется к нам! Вернется!

Каэл не мог сказать ей правду. Он не мог никому сказать, потому что ему было стыдно. Но он знал без тени сомнений, что она ошибалась. Килэй не вернется.

И это была только его вина.

Глава 3

Узлы

Сон угасал, как туман над прудом, медленно возвращался на глубину. Килэй прибыла слишком поздно. Она не видела, как туман поднялся, не знала его значения... но знала, что он там был. Ее пальцы сжимались и разжимались, пока ускользали последние обрывки.

Она открыла глаза.

В холодной тьме комнаты она поняла, что случилось. Кто-то произнес ее имя. Она подождала, повторится ли зов.

— Леди Килэй?

Она просила жителей не называть ее так. Она была многим, но точно не леди.

— Входите, — сказала она, выбираясь из одеял.

— Нет, миледи. Это неприлично.

Она улыбнулась, поискала рубашку, но нашла поношенную тунику и натянула через голову. Она достала ей почти до колен, в таком виде можно было выйти.

Ее глаза быстро привыкли к темноте. Она видела тени множества предметов на полу ее комнаты. Там была одежда и оружие, начатые ею проекты, которые она так и не закончила. Просто у нее было мало времени и мысли, занятые другим.

Она винила в этом то, что была взаперти всю зиму и слишком хорошо питалась.

Килэй перешагнула груды одежды и опасного вида двусторонний топор, а потом оказалась у двери. Она открыла дверь, и человек за ней вздрогнул.

Это был мужчина средних лет с узким лицом. Он держал свечу в одной руке, а другую прятал за спиной. Бледное сияние огонька делало тени на его лице еще темнее, а недовольный хмурый вид — еще отчетливее.

— Миледи, — сказал он, отводя взгляд от ее мятой туники. — Простите, что разбудил среди ночи, но во дворе нужно ваше внимание. Боюсь, врата снова шалят.

— Спасибо, Крамфелд, — она попыталась пройти его, но он преградил путь. — Что-то еще?

— Уверен, вам виднее, — начал он с неодобрением. — Но леди Коппердока не должна расхаживать снаружи в ночной рубашке.

Ох, Крамфелд. Она устала убеждать себя, что ей будет не хватать его, когда она уйдет, но он добавлял сложностей с каждым мигмом.

Она не знала, откуда он пришел. Она просто спустилась по лестнице однажды утром и обнаружила мужчину в черном, наводящего порядок в Насесте. Он заставил поваров подавать еду горячей, заставил служанок все отмыть, как-то заставил людей починить все, даже не убирая руку из-за спины.

Из углов Насеста доносилось ворчание, никто не хотел ничего делать. Килэй забавлялась тем, как они слушаются Крамфелда, пока тот не накинулся и на нее. Он хотел сделать ее настоящей леди. Но Килэй казалось, что он просто рушит ей веселье.

Его правила были смешными. Ей не позволяли одеваться, как она хотела, она не могла ходить вне Насеста без сопровождения, а еще запрещалось оставлять добычу у двери кухни.

— Но мне нравится, как повар готовит, — сказала она, когда Крамфелд поймал ее, протаскивающую тушу оленя в замок.

Он не слушал.

— Тогда скажите охотнику, что вы хотите, и он поймает добычу за вас. Пока у вас не будет обязанностей при дворе, вы сможете участвовать в охоте. Но, — он поджал губы, глядя на оленя, — я не позволю леди Коппердока проходить тайком с окровавленным трупом. Это мое последнее слово.

Она хотела возмутиться. Но его строгий взгляд заставил ее передумать. Когда он сказал ей пойти наверх и смыть кровь с волос перед ужином, она ушла, проворчав:

— Ладно.

Но сегодня было не так. Килэй была недовольна, что сон прервали, так что не собиралась слушаться Крамфелда.

— Хорошо, — сказала она и сделала вид, что уходит в комнату. Она резко развернулась и проскользнула мимо него.

— Что вы делаете, миледи? Вернитесь и оденьтесь!

— Не смей, Крамми. Это займет много времени, — отозвалась она, спускаясь по лестнице. — Воздух прохладный, и я не могу заставлять людей ждать, пока я наряжусь.

Крамфелд не бегал, он мог лишь быстро идти. Килэй вскоре оторвалась от него.

Ее босые ноги шлепали по холодному каменному полу, она бежала по залу. Дыры в крыше обеспечивали сквозняк, но ей нравилось, что дыры пропускали солнце, хотя в такое время было видно только серый туман. Она глубоко дышала на бегу, ощущала жаркий день, скрытый за холодным рассветом.

Уже третий день. Прохладная зима прошла. Это означало, что ее друзья уже должны были отправиться в путь в долины. Перемены происходили быстро, и наступало время ей исполнить ее роль.

Она так долго ждала приключений.

Коридор привел ее в большой зал, прямоугольную просторную комнату с потолком, что терялся в тенях наверху. Крамфелд еще не решил, как его обустроить, и ее шаги эхом отражались от голых стен. Она замедлилась. Страж заметил ее издалека и завозился с засовом. Ему пришлось прислонить копьё к плечу и работать с механизмом одной рукой, другая висела на перевязи.

— Вот так, миледи, — сказал он, открыв дверь.

— Спасибо, Геральд. Как рука?

Он осторожно приподнял ее.

— О, целитель говорит, кости срастутся. Нужно просто пока не падать со стен.

— Мудрый совет, — сказала она и прошла дальше.

Геральд заметно покраснел, когда она улыбнулась ему, его шлем чуть не соскользнул, когда он решил поклониться, как его учил Крамфелд.

Килэй ощущала его взгляд на себе, пока шла по двору. Она не думала, что поймет, почему люди так часто использовали глаза, хотя были способы практичнее, чтобы найти себе пару. Ее внешность должна была предупреждать их: чаще всего самые красивые существа были и самыми опасными.

Килэй заметила вдали толпу людей у передних ворот. Ругань стражи пронзали холодную тишину утра, она слышала стук, они пинали ворота. Знакомый голос зазвучал поверх остальных:

— Где этот маг? Ведите его сюда, я уже подумываю взорвать эти двери!

Мужчина вышел из толпы и пошел к замку. Даже в тусклом свете Килэй видела кустистые бакенбарды по бокам его красного лица.

Он был посреди возмущений, когда заметил ее.

— Ах, прости за это, — пробормотал он.

Она похлопала его по широкому плечу.

— Не стоит, Шамус. Я слышала и страшнее. Так в чем дело?

— Врата опять заклинило. На другой стороне ждет корабль, чтобы его впустили, а я не могу отпереть врата, — сказал он, мрачно глядя на двери. — Я уже хочу позвать мага...

— Нет, не трогайте Джейка, — сказала Килэй и пошла к дверям. — Он уже говорил, что не знает, как их исправить. Вы его только расстроите.

Шамус фыркнул, следуя за ней.

— Как он может не знать? Если я делаю в чем-то дыру, то знаю, как это исправить. Если я строил бы корабли так, как маг делает свои чары, они все тонули бы в гавани!

Килэй молчала, она знала, что он просто злится.

Как мастер кораблестроения Коппердока, Шамус думал, что требуется работать руками почти каждый день. Если не ремонт, тогда он занимался сделками с торговцами. Он просыпался очень рано и был ворчливым к вечеру, но еще хуже он был, когда только вставал. Судя по красным линиям на его лице, он только встал с кровати.

Стражи увидели Килэй и поприветствовали. Они пропустили ее, ругаясь, пока отходили. Она подошла к вратам одна, постучала по левой двери и ждала. Но недолго.

— Пароль? — сказал ехидный голос.

В одной из досок был узел выше головы Килэй. Она всегда думала, что узор узлов похож на кривое лицо: один глаз был выше другого, изогнутая трещина была ртом, а нос был сплюснен.

Она смотрела, а один из глаз открылся, рот скривился в ухмылке.

— О, да это же полудракон.

Никто не знал, как это произошло. Джейк подозревал, что одно из его заклинаний для резки дерева для ворот пошло немного не так, и левая дверь стала живой. Она не только говорила, но и управляла своими засовами. Их уже пару раз запирало, один раз дверь ударила Шамуса. И тот называл дверь Узловиком и многими страшными именами.

— Привет, Узловик, — сказала Килэй, улыбаясь.

Он не слушал ее.

— Пришла меня поджарить? — сказал Узловик, глядя на обожженное дерево внизу.

— Это было случайно.

— Нет! Ты — чудовище! Уйди!

Килэй не слушала его и прижалась сильнее к двери, пока стражи смеялись.

— О, прошу. И что ты сделаешь?

— Я распахнусь!

— Это мне и надо.

Он замолк на миг.

— Я сделаю это неожиданно, — заявил он. — Ты скатишься с холма, и вся деревня узнает, что у тебя под туникой!

Она прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Она не знала, как добрый Джейк мог создать такое противное существо.

— Поговорим о другом. Почему ты не впускаешь торговцев?

— Потому что они что-то прячут, — Узловик прищурил глаза. — Я не вижу, что это, но зачем им пытаться принести что-то посреди ночи?

— Рассвет, — прошипел Шамус. — Они прячут это для нас, доска! Мы надеялись получить все тихо, — объяснил он Килэй. — Но этот тиран не стал слушать!

— Простите, — сказал Узловик. Если бы у него были конечности, он бы поклонился в насмешке. — Но если бы не я, это место сгорело бы...

— Ты сгоришь, если не откроешь немедленно! — завопил Шамус.

Узловик вскрикнул и посмотрел на Килэй. Она пожала плечами.

— Боюсь, что это так. Если ты будешь так делать каждую ночь, у меня не будет выбора.

Впервые за утро Узловик проявил страх.

И у него была причина бояться. Джейк пытался убрать его чарами, пытался взорвать. Но пока что на него действовал только огонь дракона.

А этого у Килэй было много.

— Ты сожжешь меня заживо? — трагически спросил он, закатив глаза от ужаса. — Ты превратишь меня в пепел, хотя я пытаюсь защитить тебя?

Она склонила голову.

— Или так, или я поменяю врата на не такие разговорчивые.

Он надул щеки.

— Лучше сгореть, чем уступить место другим вратам.

— Хорошо...

— Ах, не стоит, — Узловик нахмурился, засов открылся, будто сам по себе. — Видишь? — он открыл дверь. — Все, открыто, — он скривил Шамусу гримасу и скрылся в двери, оставив Килэй справляться с недовольными торговцами на другой стороне.

— Почему так долго? — рявкнул первый мужчина. Воротник его плаща был так поднят, что он не сразу заметил ее. — О, леди Килэй, — сказал он, снимая шляпу. — Я, кхм, простите, не ожидал, что вы будете у двери.

Прошло несколько месяцев после того, как она свергла герцога Реджинальда на его же балу, и Шамус уверял ее, что правда не всплывет на острове. Но, даже если люди не понимали, что она — самый разыскиваемый изгой в королевстве, они побаивались ее. Даже сейчас она заметила, как торговец держался за рукоять меча, приветствуя ее.

Может, он слышал о ее владении мечом: Шамус часто ходил в таверну у пристани, и после пары кружек эля он начинал болтать.

— Не нужно извиняться, — сказала она, отойдя, чтобы он вошел. Еще четверо торговцев прошли за ним, чуть не падая от веса большого ящика. — Великие небеса, что вы задумали?

— О, пустяки, — сказал Шамус слишком бодро. — Проблемы с поиском были, капитан?

Он посмотрел на мужчину во главе, а тот смотрел на ноги Килэй. После долгой паузы Шамус кашлянул.

Капитан вздрогнул. Он увидел ухмылку Килэй, покраснел.

— Ах, простите. Я... отвлекся, — он повернулся к Шамусу и поправил воротник. — Что вы говорили?

— Я говорил, были ли проблемы с поиском?

— О, почти не было. Немного подрались. Народ пустыни бывает...

— Пустыни? — Килэй посмотрела на Шамуса, а тот заинтересованно разглядывал ящик. — Что вы заказали из пустыни?

— Пустяки, я уже говорил. Почему бы тебе не поспать перед восходом солнца?

Он пытался развернуть ее за плечи, но она вырвалась и сняла крышку с ящика. Она

услышала вскрик капитана, когда гвозди оторвались от дерева, но ее больше интересовало содержимое, а не то, какое шоу она им устроила. Судя по запаху плаща капитана, он утопит воспоминания в выпивке.

Она вытащила первый предмет из-под тонкого слоя соломы. Простая белая туника из гладкой ткани, которую она сразу узнала.

— Шелк? — она быстро оглядела содержимое. — Их там не меньше двух десятков.

Шамус почесал голову.

— Да, достал для своих. Я подумал, что так будет легче в жару летом. Ах, а нам ведь еще много чинить.

Он изображал подозрительную невинность под ее взглядом. Килэй посмотрела поверх его плеча, искала в толпе стражей честное лицо. Но все шаркали ногами, некоторые кивали.

Она убрала рубашки и нашла второй слой из фляг.

— Это сэкономит время, — сказал Шамус, улыбаясь уже увереннее. — Люди смогут носить их на поясах, пока работают, и им не придется часто ходить к бочке с водой.

— Ясно. Это логично, — сказала Килэй и нашла еще один слой. — Хмм... О, а это для чего?

Шамус напрягся, она вытащила меч из ножен. Ятаган, изогнутый меч, который любили изгой пустыни. Она покрутила меч в руке, услышала, как ветер свистит на краю лезвия.

— Хорошо сделан, — одобрила она. А потом направила на грудь Шамуса. — Но зачем это?

— Ах... — он оглянулся на стражу, те пытались изобразить удивление, и он взглянул на капитана. — Не знаю. Я не заказывал их...

— Заказывали, — возразил капитан, уткнув в него палец. — Не пытайтесь схитрить! Вы мне заплатите, сэр, или я расскажу во всех тавернах, что вы — вор, чтобы на вас не тратили время!

— Звучит как обвинения, — насмешливо улыбнулась Килэй, глядя на Шамуса. — Признавайтесь, зачем вам мечи. Хотите бриться ими? Топоров не хватает?

Шамус пронзал капитана взглядом, а потом тяжело вздохнул.

— Хорошо, поймали. Ты знаешь, зачем они.

Как она и подозревала. Килэй вернула ятаган в ножны и бросила в ящик.

— Вы не идете, Шамус, — сказала она, вернув крышку. — Никто. Это слишком опасно.

Шамус издал разочарованный звук.

— Но мы не оставим тебя, леди Килэй. Какие мы солдаты, если не можем пойти...?

— Послушные, — ей не нравилось использовать уловки, которым ее научил Крамфелд, потому что они делали ее выглядящей нагло. Но сейчас у нее не было выбора. Она вскинула голову, делая вид, что смотрела свысока, хотя Шамус был на голову выше нее. — Если я хочу добраться до замка барона живой, мне нужно идти тихо. А с топающей толпой этого не сделать, даже если замаскироваться, — добавила она, увидев, что Шамус хочет возразить.

Он покачал головой и начал говорить другое, но она вскинула руку.

— Заплати ему за работу, — она повернулась к капитану. — Боюсь, вам придется забрать ящик с собой. Я не позволю этому стоять во дворе и соблазнять моих людей.

Капитан улыбнулся и поклонился.

— Нет проблем. Я не буду жаловаться за товар, который смог продать дважды, — сказал он.

Килэй строго посмотрела на стражей и пошла в замок. Она слышала, как Шамус спорит с капитаном:

— Что это было? Я же смотрел на тебя! Как ты мог меня выдать?

— Откуда я должен был знать? Я слышал, что мне не заплатят...

— Я пытался прикрыть зад. Вот, бери свое чертово золото и уходи!

Килэй мысленно вздохнула. Она погружала пальцы ног в землю, пока шла, ей нравилась прохлада росы. Она понимала, что ей придется уходить раньше, чем она планировала.

Она не могла дать Шамусу шанс заказать еще оружие и приготовить людей к бою. Она не могла взять их в Белокость, но не из-за того, что боялась, что их заметят, а потому что знала, как опасно там будет.

Килэй была готова рисковать своей жизнью, но не их жизнями.

Глава 4

Черный зверь

Смерть давно не посещала его сны. Каэл надеялся, что не увидит человека в белом, ведь за ним следовали беды.

Он пришел, когда разум Каэла отдыхал, когда сон рассыпался, сдавался чернильной тьме. Он был белым пятном на горизонте, где не должно было ничего быть. Каэл знал, что это неправильно.

Смерть приближалась. Мужчина парил, как туман над морем. Вскоре он стоял достаточно близко, чтобы Каэл увидел его лицо, которое выглядело знакомо, но он не мог понять, кто это был.

А потом его сердце поняло.

Боль в груди была от паники. Его сердце кричало, толкалось в ребра. Оно лепетало, как друг, увидевший опасность, но слишком испуганный, чтобы говорить.

«Что? Что? — слышал себя Каэл. Он держался за грудь и смотрел на человека в белом, пытаюсь понять, откуда знает его лицо. — Что...?»

Ладонь Смерти настойчиво зажала его рот. Каэл пытался повернуть голову, но не мог вырваться. Он не мог вдохнуть. В панике он заставил себя выбраться из сна, открыл глаза и увидел... Лисандра?

Капитан был над ним, на его красивом лице в лунном свете ясно виднелась тревога. Он прижал палец к губам и убрал руку ото рта Каэла. Было неприятно мокро.

«Что?» — спросил Каэл губами. Он понял, что это он покрыт потом, что был на его лице, под коленями и руками.

Лисандр вскинул ладони перед собой, словно молил Каэла сохранять спокойствие. А потом он прижал ладонь к уху.

Каэл прислушался. Он долгое время ничего не слышал. Тихие шаги раздались слева, он повернулся и увидел, как рядом с ними опускается Аэрилин. Она явно одевалась в спешке: на ней были только ее сапоги и делая рубашка Лисандра, закрывавшая ее до колен.

Она передала предмет, и Каэл услышал шипение металла, Лисандр выхватил свою саблю из ножен. Колчан Аэрилин был за ее плечами, она сжимала в руке лук.

Их тревога пугала Каэла. Что происходило? Он проверил, что к правой руке все еще пристегнуты метательные ножи. А потом начал рыться в сумке в поисках лука.

— Зачем было вообще туда бросать, Дред?

Гудящий голос доносился из-за стены колючего кустарника, так близко, что Каэл вздрогнул.

Неразборчивый ответ прозвучал дальше, у дороги.

— Один из твоих недоумков мог бы пойти со мной... Здесь водятся львы! — рявкнул первый голос. — Как думаешь, почему я кричу? Чтобы они знали, что я иду не один.

А потом раздался звук, который Каэл точно не хотел слышать, не ночью и не так близко к их лагерю. Смех. Несколько голосов.

— Ага, надеюсь лорд потом тебя приготовит на ужин, Дред, — пробормотал голос у кустов. — Тогда и смеяться будет больно...

Он неразборчиво ворчал, подходя ближе. Его шаги были тяжелыми. Каждый звучал так, словно взрослый мужчина прыгал обеими ногами.

Каэл жестом попросил товарищей отойти. Он схватил лук, вытащил из колчана стрелу. И подкрался к стене из кустов.

Он был уверен, что знал, кто прячется снаружи их лагеря, но надеялся, что ошибается. Колючки царапали его щеки, он прижал лицо к дырке между ветвями. Он прищурился, глядя между шипов, ... и понял, что угадал.

У их стены стоял великан.

Великаны Бесконечных долин не были такими великанами, пальцы ног у которых были размером с бочки с ромом, а макушка задевала небеса. Но они были крупными. Великан подошел ближе, Каэл прикинул его размер. В лучшем случае, голова Каэла достала бы ему до подмышки. Но тревожнее было то, что великан был еще и широким. Он мог кулаком разбить каменную плиту... или голову человека.

Великан склонился над предметом, вонзенным в землю. Древко оружия было толщиной с молодое деревце. Рывком он вытащил его. Полетела во все стороны земля, лезвие освободилось. Наконечник по форме напоминал копье, но изгибался с одной стороны, изображая лезвие топора. Каэл узнал пику.

Управляться с пикой было неудобно, она больше подходила для обороны мостов, чем для близкого боя. Но великан покрутил ею, словно она была не тяжелее меча, проверяя, не повредилось ли лезвие. С удовлетворенным видом он повернулся уходить. И Каэл выдохнул с облегчением.

Наверное, выдохнул слишком рано.

Он услышал, как ветви скрипят над ним, порыв ветра обрушился на лагерь, впервые за ночь. Он ударил по остаткам их костров, поднял запах пепла. Каэл мог лишь смотреть, как сияющие угольки перелетают стену из кустов.

Великан застыл, ветер загремел его броней. Его плечи напряглись, он развернулся. Его глаза были скрыты в тени шлема, но уголки губ опустились в подозрении. Его шаги стали громче, он пошел к кустам.

Каэл быстро обернулся и чуть не ударил головой Аэрилин, которая следила поверх его плеча.

— Он нас видит? — прошептала она. Ее голос был тихим, ее не услышали бы, но Каэл не доверял своему голосу. И он просто покачал головой.

Он хотел подать сигнал будить всех, когда увидел, что пираты уже не спят. Большая часть сидела безмолвно и сжимала сабли. Другие складывали спальные мешки и готовились бежать. Каэлу план нравился.

— Он ушел? — прошипела Аэрилин через миг. — Я его больше не слышу.

Каэл не знал. Он попросил ее жестом не шуметь и подкрался к стене. Он слышал, что Лисандр следует за ним. Сапоги капитана громко хрустели сухой травой и ветками. Каэл уже хотел попросить его замереть, когда его окутало странное ощущение.

Его волосы встали дыбом, дыхание застряло в горле. Зверь в нем шептал не шевелиться, рядом была опасность. Он натянул тетиву и медленно повернулся вправо.

Там была брешь в стене, которую не освещал лунный свет. Каэл пригляделся. Он повернул голову влево, потом вправо, но не видел ничего подозрительного. Может, великан вернулся на дорогу. Он же переживал из-за львов.

Каэл пытался увидеть что-то вдаль, когда нечто большое закрыло ему обзор. Лицо великана заглядывало в брешь, серый глаз поворачивался. Каэл от удивления выпустил тетиву.

С кряхтением и громким стуком тело великана упало на землю.

— Что это было? — прошипел Лисандр. Он посмотрел на пустой лук Каэла и застонал. — Только не говори то, что я думаю.

— Это случайность. Может, он не мертв, — с надеждой сказал Каэл. Но он увидел, что великан лежит на спине и не двигается, стрела торчит из его головы, и он понял, что это не к добру.

— Нам пора бежать.

Аэрилин, хоть ее просили не двигаться, появилась за Лисандром.

— Бежать куда?

— К морям, любимая, — сказал Лисандр. Он прошел мимо нее и спешно зашептал приказы пиратам. Спальные мешки, утварь и рюкзаки полетели в телегу.

— Но, — Аэрилин смотрела то на телегу, то на Каэла, — как же план? Я думала, мы должны оставаться здесь, пока вы...

— План закончен, — прошептал Каэл. Он побежал к своей сумке, Аэрилин не отставала. — Великан не был один, другие у дороги. Не знаю, сколько, но я не хочу узнавать.

— И? Может, они не пойдут его искать. Ты слышал, они говорили про львов.

— Человек, на которого напали львы, хоть закричал бы. Великан, которого я убил, не издал ни звука. Они будут искать его из любопытства, а нас слишком мало против них. Я не буду рисковать, — Каэл сунул лук в сумку. Он начал отцеплять чехол с ножами, но остановился.

— У нас есть преимущество внезапности, — напомнила ему Аэрилин. Он не ответил, и она потянула его за рукав. — Каэл, мы можем напасть. Их кожа не из камня. Мы убьем их и похороним в глуши или придумаем что-то умнее. Да, бой будет. Они большие...

— Если убийство одного человека привлечет патруль, — прошептал Каэл, размышляя, — то убийство патруля привлечет внимание. Нет, если великаны пропадут без объяснений, люди Гилдерика придут и проверят каждую травинку, каждый камень, и мы сможем пробраться к нему только к середине лета.

— Что? — Аэрилин смотрела на него с подозрением. — Каэл, ты же не...

Он зажал ладонью ее рот и вытащил из кармана «Атлас».

— Сохрани это для меня. Охраняй жизнью.

Она удивленно забрала книгу, покрутила в руках потрепанную кожаную обложку.

— Твоя книга? Это твоя любимая... — от потрясения ее глаза расширились. — Нет. Нет, я тебе не позволю!

Она хотела схватить его за рубашку, но две руки вырвались из тьмы и крепко обхватили ее.

— Закричишь, — предупредил Моррис, пока она боролась, — и все они прибегут убивать нас.

Аэрилин прикусила губу, но посмотрела на Каэла так, что боль можно было сравнить с пощечиной. Он бы предпочел удар.

— Делай то, что задумал, — сказал Моррис, кивнув. — Мы придем, когда все будет чисто.

Не в первый раз Моррис угадал его намерения. Но Каэл покачал головой.

— Я приду к вам. Если меня схватят, одному сбежать будет проще, чем десятку.

— Одному Райту, — исправил Моррис, подмигнув. — Не забывай это.

Каэл похлопал его по руке и повернулся к Аэрилин, у которой выступили слезы от слова

«схватят».

— Прошу, — прошептала она. Каэл покачал головой, и слезы потекли по ее щекам.

Он смахнул их и обхватил подбородок девушки.

— Я должен извиниться за свое поведение за ужином, — добавил он, она растерялась. — Ты мне хороший друг, ты знаешь, как я не люблю быть в долгу. Так что я точно вернусь, — он улыбнулся ей, — чтобы извиниться. И не переживай за меня, ладно? Я буду в порядке.

Последнее было ложью, но ему нужно было, чтобы Аэрилин верила в это. Он не хотел, чтобы она плакала из-за него. Она слабо улыбнулась в ответ и кивнула.

Каэл посмотрел на Морриса и поймал странный взгляд. Он моргал и склонял голову так, словно пытался высушить воду в ушах. А потом покачал головой, и взгляд пропал.

— Взятка оградит твой путь, — прошептал он.

Каэл уходил и думал, что Взятка точно его не спасет в этот раз. Тьма в его сердце заняла место надежды, черный зверь пытался задушить его своими крыльями. Он боролся с этим всю зиму, думая о плане.

Но теперь план не сработал, и зверь кормился этим, становился сильнее с каждым шагом.

«Может, будет не так и плохо, — шептал он, — если ты вообще не вернешься».

Каэл прогнал зверя. Ран было много, но он еще цеплялся за кусочек надежды. Он был маленьким, истерзанным, одним сияющим угольком на подушке из мертвого пепла. Но он не отпускал его. Он прижимал его к сердцу, даже если это обжигало.

А черный зверь выжидал.

* * *

Каэл шел к лагерю великанов, собирая по пути план.

Лунный свет был его главным врагом. Он уже ощущал себя черной точкой на чистом листе пергамента, а потом луна опустила лучи на его голову. Теперь он был жуком в склянке, хоть и прятался. Он мог лишь двигаться тихо, хоть большую часть пути и пришлось ползти на животе.

Великаны были ближе, чем он думал. Так близко, что было странно, что они не слышали, как их товарищ упал. Их было около шести, крупные тела отбрасывали тени от костра на землю, словно черные лучи солнца.

Каэл был на расстоянии броска, когда услышал их разговор:

— Надоели перепелки, — ворчал один из них. — Что там есть? Я едва могу отцепить мясо с их косточек!

— Попробуй зайца, — ответил другой, во рту у него уже было мясо. — Его всегда можно съесть.

Первый фыркнул с отвращением.

— Там нет жира! Думаешь, такие жесткие ноги можно жевать? О, нет, — ого зашипел, он бросил скелет перепелки в угли. — Я бы хотел увидеть стены замка, — он повернул голову. — Когда мы отправляемся, Дред? Я хочу тарелку сосисок и яиц на завтрак.

— Мы отправимся, когда вернется Грут, — ответила тень, что сидела выше остальных.

— Я давно его не слышал, — сказал другой голос. — Заблудился, наверное.

Другие рассмеялись. Дред прервал их.

— Кто-то должен поискать его. Лорд не обрадуется, если придут не все.

Великан, ворчавший из-за перепелки, фыркнул.

— Ты виноват. Ты же бросил оружие в пустоту.

— Ты забыл, — медленно сказал Дред с опасными нотками, — что я — генерал лорда Гилдерика, хоть и в патруле. Если я захочу отрубить тебе голову, я могу сделать это, насадить ее на пику и сказать, что тебя убили львы. И меня никто не выдаст. Да?

Головы перестали жевать на миг и согласно закивали.

— Видишь? — ухмыльнулся Дред. — Так что поищи Грута. Чем скорее найдешь его, тем быстрее получишь свои сосиски.

Другие рассмеялись, великан встал на ноги. Он схватил пику и бросил пару угроз тем, кто смеялся громче всех. А потом он повернулся и чуть не врезался в Каэла.

Он прицелился в стык пластин на груди великана, нож попал с нужным звуком. Каэл прошел в круг великанов.

Хаос начался через десять секунд. Он бросил еще два ножа в разные стороны, вопя по пути. Великаны кричали от удивления, падали, пытаясь убежать. Каэл перепрыгнул костер и побежал к дороге, надеясь, что великаны последуют за ним.

Он позволил себе улыбнуться, когда услышал их ворчание за спиной. Они ревели и пытались достать до него пиками. Но Каэл был слишком быстрым.

Он бежал так, что гордился бы любой заяц, двигался острыми углами, и пики не попадали. Он оглянулся и увидел, что его план сработал: телега пиратов двигалась по дороге на полной скорости. Через пару мгновений облако пыли осталось на дороге.

Ему нужно было отвести великанов еще на четверть мили, и пираты будут в порядке...

— Поймал!

Каэл так сосредоточился на беге, что не услышал шаги за спиной. Великан оторвался от остальных и ударил древком пики по спине Каэла, отбросив его за землю.

Камешки впились в его подбородок и ладони, он скользил. Он не успел затормозить, как уже вставал на ноги. Но каблук сапога врезался между его плеч, толкая на землю.

Грохочущие шаги остановились. Каэл скривился, на лицо упал свет факела.

— Что это, Дред? — спросил великан с факелом.

— Хмм, — сапог впился в спину Каэла, Дред рассматривал его. — Похоже на горную крысу. Точнее, — древко пики скользнуло по его рыже-каштановым волосам, — наполовину горную крысу.

— Я хочу убить его!

Каэл тут же узнал голос и едва мог поверить, что вперед вышел великан, которому он попал в грудь. Он вытащил нож Каэла из грудной пластины и поднял.

— Смотрите на этот шип! Оставит некрасивый шрамик.

Второй великан выхватил нож и поднес к факелу.

— Это не шип, а крохотный ножик!

Каэл понимал, почему великаны приняли нож за шип, в их больших пальцах было едва видно лезвие.

— Не важно, — завопил первый великан. — Он хотел убить меня, и я убью его!

— Перестань, — прорычал великан с факелом. Он переложил факел в другую руку, Каэл увидел, что нож торчит из его плеча. — Я тоже пострадал. И бедный Динги — он получил

нож в зад, — он указал на великана, поджавшего губы, его лоб был мокрым, Каэл видел, что рана его беспокоила. — Да, Динги?

Он кивнул.

— Кто-то должен это вытащить. Боюсь, я туда не дотянусь.

— О, зад, плечо... Я получил в грудь! Так что... ай! — он замолчал, его ударили древком пики по животу.

— Тихо, идиоты, — прорычал Дред. Его сапог ударил Каэла в живот. — Что ты делаешь в моих долинах, крыса?

Глаза Каэла привыкли к свету, он с ужасом посмотрел на генерала Дреда.

Он был великаном среди великанов, голова и плечи возвышались над остальными. Его руки были скрещены на груди, напоминая корни древнего дерева. Плечи его могли бы стать скамейкой в уважаемой таверне. Кожа Дреда словно старалась уместить его, тянулась и тянулась на мышцах, была тоньше там, где выпирали вены. Но это было не худшим.

Даже тени не скрывали ужасный шрам, что начинался над его верхней губой. Трещина пересекала скулу и заканчивалась у левого глаза. Шрам был похож на рот, казалось, что под его носом растёт что-то неприятное.

— Ты пытался убить нас, — сказал Дред, когда Каэл не ответил. Он посмотрел на ножи Каэла. — Ты убил Грута? Отвечай, крыса!

Каэл вздрогнул, Дред бросил в его лицо куски земли.

— Конечно, он убил его! — завопил великан с раной в груди. Он склонился и плюнул на землю у головы Каэла. — Он — чудовище.

— Кто-то должен проверить деревья там, — Дред посмотрел на Динги, тот быстро покачал головой.

— У меня болит зад, генерал.

— Это не моя проблема, так ведь?

— Но их может быть больше! А если я закончу, как Грут? — умолял Динги. Это не сработало, и он сменил тактику. — Мы не успеем вернуться. У нас осталось пару часов до рассвета. Если мы опоздаем, лорд нам устроит.

Он искал поддержку, и остальные кивали. Судьба Грута их пугала.

— Он все равно нам устроит, — рявкнул Дред. — Нас будет на одного меньше...

— Можно привести его, — Динги указал на Каэла. — Лорду нужна свежая кровь. А корабль герцога опаздывает...

— Тихо, — Дред гладил шрам, пока думал. Каэл задержал дыхание.

Он видел дорогу в брешь между ног Дреда, телега еще не добралась до горизонта. Облако пыли от колес еще было видно. Если великаны повернутся к лагерю, они увидят.

«Не оборачивайтесь, — яростно думал Каэл, пытаюсь направить волю через железо шлема Дреда. — Забудь о Груте, иди в замок».

После долгой паузы Дред убрал руку. Он хотел поговорить, но странный звук прервал его. Он доносился со стороны дороги, вдали от телеги.

И Каэл сразу узнал этот терзающий уши звук.

Глава 5

Помощь дурака

— И что это такое? — прошипел Динги. Он развернулся, и Каэл увидел, что нож торчит из его правой ягодицы. Он закричал, когда Дред резко выдернул нож.

— Не уверен, — пробормотал Дред, разглядывая окровавленный нож. Он замер, когда раздалась вторая нота, такая же отвратительная, как и первая. Его костяшки побелели на пике, он сделал пару шагов вперед. — Идемте, но тихо. И не забудьте крысу.

Один из великанов поднял Каэла.

— Что это? — его рука сжалась на чехле с ножами, Каэл услышал треск кожи, чехол оторвали. — Больше никаких шипов, — сказал он, помахав ими перед лицом Каэла. — Идем.

Каэлу пришлось бежать, чтобы поспевать за великанами. Они двигались быстро по дороге. С каждой доносящейся нотой они ускорялись. Вскоре луна скрылась за облаками, и стало темно.

Когда великаны остановились, чтобы зажечь больше факелов, Каэл заметил, что они сжимают пики крепче обычного, они все время озирались.

— Это Чешуекость, — прошипел один из великанов, когда звук донесся из зарослей слева. — О, он приближается!

— Он сделает себе одежду из нашей кожи, — Динги снял шлем и провел ладонью в тревоги по белым волосам. — Мама говорила... ай!

Дред ударил его по голове.

— Чешуекость — всего лишь миф. Я это докажу.

Он без предупреждения пошел к заросли. Каэл не успел забеспокоиться, а Дред ткнул туда древком пики. Раздался стук и вопль.

— Ха! — Дред потянулся в кусты и бросил нарушителя в великанов. Они выругались и отскочили, некоторые вскинули в защите оружие. Но Каэл больше злился, чем переживал.

На него робко смотрел скрипач Джонатан. Красное пятно проступило вокруг его глаза.

— Это ваш Чешуекость, — сказал торжествующе Дред. — Это просто лесной парнишка.

— Ах, не просто, — Джонатан вскочил на ноги и занес смычок над скрипкой, он сыграл уже не такую отвратительную мелодию. — Бард королевства к вашим услугам, — он насмешливо поклонился, взмахнув рукой.

Каэл мысленно молил его не переигрывать.

— Бард? — Динги задумчиво почесал болящий зад. — Можно его использовать. В зал лорда Гилдерика требуется музыка.

Дред издал недовольный звук и махнул рукой на дорогу.

— Тогда лорд и решит, что с ним делать, если не сотрет нас. Двигайтесь, дубины! У нас долгий путь впереди, а до рассвета осталось мало.

Они заставили Каэла и Джонатана идти в первом ряду и устремились в замок Гилдерика. Юношам приходилось почти бежать, чтобы пики не пронзили им спины, великаны не убирали оружие и шутить не собирались.

— Мы принесем вас за ребра, если надо будет, — крикнул один из них, вызывая согласные вопли.

Вскоре от такого темпа у Каэла заболели ноги. Он ощущал, как ботинки натирают мозоли. Но он едва замечал неудобства. Он все еще злился на Джонатана.

Чем он думал? Не важно, какое зло ожидало в регионе Гилдерика: огромные воины, ведьмы, двуглавые змеи, Каэл смог бы сбежать, если бы успел подумать. Но с Джонатаном это будет намного сложнее.

Он ждал, пока великаны начнут шумно говорить, и послал скрипачу опасный, как он надеялся, взгляд.

Джонатан облизнул губы.

— Ну, ну... я знаю, что ты злишься...

— Ясное дело, — рявкнул Каэл. — Ты должен был уйти с ними. Я не смогу спасти тебя, если тебя уведут в замок. Ты это понимаешь? — добавил он, когда Джонатан открыл рот, чтобы возразить. — Это тебе не игра с герцогом, в регионе Гилдерика бала не будет. И сбежать вряд ли удастся.

Джонатан долго молчал, гнев Каэла остывал, и он начал жалеть о сказанном. Великаны чуть не повернулись к его друзьям. И Джонатан дал пиратам шанс сбежать. Он сам не смог увести великанов.

Каэл хотел извиниться, когда Джонатан заговорил:

— «Ты не тупой, Джонатан, — пробормотал он с улыбкой, — но дурак!» Так мне часто говорил Гаррон. Он говорил, что я бы из тех, у кого не все стоит на месте, так что я не должен был удивляться, что все потом валится на меня. Может, стоило уйти с ними, — он осторожно коснулся подбитого глаза, — но я не мог тебя бросить. Синяки, мозоли или сам Гилдерик — но мы вместе, друг.

— Ты дурак, — сказал Каэл. Но он не мог сохранять серьезный вид от глупой улыбки Джонатана. Он тоже улыбнулся и стукнул Джонатана по руке, пока смеялся. Их улыбки пропали через миг. — Я выведу нас. Как-то, но мы вернемся в море.

— Знаю, друг, — бодро сказал Джонатан. Глаз, которым он обычно подмигивал, был подбит, и он просто склонил голову. — Хотя я надеюсь, что этот способ не будет связан с гробами.

Каэл пообещал, что найдет другой вариант.

* * *

Замок лорда Гилдерика поднимался из земли. Красные круглые стены, высокие башни. Врата были заперты. Балки и засовы на них напоминали сжатые зубы.

Справа от ворот была большая башня, судя по пестрым кирпичам, она была старше остального здания. Башня была соединена с замком крытым проходом. Белые облака дыма лениво вылетали из ее вершины.

Каэлу вся эта конструкция напоминала красный череп, курящий трубку.

Они были в четверти мили от улыбающихся ворот, дорога вдруг разделилась на три. Великаны приказали остановиться и начали спорить, что делать с пленниками. Близился рассвет.

— Заберем барда в замок, — решил Дред. Он оскалился. — Если он не понравится лорду, уверен, он придумает, что... изобретательного сделать с ним.

Они зловеще рассмеялись, соглашаясь.

— А крыса? — великан с раной на груди прищурил серые глаза. — Мы уже привели

одного за Грута. Он нам не нужен. Оставь его мне, Дред. Обещаю, я и следа на оставлю.

Каэл смерил великана тяжелым взглядом. Он надеялся, что Дред оставит его. Моррис многому научил его, даже у великана были бреши в броне.

Но, к сожалению, Дред выбрал не это.

— Нет, мы не можем тратить раба, даже такого тощего, — он кивнул на Каэла. — Отведи его в поля, Динги...

— Почему я? — простонал он.

— Потому что я так приказал, — Дред оскалился. Он схватил Джонатана за пояс и закинул себе на плечо. Великаны пошли, Джонатан свисал, как неполный мешок картошки.

Каэл сделал три шага и оказался на плече Динги. Его броня впивалась в живот Каэла. Он неловко приподнялся на локтях, чтобы помешать этому.

Часть концентрации он направил на то, чтобы выжить, при этом он пытался осмотреть поля Гилдерика.

В «Атласе» говорилось, что здесь самая плодородная земля в Королевстве. Он находил картинки зеленых пастбищ, ярких полей и фруктовых садов. На рисунках были даже великаны. Он помнил улыбки на их нарисованных лицах, они работали в полях или ходили с косами, закинутыми за плечи.

Но эти поля были не такими, как в «Атласе»: они были пустыми.

Большие куски земли были выкопаны, оставив темные шрамы. Участки выделялись, как следы огня на сухой траве, словно земля была уничтожена. Каэл озирался, но не видел ничего зеленого, только оттенки черного и коричневого.

Звезды еще было видно, но тени уже двигались по полям. Каэл узнал силуэты великанов, значит, это были рабы лорда Гилдерика.

Он всю зиму читал книгу, украденную у герцога Реджинальда. Гилдерик, судя по всему, делил великанов на две группы: тех, кто был готов проливать кровь в составе его армии, и тех, кто не был готов. Такие великаны становились его рабами.

Каэл смотрел на рабов из-за большой головы Динги. Некоторые прислоняли инструменты к плечам, но даже те, кто ничего не держал, выглядели так, словно несли тяжкий груз, их спины были согнуты, головы — склонены к земле, словно их притягивала нить.

Великаны, работавшие на полях, отказывались кланяться Гилдерика, и он склонял их хлыстами.

Гнев бурлил в груди Каэла, он подумал о том, каким гордым народом были великаны. Он хотел увидеть их гордо расправленные плечи. Он вернет им это, а Гилдерик заплатит за то, что сделал с долинами.

Каэл так погрузился в мысли, что не сразу понял, что Динги остановился. Дорога закончилась на пыльном дворике. Четыре одинаковых сарая стояли по краям, образовывая почти идеальную стену. Нечто, похожее на маленький дом, было на крыше каждого сарая. Двери были отмечены белой краской: С, Ю, В и З.

Динги остановился у сарая с буквой С. Его плечо резко опустилось, сбросив Каэла на землю.

— Надеюсь, это не к нам.

Сбоку сарая была узкая лестница к дому на крыше. Мужчина стоял на крылечке дома и прислонялся к перилам.

У него было узкое лицо, что-то словно было спрятано за его нижней губой. Его алая

туника была с золотыми скрещенными серпами Бесконечных долин. Каэл заметил опасного вида черный хлыст на его боку.

— Ты возьмешь то, что дают, и улыбнешься, чароторговец, — прорычал Динги.

Чароторговец? Каэл прикусил губу, чтобы не выругаться.

Как он раньше не подумал? Конечно, Гилдерик использовал магов для управления рабами, как еще он бы подавил великанов? Даже без плена план Каэла провалился бы. Пираты не смогли бы одолеть магов. Он привел бы их на верную смерть.

Каэл не привык быть удачливым. Он должен был радоваться, но все равно злился.

— Мы не сможем заставить эту крысу и час проработать, — пожаловался маг, его губы натянулись. — Я устал получать отбросов. Стоддер думает, что его выдумки — важнее всего, он меня уже довел!

Динги ухмыльнулся.

— Если ты так расстроен, почему не попросить работников у лорда? Я сам отведу тебя в замок.

Лицо мага натянулось еще сильнее. Он склонился и плюнул в ответ. Коричневая жидкость упала на сапоги Динги.

Он ухмыльнулся еще шире.

— Это ты зря. Старик Людвиг после этого не уцелел, да? — Динги повернулся к дороге. — Заставь его работать или брось на Мельницу, крыса — твоя проблема, чароторговец!

— Боров, — парировал маг, но Каэл сомневался, что Динги слышал это за шумом своих же воплей. — Финкс! — маг указал на кого-то за плечом Каэла. — Ты же потерял вчера одного из зверей? Почему бы тебе не взять крысу?

— Хорошая идея, Хоб.

Каэл надеялся, оборачиваясь, что Финкс выглядит не так зло, как звучит. Но он уже не в первый раз за день был очень разочарован.

Финкс стоял у сарая с отметкой 3, худой мужчина с опущенными плечами. Его тонкие черные волосы были стянуты в хвост так сильно, что натянулась кожа на висках.

Он заметил Каэла и очень широко улыбнулся. Его зубов казалось слишком много. Его улыбка была как у змеи, если бы та смеялась над чем-то. Каэл поежился, представив, что могло развеселить змею.

Финкс отцепил черный кожаный хлыст от пояса и лениво махнул им в сторону Каэла. Хлыст развернулся и громко щелкнул концом.

Что-то задело плечо Каэла. Склизкое, как брюхо рыбы. Тяжелый запах обжег его нос изнутри. Не думая, он дико почесался из-за чар, ударивших его.

Финкс спутал недовольство Каэла с гримасой. Он оскалился сильнее.

— Это еще не все, крыса. Спешу, если не хочешь еще.

Каэл побежал за ним.

Финкс шел по полям, и тревога Каэла усиливалась с каждым шагом. Уйти отсюда будет сложнее, чем он думал.

Если маги следили за рабами, то вокруг было много чар. Они могли запечатывать магией комнаты рабов. Будет ли здесь так, как в Вендельгримм? Будут ли ловушки?

— Одна из моих лошадей стала хромать вчера, — сказал Финкс, перебивая его мысли. Он замедлил шаг, пока Каэл думал. Теперь они шли бок о бок.

Запах магии в дыхании Финкса был почти невыносимым. Каэл отвернулся и

сосредоточился на запахе земли.

Солнце поднималось из-за полей, и он видел, что великаны уже тяжело трудились. Командами по трое они толкали плуги по земле: один направлял сзади, а двое тащили лезвие, работая вместо зверей. Они вжимались в упряжь, мышцы напрягались под рваной одеждой, пока они толкали плуг. Они оставляли ровные линии, похожие на стежки на швах плаща путника.

Каэл долго смотрел, но не видел ни одной лошади. А потом понял, что так Финкс мог называть великанов. Он не сдержал гнев, проступивший на его лице, и Финкс явно заметил это, потому что он решил, что это повод надавить.

— Бедная лошадка сломала лодыжку о камень, — Финкс ударил хлыстом по клочку сухой травы. — Я пытался... убедить его встать, — еще удар по сорняку, — но он отказался. Он лежал на земле и стонал. И мне пришлось отослать его в замок. Не переживай. Уверен, Гилдерик его подлатает.

Каэл был уверен, что, если Финкс продолжит болтать, в королевстве станет на одного раздражающего мага меньше.

К счастью, Финкс закрыл рот и не открывал его, пока они не остановились у поля. Это было большим и пустым, как и остальные. Два великана работали с плугом: один направлял, другой тянул. Лезвие казалось тяжелее, чем Каэл представлял: великан, пока тащил его, сгибался пополам. Он падал на четвереньки, когда земля плохо поддавалась, использовал силу рук, чтобы тащить плуг вперед.

Финкс ударил хлыстом, и великаны оглянулись. Они прекратили работу и уставились на него. Красные пятна были на их лбах.

— Что такое, хозяин? — спросил великан за плугом. У него были белые волосы, а конечности казались тоньше, чем у обычного великана. Хоть его губы были серьезно сжаты, его глаза блестели, как у злодея, и это придавало его словам насмешливый тон.

— Я нашел вам третьего, — сказал Финкс и толкнул Каэла вперед сапогом.

— Вот этого? Он будет помехой, а не помощью.

— Не вредничай, ленивый боров! — Финкс щелкнул хлыстом, великаны скривились, когда чары попали по ним. — Я хочу видеть эти поля вспаханными к закату. Иначе я пушу вам кровь. Понятно, звери? — он развернулся и пошел прочь, его черный хвост шлепал по спине, пока он шагал.

Великаны долго и холодно смотрели на Каэла. Тот, что был за плугом, склонился, глаза сияли, как у вороны. Второй не двигался. Его глаза были посажены так глубоко, что тень бровей падала на них и закрывала верхнюю половину лица.

У Каэла не было времени на это. Он не знал, как долго придется вспахивать поле, но игра в гляделки точно не ускоряла дело, и он не хотел, чтобы его били хлыстом.

— Что мне нужно делать? — сказал он великану за плугом. Он не знал, мог ли говорить второй, его губы были сжаты так сильно, что Каэл сомневался, открывал ли он рот хоть когда-нибудь.

— Не знаю. А что ты умеешь? — ответил великан за плугом.

— Я никогда таким не занимался, — признался Каэл. Великан фыркнул, и он быстро добавил. — Но я читал об этом.

— Да? Ладно, тогда... — великан вышел из-за плуга и склонился, взмахнув руками. — Веди нас, лорд Крыса.

Каэл не был удивлен насмешке. В «Атласе» говорилось, что великаны не очень любят

чужаков. Несколько раз в истории кланы великанов переставали воевать между собой и вместе боролись против проникновения другого народа. Они охраняли поля от нарушителей и прогоняли всех со своих земель.

Но Каэл не собирался ничего у них воровать. Он был рабом вместе с ними. Он не собирался терпеть насмешки за это.

— Издевки работу не ускорят, — сказал он, глядя в блестящие глаза великана.

— О, ты меня не так понял. Я не издевался, а уточнял. Со своими книжными знаниями ты мог бы нас чему-то научить.

Он выглядел так искренне, что Каэл почти поверил ему. А потом заговорил второй великан:

— Нет времени шутить, Бренд, — он схватил вторую упряжь плуга и бросил к ногам Каэла. — Будешь тянуть со мной, крыса.

Каэл быстро надел упряжь. Она была большой для него, полоска, что должна была проходить на поясе, болталась у колен. Полоска на плечах была неудобной, но он не мог понять, почему.

— Я правильно все сделал? — сказал он, надеясь, что хоть один великан ему ответит.

— Почти, — кивнул Бренд. — Тот шнур обвяжи между ног и самых важных частей. Так плуг тащить логичнее всего.

Лицо Каэла пылало, он перевернул упряжь. Он и не понимал, что надел ее задом наперед. Бренд мог бы просто так и сказать.

— Готов, Деклан? — крикнул Бренд.

— Ага, — сказал великан рядом с Каэлом глухим тоном.

Деклан склонился и кивнул на другой конец поля. Каэл повторил его позу и заметил кое-что странное. Деклан был самым маленьким великаном из тех, кого он видел. Он возвышался над Каэлом, но всего на пару дюймов. Может, он был полувеликаном.

Каэл окинул его взглядом, но не видел признаков другой расы. Волосы Деклана были белыми, глаза — серыми, а конечности были умеренно толстыми. Он был таким же, как все великаны, только меньше.

— Готов, крысеныш? — крикнул Бренд.

— Готов, — сказал Каэл. Он не знал, что делает, но не собирался просить у Бренда помощи. Он поймет все по пути.

— Скажу сразу, ведь потом могу не успеть. Прости, если разрежу пополам.

Каэл развернулся. Лицо Бренда было серьезным, но в глазах была шутка. Каэл не мог понять, тревожиться ему или злиться. Бренд не дал ему времени разобраться:

— Веди, Деклан!

Он пошел вперед, а Каэл не хотел быть разрезанным пополам, так что он поспешил за ним. Плуг был тяжелее, чем он ожидал. Его худые конечности дрожали, он знал, что не может полагаться на силу тела, чтобы двигать лезвие.

И он направил всю концентрацию, усиливал мышцы и укреплял шаги силой разума. Плуг двигался легко, так легко, что от этого Деклан споткнулся. Он быстро вскочил на ноги. Лезвие почти задело его пятки, он поспешил за Каэлом.

— Все хорошо, Деклан? — крикнул Бренд.

— Ага, — выдохнул тот. Он посмотрел на Каэла, который устремлял взгляд решительно вперед.

Черт. Ему нужно было действовать осторожнее. Великаны считали его слабаком, и

лучше бы им и дальше так думать, потому что, если они узнают, что он, они выдадут его Гилдерику.

А там с ним могло случиться что угодно. И точно что-то неприятное.

Глава 6

Уроки мага

Раскрыв план Шамуса, Килэй поняла, что ей нужно собирать вещи и покидать Коппердок немедленно. Другого варианта не было. Как только во дворе воцарился порядок, она направилась в свои покои.

Она обнаружила свою броню втиснутой в один из шкафов. Крамфелду не нравилось, когда она это носила в замке, но ей нужно было многое сделать до наступления ночи, так что не было времени переживать из-за него, важно было, чтобы ей было удобно.

Черная броня была для нее второй кожей: приталенная безрукавка облегла тело, перчатки с шипами удобно обхватывали руки, леггинсы были сшиты под нее. Броня была сделана из чешуи дракона, а не из тяжелого железа, и воздух легко проходил сквозь нее, так что она никогда не сварилась бы заживо.

Было так удобно, словно она бегала обнаженной.

Она обула сапоги, стараясь не пораниться о смертоносные шпоры, что выпирали из каблучков. А потом она начала рыться под простынями, чтобы найти последний элемент.

Он не был частью ее брони, но бедро казалось пустым без него.

— Вот ты где, старый друг, — сказала она, выудив Предвестника у изножья кровати.

Изогнутый белый меч яростно блестел в свете восходящего солнца. Он впитывал мирный золотой свет, который кружился на его поверхности, пока не стал напоминать пляшущее пламя. Его голос был низким и ровным, он напевал на ее бедре.

Предвестник был ее частью. Она сделала его из своей чешуи. В день, когда он вышел из огня, и она впервые взяла его... с того дня она и стала считать себя настоящим воином.

Она невольно улыбнулась, его восторг гудел под ее ладонью. От его голоса ее вены дрожали как струны скрипки. Предвестник был кровожадным, он подходил ей.

Она только прикрепила его к поясу, когда кто-то постучал в дверь.

— Миледи? На минуточку.

Килэй мысленно попросила у небес терпения, впуская Крамфелда.

— Я решила проблему с воротами...

— Знаю, но теперь появилась другая.

Он едва дышал, словно бежал по ступенькам с горящей спиной. Несколько прядей выбилось из его обычно прилизанных волос. Но это тревожило не сильнее всего.

Через миг она поняла, что сильный запах от него не был не ароматами с кухни, а запахом горелой плоти.

— Во что ты ввязался? — сказала она, осторожно вытягивая руку, которую он пытался спрятать за спиной. Кожа на руке была красной, пострадавшей. Белые волдыри уже выступили на его пальцах.

— Это маг, — сказал Крамфелд, кривясь, когда она перевернула его ладонь. — Я хотел убрать. Он всю зиму запирался в своей комнате... Королевство знает, какой там бардак. Но он проклял дверь! Когда я попытался повернуть ручку, она обожгла меня.

— Тебе нужно к лекарю.

— Но, миледи...

— Нет, сейчас же, Крамфелд. Я серьезно.

— Хорошо, — надулся он. А потом заметил ее броню и открыл рот.

— Нет, сначала — лекарь. Про мой внешний вид поворчишь позже, — сказала Килэй. Она развернула его за плечи и вывела к лестнице.

* * *

Джейк был в комнате в углу западного крыла, куда нужно было подняться по тесной лестнице, дверь была скрыта в нише. Были и другие комнаты в Насесте, но он настоял на этом, потому что думал, что его вряд ли побеспокоят. Кроме Крамфелда, никто туда и не ходил.

Килэй остановилась у двери. Выглядело вполне безобидно: маленькая скругленная дверь, как в кладовую. Но нужно было подходить осторожно. Она не хотела пострадать как Крамфелд. Ее броня защищала от лезвий и стрел, но ничего не делала с магией.

Вместо стука она повысила голос:

— Джейк? — она пыталась скрыть недовольство, но слово вырвалось рычанием. Она склонилась к двери так близко, как осмелилась, и, казалось, слышала шелест бумаг на другой стороне. — Джейк, открой немедленно.

— Нет!

Ответ был удивительно наглым, его голос подрагивал.

— Открой дверь, или я выбью ее.

— Плевать!

Было очевидно, что Джейк чем-то расстроен, и она догадывалась, из-за чего.

— Никто тебя не винит в случившемся с Геральдом, — сказала она, стараясь держать голос ровным. — Ты же не хотел, чтобы стена пропала.

— Но так получилось, и это моя вина.

Бедняга. Он всегда хотел добра, но его чары редко работали так, как он планировал.

Инцидент с Геральдом произошел две недели назад, когда Крамфелд решил добавить уборку в список дел стражи. Они не были этому рады и днями напролет громко жаловались. И Джейк решил попробовать облегчить им работу.

Он сплел заклинание, которое должно было работать как щетка с мылом, а потом попробовал на особенно грязной части Насеста: крыло, казалось, было сожжено нападающими и отстроено несколько раз. Стены были в черных полосах сажи, Крамфелд заявил, что это неприемлемо.

Заклинание Джейка стерло сажу с первой стены, и все шло прекрасно... вот только стена *выглядела* нормально, чисто, а, когда Геральд решил прислониться к ней, он вывалился сквозь нее во двор внизу.

К счастью, торговец только прибыл в замок, пытался убедить Крамфелда купить разные меха. Геральд пробил крышу своего вагончика, испугал лошадей, но ушел всего со сломанной рукой и отвращением магии.

Могло быть и хуже.

— Геральда починят, — сказала Килэй. — И я купила ему все, что нужно, чтобы залатать дыру в крыше его повозки. Так что вреда не...

— Не было? — взвыл Джейк за дверью. — Я сломал руку невинному человеку! Он никогда меня не простит.

— О, прошу, он рассказывает об этом при любом шансе. Две ночи назад я видела его в таверне, он заигрывал с женщинами из пустыни, рассказывал, как пережил залп боевого мага.

С другой стороны последовала долгая пауза.

— Все было не так, — пробормотал Джейк.

Килэй пожала плечами.

— Ты сломал ему руку, а он рассказывает историю, как ему нравится. Так ты меня пропустишь?

Было слышно ворчание, падали книги, а потом дверь открылась.

Джейк был худым. Он был в мятой синей мантии и круглых очках, которые всегда съезжали к кончику длинного носа. А сегодня, казалось, он был в ужасном настроении: поджимал губы.

— Я — неудачник.

— Вот уж нет, — сказала Килэй, проскользнув мимо него.

— Нет, это так. Я маг, который не может нормально колдовать. Настоящий неудачник.

Она думала, что сказать, пока шла к чистому углу в комнате.

В крохотной комнате Джейка втиснулись кровать, несколько полок с книгами, покосившийся стол. Было бы неплохо, если бы он держал это место в чистоте. Но вместо этого всюду были книги: на столе, под столом, на подоконнике, на подушках и полу.

Книги были открыты, лежали на корешках, как стая упавших с небес птиц. Некоторые страницы были в пятнах, и они были заполнены плотно странным заковыристым языком. Глаза Килэй заболели от одного только взгляда на буквы.

Идти среди беспорядка было непросто. И хотя выглядело это хаотично, книги лежали кругами. Круги пересекались, как звенья цепи, соединялись сетью по комнате. Это выглядело бы странно, если бы Килэй не знала, что это: маг учился.

Давным-давно она узнала, что маги упорядочивали свои мысли в книгах. Каждое кольцо было соединено с определенным учением, полагалось на предыдущее кольцо, чтобы мысль стала законченной. Процесс был сложным. Если Килэй собьет хоть одну книгу, Джейку придется месяц работать.

И она знала, что нет ничего опаснее, чем мешать магу учиться.

— Уже близок к решению великой тайны жизни? — сказала она, перешагивая круги. Она легко приземлилась, стараясь не сбить порядок книг.

— Не совсем, — проворчал он, закрывая дверь. — Хотя я был бы ближе, если бы тот глупец не пришел и не разрушил все.

— Да, — сказала Килэй, добравшись до чистого места у окна. — Крамфелд показал, где его прокляло. Его рука выглядит так, словно он вытащил ее из печи.

Уголки рта Джейка опустились.

— Я уже говорил ему, что не хочу, чтобы он заходил. Думаю, теперь он будет слушаться.

Не было странным, что Крамфелд и Джейк не дружили. Когда Джейк впервые вышел на ужин, Крамфелд проник в его комнату. Он разложил все книги на полки и вымел пыль. Когда Джейк вернулся и увидел ущерб, он пробил дыру в крыше.

Килэй посмотрела на потолок. Она нахмурилась, увидев, серые тучи, собравшиеся над головой. Крупные капли дождя начали падать, пока она смотрела. Они застревали на чарах, которые поставил Джейк, и стекали по крыше.

— Твой барьер хорошо работает.

Джейк издал недовольный звук.

— Конечно, это же щит! Такое умеет делать любой боевой маг.

— И твое проклятие сработало на Крамфелде.

— Потом мы учимся ловушкам, сразу после урока, как взрывать людей, — он опустился на стол, снял очки и начал вытирать их краем мантии. — Я могу заморозить кровь в твоих венах, если хочешь. Или ослепить на пару месяцев.

— Заманчиво... но я пас, — бодро сказала Килэй. Джейк не улыбнулся, она вздохнула. — Я не считаю, что ты неудачник. Ты умеешь применять много заклинаний...

— Возможно. Но от них нет пользы, — он вернул очки на переносицу. Он сверлил взглядом стену, линии раствора, пока думал. — Я всегда представлял это иначе, когда стал свободен, — тихо сказал он. — Я думал... я надеялся, что король сделал меня таким. Что я был хорошим, просто меня заставляли убивать.

Килэй не знала, что сказать, так что она промолчала.

Ее ладони не были самыми чистыми в королевстве. Порой ей снились кошмары о боях, в которых она сражалась, о друзьях, которых потеряла... о жизнях, которые забрала. Но тех ночей было мало. Наверное, она была спокойнее, зная, что она выбрала сражения. Она знала, что хорошие люди живут, потому что ей хватает смелости убивать плохих.

Но история Джейка была другой. У него не было выбора. Он почти всю жизнь провел в цепях, его тело было подавлено магией. Он убивал, его заставлял герцог, а потом Ведьма.

Она не могла представить, какие кошмары ему снились, так что и не пыталась. Вместо этого она просто слушала.

— Но это я, — сказал Джейк после долгой паузы. — Я — боевой маг, как ни крути. Заклинания — все для меня. Они легко получаются, — его голова упала на ладони, тонкие пальцы впились в волосы. — Я убийца.

Это было уже слишком. Он теперь нес ерунду. Она не собиралась позволять ему терзать себя.

Килэй прошла прыжками по комнате и схватила его за плечо, стараясь не навредить. Ее сила была идеальной для боя и охоты. Но она порой ломала друзьям кости, сжимая слишком сильно, а кости Джейка были очень хрупкими.

— Посмотри на меня, — она ждала, пока он встретится с ней взглядом. — Ты считаешь меня убийцей?

— Нет...

— А Предвестник, по-твоему, убийца?

Он фыркнул.

— Это смешно. Как меч может быть убийцей?

— Вот именно, не может. И хотя ему нравится думать, что у него свой разум, он все еще ударяет, когда я ему говорю, — Джейк видел, к чему она клонит, и попытался возразить, но она схватила его под подбородок. — Герцог и Ведьма использовали тебя как меч. Но ты ведь больше не меч?

— Не меч, — прошептал он, когда она вскинула брови.

— Верно. Ты не меч, ты — человек. И ты способен принимать свои решения. У тебя есть дар боевого мага для войны, но тебе решать, как его использовать. Понимаешь?

Он отвел взгляд.

— Да.

— Хорошо. Больше никаких мрачных разговоров, это тебе не поможет, — она отпустила

его и уперла руки в бока. — Так ты еще хочешь отправиться в пустыню со мной?

Он был удивлен.

— Конечно! Я всю зиму об этом и думал, — он выпрямился, и Килэй улыбнулась, увидев привычный блеск его глаз. — Это самая загадочная часть королевства. Три четвертых отмечены на карте как пустоты. Даже барон Сахар слабо там управляет. Его люди просто живут племенами сами по себе. Их десятки, у каждого племени своя культура и язык. Представляешь? И могут быть еще десятки не обнаруженных. Смотри.

Он потянулся к кольцу из книг и вытащил из-под них другую. Она была тоньше большинства, названия не было видно. Когда он полистал большим пальцем белые страницы, она заметила, что они пустые.

— Это дневник, — сказал он со слабой улыбкой, которую можно было сравнить с широкой улыбкой других людей. — Я купил его на прошлой неделе. Я хочу записывать все из поездки — земли, которые мы минуем, существ, которых заметим. Может, мы даже увидим новое племя.

Килэй вздохнула.

— Надеюсь, они будут дружелюбными, — она посмотрела на дверь и понизила голос. — Похоже, нам придется отправляться раньше, чем я ожидала. Ты собрался?

— Шутишь? Еще недели назад, — он порылся в бумагах. — Но... ах, боюсь, я не смог найти нам полезную карту.

— Не проблема, — Килэй постучала по голове. — У меня карта здесь.

Джейк нахмурился.

— Не лучшее место, чтобы хранить...

— Я знаю, что делаю, — твердо сказала она.

Она надеялась, что знает. Дело было в том, что Килэй не привыкла быть лидером. Обычно ее решения касались только ее самой, и она сама потом справлялась с проблемами. Но присутствие Джейка добавляло тревог. Она будет ответственна за него.

И она надеялась, что задание ей по плечу.

И все же она не переживала насчет пересечения пустыни. Эта часть была самой простой в их путешествии, она могла легко ориентироваться без карты. Карты были для людей, чтобы компенсировать их притупленные чувства. Килэй это не требовалось.

— Хорошо, — Джейк опустил на край кресла и посмотрел на нее через очки. — У меня дневник, у тебя карта. И... чего мы ждем?

— Рассвета, — сказала она, подходя к двери.

Она улыбнулась, услышав, как Джейк радостно завопил за ней.

* * *

Тучи не уходили, и вечер наступил, казалось, быстрее обычного. Килэй закончила собираться и прятала вещи под кровать, куда Крамфелд вряд ли полез бы. А потом она пошла на кухни.

Это было ее любимое место в Насесте. Она слышала звон котелков из главного зала, шипение супа на огне, разговоры женщин, отвечающих за ужин. Теплый запах еды можно было уловить в коридоре, желудок Килэй заурчал раньше, чем она открыла дверь.

На кухне был организованный беспорядок. Женщины сновали туда-сюда, таскали мешки с мукой, перебрасывали друг другу картофель. Килэй пригнулась под подносом с поросенком, которого ждала печь. Она обошла женщину с горячим котелком и помогла девочке достать корзинку яблок с высокой полки.

Когда она пришла на свое обычное место, она чувствовала себя так, словно прошла поле боя.

Круглолицая молодая женщина увидела ее и улыбнулась, а потом освободила ей место, чтобы сесть.

— Добрый вечер, мисс Килэй.

— Добрый, Мэнди.

Килэй не ожидала, что у нее будут подруги в Насесте. Она считала большую часть женщин пугающими: они могли думать десятком мыслей сразу, их эмоции было не разгадать, а потом они прорывались потоком.

Оборотней-женщин в ее стае можно было хоть успокоить животной кровью. Но обычные женщины бывали... дикими.

К счастью, Мэнди не была как большая часть женщин. Она была спокойной и уверенной, мудрой не по годам. Только она во всех Высоких морях согласилась не называть Килэй леди.

— Что за ужин? — сказала Килэй, устроившись на высоком стуле.

— Оленина, — Мэнди схватила нож и начала точить лезвие о камень. — Повариха нашла вашего... ах, очередного оленя нашли у двери днем. И мы не хотим, чтобы он пропал зря.

Килэй прижала пальцы к губам, чтобы скрыть улыбку, задумчиво кивая. Ей казалось, что несколько дам неподалеку слушают, смотрят на нее, как группа любопытных белок.

— Да, точно. Будет жаль, если это снова произойдет. Жаль, что они прыгают на стены и ломают шеи.

Мэнди старалась сохранять серьезное лицо.

— Может, стоит повесить для них табличку, чтобы они знали об опасности.

— Гениально. И мы напишем на оленьем, чтобы они смогли прочить.

Теперь подслушивающие дамы хихикали в фартуки и отходили. Повариха прогнала их и принесла ужин Килэй.

— Не время для разговоров, за работу! Пирог сами не испекутся, — она опустила на стол тарелку с горой оленины, быстро поздоровалась и ушла ругать девушек, которые говорили на оленьем, а не чистили яблоки.

— Боюсь, я их подставила, — сказала Килэй, вонзая нож в мясо. Оленина едва прожарилась снаружи и была сырой внутри, как она и любила.

Мэнди улыбнулась.

— Ничего. Им нравятся ваши выдумки, приятно видеть, что леди Коппердока ведет себя так открыто. Вы бы видели, как они сияют, когда гости-капитаны ворчат о том, какая вы странная.

— Я в негодовании, — сказала Килэй с полным ртом мяса. — Я не странная.

Мэнди улыбнулась и покачала головой. Она вытащила морковь на доску и начала резать мелкими ровными кусочками, управляя ножом с изяществом убийцы. Килэй смотрела, наслаждаясь специями, которыми повариха натерла оленину. А потом она озвучила мысль:

— Хочешь, научу тебя использовать меч?

Мэнди выпрямилась.

— О чем вы?

— Как сражаться. Как ударять и целиться в яблочко.

Глаза Мэнди расширились, она схватилась за живот, словно Килэй предложила сунуть Крамфелда в мешок и бросить в море.

— О, нет. Не думаю, что я гожусь для такого, мисс. Сражения — удел мужчин.

Может, что-то в Мэнди было забавным. Но Килэй хотела показать ей логику.

— А если мужчина нападет? — возразила она. — Как ты отобьешься?

Мэнди опустила плечи и продолжила резать.

— Я бы не хотела сражаться, потому что на спасение придет красивый юноша.

Килэй закатила глаза.

— Это бред, Мэнди.

— Нет, это романтично, — сказала она, погрозив Килэй ножом. Она указала ножом на кубок у ее локтя. — Выпейте свой тоник, мисс. Вы сговорчивее после этого.

Тоник Килэй был теплым вином с пряностями и несколькими травами. Она обычно не пила такое, но в последнее время это стало необходимостью.

Ее первые ночи вдали от бухты Взятки были настоящей пыткой. Она убеждала себя, что успокоит сердце. На ее стороне было время. Но ее душа считала иначе.

Если Килэй и засыпала, она резко просыпалась пару мгновений спустя, ее пугала тяжесть в груди. Ее горло терзали вскрики, слезы текли по лицу, обжигая. Она обвивала себя руками, царапала ногтями до крови. Как-то раз она закричала так громко, что Крамфелд отправил стражу в ее комнату, решив, что ее убивают.

Но со временем ее грудь перестало сдавливать, всхлипы утихли. Но по утрам она не могла толком ходить. Ее тело ощущалось так, словно с нее сняли кожу, а внутренности избили палками.

Таким утром она спускалась по лестнице, чуть не сбив Мэнди, которая взглянула на нее и понимающе кивнула.

— У меня есть кое-что для вас, мисс. Приходите после ужина.

Килэй пришла, и тоник Мэнди из вина смог утихомирить ее... как говорила Мэнди, припадки. Килэй не знала, как назвать это. Она знала лишь, что это больнее топора по лицу.

Она поднесла кубок к губам, когда разговоры на кухне резко оборвались. Женщины сосредоточились на делах, вели себя как можно незаметнее.

Килэй застонала, когда Крамфелд пробился сквозь толпу и пошел к ней. Его перевязанная рука была на груди, раздражение было на лице. Она опасалась его.

— Но я не хочу есть в столовой, — сказала она, когда он приблизился. — Там одиноко...

— Я здесь не за этим, — быстро сказал он. — Но мы обсудим это позже. На будущее — я хочу видеть и овощи на вашей тарелке, — добавил он, морща нос при виде почти доеденной горы оленины. Он поправил плащ и быстро огляделся. — К вам гость, леди Килэй. Он ждет в библиотеке.

Она мысленно вздохнула. Наверное, очередной торговец пытался уговорить ее купить платье. Или любопытный аристократ хотел проверить, была ли леди Килэй красивой, но со странными манерами. Такие тоже приходили.

Когда она встала, чтобы расправиться с гостем, Крамфелд крепко схватил ее за руку, чего никогда не делал. И Килэй встревожилась, а он склонился и прошептал:

— Этот человек... не обычный. Он опасен, и я считаю, что он желает вам вреда. Убейте его быстро.

Глава 7

Лев и канделябр

Килэй редко получала разрешение на чье-то убийство. Она не ожидала услышать это от Крамфелда, ведь он часто жаловался, как сложно отмыть кровь с ковров.

И если Крамфелд был готов испортить ковры, то в библиотеке ее ждал кто-то очень неприятный.

— Я представлю вас и найду Шамуса, чтобы он отправил стража вам на помощь, — сказал Крамфелд, поправляя воротник, когда они оказались у дверей библиотеки. Он кашлянул и шагнул напряженно внутрь, словно ожидал удара. — Леди Килэй прибыла, сэр, — сказал он, ведя себя не так напыщенно, как обычно.

Она прошла мимо него, и он закрыл дверь, оставив ее наедине с опасным гостем.

Большая часть комнат Насеста была без мебели. Но Крамфелд почему-то особое внимание уделил библиотеке. Небольшой камин горел, стол с резьбой и прочие поверхности были вытерты, ковры были без пыли. Даже подушки на креслах лежали так, что узоры совпадали с узором на спинках.

Словно этого было мало, он еще повесил сложную люстру с золотыми ветвями на самой высокой точке на потолке.

Это было лишним, по мнению Килэй. В библиотеке должны быть книги и немного мебели. Стеллажи пересекали комнату, как стены, но, к недовольству Крамфелда, они были почти пустыми.

Когда она предложила ему заполнить их, его лицо вытянулось.

— Вы — леди Коппердока, — возмутился он. — Библиотека — ваше убежище. Ваш долг — заполнить ее, как вам пожелается.

Редкие дела утомляли Килэй больше чтения. И если Крамфелд ждал, чтобы она заполнила полки, ему придется ждать пару сотен лет.

Она оглядела комнату и вскоре заметила мужчину, который умудрился так напугать Крамфелда.

Он склонился над столом, разглядывая небольшую коллекцию книг. Он был в грязной тунике и штанах, что были ему велики, и одежда была мокрой от дождя. Его темные волосы торчали, словно он растрепывал их, чтобы высушить. Его ноги были босыми, в грязи. Она видела, где он ходил в комнате, оставив грязные следы на камне и ковре.

Конечно, Крамфелд злился.

Килэй шагнула к нему.

— Чем могу помочь?

— Интересная у вас коллекция, — его голос был бодрым, но рычащим, и это звучало как урчание. — Я не знаю всех слов, — продолжал он, глядя ближайший корешок, — но это, похоже, дракон. И здесь — дракон. Это слово на всех книгах. Интересно.

Килэй остановилась.

— Да, я собираю книги, — осторожно сказала она. Ей не нравилось, куда он клонит, и ее рука придвинулась к Предвестнику.

К счастью для него, мужчина медленно развернулся.

Он был моложе, чем она ожидала, может, немного старше Мэнди. Его кожа была смуглой. Его лицо было гладко выбритым, а нос был прямым. В его ухмылке было немало

наглости. А глаза...

Погодите, она знала эти глаза.

Килэй невольно шагнула вперед, щурясь, чтобы рассмотреть. Глаза мужчины были золотисто-карими. Они вбирали свет огня и словно приглушали его. Они странно фокусировались, от них веяло опасностью. Он смотрел на нее, словно держал ладонь на ее горле, словно выдавливал последнее дыхание, пытаясь при этом успокоить ее. Словно она могла просто лежать, смирившись с фактом, что ей никак его не остановить.

О, да. Она знала эти глаза.

— Что ты забыл на моей территории, кот?

Он ухмыльнулся, она шагнула к нему.

— Пришел проверить слухи... Я пришел с Беспощадных гор, вообще-то.

— Да?

— О, да, — он шагнул в сторону, вытирая ноги об ковер. — Птицы стали наглеть. Они вернулись после зимы с полными животами, а еще с кучей вестей. Они говорят, что в королевстве есть зверь опаснее меня.

— Один? — спросила Килэй и услышала рычание.

— Нет никого сильнее, — прорычал он, замерев. Он посмотрел на нее из-под волос. — Я поселился в горах, откуда все бежали. Я — величайший зверь там... и я прошел этот путь, чтобы доказать это.

Вдруг его одежда разорвалась, коричневая вспышка появилась на том месте. Килэй бросилась в сторону, он пролетел мимо нее, когти заскрежетали по каменному полу, и, когда она развернулась, на нее смотрел взрослый горный лев.

Он расхаживал рядом с ней, оценивая ее. Следя за ней. Его мощные лапы переминались, хвост подрагивал. Рычание звучало из его горла. И он бросился.

Килэй пригнулась, быстро перекатилась в сторону и вскочила на ноги. Лев ударился с силой о стол. Он впился в сияющую поверхность, чтобы не перевернуться. Она скривилась, когда дерево затрещало под его когтями.

Крамфелд будет зол.

Лев мог только замедлить падение, а не остановить. Его тело рухнуло за стол, на миг воцарилась зловещая тишина. Но Килэй знала, что их игра еще не закончена. Она расслабила руки, одну ногу отвела назад для равновесия. Мышцы спины напряглись. Она задержала дыхание и ждала.

Лев вырвался из укрытия, обнажив клыки и когти, она была готова.

Принять другой облик было просто, как пройти в дверь, это занимало меньше секунды. Она скользнула в драконью кожу и улыбнулась, увидев, как глаза льва расширились от ужаса.

Запах страха заполнил ее ноздри. Нечто, похожее на город, гудело в легких, и Килэй сосредоточилась на добыче и забыла, что не стоит устраивать беспорядок. Она встала на дыбы, ее рога оцарапали потолок. Ее крылья развернулись, насколько позволяла комната, ударяя по полкам. Кресло отлетело в сторону, когда по нему ударил ее хвост.

Лев пытался изменить направление в прыжке. Его тело извернулось, конечности безумно летали в воздухе. Но он не мог остановиться, и он врезался в твердую чешую живота Килэй.

Как только он рухнул на землю, он попытался отбежать, но она поймала его хвост когтем. И она медленно потащила его к себе.

Он шипел, бил когтями по ее лапам. Удары разорвали бы взрослую лань, но Килэй их едва ощущала. Когти льва без толку скользили по ее чешуе, и он начал отчаянно извиваться. Килэй сжала лапу и поднесла к лицу, держа за хвост.

Она не любила котов. Они были противными созданиями, которые были верны лишь себе. Коты предпочитали сидеть в кустах, а не нападать на добычу открыто. Они нападали на молодых, больных, не проявляли уважение к территории.

Этот кот не был исключением. Когда он понял, что его когти бесполезны, он нагло заревел ей в лицо. Килэй не сдержалась и заревела в ответ.

Он сжался, ее голос сотряс комнату. Хрусталь на люстре звенел, дрожа на нитях. Она бросила льва, и он с силой врезался в стеллажи. Его тело обмякло, он пропал за столом.

Килэй подумала, что случайно убила его. Она с разочарованием опустилась на четыре лапы.

Ее рога задели люстру. Пыль упала на ее нос, срываясь с люстры, и она не сдержалась: большое золотое украшение рухнуло на пол. Хрусталь разбился, разлетелся в стороны, как капли воды.

Килэй едва успела застонать, когда голос прокричал:

— Хватит! Я сдаюсь!

Кот не умер, а принял человеческий облик и прятался за опрокинутым столом. Он выглядывал из-за него, но остальная часть тела была скрыта.

— Пощади, — сказал он, пытаясь встать. Но он замер и пошатнулся, побледнел немного, и ее кожу покалывало, пока она меняла облик. От перемены у нее обычно мгновение кружилась голова, словно она вернулась на ноги, постояв перед этим на голове. Но у нее было много практики, так что она за мгновение привыкала к человеческому облику.

Ее сапоги отбрасывали острые осколки хрусталя, пока она шла к столу. Ее пальцы сжались, когда она учуяла свежую кровь на волосах кота. Часть ее хотела убить его, запах крови вызвал опасные чувства в ее груди.

Часть ее хотела оторвать его голову. Но это было животным инстинктом. А Килэй старалась жить как человек, так что не должна была слушаться таких желаний. Нет, она должна была разобраться со львом как человек.

— С чего мне щадить тебя? — тихо сказала она. — Ты пробрался на мою территорию без разрешения, вошел в мое логово без спросу. Ты пришел убить меня...

— Нет, не за этим, — он схватился за стол и склонился. — Я не пытался тебя убить. Я проверял тебя.

Килэй рассмеялась. Она почти забыла, как коварны коты, особенно, когда проигрывают.

— Проверял, да? И как? Понравилось висеть на хвосте, или продолжим?

Он игриво ухмыльнулся.

— Ты не одолела меня. Мне нужно было убедиться, что ты достаточно сильна для своей цели, — он склонился и вскинул голову. — Птицы звали тебя большим белым змеем... но я вижу, что ты нечто большее. Ты — драконесса.

— Гениально. Что меня выдало?

Он смутился, а потом рассмеялся.

— Ты слишком много людей провела среди людей, — проурчал он. — Так скоро станешь одной из них.

Килэй нахмурилась. Их разделяла пара шагов, и она лучше разглядела его глаза. Они не были мягкими, как у людей, не было эмоций. Они были непокорными, как самый дикий

уголок королевства... непростительные, как камень.

Теперь она понимала, почему ей так хотелось убить его: в нем не было ничего человеческого.

— Что случилось с мальчиком? — осведомилась она.

Кот оскалился в усмешке.

— Он был слабым, драконесса. Он вступил в схватку слишком юным, я легко одолел его.

Килэй крепко сжала кулаки, но смогла отогнать гнев от лица.

Магия, требующаяся для становления оборотнем, была опасной. Слияние двух душ в теле было не обычным заклинанием: требовалось подношение из крови и ритуал. А порой все шло ужасно неправильно.

Только одна душа управляла. И если душа человека была не такой сильной, то зверь управлял им. Килэй была женщиной, что могла принимать облик дракона.

Но этот лев притворялся мужчиной.

— Одно мне нравится в людях. Имя, — продолжал кот, ухмыляясь от отвращения на лице Килэй. — Сайлас. Величаво, да? Я принял его в... награду.

Хотя его ухмылка раздражала, его признание заставило ее поразмышлять.

— Сайлас?

Он кивнул.

— Ты дал себе имя? — он снова кивнул, она скрестила руки. — Странно. Я думала, большие коты не дают себе имя. Я думала, вы полагаетесь на вонь...

— Имя для вашего удобства, а не моего, — прорычал Сайлас. — Все звери гор знают меня по запаху. Ты с ним не знакома.

— И все же это... как у человека.

Его верхняя губа поднялась, с угрозой обнажая зубы.

— Человечность — слабость, драконесса. Во мне слабости нет.

Килэй не была убеждена. Она думала, что в Сайласе было чуть больше человеческого, чем он признавал, что и не удивляло. Коты были до смешного гордыми.

— Я прошел этот путь не ради беседы, — прошептал он. Его губа опустилась, черты смягчились. — Дело небольшое, но...

— Довольно. Рассказывай.

Он начал вылезать из-за стола, его одежда лежала кучей тряпья в другой стороне комнаты. Килэй не желала видеть его обнаженным.

Сайлас ухмыльнулся.

— Ой-ой, человек уже, да? — но он все же оторвал занавеску за собой. Он повязал ее на поясе и заговорил. — Из-за людей я и пришел. Они заполонили мои горы, я хочу, чтобы они ушли.

— Люди всегда жили в горах, — сказала Килэй, шурясь.

Сайлас склонил голову.

— Да, но не так. Там очень много мечников, у всех волк на груди. И они принесли с собой магию.

— Тогда они не надолго.

Беспощадные горы были против магии. Килэй годами бродила по горам в поисках имени, которое не помнила, скованная заданием, которое не могла забыть. Камни становились острее под ее ногами. Она ощущала предупреждение в холодном воздухе

беззвездными ночами.

Магия в ее крови боролась с духом горы, и потребовалась вся ее смелость, чтобы остаться. Она знала, что ей не рады.

Ухмылка Сайласа пропала, он посерьезнел.

— Я тоже так думал. Но люди словно в плену. Я порой подходил к ним, — он ухмыльнулся и посмотрел в окно. Его нос сморщился при виде дождя. — От них пахнет страхом, драконесса. Они хотят убежать, но... не делают этого. Что привязывает их к мечникам? Я не знаю, — он отвернулся от окна и нагло посмотрел на нее. — Но их магия ранит землю, она будет исцеляться от них долгие годы. Они вырезают путь снизу, с каждым днем продвигаются все выше. Скоро они достигнут вершины.

Эти новости были самыми тревожащими за последнее время. Она недооценила Титуса. Она думала, граф Беспощадных гор будет просто искать ее. И если она уйдет, то уйдет и он.

За все годы скрытности она забыла, каким упрямым был Титус. Он не остановился бы на половине, он хотел все. И он, похоже, пробивал магами-рабами путь.

— Они воровали на моих землях, драконесса, — продолжил Сайлас, перебивая ее мысли.

Он вышел из-за стола, а она не могла даже посмеяться над тем, как он выглядел с занавеской с цветочным узором на поясе. Она была слишком встревожена.

— Как с этим связана я?

— Мне не нужна твоя помощь, — он пожал плечами, отчасти отвернувшись от нее. — Но твоя сила упростила бы задачу. Я хочу предложить тебе стать моей напарницей, пока горы не будут очищены.

Килэй фыркнула.

— Это не награда. Думаю, я лучше...

— Ладно, — прорычал он и развернулся. — Помоги мне прогнать мечников с моих земель, и я буду перед тобой в долгу.

Она не думала, что кот ей мог пригодиться.

— Я не могу помочь тебе.

Он сжимал кулаки, выглядя как ребенок, которому не дали сласти после ужина.

— Почему? Условия справедливые даже для человека!

— Не в том дело, — сказала Килэй. — У меня нет на это времени. Боюсь, меня ждет другое задание.

— Какое?

— Не важно. Тебе нужно лишь знать, что я слишком занята...

— Апп!

Двери библиотеки распахнулись, ворвался Шамус с небольшой компанией. Они подняли мечи и выглядели так яростно, будто шли воевать. Но они остановились, увидев погром в библиотеке.

В тишине Килэй слышала, как приближаются деловитые шаги. Она не успела застонать, в комнату прошел Крамфелд.

— Миледи! Я привел подкрепление...

Слова его оборвались. Серебряный подсвечник, который он нес, как дубинку, выпал из его руки на пол со стуком. Сначала он увидел разбитое кресло, выпавшие из него подушки, его рот раскрылся. Его глаза расширились, когда он увидел перевернутый стол, поверхность которого была истерзана. Он ахнул, заметив занавеску на поясе Сайласа.

А потом он увидел люстру... и отшатнулся от потрясения.

— Что... зачем? — пролепетал он, ударив рукой по лицу.

Килэй глубоко вдохнула.

— Все немного вышло из-под контроля...

— Немного? — завопил он с дикими глазами. — Немного? Просто... посмотрите, что вы наделали! Люстру везли неделями!

— Да, я знаю...

— Вы знаете, что это спецзаказ из пустыни? Что хрусталь был вырезан вручную, чтобы быть идеального веса и размера?

— Нет, но...

— Но что? — визжал он. Он сделал несколько шагов к ней, Килэй отпрянула. Она еще не видела Крамфелда таким. И это было страшно.

— Ловите его, — сказал Шамус, два стража схватили Крамфелда за плечи. — Отведите его в комнату, и пусть ему передадут с кухни бочонок крепкого эля, — Крамфелд обмяк в их хватке, качая головой и бормоча под нос. Шамус нахмурился. — Может, даже большой бутыл.

Они увели его, Шамус оглядел комнату. Он присвистнул.

— Если не против моего вопроса, что вообще здесь произошло? — он посмотрел на Сайласа. — Что ты делаешь с полуобнаженным парнем в библиотеке.

Сайлас помахал рукой.

— Все не так захватывающе. Просто подрались немного.

— Немного?

— Да. Ей повезло, что я не был подготовлен лучше.

Килэй пронзила его взглядом.

— Тебе повезло, что я тебя пощадила, — она повернулась к Шамусу, который выглядел так, словно пытался понять чужой язык. — Найдешь гостю комнату для ночлега? С дырами в крыше. Он любит дождь.

— Не стоит, — проурчал Сайлас, подходя к ней. — Мне и в конюшнях будет удобно.

Килэй прищурила глаза.

— Нет уж.

— Почему?

— Напугаешь лошадей.

Он изобразил невинность.

— Дорогая драк... ах, женщина, — он взглянул на Шамуса, — ты меня оскорбляешь. Я не ем зверей в загоне. Они толстые.

Она закатила глаза.

— Шамус, дыры в крыше, лужи на полу и замок на двери. Утром ты уйдешь, — сказала она Сайласу строгим тоном. — Если я уловлю твой гадкий запах на своей территории снова, твоя шкура станет мне плащом.

— Как пожелаешь, — он насмешливо поклонился. Он все еще улыбался, пока стражи уводили его.

Они ушли до восхода солнца. Килэй легко вела Джейка по извилистым коридорам и двору. У стражей была пересмена, их не было на постах, и только угасающие факелы видели их. Килэй надеялась, что Шамус не сильно накажет их за то, что ее побег не заметили.

Они прошли к воротам без проблем, и Килэй разбудила стуком Узловика.

— Ммм, что? Что такое? — сонно пробормотал он. Его деревянные глаза приоткрылись, он нахмурился, увидев Джейка. — О, здравствуй, отец. Пришел пытаться убрать меня снова?

Джейк покраснел, как всегда делал, когда Узловик издевался над ним.

— Просто открой засов, глупый призрак.

Глаза Узловика расширились, когда он увидел Килэй в броне.

— А что? На нас напали? Мне кричать...?

— Нет, — прошипел Джейк, сжав посох. — Ты не видишь, что мы сбегает по-тихому?

Узловик хитро улыбнулся.

— Ах, так между вами все официально?

— Открывай, или я превращу тебя в пепел, — прорычал Килэй. Ее уши уловили вдали приглушенные голоса. Стражи приближались к дверям замка.

— Хорошо, — сказал Узловик. Он открыл ворота так, чтобы они могли пролезть.

Килэй замерла, у нее появилась идея.

— Когда Шамус поймет, что мы ушли, он пошлет за нами людей, — она посмотрела на Узловика. — Ты же можешь задержать их на пару часов?

Он на миг обрадовался, а потом нахмурился.

— Это проверка? Хочешь обмануть меня, чтобы был повод сжечь меня? Если ты...

— Это не обман, а приказ, — быстро сказала Килэй, глядя на двери замка. Она услышала тихий шум засова, который отодвигали в сторону. — Нужно, чтобы ты задержал их, дал нам шанс сбежать, а еще ничего им не говори, понял? Просто молчи.

Он фыркнул.

— Я не люблю такое...

— Но ты это сделаешь.

Он охнул, когда Килэй захлопнула ворота.

Она повела Джейка по дороге, через пустые леса вокруг деревни. Корабль ждал их у полоски пляжа в нескольких милях от города. Она обещала капитану, что они будут на рассвете. Но Джейк еле шел.

— Мне тебя понести? — рявкнула она на него.

Он тяжело вздохнул и побежал за ней. Его сумка подпрыгивала от бега.

— Нет...

— Не плетись.

— Я не плетусь...

— Ты задерживаешь нас, это плохо. Твое заклинание сработало, как нужно было: фляги нас не утяжеляют.

Джейк полез за спину и вытащил горсть чего-то прозрачного, бросил ей в лицо. У его ладоней шумела плескающаяся вода.

— Нет, они стали невидимыми!

— Нам просто нужно не забыть их где-нибудь, — сказала отвлеченно Килэй. Она замедлилась на миг и понюхала воздух. Она ощущала влажный тяжелый аромат. Напоминало мокрый мех. Лес был полон промокших зверей после вечернего дождя, так что она не сильно

переживала.

Они шли еще пару минут, Джейк громко жаловался, что он и бегают хуже всех магов, и тут она ощутила знакомый запах. Сосна и... недовольство.

— Стой, — она схватила Джейка за сумку и посмотрела на камень у дороги. — Я говорила тебе уйти с моей территории, кот.

Как она и подозревала, горный лев с грацией выпрыгнул из укрытия на камень.

Джейк зашипел, направил посох льву между глаз, но Килэй схватила его за запястье.

— Поверь, он не стоит чар.

Помыв одну из больших лап, лев опустил за камень, через миг появились голова и плечи Сайласа.

— Ого, — выдавил Джейк и взглянул на Килэй. — Вас таких много?

— Больше, чем ты думаешь, шаман, — лениво сказал Сайлас.

— Шаман?

— Так оборотни зовут их магов, — быстро сказала Килэй, а потом пронзила Сайласа взглядом. — Мне придется подумать, где повесить твою голову...

— Я уже не на твоей территории, драконесса, — сказал он, убирая волосы с сияющих глаз. — Я перестал ощущать твой запах в миле от логова. Не угрожай мне, ведь я решил помочь тебе.

Она фыркнула.

— Только если ты решил сброситься со скалы. Иначе мне не помочь.

— Ах, ты еще не понимаешь, — ухмыльнулся он. — Но ты знаешь, как и я, когда Судьба пересекает два пути, мы должны идти вместе. Идти по темному и незапланированному... пока Судьба не покажет, что хочет от нас, прекрасным утром.

— Не знал, что львы такие красноречивые, — сказал Джейк. Он был под впечатлением.

Сайлас оскалил белые зубы в усмешке.

— А как я приманиваю дам? Женщины моего вида падки на красивые слова, особенно когда они об их красоте, — он повернул силу взгляда на Килэй. — Что скажешь, драконесса? Будешь бороться с Судьбой... или примешь меня?

Принимать его Килэй не собиралась, она зарычала от такой мысли. И все же... она знала, что с темпом Джейка им не убежать от него. Сайлас слова слушать не станет. Но был шанс, что он убежит, поджав хвост, когда они дойдут до пустыни.

С его мехом он жару не перенесет.

— Ладно, — она отвернулась, чтобы скрыть улыбку, и сказала. — Джейк? Дай ему свою запасную одежду. Мы не скроемся, если с нами будет голый мужчина.

Глава 8

Ужасный Гилдерик

Каэл решил хранить свои силы в секрете. Он был слабее великанов, и он знал, что будет подозрительно, если он будет поспевать за ними. Он должен был казаться слабее... но как?

Они тянули плуг по полю, и он ощущал на себе взгляд Деклана. Он был тише Бренда, но его взгляд не оставлял его, глаза смотрели исподлобья, тень скрывала его мысли. Деклан явно видел многое.

И пока Каэл отчасти думал о том, как тянуть, он искал в памяти ответ, пытаюсь понять, как отвлечь Деклана.

Он хорошо помнил долгие темные зимние дни. Они тянулись бесконечно, минута казалась часом, а час — днем. Он сошел бы с ума, глядя на движение солнца по небу, если бы не Моррис.

Старик ощущал боль в его груди, потому что старался обучать Каэла почти днями напролет. Моррис учил его разному, например, шить и рисовать, резьбе на камне и дереве. Голова Каэла была набита информацией, и он боялся, что не запомнит всего. Но теперь, когда ему нужно было, тот урок всплыл в голове.

— Использовать разум хорошо, да, но не всегда, — сказал как-то Моррис. — А если ты окажешься посреди боя? А если тебе придется сражаться часами? Твой разум продержится столько?

Каэл вспомнил, как покачал головой, но с неохотой, ведь знал Морриса.

— Конечно! Нельзя, чтобы у тебя разболелась голова, и ты отключился посреди боя. Ты бы не проснулся! Нет, здесь лучше полагаться на силу тела. Потому что тощее тело нужно привести в форму.

И Каэл в тот вечер таскал мешки песка от берега до поместья Взятки. Он не мог использовать разум, чтобы не хитрить. Моррис заставлял его цитировать песни и книги, пока он шел.

Это сработало. Каэл был сосредоточен на словах, и его телу приходилось справляться самому. Он и не осознавал, как часто полагался на силу разума. Он, видимо, полагался на нее всю жизнь, потому что едва сделал три шага, а потом его ноги превратились в желе, и он рухнул.

Но он не расстроился. Понимание слабости заставляло его работать сильнее. Придет день, когда ему потребуется сила, и он хотел заполучить ее.

И сегодня его слабость могла пригодиться. Каэл начал потихоньку, пропевая в голове первые строки «Баллады о Сэме Взятке». Пока он вспоминал слова и ноты, его ноги шли сами по себе.

Он ощущал весь плуга всеми мышцами, всеми дрожащими связками. Его ботинки скользили, он впивался носками в землю, пробивая ямки с каждым шагом. Земля стала тверже, и лезвие застряло. Каэл и Деклан отдернулись в упряжи. Они переводили дыхание мгновение, а потом надавили вперед, бросили тела, пока лезвие не высвободилось.

Работа была медленной. Каэл потерял счет выкопанным линиям. Он ощущал, как лямки впиваются в плечи, терзают его кожу тысячей зубов. Но он знал, что не может остановиться. Он решительно шагал вперед, ударялся о боль, пока его плечи почти не онемели.

Солнце слепило, пот заливал глаза и обжигал, как морская вода. Он шумно дышал с

Декланом. Острые куски земли впивались под ногти, натирали мозоли, но он упрямо шагал по полу.

— Ужин! — сообщил Бренд.

Каэл не слышал его. Он попытался сделать пару шагов, но понял, что не двигается. Деклан крепко держался за его упряжь, удерживая его одной рукой.

— День окончен, крыса, — сказал он. — Продолжишь завтра.

Бренд пролаял смехом, таким резким, что птицы улетели с ближайшего дерева. Они разлетелись в стороны, зло вопя друг другу, а потом вернулись на дерево.

Великаны пошли к амбарам, Бренд громко говорил, а Деклан угукал через каждые десять шагов. Каэл знал, что ему стоит идти за ними, но он боялся снять упряжь.

Лямки плотно прилипли к его тунике, их удерживали там толстые слои пота и крови. Он решил, что будет только хуже, если он оставит их, так что быстро снял упряжь и скривился, ощутив, как с ними оторвалась кожа.

Ноги Каэла так сильно дрожали, но он едва мог стоять и не падать. Работа истощила его мышцы и кости. Он ощущал себя как пустой мешок бледной кожи.

С большими усилиями он заставлял себя идти. Он следовал за великанами, шатаясь, и они давно уже обогнали его.

Они забирались все глубже в царство Гилдерика. Ближайшие горы были в миле пути. Солнечный свет касался их вершин, рисовал узоры из красного цвета и тени. Выпирающие скалы ловили свет, оранжевые и желтые волны расплзались по камням. Горы напоминали медленно трепещущий огонь.

Это было так потрясающе, что Каэл хотел замереть и смотреть. Но он вспомнил, что люди Дреда говорили про львов, и передумал.

Когда он дошел до амбаров, многие великаны уже были внутри. Некоторые стояли у водокачки, делали глотки воды, плескали ею на грязные лица. Каэл нашел свободное место, чтобы выпить.

Грязь была на дне ведра. Она закружилась вокруг его ладоней, когда он зачерпнул воду. Она была теплой, песок поскрипывал на зубах, когда он делал глоток, но это не помешало ему выпить еще немного.

Он был полностью грязным. Он смотрел на свое отражение и думал, что видит слабый след парня с горы, скрытого за грязью, но он не был уверен. Если бы он не чувствовал его, он бы засомневался, что у него есть нос.

Он решил, что лучше не мыться. Он вспомнил синяки на лицах великанов, когда Финкс ударил их. Если он увидит, что на его коже не синяков, это будет подозрительно. Слой грязи мог скрыть это.

— Все еще жив, крыса?

Каэл подавился водой. Он не ожидал ощутить зловонное дыхание Финкса. Он был благодарен, что вода заложила ему нос.

— С этим можно помочь, — Финкс схватил его за волосы на макушке и сунул голову в корыто.

Каэл охнул, и вода ворвалась в него.

Ледяной ужас охватил его. Тело застыло, он вспомнил бурю. Он клялся, что ощущал, как вода кружится, засасывая его. Невозможный вес океана давил на него, сокрушал его. Он не мог дышать, не мог дышать, не мог...

Голос Финкса визжал в его голове:

— Я даже не держал его так долго! Крысеныш просто упал в обморок.

Острый носок вонзился в ребра Каэла.

— Вставай! — сказал другой знакомый голос. Каэл сморгнул тяжелую тьму, лицо Хоба возникло смутно перед ним. Он не выглядел радостным. — Повезло, что он не умер, — рывкнул он. — Гилдерик тебя заживо зажарил бы, если бы мы потеряли еще одного.

Он плюнул, и коричневатая слюна упала в сантиметрах от лица Каэла.

— В здания, звери! — рывкнул Хоб в сторону амбара, где несколько великанов вытягивали шеи из-за двери, чтобы увидеть. Они спрятались, и Каэлу показалось, что он видел среди них волос Бренда.

Финкс ждал, пока Хоб уйдет подальше, а потом он опустил ногу на грудь Каэла.

— Хорошо сыграл, грызун, — прошипел он. Хотя ярость пылала в его глазах, он жутко улыбнулся. — Ты обыграл меня уже во второй раз сегодня.

Каэл знал, о чем тот говорит. За час до заката Финкс пришел к их полю. Хоб шагал за ним, в его руке был зловещего вида хлыст с множеством шнурков. Каэл клялся, что видел острые кусочки металла на концах.

Но змеиный оскал Финкса начал увядать, когда он подошел ближе к полю. Когда он поравнялся с плугом, его рот раскрылся в потрясении.

— Невозможно! — пролепетал он. Он пробежал вдоль выкопанных линий, пытаясь увидеть ошибки, и Хоб разозлился.

— Что? Ты притащил меня сюда для этого? — возмутился он, указывая на их работу. — Ты на несколько полей впереди графика, это хорошо. Еще раз потратишь мое время, и я отхлещу тебя, — Хоб плюнул на сапог Финкса и ушел.

И Финкс был очень зол из-за этого. Его сапог надавил сильнее, и пуговицы рубашки Каэла неприятно впились в его грудь.

— Умным себя возомнил? Может, горные крысы и выносливые, но вся власть у магов. Я — твой господин. Следующий раунд, — предупредил Финкс, — будет моим.

Он убрал сапог, и Каэл поспешил встать на ноги, насколько позволяла боль в теле. Он не хотел дышать запахом Финкса, он уже как-то раз терял контроль, потому что запах магии выводил его из себя. И он не думал, что сможет скрываться после того, как порвет Финкса на куски.

— О, я должен тебя предупредить, — крикнул Финкс, спеша прочь. — Ты захочешь быть внутри, когда стемнеет. Ужасные вещи случаются со зверьками, вовремя не убежавшими в клетки.

Каэл не знал, серьезно ли он, но ему было все равно. Если у них были кровати в амбаре, то он просто отправится туда.

В амбаре было просторнее, чем он ожидал. Широкая полоса вскопанной земли разделяла амбар посередине, по бокам виднелись ряды загонов. Двери из железа были у каждого загона. Они были почти одной ширины и высоты, но он представлял, что великанов они все равно не скроют.

Посередине была длинная поилка, что тянулась почти на весь амбар. Она была гнутой местами, и Каэл догадывался, что ее сколотили из нескольких небольших. Он подошел и четко увидел швы.

Кто-то издал громкое оханье, и Каэл инстинктивно поднял голову. Он пожалел.

Бренд явно изображал произошедшее с Финксом. Он с шумом поднял голову, его лицо было в комках чего-то, похожего на кашу, которую великаны ели. Его рот раскрылся, он

хватился за горло. А потом с громким стуком и облаком пыли он рухнул на землю, раскинув конечности в стороны.

Великаны вели себя так, словно смешнее ничего еще не видели. Они громко смеялись, хлопали в огромные ладоши. Некоторые скалились Каэлу.

Если бы он так сильно не устал, он бы переживал из-за этого. Но сейчас его тревожило только две вещи: боль в ногах и урчание в животе.

Каэл пошел дальше, а Бренд дергал конечностями, как человек при смерти. Его игра вызвала снова хохот, но Каэл даже не поднял голову.

Он искал среди великанов место, где он мог бы просунуться и что-нибудь съесть. В центре он заметил брешь размером с человека.

Брешь четко разделяла великанов на две группы: со стороны Бренда они говорили громко, пока совали кашу в рот, но великаны на другой стороне были не такими общительными. Они молчали, их головы были погружены в еду. Они лакали кашу, как собаки, останавливаясь для дыхания.

Каэл протиснулся в брешь, игнорируя взгляды со стороны группы Бренда, он зачерпнул пригоршню каши. Она была серой, склизкой. Но пахло не так плохо. Он высунул язык и осторожно попробовал.

В каше смешалось несколько вкусов. Он жевал попадающиеся комки и ощущал, казалось, картофель. Порой попадалась морковь. А мясо могло быть свининой, но это были не толстые кусочки, как в бухте Взятки. Их вкус вызывал подозрения, что эти куски повара выбросили.

Каэл старался не думать об этом и глотал. Он убеждал себя, что каша была вязким гарниром к тиннаркианскому рагу.

Он закончил две пригоршни и собирался зачерпнуть третью, когда рука чудовища схватила его запястье. Каэлу это уже надоело. Великаны могли шутить, если хотели, но мешать ему есть... это он не допустит.

Он поднял голову, и ледяные слова застряли на языке.

Этот великан отличался от остальных. Каша была вокруг его рта, капала с губ на шею, где засыхала на воротнике потрепанной рубахи. Его кожа была грязной, волосы пожелтели. Но хуже всего были его глаза.

Они были молочно-белыми, как глаза давно умершего человека. Они не двигались в глазницах, не разглядывали Каэла, не шурились в предупреждении. И он был потрясен, когда вдруг отлетел на пол.

— Агх!

Великан взревел, стоя над Каэлом. Казалось, он пытался говорить, но язык безрезультатно двигался в раскрытом рте. Наконец, он сдался и поднял огромную ногу над головой Каэла.

Все было понятно без слов.

Каэл забыл о боли в костях и откатился в сторону. Он ощущал, как задрожала земля, когда нога великана опустилась. Его чуть не раздавило, и он понимал, что ему не победить. И он поднялся на ноги и попытался побежать к ближайшему загону, но великан схватил его за плечи.

Руки оказались прижатыми, Каэлу оставалось лишь драться грязно. Он взмахнул ногой и попал великану между ног. Этому движению он научился у Аэрилин, и удар был эффективен против мужчин всех размеров. Но, хотя он попал, великан не отпустил его. Он

замолчал на миг, его мертвые глаза медленно моргнули.

Но удар лишь разозлил его сильнее.

Ладонь великана схватила его за горло, ноги Каэла оторвались от земли. Он схватил великана за запястье, пытаясь вырваться, ослабить хватку на шее. Он дико размахивал ногами, попадал ботинками по груди и животу великана, но это его не останавливало. Он лишь сжимал сильнее.

В белых мертвых глазах не было эмоций, тем более, жалости. Каэл знал, что, если не придумает что-то сейчас, его убьют. Никто не спешил помочь ему. Даже Бренд и Деклан не встали помочь ему.

Тьма вспыхивала перед глазами, великан сжимал все крепче. У него оставалось несколько секунд сознания. Великан поднял Каэла выше, пока тот не увидел желтую макушку, и тут у него возникли идея.

Он убрал руки с запястий великана и сжал в один кулак. Он представил булыжник. Он не отпускал эту картинку, вспоминал гладкую текстуру и невероятный вес. Он сосредоточился и наблюдал, как его ладони меняются: пальцы серели, появлялись трещины на коже, его кулак становился камнем. Его руки задрожали от веса, пока он больше не смог его удерживать.

Его кулак опустился, и великан выронил его.

Каэл упал на спину. Воздух вылетел из легких, он схватился за горло, ощупал его. К счастью, сильный повреждений не было, на миг он обрадовался. А потом услышал стон над собой и увидел, как великан теряет равновесие.

Он раскачивался, раскрыв рот. Алый ручеек тек с его макушки к носу. Глаза закатились, и он упал.

Каэл из последних сил откатился. Голова великана задела его пятку, но он хотя бы не оказался раздавленным насмерть.

Он лежал на спине минуту, тер горло и слабо дышал. Он не был рад, когда увидел лицо Бренда.

— Вы это видите? — завопил он, терзая уши Каэла. — Крыска еще жив, — он посмотрел на павшего великана. — Ах, этого не скажешь про бедного Кейси.

— Зато он упокоился, бедняга, — сказал великан, другие согласно зашептались.

Бренд медленно кивнул. Он хотел сказать что-то еще, но свет в амбаре резко погас. Огни факелов отпрянули, словно по ним ударил порыв ветра. Стало слышно топот спешных шагов.

— Хватай его одежду, Бренд!

— Хорошо.

Каэл почти потерял сознание, но ему хватило сил, чтобы прижать к себе рубашку. Он не мог показать великанам метку шептуна.

Бренд рассмеялся, перешагнул Каэла и отправился к мертвому великану.

— О, твои штанишки много не прикроют.

Каэл услышал треск рвущейся ткани, Бренд срывал одежду с Кейся. А потом он пошел к загонам, ткнув по пути Каэла носком.

— Я бы на твоём месте двигался. Если жить хочешь.

Каэл понял намек. Он поднялся на ноги, и мир закружился. Он только встал, когда двери загонов начали закрываться.

Они двигались сами, скрипели из-за ржавчины. Запах магии заполнил комнату облаком.

Каэл сделал пару шагов, но запах захлестнул его. Он упал на четвереньки, его тошнило от ужасного запаха, но он при этом старался удержать в себе ужин.

Он пополз в ближайший загон, брешь уменьшалась, и он не успевал. Он ничего не мог поделать.

Он уже смирился с судьбой, но рука вырвалась из бреши. Ладонь схватила Каэла за воротник и втощила в безопасность. Его лодыжка ударилась о дверь по пути, боль пронзила ногу, но ему было все равно. Он был в безопасности. Он поднял голову, чтобы увидеть, что за великан спас его, перед ним было хмурое лицо Деклана.

Он пристально смотрел на Каэла из тени, падающей на его глаза. Раздался треск у кормушки, и последовала вспышка голубого света. Но Деклан не моргнул.

— Вот и Кейси, — Бренд выглядывал поверх двери на кормушку. Он покачал головой. Голубой свет угасал, и он присел на корточки. Он ткнул Каэла в руку. — Повезло, что Деклан втощил тебя, да?

— Очень повезло, — рявкнул Каэл. — Хотя до этого вы бросили меня умирать.

Обида на лице Бренда была наигранной.

— Я думал, ты был за мной, клянусь, — его маска растаяла, он улыбнулся и толкнул руку Деклана. — Почему ты втощил его сюда? Нужно было бросить его к Невспаханным.

Деклан не улыбался. На его лице было подозрение, от этого уголки рта опустились еще ниже, чем раньше.

— Нет, — медленно сказал он. — Думаю, за ним лучше следить. Он уже показал себя самой интересной крысой королевства.

— Что за Невспаханные? — сказал Каэл, быстро меняя тему. Деклан не ответил. И он повернулся к Бренду. — Напавший великан... Кейси... с его глазами было что-то не так. Казалось, что он...

— Мертв? — сказал Бренд, роясь в лохмотьях Кейси. — Потому что он мертв, крыска. Мертв здесь, — он постучал по боку головы. — Почему, думаешь, мы зовем их Невспаханными? На земле там ничто не растет, если ты меня понимаешь.

Каэл решил, что ослышался. Но он точно не хотел закончить как Кейси.

— Что с ним случилось?

— Гилдерик, — проворчал Деклан, он все еще был повернут к Каэлу. Другие великаны в загоне согласно зашептались. — Он высасывает из них душу, и остается только оболочка.

Каэл не знал, верит ли ему. Лорд долин был с темной репутацией, но он никогда еще не видел ничего такого, как было с Кейси. Человек не мог умереть так, чтобы его тело бродило дальше.

Когда он это сказал, великаны фыркнули.

— Гилдерик — чудовище, — глаза Бренда блестели от презрения или ярости, Каэл не знал точно. — Он ждет, пока кто-то из нас поранится или заболит, и нападает. Многих хороших великанов унесли с полей в крови или больными. Они не вернулись прежними.

— Нам даже не дают мирно умереть, — прорычал Деклан. Пока остальные великаны сгрудились и слушали Бренда, Деклан отклонился к дальней стене и смотрел.

— Знаешь, как он получил кличку Гилдерик Ужасный? — сказал Бренд.

Каэл покачал головой, Бренд склонился ближе.

— Во время Шепчущей войны он служил королю Банагеру главным допросчиком. Бунтующих шептунов вели к Гилдерiku. Говорят, у него есть особая комната в Средине, глубоко в брюхе замка. Туда могут войти только Гилдерик и его подданные. Говорят, оттуда

слышно крики даже наверху башен, — Бренд сделал паузу, тишина в амбаре делала треск огня на факелах невыносимо громким. — Гилдерик был в кожаном фартуке, почерневшем от крови. И на дверной раме был кровавый отпечаток ладони, где он прислонялся, чтобы рассказать писарям, что он узнал. Все говорят, что он пытал их, но никто не может доказать, — прошептал Бренд. Его взгляд скользнул по комнате, великаны придвинулись ближе. — Мятежники выходили из замка через несколько дней, на них даже не было толком царапин или синяков. Они уходили в глушь, и о них больше не слышали. Мы не можем доказать, что это он, — Бренд посмотрел на Каэла. — Но мы это знаем, никто не остается прежним... после разговора с лордом Гилдериком.

Каэл пытался отогнать историю Брендана, но в ту ночь спал плохо.

Глава 9

Наконечник стрелы

Графиня Д'Мер смотрела на последнюю страницу письма Аэрилин, читая медленно и хмуро. А потом она сложила листок и отодвинула.

Элена прибыла в замок вскоре после заката, и теперь оставался час до рассвета. Графиня всю ночь читала записи Аэрилин, отыскивая меж аккуратных строк скрытые подсказки. Поиски прошли не зря.

Хотя она устала от пристального внимания, правду удалось почерпнуть из историй Аэрилин, в некоторых местах была заметна недосказанность. То, что она не сказала, интересовало Д'Мер. Так она узнала о герцоге.

«...Каэл смог провести нас на одну из вечеринок Реджинальда! Нас не было в списке гостей, но Каэл был находчив, он придумал для нас способ пробраться. ... Здесь я знаю мало, но скажу, что мы совершили важное дело, а не просто танцевали. Знаю, ты хочешь узнать больше, но я не могу рассказать.

Хорошо, я дам подсказку: ночь в гостинице больше не стоит двадцать серебряников. Это должно тебе все рассказать...».

О, так и было. И графиня была этому рада.

— Реджинальд пал, — прошептала она.

Она сказала это так тихо, что собака, лежащая под ее стулом, не услышала. Но слух Элены был острее, и она уловила слова Д'Мер, стоя у камина.

— То есть, его убили, моя графиня?

Она подняла голову и увидела Элену, сидящую, скрестив ноги, перед огнем. Она все еще была в одежде, в которой путешествовала, хотя ее алый корсет был в грязи, а носки сапог были сбиты. Она сидела так, чтобы видеть и дверь и графиню. Но кинжал в ее руке привлекал большую часть ее внимания.

Он был полностью черным. Пока она полировала один кинжал маслом и тряпкой, его близнец был в ножнах рядом с ней, оба лезвия были длиной с ее предплечье.

Д'Мер не спрашивала, пришлось ли ей использовать их. Но в стиле Элены было пускать их в ход.

— Не убит, — сказала графиня, отвечая на ее вопрос. — Если бы Реджинальда убили, была бы война, и жадные торговцы пытались бы втянуть нас в это. Нет... скорее всего, его схватили, — она развернула первую страницу письма, собираясь продолжить поиски. — Вопрос в том, где его держат.

— Они бы не оставили его в крепости на острове, моя графиня? — сказала Элена через миг. Она не отводила взгляда от кинжала, но движение тряпкой замедлилось. — Это посреди океана, оттуда вряд ли сбежишь. А они не хотели бы рисковать, перемещая его куда-то. И почему вы все время бормотали про моряков? — она подняла голову, блестящие темные глаза смотрели на графиню. — И о погоде?

— Они плавали только в хорошую погоду, — сказала Д'Мер. Она была отчасти рада Элене, отчасти встревожена. Было бы... проще, если бы она была такой же глупой, как ее братья.

— Почему Его величество не сказал нам? — продолжила Элена, углубляясь в тему. — Он точно слышал.

— Или нет, — пробормотала Д'Мер.

Стены Средин стали удивительно тихими, двери были плотно заперты. Даже ее шпионы испытывали трудности в проникании туда. Несколько писем, которые им удалось отправить, содержали беспокоящие слухи: говорили, что двери заперты, перегорожены проходы и заколочены окна. Все армии Средин были отозваны в крепость, и они пропали за непреодолимыми стенами.

И по королевству ходил один вопрос: король сошел с ума?

Если так, то Крewan был не первым. Многие короли до него обезумели, так что люди верили, что трон Средин проклят чарами древнего врага. Говорили, что коридоры стали неестественно холодными, в подземельях было полно призраков. Д'Мер не знала, правда ли это... но ей было очень интересно узнать.

— Я знаю Кревана. Если бы он узнал, что один из нас пал, он бы созвал всю армию, — сказала Д'Мер. Она встала и прошла к карте, что висела на стене. Она отследила путь от Высоких морей и прижала палец к острову Реджинальда. — Но он точно узнает. И если Реджинальд еще жив, торговцы могут использовать его как заложника для своей выгоды, чтобы положить войне быстро конец. Но это нам не подходит, да?

— Да, моя графиня. Война нужна, чтобы ослабить короля.

Элена говорила за ней. Д'Мер даже не слышала, как она двигалась.

— Вот именно, — сказала графиня, повернувшись, чтобы видеть карту и девушку.

— И бой вытащит его из Средин, — добавила Элена. Она провела в восторге по краю лезвия кинжала. Д'Мер слышала, как шуршат о поверхность мозоли на ее пальцах. — Похоже, наш план работает даже лучше ожидаемого, моя графиня.

Д'Мер улыбнулась.

О, умная Элена — спокойная, умная, уравновешенная. Она была любимицей графини. Она во всем превосходила своих братьев: в беззвучности, памяти и смекалке. Научиться убивать могли почти все, но редкие рождались с этим.

Элена была рождена убийцей.

Д'Мер доверяла ей самых опасных врагов, и она разбиралась с ними почти... с искусством. Не было беспорядка и борьбы. Элена не тратила время на выступления, что часто делали остальные. Нет, она предпочитала хитрость, потрясение от того, что кто-то обнаружен мертвым, гибель от того, что они делали каждый день.

Подстрекатели часто пропадали на пути к площади деревни, собираясь протестовать против налогов. Часто владельцы, не желавшие продавать свои земли, падали и трагически ломали шеи. Рэндалл был ее недавней жертвой. Его слуги обнаружили его мертвым на полу его кабинета. Целители сказали, что его сердце не выдержало, что это было из-за его пагубной любви к курению.

Эта смерть не удивляла, такое могло случиться с кем угодно. Но подозрительно было то, когда происходила смерть. Случаи были на руку графине, и начали расходиться слухи. И это нравилось ей в Элене. Это напоминало ей о другом юном и находчивом убийце, которого она знала...

Но только гордость могла зайти дальше страха. Элена больше не была маленькой девочкой. Она уже была женщиной, ее сила вырывалась из-под контроля Д'Мер.

Наш план? Наш было маленьким словом, но его потенциал был смертельно опасным. Это был наконечник стрелы, за ним следовала идея. И если Элена решит обдумать это... дни графини будут сочтены.

Нет, час настал. Пора было сделать что-то с Эленой.

— Есть задание для тебя, — сказала она. Графиня подошла к столу, Элена безмолвно шла за ней. — Нам нужно добраться до Реджинальда раньше короля. Он запоет как жаворонок, если его поймут Средины, а нам этого допустить нельзя.

— Будет сделано, моя графиня.

— Хорошо, — она открыла выдвижной ящик стола и начала рыться в нем. — О, и возьми с собой Холтана.

Элена судорожно вдохнула.

— Вы не верите, что я справлюсь сама?

— Мое решение не связано с доверием, — ответила Д'Мер. — После того, как ты разберешься с герцогом, тебе нужно отправиться в пустыню, и мне нужен Хотлан, чтобы он приносил новости от тебя. Это работа для двоих.

— А я не могу взять другого...?

— Другие остаются со мной. Ты возьмешь Холтана и будешь молчать об этом. Ясно?

Казалось, она слышит, как слова Элены гремят, когда срываются с ее языка:

— Да, моя графиня.

Через пару мгновений в комнате остался только треск огня, и Д'Мер шумела, роясь в ящике. Она ощущала, как Элена сверлит ее спину взглядом. Вскоре графиня нашла их.

Они были в футляре в задней части ящика. Три плоских ножа. Их лезвия были длиной с мизинец графини, эту длину нельзя было считать смертельно опасной. Но, когда она поднесла их к свету, стало видно бледный лиловый яд на краях.

— Будь с ними очень осторожна, — сказала она, вручая их Элене. — Этот яд ты еще не использовала.

Она взяла их в левую руку и развернула жутким веером.

— Что это, моя графиня?

— Особое лекарство... от особых проблем, — она взяла Элену за запястья и склонила уверенно голову. — Мы все спланировали, но одной пешкой мы не можем управлять, — прошептала она, следя, чтобы Элена смотрела ей в глаза. — Аэрилин упоминала, что Драконша отделилась от них. Она может быть полезной для нас, но как скоро она придет за мной? Как скоро попытается сбросить с трона? Она — опасность для всех нас, пока жива, — Д'Мер обхватила подбородок Элены пальцами и улыбнулась как мать. — Потому мне нужно, чтобы ты отправилась в пустыню, ведь туда, как я думаю, пойдет она. Найти Драконшу... и убери с доски. Ты сделаешь это для меня, милая?

Лицо Элены значительно смягчилось. Ее брови, что обычно были сдвинуты, покорно изогнулись, она кивнула.

Д'Мер улыбнулась и нежно похлопала ее по щеке.

— Спасибо. Собирай нужные вещи и сообщи Хотлану о задании. Я напишу лорду Гилдерiku, он будет рад знать, что я приняла его приглашение.

Элена остановилась на пороге.

— Вы ведь говорили, что не едете в этом году?

— Ну... я передумала, — сказала Д'Мер, перебросив волосы через плечо. — Уходи и спеши в пути.

Элена медленно кивнула. Она все еще выглядела растерянно, закрывая дверь.

Как только она ушла, Д'Мер больше не держалась. Она пересекла комнату и принялась рыться в стопке писем, разбрасывая их, пока не нашла последнее. Она прочитала последнее

предложение, написанное Аэрилин, надеясь без надежды, что как-то неправильно поняла его. Но это было не так.

«Не скажу, куда мы отправимся дальше, дорогой Горацио, Каэл сказал, что упоминать опасно. Но я могу записать загадку: что вдали от моря и вообще не щедро?»

Бесконечные долины.

Сердце Д'Мер заколотилось, она схватила перо и пергамент. Она быстро написала письмо Гилдерику, ее руки все это время дрожали. Как только она закончила, она встала. Ее ночная рубашка развевалась за ней, пока она расхаживала, шлепая босыми ногами по холодному каменному полу.

Ей не нравилась эта странная тревога. Она не привыкла к этому, и, если честно, она и не думала, что когда-то ощутит такое. Ей нужно было сосредоточиться на более важных вещах. На кону были вещи серьезнее, чем судьба дочери торговца, глупо забравшейся на земли Гилдерики...

Но при этом не было ничего важнее ее судьбы.

* * *

Темные тучи собрались над Срединами днем. Они нависали над крепостью около часа, разбухали, гудели угрозы солдатам, ходящим у барачков. Потом показалось, что тучам больше нечего сказать. Какое-то время стояла тишина.

А потом они разверзлись, и полился ледяной дождь, из-за которого все побежали в укрытие.

Аргон наблюдал за этим из окна. Его комнаты были на вершине одной из небольших башен замка, и ему было видно хаос внизу. Он слышал ритмичный стук дождя, падающего на броню солдат. И хотя они только приступили к работе, они поспешили к стенам, чтобы не замерзнуть. Дозорные были плохими, Аргон пожалел их, но король их щадить не будет.

С каждой ночью, когда Драконшу не находили, Креван ступал все ближе к пропасти безумия. Он ходил по залам с мечом наготове или в ножнах на бедре, в другой руке горел факел. Он спал в доспехах. Не первую неделю Аргон слышал, как слуги заявляют, что король приказал замуровать окна в тронном зале кирпичами.

Он мало ел, мало пил. И, насколько все знали, с осени он не выходил.

Аргон тяжело вздохнул, глядя на стражей, хотя не из-за их промокшей одежды и того, что они заболеют, если будут на улице выполнять задание, не дождавшись окончания дождей. Нет... он переживал из-за того, что не мог вспомнить.

Через пару мгновений ходьбы взад-вперед тень мелькнула за окном. Он вовремя посмотрел и увидел, что воробей искал место, чтобы высохнуть.

Ах, теперь Аргон вспомнил.

Его слух был не таким сильным, как когда-то, но он все еще слышал голоса юных магов, запертых в его башне. Разум короля слабел, и проклятие на их оковах тоже. Приказы Кревана уже не содержали такую силу, как раньше, и маги получили возможность выходить из комнат.

Им нравилось проводить дни за книгами и инструментами Аргона, они учили, экспериментировали, устраивали беспорядок. Хотя на стенах теперь было больше сажи, чем

раньше, ему нравилось слушать их болтовню. Молодежь была опасна для самих себя, если их не обучить.

Кстати о молодежи, он обещал им кое-что прочитать. Это он делал, пока не засмотрелся. Он стоял над столом, уткнувшись носом в книгу.

Один из юных магов принес ее в его кабинет, сказав, что нашел ее среди томов в библиотеке короля. Он боялся открывать книгу, думая почему-то, что она проклята.

Аргон дважды обыскал потрепанную обложку, но не нашел ничего, похожего на чары. Чем дольше он изучал ее, тем любопытнее она ему казалась, и вскоре он решил открыть ее и прочитать. Это оказалось сложнее, чем он думал.

Книга была старой, страницы были удивительно плотными. Большая часть слов потускнела, но не потому Аргону было сложно читать ее.

Нет... было в книге что-то странное. Казалось, каждый раз, когда он садился читать ее, что-то мешало ему: стук в дверь, небольшой взрыв в соседней комнате, огонь, который нужно было тушить. Пару минут назад, когда он читал, перед глазами вспыхнуло видение. И он не помнил теперь, что читал.

Он не мог даже вспомнить название книги.

Он перевернул обложку, чтобы напомнить себе: «Миф о Дрэготе». Ах, теперь он вспомнил. Это была сказка, такое мог бы читать ребенок, чтобы не учиться. Книга была легендой о том, как первый король...

Так почему Аргону было так сложно читать ее?

Он кашлянул и устроился за столом, решив продолжить чтение.

«Из чистой магии и сияющей жилы земли архимаг выковал спасение короля: защиту под названием Проклятие дракона».

Это не имело для него смысла. Похоже, он начал читать не с того места. Аргон листал страницы с начала, пытаясь найти знакомую строку, когда в башне вдруг воцарилась странная тишина.

Болтовня магов прекратилась. Аргон слышал, как шуршат их мантии, они разделились, пропуская нелюбимого гостя. Его знакомые шаркающие шаги затихли у двери.

В дверь постучали, пыль упала с потолка от трех сильных ударов.

— Войдите, — бодро сказал Аргон, когда стук прекратился.

Дверь распахнулась и врезалась в стену. Камень уже был надбит там, где ручка билась об него до этого, так что Аргон не переживал об ущербе.

Королевский хранитель зверей стоял на пороге. Он был страшным чудачком с голой грудью, сегодня на нем были штаны, изорванные на колене. Ключки белых волос торчали на голове среди шрамов.

На его руке сидел сокол цвета грозových туч. Его голова была вжата, а перья взъерошены, он словно пытался согреться, хотя в башне было относительно тепло.

Хранитель зверей протянул руку к Аргону, хмыкнув. Он не мог говорить. Аргон не знал, почему, но подозревал, что это связано со шрамами на его горле, которые начинались от его подбородка и шли до груди.

— Минутку, — Аргон вытащил плотную перчатку из выдвижного ящика стола и надел на руку.

Он вытянул руку рядом с соколом, и тот послушно перебрался на перчатку. Его когти оставили маленькие кровавые ранки на голой руке, но хранитель зверей не обращал внимания. Хотя его лицо плохо могло выражать эмоции из-за шрамов, Аргон видел тревогу в

его хорошо глазе.

— Он не болен, — тихо сказал Аргон, глядя грудь сокола пальцем, и янтарные глаза птицы прикрылись от удовольствия. — Я Видел, что его тревожит. Он скорбит о друге.

Плечи хранителя зверей опустились, Аргон видел еще не заживший укус на левом. Гость кивнул. Он знал, из-за кого скорбит Вечерокрыл. Все в рабстве чар Кревана ощутили, когда погиб волк Кровоклык.

— Но Вечерокрыл — ценный шпион, — сказал Аргон, решив, что это привело в его башню хранителя зверей. — Король хочет его здоровым. Но раны не на плоти, и он отправил к предсказателю.

Хранитель зверей кивнул, шишки над его глазами опустились.

— Я его не раню, — пообещал Аргон. — Но это займет время... а пока он под моей опекой?

Хранитель зверей снова кивнул.

— Отлично. Я сообщу, когда что-нибудь пойму.

Хранитель зверей хмыкнул и пошел к винтовой лестнице, разогнав по пути юных магов. Аргон закрыл за ним дверь. Вечерокрыл помог ему вспомнить видение, что было пару мгновений назад.

В долинах назревала беда, камень поднимался с дороги, а спокойные воды начинали бурлить. Он не знал точно, что все это значит, но у Судьбы был план, и Аргон давно понял, что лучше не стоять на ее пути.

Нет, он сыграет свою роль.

— Я не могу возвращать мертвых, кроха, — сказал он, опустив сокола у миски. — Боюсь, однажды потерянная жизнь утрачена навеки. Но, может, есть способ убедиться, что Кровоклык покоится с миром. Конечно... я говорю о мести.

От этого слова перья Вечерокрыла перестали топорщиться. Они прилегли к нему. Его взгляд стал пронзительным. Он слушал.

— Да, я знаю, кто в ответе за смерть Кровоклыка. Более того, я знаю, где он прячется, — Аргон поднес сокола к глазам и хотел вскинуть палец для усиления эффекта, но передумал, глядя на опасно изогнутый клюв Вечерокрыла. — Но, если я покажу тебе, как искать его, ты должен пообещать, что оставишь это между нами. Король не должен знать, что я отправил тебя, иначе он отзовет тебя. Так... ты сохранишь секрет?

Вечерокрыл склонил голову быстрым движением, с которым он мог отрывать плоть от кости. И Аргон понял, что правильно держал пальцы подальше от него.

Хотя убийце Кровоклыка может повезти меньше.

Глава 10

Необычный убийца

Элена медленно вела веслами в воде. Она сжимала весла, двигаясь по воде лишь с тихим плеском.

Океан был спокойным этой ночью, так что и им нужно было вести себя тихо. Элена дышала в такт с ветром океана. Ее спутник тоже так делал, хотя его дыхание было чуть тяжелее. Гул в его груди напоминал волны, бьющиеся о камень: постоянный опасный звук, который она уже ненавидела.

Они плыли к острову с замком герцога Реджинальда, две тени на тихом море. Тонкий слой облаков устилал небо. Бледный свет выглянул на миг, а потом тьма снова закрыла его, словно луна не могла смотреть на них.

Элена недовольно напряглась от влажного тепла, Холтан выдохнул в ее шею. Она знала, что он делает это специально. Он обожал смотреть, как она сжимается. Он сам сказал ей. И она знала, что нельзя давать ему повода насмеяться, но она не сдержалась. От одного взгляда кровь застывала в ее венах. Так всегда было.

Лодка тихо уткнулась в каменистый берег острова. Холтан привязал лодку к прутьям железной лестницы, а потом встал. Он выпрыгнул из лодки на вершину лестницы, и от этого лодка покачнулась, и Элена чуть не выпала, она не была к этому готова.

— Миледи?

Ладонь Холтана появилась из теней, но она игнорировала ее. Она выбралась на скользкий камень, впиваясь ногтями и сапогами в выступы, пока не выкарабкалась на твердую землю.

— Твой разум движется слишком быстро, — прошептал Холтан, они пригнулись. Его голос был немного приглушен маской: красный шарф закрывал нижнюю часть его лица, черные кожаный щиток был на его носу и рту. Его дыхание шипело, проходя через прорези щитка. Его темные глаза блестели под капюшоном.

Элена была в похожей маске, и она надеялась, что от этого ее взгляд на него был еще опаснее.

— Молчи, пока мы не закончим. Или я доложу графине.

Его глаза окружили морщинки, он фыркнул, но ничего не ответил. Элена пронзила его взглядом и повернулась к стенам замка.

Кто бы ни защищал крепость, они плохо старались. Факелы горели слишком далеко друг от друга, между ними оставались участки тени. Даже факелы расхаживающих дозорных не рассеивали их. Такой свет мог раскрыть приближение армии, но не кого-то с навыками Элены.

Она побежала к первому участку тени, она мчалась, пока не прижалась спиной к стене. Холтан появился рядом с ней, как только дозорный прошел над ними. Им пришлось стоять плечом к плечу, чтобы тень скрывала обоих, и Холтан склонил голову. Как только дозорный прошел, они передвинулись к следующему участку тени, а потом к другому. Вскоре они стояли спинами к западной стене.

Перед ними раскинулось море, темное и ворчливое. Элена выгнула шею и следила, как шар света дозорного движется наверху. Через миг он прошел, она ткнула Холтана локтем.

Он выбрался на свет и начал убирать водоросли с большого камня, который казался

неуместным рядом с вмятиной в стене. Елена посчитала, что за ним скрыт тайный проход.

Она ухмыльнулась. Чего только не могли купить несколько кружек эля и платье с большим вырезом. Торговца, которого она встретила в местной таверне, сначала было сложно расколоть, хмурое выражение лица плохо читалось. Он казался злым и недооцененным. Эль ослабил его, и Элене оставалось хлопать глазами и слушать.

— Наш верховный канцлер — обманщик. Те голоса были подделаны, — возмущался он после большого глотка из кружки.

— Капитаном пиратов? — прошептала Елена. Она смотрела, как его губы дрожат, хоть он и пытался сжимать их в строгую линию. Но эта линия начал смягчаться.

— Да. Уверен, — его взгляд упал на ее рот, он вытер эль с аккуратной бороды. — Я говорил остальным, что я должен был стать канцлером. Голоса были бы формальностью, кабинет был моим по праву! Но разве они послушали? Нет!

Он ударил кулаком по столу. Елена обхватила его запястье пальцами. Она мило улыбнулась, ощущая, как участился его пульс.

— Они просто дураки, а вот вы — умный.

Он неловко улыбнулся в ответ. А потом оскалился.

— Да... да, ты права. Они получают по заслугам. Это лишь вопрос времени, если мародеры вернутся в замок, они снова это сделают. Кто-нибудь убьет Колдероя в кровати, помяните мои...

— Расскажите о замке, — перебила Елена. — Думаете, ворам будет легко пробраться?

Он ухмыльнулся, и пронзительный взгляд стал задумчивым.

— Из-за подземных проходов, милая. Первый владелец замка заставил вырезать путь побега, если крепость окружит враг. Но Реджинальд решил, что это ему не нужно. Он даже пытался запечатать его, но вышло плохо. Трое сильных мужчин легко откроют проход.

Эту информацию Елена и хотела получить. Как только она вытянула из него больше деталей, она легко заманила его в комнату наверху, где быстро оглушила.

Она забрала его деньги и хорошие кожаные сапоги. Когда он проснется, то решит, что на него напал вор. Конечно, правда была намного опаснее.

Теперь они знали слабости замка, одна каменная стена разделяла их и путь к герцогу. Холтан даже в слабые дни мог сравниться по силе с тремя мужчинами. Он обхватил булыжник руками, его мышцы надулись, потому, видимо, он предпочитал короткие рукава черной брони.

Меч на его спине был длиной с копьё обычного человека. Огонь блестел на нем, когда он склонился над камнем, но черная рукоять не блестела.

С кряхтением он ловким движением откатил камень, перевернул на бок. Елена пригнулась и скользнула в проход. Она ощутила стук ногами, Холтан позволил камню перекатиться на место.

Влажный мох делал проход скользким. Елена проехала почти весь путь, но Холтан двигался медленнее. Она добралась до железной решетки на пару вдохов быстрее, чем он, и успела оглядеться.

Дураки.

В проходе не было ни одного стража. Она поворачивала голову, и, когда убедилась, что коридор пуст, поманила Холтана.

Он сорвал решетку с петель. Белая пыль посыпалась на него, он опустил решетку на пол. А потом пробрался к двери в другом конце коридора, к проходу в замок.

Элена услышала тихий щелчок, он сдвинул засов.

Пока Холтан следил, чтобы на них не напали сзади, Элена пробиралась к дверям подземелья. Шум стражей четко доносился сквозь дерево: громкое хлопанье ужином, возмущения тех, кто проигрывал в карты, бормотание того, кому было нечего делать.

Холтан появился рядом с ней беззвучно. Его глаза закрылись, он прижался ухом к двери и слушал.

«Двенадцать?» — спросил он, используя сигналы руками, которым их научила графиня. Было важно не шуметь. Они не издавали ненужные звуки.

Элена покачала головой.

«Четырнадцать. Двое спят».

Он прислушался на миг и кивнул. А потом вскинул брови.

«Готова?».

Элена провела средним пальцем по патронташу на груди, где были ее семь метательных ножей. Она знала, что они были там, но почему-то ей нравилось проверять их перед каждым сражением. Ее ладони миновали кожаные перчатки, сунутые за пояс. Они ей не нравились.

Металлические пластины в перчатках защищали ее ладони, но они сковывали ее пальцы кожаным покрытием. Она работала быстрее, если руки были свободны.

Как только она убедилась, что все на месте, Элена схватилась за рукояти двойных кинжалов, пристегнутых к ее рукам, и кивнула.

Холтан задержался на ней взглядом на миг, и ей это не понравилось. Но она не успела забеспокоиться, он развернулся и выбил дверь. Громкий треск ломающегося дерева и крики испуганных стражей, шипение клинков, вылетающих из ножен, огромные глаза, глядящие на нее — все это заставило ее забыть об опасности.

Пришло время работы.

Три ее ножа остановили карточную игру. Мужчины упали со стульев замертво, не вытащив мечи. Она развернулась под мечом четвертого стража и пригнулась, Холтан ответил. Она услышала стук отсеченной головы стража по полу и вскочила на стол с картами.

Элена оттолкнулась и приземлилась перед пятым стражем, и его потрясение дало ей мгновение, чтобы вытащить кинжалы.

Хрупкий и Тень, так она звала их, и они подходили ей лучше любых перчаток. Она взмахнула Хрупким, Тень оставив под рукой. Страж оскалился, он увидел, как мал ее клинок. Он замахнулся мечом в сторону ее живота с силой, которой дровосек бьет по дереву. Элена прыгнула.

Она прижала колени к груди, его клинок пролетел в пустоте под ней. Приземлившись, она выхватила Тень.

Страж не ожидал этого, никто не замечал Тень в атаке. Он был удивлен, когда закончил атаку, и Элена взмахнула кулаком... а в нем оказался клинок, Тень тянулся поцеловать его горло.

Его глаза расширились, когда ноги Элены коснулись земли. Она развернулась, чтобы его падающее тело не раздавило ее.

Стражи бросились к ней. Они пытались окружить ее, одолеть количеством, прижать к земле. Но Элена не паниковала. Ее зрение обострилось. Она сосредоточилась на мужчине ближе всего к ней, а уши следили за остальными.

Она сосредоточилась, и мир изменился: она не видела плоть, лица — только кровь и

бьющиеся сердца. Она представляла, что конечности стражей сделаны из стали, что их кожа раскалена добела. Ей нельзя было касаться ее, иначе она проиграет.

И она впустила в себя трепет сражения, жар растекался по ее венам. Она уже не была Эленой, она была живым дышащим оружием. Ее целью было убивать.

Она отправила первого мужчину в полет ударом сапога. Хрупкий вонзился в грудь другого, она развернулась, и Тень добил третьего стража, который хотел напасть сзади. Если она не убивала одним ударом, она отгоняла мужчину ударом ноги, отделяя его от товарищей. Вскоре она разбила их попытки окружить, они выстроились в линию.

Как только им пришлось нападать по одному, они быстро погибли.

Холтан разобрался со всеми остальными. Она смотрела мгновение, как он кружился в толпе доспехов и копий. Его огромный меч удивлял Элену: его клинок был почти в дюйм толщиной в центре, он был тяжелым. Он держал меч двумя руками, кровь тянулась за его ударами.

Элена услышала сзади хлопок тетивы, свист ветра в перьях и отклонилась, чтобы избежать стрелы.

Она ненавидела лучников. Они всегда стояли вдали, за щитами или стеной, они сбивали врагов как стервятники. Она развернулась, страж, выстреливший в нее, суетился. Она пошла к нему.

Когда он направил вторую стрелу ей в грудь, она резко приблизилась. Его глаза прищурились, глядя на ее сердце. Он выдохнул, и стрела слетела с тетивы.

Элена вздохнула.

Если бы она получала медяк каждый раз, когда в нее стреляли,... она могла бы построить свой замок. Она знала, когда развернуться, как отклониться, чтобы стрела задела ее лишь оперением, пролетая мимо. Она вонзилась в спину не подозревающего стража. Элена услышала, как железо звякнуло о камень, он упал на колени. Его вскрик оборвался, меч Холтана добил его.

Лучник в ужасе смотрел, как упал его товарищ. А потом Хрупкий скользнул меж его ребер, и он посмотрел на нее, но было слишком поздно. Он уже был мертв.

Шум спешных шагов заставил Элену посмотреть на потолок. Они стучали над головой, притихли, и она задержала дыхание. А потом кто-то застучал в дверь.

Она знала, что время игры кончилось. Холтан сдержит стражу, Элене нужно было найти герцога.

Она заметила его через миг: его лицо было прижато к железным прутьям камеры. Его борода отросла, за месяцы без солнца он побледнел, но у него оставались силы, чтобы с интересом смотреть на нее.

Он посмотрел на грудь Элены, явно пытаясь найти нашивку или другую подсказку, кто она. Но он ничего не нашел.

— Кто ты? — осведомился он. Элена не ответила, он схватился за прутья. — Не знаю, кто тебя послал, но я живым стою больше, чем мертвым. Забери меня отсюда, ты разбогатеешь.

Элена остановилась у двери, герцог Реджинальд ухмыльнулся.

— Да, ты меня услышала. Я усыплю дно корабля золотом и камнями... и твой наниматель не узнает.

Он вскрикнул и отпрянул, когда сапог Элены ударил по двери. Засов вылетел от силы ее удара, она распахнула дверь.

— Ты ошибаешься! — закричал он, вскакивая на ноги. — Я сделаю так, что тебе не понадобится больше проливать кровь...!

— А если мне это очень-очень нравится? — прошептала Елена. Она смотрела, как глаза Реджинальда расширяются от узнавания. — А если я не хочу остановиться?

Она опустила маску, потому что не было смысла больше скрываться. Реджинальд скользнул по ней взглядом, его лицо побагровело.

— Ты! — рявкнул он. — Я знал, что в тебе что-то не так! Д'Мер всегда держала при себе питомцев, но я начинал думать, что это ее рассказы. Должен признать... я не думал, что увижу тебя при ее дворе, — алчность сияла в его глазах, он оглядывал кровавую сцену за ней. — Д'Мер держит тебя близко, даже ближе, чем я ожидал. И я вижу, почему. Ты же не обычная убийца, да?

Элена не ответила. Она знала, что это не нужно отрицать.

Почему-то Реджинальд решил, что знание секрета графини дало ему преимущество.

— Стыдно занимать женщину с твоими талантами таким заданием. Освободи меня, — сказал он, приближаясь. — Поедем в Средину, я поговорю насчет тебя с королем. Он не даст твоим навыкам пропасть впустую. План графини обречен на провал, — добавил он, когда Елена не ответила. — Знаю, она замышляет против остальных. Она даже пыталась меня в это втянуть. Но это не сработает. Она слишком глупа, чтобы понять это, ха!

Его тело сжалось, когда кинжалы Элены ворвались в его живот.

— Лучше держи за зубами свой змеиный язык, — прошептала она ему на ухо, — и не оскорбляй мою графиню.

Она вытащила клинки, Реджинальд упал на колени. Он посмотрел на свои раны, схватился за них, но понял, что это бесполезно. Он поднял голову, и Елена с удивлением увидела вызов в его взгляде.

— Слишком поздно, — пробормотал он, кашляя кровью. — Она тоже получила одного.

— Кто и кого? — нетерпеливо сказала Елена. Стук в дверь стал громче и ритмичнее, стражи пытались выбить ее.

Реджинальд смог ухмыльнуться.

— Драконша.

Его слова не имели смысл для Элены. Наверное, это был предсмертный бред, но она запомнила его слова, ведь они могли что-то означать для графини.

Она смотрела, как Реджинальд падает, корчится и замирает. А потом убрала кинжалы в ножны и вышла из камеры, чуть не сбив Холтана.

Он вытаскивал ее метательные ножи из тел игроков в карты.

«Готово?» — спросил он, пока она возвращала ножи в патронташ.

«Да».

«Хорошо. За мной».

Они ушли так же, как и пришли, мимо решетки, камня и в укрытие ночи.

* * *

Они вернулись на континент, и Холтан потопил их лодку. Они побежали в лес, слушая колокола из замка.

— Что они говорят? — прошептал Холтан.

Элене не хотелось говорить.

— Разгадай, — пробормотала она, двигаясь впереди. — Ты должен запоминать сигналы по пути.

— Может, я был отвлечен.

— Они сигналият тревогу, — коротко сказала она. — Ничего особенного, стоит держаться вдали от главных дорог.

— Тогда... почему бы не дождаться утра?

Элена не слышала мрак в его голосе, она была занята мыслями о сражении. Ее мышцы напряглись, она вспомнила, под какими четкими углами поворачивалась, с какой силой вонзала кинжалы. Она вспоминала все, искала огрехи, но нашла не так и много.

Некоторые огрехи она могла убрать. Но большая часть прошла по плану. У Реджинальда было много врагов, его раны были довольно обычными для многих убийц. Никто не свяжет это с графиней...

Ладонь Холтана обхватила ее руку, испугав.

— Куда ты?

Она легко вырвалась, побежала к лошадям. Он не ожидал, что она будет бороться, обычно она так не делала. Обычно тьма в глазах Холтана манила ее, и страх сковывал ее тисками. Но не этой ночью.

Этой ночью в ее венах все еще горел трепет боя, и он не давал страху заморозить ее.

Она отвязала свою кобылку, когда Холтан схватил ее за запястье и развернул.

— Пусти, — прорычала она. Элена попыталась вырваться, но он был готов к этому. В этот раз она не сбежит. — У меня дела в пустыне, — напомнила она, — а у тебя — в лесу. Графиня хочет знать, смогли ли мы...

— Все королевство узнает к рассвету, — Холтан опустил маску, темный голод в его глазах сочетался с оскалом. — Нет... мое дело с тобой.

Грубым движением он сорвал ее маску и прижался губами к ее губам. Он прижался так сильно, что она знала, что будут синяки. Она точно слышала, как скрипят ее ребра от его хватки.

Но в этот раз Холтан не угадал.

Он не дождался, пока она будет рассеяна или одна в углу замка. Он напал на нее, пока ее кровь кипела. В ее глазах он был просто врагом, еще одним боем, в котором нужно было победить. И она не отбивалась, а застыла.

Она расслабилась, губы Холтана стали двигаться смелее. И вскоре его губа скользнула между ее зубов.

И она укусила. С силой.

Он взревел и попытался отпрянуть, но она держалась. Кровь окутала ее язык вкусом металла. Ее зубы двигались по его плоти. А потом его кулак вылетел из тьмы и ударил ее по лицу.

Ее голова отдернулась, рот открылся в потрясении, и она отлетела на землю. Земля кружилась, но она смогла встать на ноги. Стоны Холтана доносились из-за нее, пока она шла к лошади. Усилием воли она забралась в седло, закрывая один глаз, ее голова пульсировала от боли.

Элена направила кобылку на юг, и та помчалась. Они миновали несколько миль, пока огонь не остыл в ее венах. Был почти рассвет, и она осознала вес того, что сделала, и

разрыдалась.

О, плакать было больно. Ее лицо горело от удара Холтана. Слезы с болью вытекали из подбитого глаза, от топота копыт голова болела сильнее, но она не могла остановиться. Она поняла, что может вообще не остановиться. Если она замедлится, если попытается вернуться в Великий лес... Холтан убьет ее. Он убивал за меньшее. Потому что ему нравилось.

Если она вернется, даже графиня не сможет защитить ее. Нет, Елена потеряла дом.

От этого осознания она снова заплакала. Что Холтан расскажет о ней? Скажет графине, что ее убили? Что она сбежала? Что будет графиня делать без нее? Никто не был таким бдительным, как Елена. Другие не уберегли бы графиню.

Но солнце встало, согрело ее опухшее лицо, и она поняла, что поздно сожалеть. Она не могла сейчас вернуться. Она не могла больше защищать графиню. Горечь поднималась в горле от мысли, но она ничего не могла поделать...

Хотя кое-что она еще сделать могла. И она собиралась сделать это. Она сделает это ради графини — найдет Драконшу и убьет.

А потом она не знала, что будет. Но в королевстве могут найтись другие, кому потребуются ее навыки, так что она быстро найдет новый дом.

Глава 11

Арабат

Быстрее всего в Белокость было добраться по морю. Небольшое судно Килэй двигалось по потоку на юг, и дни проходили неплохо, но она все еще часто свешивала голову за борт.

Океан предназначался для плавания. Было странно покачиваться на его поверхности, от этого ее и выворачивало. На большом корабле было не так плохо. Но это крохотное торговое суденышко раскачивалось постоянно. И ее живот протестовал.

— Смотри, драконесса, — пробормотал Сайлас, хлопая ее по плечу, пока она опустошала остатки завтрака за борт.

— Что? — рявкнула она.

Сайлас не переставал болтать с отправления. Он не видел океан раньше, вел себя так, словно остальные тоже его видели впервые — вопил каждый раз, когда видел водоросли на воде или что-то схожее.

Килэй уже хотела отправить его смотреть на это поближе.

Но в этот раз, когда он указал, ей понравилось увиденное: тень висела на горизонте, знак того, что они почти прибыли. Человек бы это не увидел, но она сказала Джейку и Сайласу собирать вещи. Через пару минут раздался вопль:

— Земля!

Ее товарищи стояли по бокам от нее, взволнованно смотрели, как тень обретает форму. Волны ударили по пляжу, дальше шли песчаные холмы. Утреннее солнце скрывалось за ними, окрашивая в розовый. Высокие кривые деревья росли, как водоросли, вдоль берега. Они были голыми, листья можно было найти только на верхушках. Но даже этого веса было для них слишком много, и многие деревья были согнуты под странными углами.

Сонный звон колокола заставил их посмотреть вправо, и Сайлас снова похлопал ее по руке.

— Что это?

В двух милях от них над дюнами возвышалось большое скопление крыш. Когда их судно обогнуло берег, в пустыне расцвел целый город.

— Это портовый город Арабат, — сказал Джейк, пока Килэй зажимала рот рукой. Она не хотела больше склоняться над водой.

Арабат был явно самым крупным поселением в Белокости. Как все поселения в пустыне, он был у водного ресурса, большой пруд был в центре города. Прохладные воды лились из ручья под песками, многие верили, что у него целебные свойства. Килэй даже слышала, что аристократы много платили, чтобы им доставляли бутылки этой воды.

Но это было до Шепчущей войны. Теперь люди тратили монеты на броню и оружие, их больше интересовало избегание ран, а не их исцеление.

У Арабата камень выступал в воду, создавая естественный порт, и люди королевства посещали это место веками. Они прибывали из всех регионов, желая потратить деньги на хорошие украшения и стеклянные изделия, которыми славились местные мастера.

Они были так известны, что барон Сахар украл всех лучших мастеров из магазинов. Он запер их в шахтах на востоке, где заставлял работать как рабов. Его товары делались из простых материалов, а продавал он их очень дорого. Так что Сахар жил припеваючи годами.

Но Килэй хотела это изменить.

Как только их судно остановилось у пристани, они смогли выйти. Килэй видела раньше Арабат только с воздуха, она не ходила там. И она была удивлена, когда торговцы начали выходить на пристань.

Их собралось столько, что ей пришлось проталкиваться локтями. Они кричали громко и тихо друг другу, старались выделиться из толпы, и их акценты были такими сильными, что большую часть слов не удавалось разобрать.

Килэй надела капюшон на голову и пошла среди них. Она старалась в этот раз быть осторожной. Ее долгое пребывание в горах не притупило воспоминания: Креван уже посылал за ней армию, и если ее заметят в Белокости, он сделает это снова.

В прошлый раз ее глупость стоила жизни Гаррона Хитрого. Эта ошибка не давала ей спать, от этой ошибки она поняла, как хрупки жизни ее товарищей, и эту ошибку она больше не повторяла.

И Килэй решила скрывать лицо, пока они не уйдут из Арабата в тишину пустыни.

Они выбрались из судна, торговцы наступали. Килэй пробивалась сквозь толпу, уклонялась от сияющих побрякушек, которые они совали ей под но, сжимала кулаки, чтобы ей ничего не вложили в руки. Запах пота и грязи ощущался в воздухе, а специи завтрака торговцев еще ощущались в их дыхании и от одежды.

Она услышала крик Джейка и схватила его за запястье, чтобы его не унесло. Через пару минут толкотни они оказались на другой стороне.

Сайласа с ними не было, и Килэй боялась, что ей придется возвращаться за ним. Но потом Джейк заметил его на тропе. Он стоял на носочках, с интересом вытянув шею. Его штаны сидели плотнее и были короче, чем до этого.

— Что я тебе говорила про изменение облика на людях? — сказала Килэй, дойдя до него.

Он перестал нюхать воздух и посмотрел на нее без тревоги.

— Важно, чтобы меня не заметили. И они не заметили, — он потянул за штаны и скривился. — Хотя зря я изменил облик. Становится... тесно.

Пока Килэй было плохо, Сайлас и Джейк не зря проводили время в пути. Джейк подумал, что сможет создать чары, которые не позволят одежде Сайласа рваться при каждом изменении облика, и Сайлас был рад экспериментам. Они практиковались поздно ночью, чтобы не видели торговцы. От первых попыток штаны Сайласа вспыхнули, как и кончик его хвоста.

Но Джейк со временем справился... почти. Сайлас мог менять облик, не теряя одежду, но она уменьшалась. И теперь края штанов были почти у его колен, а пуговицы рубашки натянулись.

— Мне ходить так? — он заскулил, потянув воротник. — Я могу ходить голым.

Килэй указала на толпу.

— Ты видишь, как кто-то ходит, в чем Судьба создала?

— Ну... нет...

— И если ты так будешь ходить, думаешь, люди не заметят?

— Возможно, — процедил он.

— Если нас заметят, — она указала за него на группу стражей, что шла к пристани, — они захотят поговорить с нами. Конечно, это означает, что они подвешат нас вверх ногами в подземелье барона и выжгут правду раскаленными углями. Так ты хочешь провести первый раз в пустыне?

Он пронзил ее взглядом.

Она похлопала его по щеке.

— Я так не думаю. Теперь найдем тебе удобные штаны.

Они купили Сайласу сменную одежду в магазине у пляжа, и Килэй проверила, чтобы вещи особенно чесались. А потом они отправились вглубь Арабата.

— Удивительно, — пробормотал Джейк, они шли по узким улицам.

Его дневник был раскрыт, он уже бешено писал угольной палочкой. Хотя Джейк был умным, он не мог делать две вещи сразу: меньше, чем за минуту, он уже врезался в карету, ушиб ногу о лоток с фруктами, чуть не споткнулся о бродячую собаку. Он так сосредоточился на записях, что повернул не туда, и Килэй пришлось забирать его.

— Удивительно, да, — согласился Сайлас. Его золотые глаза озирались, нос не переставал подрагивать. Хоть он говорил, что люди слабы, они его интересовали.

Килэй было сложно не улыбаться, когда она наблюдала за ним. Она помнила свой первый поход по человеческому рынку, волнение от новых открытий: незнакомых запахов, тонов речи, выражений лиц. Лица людей все время двигались, и малейшее изменение приносило другое значение.

Сезеран начал учить ее тому, что означали все выражения, но это обучение она не закончила. Она все еще многого в людях не понимала, это часто приводило к беде.

И все же было приятно знать, что ей есть, что учить. Килэй была старой по годам, но была все еще юной относительно познаний.

Было заметно, что Сайлас впервые среди такой толпы людей. Хотя она не знала всего о них, ее знаний хватало, чтобы понять, что у Сайласа будут проблемы, если она не присмотрит за ним.

Женщина скользнула мимо них, его ноздри раздулись, улавливая ее запах. Несколько ярких цветов было вплетено в ее темные волосы. Они сладко пахли, и Сайлас склонился, чтобы понюхать их, пока она проходила.

Килэй схватила его за воротник, чтобы он не уткнулся носом в ее волосы.

— Но таких цветов нет в горах, — сказал он, провожая ее взглядом. — Я только хотел понюхать.

— Но нельзя трогать женщин, которые тебе не принадлежат. Если рядом ее муж, тебе крышка, — Килэй подавила улыбку от смятения на его лице. — Ее самец, — объяснила она.

— Глупые людские обычаи, — сказал Сайлас с презрением. — Женщины моего вида ни к кому не привязаны. Они могут менять самцов, сколько пожелают.

— Но нельзя всем бегать так, словно пришла весна, иначе великих городов не будет, — отметила Килэй. — Мы так жили бы в пещерах и на вершинах деревьев.

— Смелые слова из темноты, — прорычал Сайлас. Его взгляд впивался в тень ее капюшона. — Повезло, что мне не видно твои глаза.

— Тень сильнее, чем от обычного капюшона, — согласился Джейк. На его носу был след от угля, он все еще суетился с дневником. — Я часто думал об этом. Он зачарован?

Килэй покачала головой.

— Шептун сделал его мне.

Очки Джейка съехали, а брови поднялись.

— Мастерство шептунов, — прошептал он, раскрыв рот. — Это стоило тебе состояние.

Она пожала плечами, улыбаясь от воспоминания.

— Не так много, как ты думаешь. Мастер был в долгу передо мной.

Сайлас остановился посреди дороги, и Килэй пришлось отскочить в сторону, чтобы не сбить его.

— Чувствуешь запах? — прошипел он, нахмурившись.

Через миг она уловила запах: мясо жарилось на открытом огне, натертое специями, с корочкой. Пустой желудок Килэй заурчал. Теперь она была на твердой земле, и ее аппетит вернулся с новой силой.

Сайлас побежал, склонив плечи и пригнув голову, охотясь, и Килэй, не думая, последовала за ним, оставив Джейка позади. Только когда они прибыли к лавке мясника, она услышала, как громко задыхается бедный маг и поняла, что запах еды затмил ее разум на время.

— Прости, Джейк...

— Можно было просто сказать, что вы голодны, — выдохнул он, уперев ладони в колени, — а не срываться так. Я думал, за нами гонятся!

— Больше так не будет, — пообещала Килэй. Она сильно смутилась из-за своего поступка. Они покупали еду, а не убивали. Нельзя было реагировать на Сайласа.

Она подняла голову, чтобы отчитать его, но он уже стоял у стойки и смотрел, как мясник вертит ногу козла над небольшим костром.

— Меньше жарки, друг, — сказал Сайлас, глядя на мясо.

Торговец ухмыльнулся. Он дважды перевернул ногу, едва прожаривая, и отдал. Он был потрясен, когда Сайлас впился в нее.

— Мне такую же, — сказала Килэй, увидев, как Сайласу нравится. — И мы купим все заготовленное засоленное мясо.

Жители пустыни ели то, что росло на земле. Редкие существа выживали под палящим солнцем, так что они обходились без мяса. Но Килэй так не могла, ее драконья часть требовала мясо, другое не подходило.

Торговец завернул их покупку без слов. Килэй посчитала, что этого им хватит на неделю, если она не будет отдавать еду Сайласу.

Когда торговец дал ей едва прожаренную ногу, он смотрел, как она кусает мясо. Она четко видела его отвращение краем глаза, но не обижалась. И ей очень нравились специи.

— А ты? — торговец повернулся к Джейку. Его акцент был не таким сильным, как у многих других. — Может, и тебе с кровью?

Джейк сморщил нос.

— Нет уж, я люблю хорошо приготовленное мясо, спасибо, — он посмотрел на торговца и вытащил дневник. — Откуда вы знаете язык королевства, если можно спросить? Вы всю жизнь в Арабате?

Торговец покачал головой.

— Многие торговцы говорят на этом языке. У нас сотни своих, но никто не готов отречься от своего, чтобы выучить другой. Ваш язык никому не принадлежит, так что мы согласились выучить его.

— Ясно, — брови Джейка подпрыгнули, он принялся быстро писать. — «И язык, что был для них чужим, объединил их». Так правильно?

Он пожал плечами.

— Мне все равно, пока мне платят.

Когда мясо Джейка было готово, Килэй еще ела. Она оторвала сочный кусок мяса, когда Джейк безумно застучал по ее плечу.

— А? — отозвалась она.

Он склонился к ее уху.

— Не смотри, но за нами, похоже, следят.

Килэй огляделась.

Он был прав: четверо местных мужчин стояли у магазина напротив них. На их головах были шарфы, мечи были пристегнуты к их бедрам. Их темные глаза нагло смотрели из-под головных уборов. Они не переживали, что их заметили.

— Думаю, они хотят нас убить, — прошипел Джейк.

Килэй ощущала, как от них исходят темные намерения. Это было видно по их скрещенным рукам, по их опасным взглядам.

— Да, похоже на то...

— Нам не стоит, не знаю... выступить против них? — пробормотал Джейк. Он нетерпеливо забрал свою еду и отдал монеты.

Килэй не переживала. Путники пропадали порой в Белокости. Она представляла, как легко можно спрятать тело в песке. Но исчезновения мешали бизнесу, и барон Сахар постарался приструнить бандитов.

И теперь в Арабате было много стражи. Они ходили парами почти по каждой улице. Они открыто патрулировали город, золотое солнце Белокости было на их груди. Всюду, где они шли, они искали беспорядки взглядом.

Килэй знала, что на них не нападут в Арабате. И она сказала Джейку игнорировать их и повела товарищей по делам.

Они купили риса со специями на две недели с лотка на улице. Сайлас скривился, когда Килэй вручила ему мешок красного зерна.

— Это для добычи, драконесса. Я не буду нести то, что не собираюсь есть.

— Рис продержится, когда испортится мясо. Если попадем в беду, ты будешь рад, что он остался у тебя.

— Но...

Она развернула его за плечи и сунула рис в его сумку.

— Ты будешь нести то, что я тебе дам, и точка, иначе я с тобой разберусь, — заявила она.

Он закрыл рот, хотя его глаза все еще сияли недовольством, ясно говорящем о его отношении.

Они шли к краю города, Килэй заметила торговку финиками в тени дерева. Это была женщина средних лет в красивом голубом одеянии, рукава которого были украшены золотистой бахромкой, которая мерцала на солнце, пока она раскладывала финики по мешкам.

Она протянула мешки Килэй, но поймала ее за запястье, когда Килэй взяла мешки.

— Вас преследуют, — прошептала она. Ее глаза смотрели за плечо Килэй, четверо мужчин изображали интерес к безделушкам торговцев. — Я знаю этих мужчин, много путников умерло от их рук. Вам стоит нанять стража.

Килэй опешила от доброты женщины и улыбнулась при виде ее тревоги.

— Спасибо, что сказали.

Она заплатила ей серебром в три раза больше, чем стоили финики. Женщина была так потрясена, но не смогла возразить, а они уже ушли.

Задние ворота Арабата были половиной ворот. Одна высокая стена защищала путь к барону, остальная часть пустыни была не защищена.

Путь барона был безопасным, это был естественный слой камня, что следовал к горам. Он вился от одного конца региона к другому, и путники были защищены от опасностей дикой природы.

Песчаные дюны бесконечно тянулись на юге и востоке. Они блестели в свете восходящего солнца, жар согревал их. Здесь не было стены, потому что не было смысла защищать эту часть — только дураки пошли бы в открытую пустыню.

— Уверена, что уже ходила здесь? — прошептал Джейк, они решительно пошли к границе.

Килэй вздохнула.

— Да, уверена.

— Ты знаешь, куда идти, да?

— Верно.

Она много раз пересекала пустыню, так что могла сделать это с завязанными глазами. Это было много лет назад, тогда она путешествовала одна, и ей было все равно, заметят ли ее. Теперь от нее зависели другие жизни, она хотела действовать осторожно, даже если это удлиняло путь. Она не хотела лететь, пока еще оставался другой выбор.

Но хотя Килэй сверху видела все лучше, она думала, что без проблем проведет спутников по пустыне. Кроме нескольких деревушек, разбросанных в разных местах, земля была пустой.

Будет ли это сложно?

Джейк молчал минуту. Она слышала, как скрипят его потные ладони на посохе.

— Напомни, почему мы не можем идти по дороге?

Килэй посмотрела на ворота.

— Путь барона Сахара полон пунктов переправы, и там нужно платить за проход. Торговцы теряют по пути не только деньги. И стражи вряд ли пустят меня такой, — она дернула за капюшон. — Как только меня раскроют, они поймут, кто я... и нам уже не будут рады.

— Ах, ясно, — сказал Джейк, хотя рад не был. — И ты точно сможешь не заблудиться...?

— Да, — сказала Килэй, вскинув руки.

— Я спрашиваю, потому что на нас пялятся! — прошипел он.

Небольшие хижины были на окраине Арабата. Жители были у домиков, разжигали костры, делали свои дела. И многие пялились.

От этого Сайлас не смутился. Он смотрел на них с интересом.

— Почему они живут здесь, если там берлоги лучше? — он указал на город.

— Они не в почете, — пробормотал Джейк. Сайлас с любопытством посмотрел на него, Джейк убрал пот с носа и попытался объяснить. — Культура пустыни связана с солнцем, они зовут его Глазом Судьбы и верят, что солнце любит одних сильнее других. И любимчики живут в городе, а остальные — на окраине.

— Почему они любимчики?

— Сложно объяснить, — сказал Джейк, вытирая очки о тунику. — Думаю, это связано с их кожей. Они считают, что те, у кого кожа темнее, и есть любимчики, потому что она защищает их от солнца. Это связано с богатством и статусом, это дела людей, — сказал он, когда Сайлас не выказал признаков понимания.

— Люди, — проворчал Сайлас уголком рта, склонившись к Килэй. — И они зовут варварами нас. Я рад, что не родился здесь. Я был бы не в почете, — он коснулся ее ладони кончиками пальцев. — Удивительно, что тебя пустили в город!

Она оттолкнула его.

Они добрались до края города. Теперь перед ними лежали мили раскаленной дикой земли. Килэй посмотрела на север, убедившись, что они идут вровень с путем барона. Они будут идти так, а потом срежут.

Она не знала, как долго им придется пробыть в пути. Может, им придется выжидать в горах неделями или месяцами. Но главным было не выпускать из виду замок барона.

Это была вина Килэй. Она сожгла замок Гилдерика, а после случая с Сахаром и троллями два правителя заключили соглашение. Они поделили горы, сформировали проход и поклялись, если на кого-то из них нападут, другой придет на помощь.

Килэй не знала, когда Каэл собирался напасть на долины. Но как только Гилдерик учует беду, он вызовет Сахара. Ее друзья не смогут бороться с двумя армиями сразу. И когда люди Сахара покинут замок, она убедится, что они не дойдут до долин.

Их сражение будет небольшим, но, если оно произойдет, ее друзья получат шанс сбежать. Килэй это было важно.

— Те люди все еще преследуют нас, — сказал Джейк, взглянув через костлявое плечо. — Что с ними делать?

— Мы заведем их в пустыню, — просто сказала Килэй, — где песок заглушит их крики.

Глава 12

Черви

Они шли часами, пока Арабат и удобства не исчезли позади. Солнце уверенно поднималось выше, его свет, казалось, становился сильнее с каждым шагом.

Жар не был проблемой для Килэй: чешуя ее брони отражала большую его часть, тень капюшона закрывала глаза. Ей больше мешал песок.

Она хотела вести их по прямому пути. Если огибать дюны, можно было сбиться с маршрута, запутавшись в изменении направления. Небольшие дюны не были проблемой, они пересекались как небольшие холмы. Но, когда они столкнулись с огромной дюной, ее план разлетелся на куски.

Она поднималась горой в пустыне, ветер оставил глубокие ямы, куда Килэй могла провалиться по колени. Но это не остановило ее от попытки повести спутников по прямой.

Песок скользил под их ногами, утаскивая их за собой каждый раз, когда они пытались продвинуться вперед. Больше одного раза Килэй падала так внезапно, что приходилось впиваться в песок локтями. Но она смотрела на вершину, решив достичь ее. Ее мышцы напрягались от движения песка, она вонзала ноги глубже.

— Бесполезно, драконесса!

Сайлас стоял у основания дюны. Он, похоже, упал: она четко видела след от того, как он впивался руками и ногами, чтобы замедлить скольжение.

Джейку повезло меньше. Он лежал кучей у дюны, след он оставил неровный, с отпечатками тела, падающего в песок через каждые пару футов.

Когда Сайлас помог ему встать, из его мантии высыпалось много песка.

— Прости, не могу забраться, — тяжело дышал Джейк. — Придется обойти.

Килэй знала, что он прав. Даже если они смогут забраться на каждую дюну по пути, они будут двигаться так медленно, что это им все испортит. Они не доберутся до замка барона вовремя. Ей нужно было просто следить за солнцем и поворачивать, куда надо.

Она села и приготовилась съехать со склона, когда заметила четыре фигуры на вершине за ними. Казалось, они бегут, но жар так искажал воздух, что было сложно понять.

Но было ясно, что они хотят получить.

Она проехала по песку к основанию дюны, используя вес сумки для равновесия.

— Мы не можем здесь оставаться, — сказала она, увидев, что Джейк собрался отдыхать.

— Почему? Это хорошее место.

— Не совсем, — Сайлас смотрел на бандитов поверх своего плеча. Он все еще глядел на них, когда сказал. — Преследователей лучше встречать на ровной земле. Если они нападут с высоты, у них будет преимущество. Я-то знаю, — он хитро улыбнулся. — Я много раз ломал так шеи.

Джейк отпрянул от него.

Килэй была удивлена: она собиралась предложить то же самое. Сайлас хоть и был котом, и она не доверяла ему, но, может, он был не таким и бесполезным союзником, как она думала.

Они стряхнули почти весь песок с Джейка, Килэй повела их в обход дюн. Они прошли милю, пока не попали в небольшую впадину.

Земля затвердела и потрескалась на дне, она выделялась, как лысина среди песка. Дюны

окружали ее почти идеальным кругом. Килэй решила, что это отличное место для боя.

— Спасибо, Судьба, — сказал Джейк, когда она приказала им остановиться. Он сел, но тут же вскочил. — Горячо!

Килэй рассмеялась.

— А ты чего ожидал, глупый маг?

— Я думал, что будет горячо, но не настолько! Похоже на угли, — он потер зад, сверля взглядом раскаленную землю. А потом его брови поползли вверх. — Интересно, почему так...? — он присел, чтобы рассмотреть.

Килэй села на свою сумку. Было неровно, но место оказалось неплохим, чтобы сесть и попить. Они остановились посреди впадины, чтобы было видно все вокруг них. Она не хотела давать бандитам ни шанса напасть внезапно.

Сайлас расхаживал перед ней, глядя на дюны. Мышцы его плеч были напряжены. Его спина застыла, грудь выпятилась. Руками он опасно размахивал по бокам. Килэй казалось, что его волосы встали дыбом, даже бледные волоски на его шее сзади.

Волнение исходило от него, как жар от земли, и она начала ощущать его.

Ее мышцы напряглись, взгляд обострился. Она ощущала запах пота четырех бандитов, доносящийся из-за дюн. Усталость окутывала их облаком. Жажда давила на их плечи. Она слышала отчаяние в стуке их шагов.

Килэй глубоко вдохнула. Она уловила запах их слабости, и ее кровь загудела в венах...

— Нет, — четко сказала она. Она зажала переносицу и сделала большой глоток из фляги. Ее животная половина шипела и стонала, когда вода плеснулась внутрь, но вскоре притихла.

— Что нет? — сказал Сайлас. Он замер и с любопытством смотрел на нее. Он ухмыльнулся, увидев борьбу в ее глазах. — Почему ты с этим борешься, драконесса? Твои ощущения — дар.

— Только если их правильно использовать, — недовольно сказала она.

Килэй не помнила, какой была до изменения, это воспоминание потерялось на глубине во тьме, и она сомневалась, что найдет его. Но она узнала много об оборотнях от полуволков, которые приняли ее.

Дракон, с которым она была связана, был частью ее души, это не пропадет. Даже хотя ее человеческая часть управляла им, животный дух оставался в ней. Остроклык давно предупреждал ее, что война в оборотне не заканчивалась: если Килэй хотела жить как человек, ей нужно было подавлять жажду крови... Или дать зверю поглотить ее.

Сайлас приблизился, и она зажала нос от его запаха.

— Правильно? — прорычал он. — О, если отворачивать нос, далеко не зайдешь.

— Я не отворачиваю нос, — прорычала Килэй. — Но это не охота. И это не олени, это люди. Если мы должны убить их, это нужно делать с честью.

Сайлас рассмеялся ей в лицо.

— Если мы должны...? С честью? — он упер ладони в колени и посмотрел на нее из-под волос. — Может, ты не заметила, но они охотятся на нас, как на оленей.

— Да, знаю...

— И они не убили нас пока, потому что мы опережали их. Думаешь, они хотят убить нас с честью? — сказал он, указывая на дюны. — Если они не хотят нас шадить, то я не вижу...

— Львы, может, и убивают хладнокровно, — сказала Килэй, встав на ноги. Ее гнев пылал во взгляде, Сайлас отпрянул. — Львы, может, опускаются до уровня врага, но это не

мой стиль. И пока ты идешь за мной, ты будешь слушаться меня, ясно?

Сайлас не кивнул. Но и не спорил.

Ее слова никогда не сработали бы на человеке. Люди были слишком гордыми, и их инстинкты были спутаны с политикой. Но, чтобы управлять другим образом, Килэй нужно было подавить его. Она видела, как Кровоклык делал так много раз среди волков. Она знала, что нужно сейчас подавить Сайласа, показать, что все будет, как она решит.

Если ему это не нравилось, он мог выступить против нее. Но было видно по тому, как он опустил голову, что он не хотел нападать на нее.

И она смотрела поверх его плеча, как первый бандит спускался во впадину. Когда бандит заметил их, он крикнул что-то своим товарищам.

— Дай им хотя бы шанс развернуться и убежать, — сказала Килэй, еще три головы появилось из-за дюн.

— Хорошо, — прошипел Сайлас.

Килэй шагнула вперед, он не отставал.

— Ну, здравствуйте! — крикнула она бандитам.

Они удивленно застыли.

— Боюсь, воровать нас толку нет. У нас нет денег.

— Если цените свои жизни, лучше бегите! — добавил Сайлас.

Бандиты замерли на миг. А потом пошли на них. Главный бандит прокричал что-то на незнакомом языке, другие рассмеялись.

— Что они говорят? — Сайлас прижался нетерпеливо грудью к плечу Килэй, словно только она его сдерживала.

— Не знаю, но ничего хорошего, — отметила она. Один из бандитов указал на нее. — Точно, ничего хорошего.

— Мы можем их убить?

Бандиты совершили ужасную ошибку, вытащив мечи, и Килэй вздохнула:

— Похоже на то. Разберемся с этим.

Сайлас радостно зарычал и вышел из-за нее, глядя на бандитов. Килэй повернулся, чтобы сказать Джейку готовиться, но увидела, что он все еще на корточках у земли.

— Джейк, мы... что ты делаешь?

В одной его руке был флакон, в другом — щипцы. Высунув от сосредоточенности язык, он словно пытался заманить кусочек земли во флакон. Он посмотрел на нее, его очки чуть не упали.

— Прости, я просто... на земле есть несколько свободных кусочков, как хлопья, и я подумал, что их стоит взять на анализ. Я такого еще не видел. Но они ломаются. Мне нужно быть очень осторожным...

Рев прервал их. Бандит закричал, когда Сайлас стал львом:

— А'калла!

— Иди вперед, — махнул Килэй Джейк. — Я тут пока закончу.

Сайлас прыгнул на первого бандита, еще двое бросились в обход, глядя на Килэй. Она оставила Джейка и побежала к ним.

Предвестник завизжал, когда она высвободила его: голос дрожал в ее ушах, разгонял ее сердце. Бандиты замедлились, услышав его, и отпрянули в страхе. А Килэй напала.

Она скрестила мечи с одним бандитом, ударила второго сапогом в живот. В два быстрых удара Предвестник разбил лезвие первого бандита. Часть меча упала на землю.

Бандит все замахивался на нее, а потом понял, что в его руках лишь рукоять.

И она одолела его.

Второй бандит вскочил на ноги и попытался напасть на нее сзади. Она отскочила и ударила Предвестником по его спине, но его меч остановил ее удар.

Килэй знала, что этот — опытный мечник. Он посмотрел на трещину на своем мече, взглянул на нее, и она поняла, что он пытается разгадать ее. Он ударил снова, но его плечо выдавало, что он сдерживался.

Она не обратила внимания на его финт и остановила удар, наметившийся в ее голову.

Их лезвия со звоном столкнулись. Предвестник впился в его меч, кусочки железа отлетали в стороны. Взгляд бандита стал напряженным над его шарфом, руки дрожали от силы Килэй, и она не хотела, чтобы он страдал и дальше. Она оттолкнула его, он потерял равновесие, и Предвестник вонзился в его грудь.

— Все? — крикнул Сайлас. Он озирался, считая мертвых. Его туника была в красных пятнах. — Где четвертый?

Килэй быстро заметила его — бандит бежал среди дюн в Арабат. Она недовольно зарычала.

— Этот оставался тебе!

— Откуда мне было знать? Ты не сказала, что мы их делим.

— Это было понятно по их количеству, — рывкнула она, подойдя к нему.

Они смотрели, как бандит пересекает одну дюну и забирается на другую. Он отвернулся от них, Килэй ощущала панику в его дыхании. Он оглянулся через плечо, и она увидела его страх, она не могла сопротивляться. Килэй пошла к нему.

Сайлас шел рядом с ней, так близко, что их плечи соприкасались. Его волнение переливалось в нее, разжигало.

— Я провожу тебя, — сказал он, скаля зубы в усмешке.

Она улыбнулась.

— Догони, кот...

От взрыва задрожала земля, прервав Килэй. Они смотрели, как вершина дюны взлетает в воздух, тело бандита оказалось во вспышке оранжевого пламени. Дюна посыпалась в стороны жалящей волной песка, и Килэй показалось, что она видит обломки ятагана бандита среди песка.

Она обернулась и увидела, как Джейк стоит за ними, опуская посох. Он прищурился, последний бандит рухнул на землю. Джейк ухмыльнулся.

— Что? — сказал он, увидев потрясение Килэй и Сайласа. Они не отвечали, и он фыркнул. — Мы не могли его отпустить, да? Особенно, после того, как он видел, что этот меняет облик.

Он направил посох на Сайласа, тот завопил и упал на песок.

— Он не будет тебя убивать, — сказала Килэй, пнув его в зад.

— Я могу, — сказал хмуро Джейк. — Только на это я и гожусь.

Они пошли дальше, Джейк часто оглядывался. Он был мрачен.

— Нам нужно найти укрытие, драконесса! — прошипел Сайлас, потянув ее за руку.

Да, Килэй знала, что им нужно было найти укрытие. Она понимала это, и ей не требовалось напоминать каждые пять минут. Но Сайлас продолжал выводить ее.

— Если мы не найдем укрытие...

— Наши кости обглодают, — сказала она, перебив его. — И оставят сушиться на солнце!

— Простите, что? — Джейк плелся за ними. Он часами шел позади них, изучал образцы земли. Но, при упоминании костей, он очень быстро догнал их. — Кто обглодает?

— Существа, которые идут за нами весь день, — нетерпеливо сказал Сайлас.

— Нас преследуют? — Джейк развернулся.

Сайлас схватил его за лямки сумки и притянул ниже.

— Ты не слышишь? Тихие голоса под песком? — Джейк покачал головой, Сайлас отпустил его. — Люди, — бросил он. Он развернулся и посмотрел на садящееся солнце. — Драконесса...

— Знаю, — рявкнула она.

Она уже час искала место для ночлега. Проблема была в том, что Джейк не мог забраться на высокие дюны, а место у земли могло погубить их. Она замерла на вершине дюны, разглядывая опаленную округу в поисках подходящего для отдыха места.

— Здесь только песок! — простонал ей на ухо Сайлас. — Я глупо пошел за тобой сюда, и теперь меня съедят за это!

— Съедят? — Джейк был встревожен.

Килэй не слушала их. Она заметила небольшую кучу вдаль, что была отдельно от остальных, достаточно высокая, чтобы уберечь их. Она оставила спутников и побежала туда.

Она добралась туда, бросила сумку у основания дюны и полезла по скользкому склону. Вершина была шире, чем казалось издали, и это им подходило. Она остановилась на краю и прекратилась а дракона.

Часть дюны обвалилась под ее весом, съехала вниз, когда впились ее когти. Килэй обвила за собой хвост для равновесия и глубоко вдохнула.

У каждого дракона было две пары легких: одни для воздуха, другие для огня. Килэй глубоко вдохнула, задержала дыхание на миг и ощутила щелчок в груди, вторые легкие раскрылись. Жар забурился внутри нее, поднялся по горлу. Когда огонь коснулся ее языка, она выдохнула.

Поток желтого пламени вырвался из ее рта. Он следовал за ее дыханием на песок под ней. Она выдыхала долг, поворачивая голову, пока не оказалась покрыта вся дюна. Она закрыла пасть, песок вокруг нее сиял красным, как огненная вершина горы.

— Это стекло! — сказал Джейк за ней. Он попытался взбежать по дюне, поскользнулся и вцепился за выступы на ее хвосте, чтобы не упасть. Он вытащил флакон с землей из кармана и потряс у уха. — Кусочки наверху — то, от чего земля так греется — это стекло! — его улыбка увяла, а рот раскрылся. — Но солнце тогда жарче, чем я думал. Во что мы ввязались?

— Будет хуже, если это стекло быстро не остынет, — проворчал Сайлас. Он был у основания дюны, прижимал ухо к песку. — Голоски приближаются.

— Я могу остудить его чарами. Ах, если мне помогут подняться.

Килэй склонила голову, и Джейк схватился за ее рога. Она легко подняла его на дюну. Он задумался на миг, бормоча под нос, опуская посох. Наконец, он решился.

Его посох резко опустился и постучал по краю стекла. Красное сияние ушло, угасая, как рябь на пруду.

На миг перед ними лежала стеклянная вершина, идеально прохладная. А потом она почему-то пошла трещинами, напоминая большой лист мятого пергамента.

— Ох, — Джейк уставился на стекло. — Не понимаю этого.

— Не важно, шаман, — Сайлас забрался на спину Килэй и ловко уклонился, когда она попыталась его укусить. Он спрыгнул на середину стекла и ударил по нему пятками. Стук был громким, но поверхность не разбилась. — Да, сойдет.

— Я все еще не пойму, из-за чего вы так переживаете, — начал Джейк, но Сайлас бросил ему сумку.

— Скоро увидишь. Поджарь нам ужин, пока мы с драконессой ставим палатки, ладно?

Когда Килэй сменила облик, голова кружилась сильнее обычного. Она поняла, что это из-за голода. После ее тошноты на корабле она плохо позавтракала, так что в животе почти ничего не было. А повариха в Насесте кормила ее так хорошо, что она привыкла.

Редкое могло остудить кровь дракона, но ночи в пустыне были холодными, и Килэй боялась, что ее товарищи замерзнут без укрытия. Их палатки были маленькими и закрывались. Она принесла шкурки зверей, чтобы устлать пол.

Вскоре палатки были установлены. Сайлас быстро учился: ей нужно было показать ему лишь раз. Стекло было достаточно толстым, чтобы они смогли вогнать кольшки, не разбив его. Килэй не думала, что они достигли дна.

— Солнце еще не село, — сказал Сайлас, когда она это сказала. — Думаю, ты рано празднуешь.

Килэй закатила глаза.

— Почему просто не признать, что я спасла тебя?

— Никого ты не спасла, — парировал он, заталкивая шкуры в ближайшую палатку. — Еще пара минут, и ответить тебе никто не смог бы.

— Да? Ты бы уже перестал корчиться или нет?

— Я ничего не...

— Ты мяукал как котенок.

Он бросил шкуры на стекло.

— Врешь, — прошипел он. — Я не мяукаю.

Килэй пожала плечами.

— Не знаю... я точно видела слезу...

— Что такое? — сказал Джейк, перебивая Сайласа, желающего парировать.

Странный стрекот раздался в воздухе, словно большая стая птиц хотела опуститься на них. Голоса сливались в песню, становились громче, и солнце скрывалось за голой землей. Килэй ощущала, как земля дрожит, сотни тел кишели под поверхностью.

— Назад! — крикнула она Джейку, идущему к краю стекла.

— Слышите...?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Песок полетел перед ним, и белое корчащееся создание вылетело из него. Килэй бросила Джейка за себя и вслепую замахнулась Предвестником. Раздался писк, полетела слизь, и две половинки большого червя пролетели мимо них.

Одна половина шлепнулась на сапог Джейка. Он отбросил ее и отскочил.

— Что это? И почему у него так много зубов?

— Черви, — мрачно сказала Килэй.

Жар в Белокости бы сильным, по песку передвигаться было сложно, но черви были истинной причиной, по которой никто не ходил на юг пустыни. Черви были белыми, толстыми, выглядели как большие личинки. Тысячи острых зубов было у каждого, их рты растягивались, чтобы уместить что угодно.

Килэй как-то раз видела, как черви сожрали компанию стражей барона вместе с броней.

Она слышала стук под ними, черви пытались пробиться. Их горячее дыхание оставляло следы на стекле, их зубы скрежетали. Но, к счастью, они не могли пробраться.

Килэй на миг подумала, что план может сработать. Но это было до того, как она поняла, как далеко эти чудища могут прыгать.

— Назад, — сказала она Джейку, червь вылетел из песка и чуть не впился в его сапог. Она отогнала мага в центр лагеря, размахивая Предвестником. Когда черви падали на стекло, они хотя бы переставали ползти, беспомощно извивались без песка, продвигаясь всего на пару дюймов за раз. Килэй ударяла по тем, кто подбирался близко, и Джейк бил по ним чарами.

— Им нет конца! — закричал Сайлас, размахивая сковородой, как дубинкой. Червь полетел к нему, шипя, и он раздавил существо ударом.

Червь мгновение оставался раздавленным, как ягода, попавшая под ногу. А потом резко ожил, став еще яростнее. Сайлас ударил еще раз, червь прилип ко дну сковородки. Он завопил и отбросил оружие.

— Мы не продержимся всю ночь, — сказал Джейк. Пот уже катился по его лбу. — Даже у мага есть предел...

— Знаю, — сказала Килэй, вымещая раздражение на ближайшем черве.

Вокруг них оживал песок. Бледные тела вылезали из дюн, как рыбы на волнах. Их стрекот стал громче, они приближались. Она ощущала их восторг. Эту жажду крови она сама ощущала пару часов назад. Только теперь черви были охотниками.

Она была добычей.

— Ха! — Джейк отправил огненный шар в толпу червей, и сработало неплохо: огонь ухватился за них, побежал от червя к червя, как по маслу, сжигая их мгновенно. — Похоже, они воспламеняются... о, придумал!

Джейк прыгнул вперед, Килэй пришлось следовать за ним. Он провел посохом по земле, бормоча, и огонь появлялся там, где он проводил оружием. Килэй шла с ним, следя за червями.

Она отбивала их, порой разрезая прямо в воздухе. Черви падали на нее, пытались ухватить за ноги. Она была так сосредоточена, что Джейку пришлось ткнуть ее в спину, чтобы привлечь внимание.

— Идем! — сказал он, безумно размахивая.

Она нырнула в узкую брешь в огне, и Джейк быстро провел посохом за ней. Килэй подняла голову и увидела, что он очертил защитным кругом весь лагерь, теперь они были окружены стеной огня.

Несколько червей попытались пробить стену, но тут же сгорели. Их тела стали пеплом, ветер унес его. Через пару минут их стрекот стал ниже, напоминая Килэй недовольное ворчание. Многие черви возвращались в песок, оставив пару десятков позади.

— Отлично, — буркнул Сайлас. — Теперь нас уже не съедят, так что я могу поесть.

— Решил выбраться из-за палатки? — парировала Килэй.

Он зашипел на нее.

Сайлас устроился ужинать, а Килэй прошла за Джейком. Он опустился у огня, разглядывая стену пламени.

— Отличное и точное заклинание, — сказала она. — И никому не навредило.

Джейк кивнул на червей.

— Они с тобой не согласятся.

— Они это заслужили.

Он рассмеялся.

— Они это заслужили. Крохотные вредители, да? Но... они даже интересные.

Килэй подавила стон и опустила ладонь на его костлявое плечо.

— Ты спас нас сегодня, и меня тоже. Тот комок шерсти вряд ли тебя поблагодарит, — она кивнула на Сайласа, — так что я скажу за него: спасибо, Джейк.

Он кивнул, поправил очки и старался не выдавать слишком много радости.

Глава 13

Лорд Южного амбара

Побег из долин был сложнее, чем Каэл ожидал. Странно, что ему мешали не стражи или маги, а собственное тело.

Каждая клеточка в нем протестовала. Казалось, жидкое железо текло у его костей, обжигая его даже с малейшим шажком. Он не мог повернуть голову без боли в шее, плечи болели так сильно, что не получалось поднять руки, ноги не слушались.

Он ожидал, что будет немного боли после работы с плугом, но не такое.

Каждый день все было одинаково. Двери загонов со скрипом открывались за час до рассвета, и Кэл шел к кормушке мимо огромного выжженного места, оставшегося от Кейси на полу, а потом наружу к поилке. Затем он шел с Декланом и Брендом на поле, которое им назначили. Когда они приходили, бледный свет виднелся на горизонте.

— Наслаждайся рассветом, крыска, — вопил Бренд, пока Каэл закреплял ремни. — Следующий ты можешь не увидеть!

Второй день работы чуть не убил его. Тело Каэла было так избито, что ему пришлось тащить плуг разумом. Он понимал, что скованность из-за боли в мышцах уже делает его убедительно слабым.

Это сработало. Они не только закончили свое поле в тот день, но и помогли соседней команде. К концу дня Каэл ощущал слабую головную боль, и он даже гордился собой. Но не долго.

Третий день оказался самым сложным. Тело Каэла все еще болело, короткий сон не дал разуму времени отдохнуть. К полудню его голова так разболелась, что он перестал использовать разум. Он толкал дальше только утомленными мышцами.

Им повезло в тот день закончить поле.

Как бы он ни старался, как бы ни отдышал, Каэл не мог перевести дыхание. Он оказался в замкнутом круге боли в теле и голове, в пытке без конца. Дни не становились короче, а плуг — легче. Порой он терял ботинки, они застревали в земле, больше их не видели.

Бренд уверял его, что подошва его ног вскоре загрубеет.

— Еще пару недель, и ты сможешь гнуть ими гвозди!

Но Каэл сомневался, что протянет еще хоть день, куда там недели.

Время шло так медленно, что он мог считать каждый день за два. Солнце ползло по небу, пока они работали, сушило грязь на их коже и пот, оставляющий следы из соли. Ночью, казалось, луна бежит по небу. Его голова словно едва касалась подушки, а потом Финкс будил их.

Но как-то Каэлу удавалось выживать. Разумом, телом или упрямством он упирался в землю и шел вперед.

Медленно его тревоги угасали. Джонатан все еще не покидал его мысли: Каэл знал, что им нужно было как-то сбежать. Но утомительная работа на полях успокаивала его, прогоняла зверя в груди, и все тревоги казались далекими. Их смывало потом, который постоянно капал на землю под ним.

Каэл отдавал земле свои страхи, переживая только за вспашку.

— Рад, крыска? — завопил ему на ухо Бренд.

Каэл был рад: показалась телега, везущая в поля воду. Она опоздала почти на два часа.

Маг сидел на телеге, горбясь, словно так давно катался на ней, что стал ее частью. Он просто смотрел вдаль, пока они пили, его хлыст висел в руках. Он не переживал о том, как сильно их терзает жажда.

Деклан передал Каэлу черпак, когда ладонь Бренда опустилась на его плечо, расплескав почти половину воды на землю.

— Сегодня последний день вспашки, — сказал Бренд, Каэл допил воду. Черпак опустел, и он неохотно передал его Бренду.

— Ага, завтра начнем сеять, — пробормотал Деклан. Он поднял голову и посмотрел на поля, солнце прогнало тень с его лица. Хотя его губы были поджаты, Каэл, казалось, видел счастье в его глазах, хотя, наверное, счастье было громким словом. Но он точно не был таким хмурым, как обычно.

Бренд допил и отдал черпак Деклану. Он поднял голову, но маг все еще смотрел вдаль. И Деклан зачерпнул воду во второй раз.

Бренд зевнул и потянул руки над головой, и Каэл уловил неприятный запах, но это точно не было связано с темными пятнами на рубашке Бренда.

— Опять Хоб пришел, — сказал он, ткнув Деклана.

Они посмотрели, куда он указал, и увидели Хоба на краю их поля, хлыст был сжат в его руке. Он ходил среди рядов, пытаясь найти ошибки, но ему это не удавалось.

Хотя Бренд во многом раздражал, но он хорошо работал. Он направлял их криками, чтобы они повернулись, кричал без передышки, пока они не вспахивали идеальную полосу. Так что Хоб мог искать сколько угодно, Каэл знал, что он ничего не найдет.

Деклан зачерпнул воду и передал Каэлу черпак во второй раз. Его глаза пропали в тени, он смотрел на Хоба.

— Он принес языкастую.

— Что? — сказал Каэл между глотками.

— Так мы зовем его хлыст.

— Почему?

Бренд стукнул его по спине, и часть воды попала Каэлу в нос.

— Потому что она кусает с каждым ударом! В каждой нити кусочек металла. Бьется больно. Но не переживай, — он забрал у Каэла пустой черпак и принялся наполнять, — нас можно бить ею только дважды.

— Гилдерик осторожен со своим скотом, — сказал Деклан, отвечая на вопрос на лице Каэла. — Он знает, что, когда кто-то из нас истекает кровью, рана может убить нас. Магам можно пускать кровь, только если мы не работаем.

— Или если буйствуем, или если даже думаем о побеге, — добавил Бренд, фыркнув. — Они могут бить нас, и Гилдерик не услышит. Он редко покидает замок.

— Так почему не бьют? — спросил Каэл. Он знал, что Фаллон не может дожидаться момента, когда растерзает его спину, он говорил ему это утром.

Деклан почти ухмыльнулся.

— Потому что лорд безумен... и они это знают.

Бренд рассмеялся.

— Даже маги не защищены. Например, Черл, — он кивнул на мага на телеге, который смотрел вдаль. — Я слышал, он пытался пробраться в замок без разрешения, и Гилдерик поймал его. Он после этого не в порядке. Но это не самое худшее, — сказал Бренд, глаза блестели. — Погоди, пока не услышишь, что случилось с Людвигом...

— Время!

Черл вдруг очнулся. Хлыст пролетел высоко над их головами, его глаза были дикими.

— Прочь, твари! — вопил он. — Прочь от моей телеги!

Чары сыпались на голову и шею Каэла. Он задержал дыхание и закрыл руками лицо, хотя знал, что это не поможет. Бренд бросил черпак в бочку, и они отскочили в сторону.

Невспаханнные потянули телегу Черла. Хлыст щелкнул над их головами, и они побежали в панике, поднимая облако пыли.

— Он немного того, — пробормотал Бренд. Он потирал лицо, на лбу и скулах остались красные пятна. — Нам лучше вернуться к работе.

Каэл сделал три шага и понял, что Деклан не двигается. На его лице были такие же следы, как и у Бренда. Но он не тер их. Он смотрел на лицо Каэла. Он скользил взглядом по его острым чертам, искал. А потом прищурился.

Каэл быстро отвернулся, но знал, что опоздал. Деклан уже видел, хоть его лицо и было грязным, что ран не было.

* * *

Когда они вернулись в амбар тем вечером, Каэл слишком устал, чтобы переживать о том, что видел Деклан. Он сунул в рот пару горстей каши и ушел в загон.

Там было тесно. Когда-то там все-таки были лошади. Сюда вряд ли смогли бы уместиться шесть великанов с комфортом. Но здесь спали десять великанов... и Каэл.

Солома усеивала твердую землю. Солома была набита и в грязную одежду. Изношенные рубахи, обрывки штанов и даже пара перчаток выглядывала из соломы. Пахло затхло, этот запах мог сбить человека с ног. Каэл всегда испытывал потрясение, входя туда.

Но, несмотря на запах, великаны заботились о своих подушках. Они взбивали их каждое утро, убирали в загоне с гордым видом горничных.

Каэл считал странным то, что великаны так заботятся о месте, где живут, когда они жили так жалко. Но потом Бренд крикнул за ужином то, что заставило Каэла задуматься.

— Маги могут звать нас тварями, но они неправы — у тварей все-таки нет кроватей!

И тогда Каэл понял. Он понял, почему гиганты так гордились кроватями: они жили в амбарах, спали в загонах, работали как кони. В них осталось так мало от людей, что они считали, что постель уже делает их такими.

Теперь Каэл прошел в загон и направился к своему месту, стараясь не задеть подушки великанов. Он спал безо всяких подушек, потому что свободной не было. Но он не был против: его клочок земли был в дальней части, где не было так много великанов. Но он не отдал бы свободное место ни за что, даже за подушку.

Почему-то это место не занимали. Он думал, дело было в том, что земля там была немного вогнута, как плоская миска. Великанам это могло мешать, но Каэлу идеально

подходило. Он свернулся там, прижался спиной к выступу земли и сцепил ноги друг о друга.

Он скоро уснул, но вот спать было сложно.

Каэлу снилось, что он вернулся на Беспощадные горы. Он бежал по лесным тропам с луком в руке. Он преследовал кого-то, и он был так сосредоточен на добыче, что не смотрел под ноги. Вскоре он споткнулся о камень и откатился в темную нору.

Из почвы спешно выбежали насекомые. Их черные тела были едва заметны в темноте, но он слышал, как они щелкали. Они забирались в его уши, бегали по спине, их лапки щекотали его кожу. И все это время они щелкали.

Каэл резко проснулся. Он потер лицо и лег на спину, пытаясь в отчаянии раздавить жуков под собой. Что-то двигалось в его волосах. Он запустил туда пальцы, и они стали мокрыми.

На него нападали не жуки, а капли воды. Он посмотрел на крышу и застонал от увиденного.

Конечно, великаны там не спали — там протекала крыша! Вдали ворчал гром, то громче, то тише, словно храпел большой зверь. Толстые капли дождя стучали по крыше и затекали в трещину над спальным местом Каэла.

Трещина была длиной с его предплечье, но давление собирающейся воды выгнуло ее. Небольшой ручеек лился с крыши на пол загона. Он быстро наполнял впадину, в которой спал Каэл.

Его спальное место почти утонуло, и ему пришлось придвинуться к Бренду. Между ними оставалась только полоска сухой земли, и там была большая нога одного из великанов, из-за чего оставался только квадратик. И Каэлу пришлось спать сидя.

Он прислонился спиной к стене и успокоил себя мыслью, что хуже уже некуда. Но перед рассветом крыша обвалилась.

Каэл проснулся от грохота и волны грязной воды, что окатила его с головы до пят. Растущего веса воды оказалось слишком много для выгнувшейся крыши: часть балки сгнила и поддалась, и куски дерева полетели туда, где спал Каэл.

— Что такое? — Бренд вскинул голову. Его глаза были приоткрыты, соломинки прилипли к его лицу.

— Крыша обвалилась, — проворчал Каэл, стараясь выжать тунику.

Бренд сонно надулся.

— Так не прыгай на ней, — сонно сказал он. Его голова опустилась, и раздалось тяжело дыхание.

Каэл не спал. Ему было мокро и холодно, шея болела от того, что он долго сидел. Двери загона открылись позднее обычного: солнце уже было над горизонтом, когда Финкс выпустил их.

— Не знаю, как вы, а я словно проспал лишний час! — крикнул Бренд, остальные великаны бодро завопили, зевая.

Деклан замер и посмотрел на небо на западе.

— Будет еще дождь, — сказал он.

И не ошибся. Они успели попить, и новая волна дождя обрушилась на них.

— В клетки, твари! — крикнул Финкс. Он выглядел недовольно под кожаным плащом: тени под глазами, он скалился и кривился.

Финкс загнал их в амбар, и Каэл отметил, что с его хлыста слетают заклятия сильнее обычного.

— Что его так злит?

Бренд пожал плечами.

— О, наверное, что-то не так с замками, — он зло посмотрел на спину Финкса. — Или Черл не смотрел за своим амбаром ночью. Они ненавидят, когда он так делает.

Двери амбара захлопнулись, и Каэлу показалось, что они застряли на день. Их хотя бы не загнали в загоны: двери оставались открытыми, и они могли бродить по всему амбару.

— Почему Черл не сделал это?

Бренд посмотрел на него, словно он задал самый смешной вопрос в мире.

— Потому что он безумен! Он не помнит, что он — лорд Южного амбара, и он не...

— Южного амбара? — сказал Каэл.

— Ах, верно. Мы не познакомили тебя с нашим маленьким королевством. Раз ты не собираешься погибать, можно даже немного... ой, — Бренд опустил руку на плечи Каэла с такой силой, что тот упал. — Прости, не привык говорить с цыплятами.

— Можно и осторожнее, — рявкнул Каэл, поднимаясь с земли.

— Ага, или тебе стоит поправиться, — проворчал Деклан.

Несколько великанов рассмеялось. Но Каэл не успел парировать, Бренд подхватил его под свою руку.

— О, не обижайте моего маленького друга-грызуна, — сказал он, грубо ероша волосы Каэла.

Запах из-под руки Бренда был невероятно сильным. Каэл выскользнул из его хватки и вдохнул свежий воздух.

— Что ты хотел мне рассказать о вашем королевстве? — сказал он, пока Бренд не попытался снова поймать его.

У них был свободным день, и Каэл хотел узнать все, что мог, о долинах. А Бренд, похоже, что-то знал.

— Точно. Мы, великаны, считаем это нашим маленьким королевством. Мы зовем его Полями. Там Фермы, — добавил Бренд, указывая большим пальцем себе за спину. — В Полях есть четыре замка, которыми правят четыре лорда-волшебника: Хоб из Северного амбара, Боббин из Восточного амбара, Черл из Южного амбара и Финкс из Западного амбара, где ты и живешь, не зная этого.

— Вообще-то я в курсе, — сказал Каэл. Он отметил, что названия у великанов были простыми. Он решил надавить, чтобы узнать больше. — И если у каждого свой амбар, то какая магам разница, был Черл в своем или нет?

Бренд склонился и упер ладони в колени, оказавшись над Каэлом, словно тот был ребенком, спросившим, какого цвета небо.

— Видишь ли, кроха, засовы и двери не сдержат великана. Обычные двери. И маги сдерживают нас чарами, — он указал на потолок, и его улыбка была такой доброй, что Каэл начал подумывать, что его разыгрывают. — Финкс живет над нами, и каждую ночь, когда феи начинают рассыпать росу, он запирает нас магией. И если Черла в доме не было, — Бренд широко раскинул руки, — то чары в его амбаре не сработали. Что означает...

— Кто-то из них сделал это за него, — закончил Каэл, пока Бренд не начал насмехаться. Он обдумал это. — Наверное, магов истощает управление сразу двумя амбарами. Не знаю, правда, много о магии...

— Разве? — сказал Деклан. Он сидел в стороне, уперев руки в колени. Не было ясно, как давно он слушал. — Почему тебе так интересны маги, крыска?

Каэл хотел сказать ему заниматься своими делами, но сдержался.

— Я думал, что стоит узнать о таком, раз я застрял тут на какое-то время.

Бренд рассмеялся так громко, что заглушил слова Деклана.

— Узнаю крыску. Ты уйдешь отсюда с нами, а это будет не скоро!

Каэл не слушал их насмешки, он пошел к загону. Там, к счастью, было пусто. Он пробрался к стене и лег на узкую сухую полосу у своего места.

Капли дождя негромко, но постоянно стучали над головой, их ритм прерывался только из-за движения туч. Вода стекала из дыры в крыше и собиралась в небольшой впадине, ручеек оттуда тек под стену в поля. Шум дождя расслабил его, и вскоре он начал серьезно подумывать о сне...

Раздался вопль сокола, и глаза Каэла раскрылись, и их тут же чуть не выкололи.

Вихрь перьев стукнул его по голове. Два мощных крыла били его, когти терзали рубаху. Каэл упал на живот, закрыл руками голову, стараясь в отчаянии защитить глаза. И когда он подумал, что ему оторвут ухо, атака вдруг прекратилась.

Сокол закричал снова, но удивительно сдавленно. Каэл перекатился и понял причину.

Деклан стоял перед ним. Он крепко сжимал сокола: одна рука держала лапы, другая — горло. Много великанов столпилось в проходе за ним. Некоторые выглядели из-за стен соседних загонов, но никто не решался шагнуть внутрь.

Великаны пропустила Бренда, и тот замер на пороге.

— Сумасшедшая крошка, да? — он склонился к соколу. — Горной крыски, наверное, но ты бы не смог его пронести... Лучше сверни ему шею, Деклан.

Сокол притих, янтарные глаза чуть выпучились от давления пальцев Деклана на его шею. Но при упоминании гибели он дико забился, хлопая крыльями и вопя.

Бренд отскочил с воплем. Деклан отклонил голову, чтобы его не ударили. Когти сокола боролись с хваткой великана, и тут Каэл заметил что-то странное.

Он уловил блеск чего-то вокруг лапы сокола, и он бросился вперед, крича Деклану остановиться.

Он был удивлен. Когда Каэл потянулся к соколу, Деклан отодвинул его в сторону.

— Что ты делаешь? Он порежет тебя на...

— Плевать. Держи его!

Паника в голосе Каэла, похоже, испугала его, потому что Деклан не спорил. Он держал сокола, и Каэл приступил к работе.

Вот и оно! На когте сокола было железное кольцо. Каэл видел молочно-белую пленку покрывающего его заклинания. Он склонил голову, закрывая от пытливых глаз Деклана то, что он собирался сделать.

Он обхватил коготь одной рукой, другой начал убирать чары, давя большим пальцем, пока пленка не рассеялась. Это было сложно, ведь кольцо было очень маленьким, но он смог соскоблить заклинание. Теперь нужно было отцепить железо.

Он услышал тихое звяканье, и кольцо сломалось, и Каэл сунул его в карман. А потом случилось сразу несколько вещей.

Боль пронзила руку Каэла, и он вышел из транса. Сокол глубоко поранил его, пока он работал, оставив жуткого вида порез на его правой руке. Каэл спешно вытер рану о рубаху, кривясь, когда он услышал оханье великанов.

Он думал, что они увидели, как он разбил кольцо, и он знал, что нужно что-то объяснить. Он размышлял, когда что-то тяжелое упало на пол. Вспышка движения, Деклан

бросился за него.

И Каэл услышал вопль Бренда поверх всего шума.

— Мать долин, это варвар!

Глава 14

В стиле великана

Каэл оторвал взгляд от раненой руки и увидел, что перед ним появился парень. Его глаза были такими же янтарными, как у сокола. Пучки серых перьев торчали на его локтях.

Мгновение мальчик сидел на земле с ошеломленным видом. Его глаза расширились при виде великанов. Он попятился к стене.

— Убейте, — шипел Бренд, толкая Деклана вперед. — Не дайте ему добраться до нас!

Он не успел и шагнуть, Каэл преградил путь. Гнев заглушил боль в руке.

— Не трогайте его, или придется иметь дело со мной.

Бренд помрачнел.

— Может, он и выглядит как мальчик, но это не человек, — сказал он, кивнув на полусокола. — Он проклятый монстр, пустой сосуд! Все знают о варварах: это злые люди, обменявшие душу на власть. В них остался только зверь...

— Нет, — рывкнул Каэл. Он не знал, как оборотни получали силу, но он был уверен, что они не звери.

Деклан шагнул вперед, их почти ничего не разделяло. Каэл не двигался, лицо скривилось.

— Откуда ты знаешь? Откуда знаешь, что это существо не убьет, получив шанс?

Слова вылетели раньше, чем Каэл подумал остановиться:

— Потому что я знал одну. Мы путешествовали вместе, сражались вместе, она даже спасла мне жизнь. В ней было только добро. И она... стала... очень дорогим другом...

Колени Каэла подкосились. Он ощущал себя странно, словно только проснулся от лихорадочного сна. Его раненая рука оказалась под ним, болела под животом. Он попытался перекатиться, но не помнил, как шевелить ногами. Он онемел, было слишком больно, не было сил плакать.

Он думал, что больше не выдержит, но слабость утихала. Он стряхнул онемение с конечностей, вернул силу. Воздух свистел в его легких, когда он вдыхал. Он словно дышал, выбравшись из моря.

— Не слушайте его, он затуманен, — сказал Бренд, пока Каэл пытался встать на ноги. — Потеря крови явно сказалась на нем.

Каэл не был уверен, что дело в этом. Эта слабость была другой, эта пугала его сильнее, чем потеря крови. На миг он подумал, что черный зверь вернулся. Что его челюсти сжимаются на его сердце. Что зверь почти убил его.

Но даже так он упрямо отгонял страх. Были дела важнее.

Хотя Бренд пытался подвинуть его, Деклан не двигался. Он не скалился, лицо стало настороженной маской. Было забавно видеть, как большой Бренд прятался за маленьким Декланом. Но Каэл был не в настроении смеяться.

Он повернулся и увидел, что полусокол все еще жался у стены. Его взгляд тал опаснее, когда Каэл шагнул ближе, но он не пытался сбежать.

— Есть у кого-то туника? — спросил Каэл.

Великаны смотрели на него ледяными взглядами. Никто не собирался делиться с оборотнем.

Каэл мог уже потерять терпение, но Деклан вышел из толпы. Он прошел к своей

подушке, порылся в соломе.

— Вот, — он бросил потрепанную тунику полусоколу.

Его рука молниеносно схватила рубаху, пальцы сжались. А потом он грубо натянул ее через голову. Туника была великана, потому что она заканчивалась ниже его колен.

— Как тебя зовут? — сказал Каэл, полусокол не спешил говорить.

— Вечерокрыл, — пробормотал он. А потом вскинул голову, и Каэл вздрогнул, когда эти странные глаза пронзили его. — Тебя?

— Каэл, — он коснулся ладонью груди. — Что привело тебя в долины.

Вечерокрыл сжался, разглядывая его лицо, взгляд быстро отмечал все его черты.

— Я пришел убить тебя.

Великаны бормотали. Он, казалось, слышал шипение Бренда:

— Я же говорил!

Но Каэл не переживал.

— Ага, не удивлен. Король уже посылал за мной оборотней.

Его улыбка на миг обезоружила Вечерокрыла. Он хищно улыбнулся Каэлу в ответ.

— Король не послал меня. Я пришел убить тебя по своим причинам.

— Я знал! — завопил Бренд. — Что я говорил? Им нельзя доверять. Мы должны были убить его, пока был шанс.

Каэл был немного удивлен признанием Вечерокрыла. Он был уверен, что они не пересекались. Что он сделал, заслужив мечь полусокола?

— Почему ты хочешь меня убить?

Лицо Вечерокрыла ничего не выдавало. И Каэл не знал, что думать, пока он не сказал:

— Ты убил Кровоклыка.

Каэл дрогнул от этого имени, укол в груди помешал сделать следующий вдох. Он старался забыть Кровоклыка. Он говорил себе снова и снова, что Кровоклык хотел смерти. Килэй простила его за это. Но угрызения совести терзали его.

— Ты прав, — он не сводил взгляда с Вечерокрыла. — Я убил его. И я заслужил умереть за это.

Его черные зрачки стали точками, и Каэл знал, что грядет. Он приготовился, что Вечерокрыл бросится к его горлу... но этого не произошло. Его зрачки расширились, когда он моргнул, и он прижался к стене.

— У меня не было своей стаи. Кровоклык был добр со мной. Волки часто добрые, пока ты не охотишься на их территории, — добавил он с ухмылкой. — Кровоклык научил меня многому. Он научил меня сражаться благородно. Он говорил искать мудрость, — Вечерокрыл тяжело вздохнул. — Я нашел мудрость, когда не следовало. Я не могу убить тебя.

Каэл пытался переварить то, что рассказал ему Вечерокрыл, но это было сложно: язык полусокола двигался так же быстро, как глаза.

— Почему ты не можешь меня убить?

Вечерокрыл повернул голову, хрустя шейей, и Каэл увидел пучок перьев у основания его черепа.

— Потому что ты спас мне жизнь. Ты освободил меня. И по законам моего народа...

— погоди, — Каэл вскинул голову. — Знаю, что ты хочешь сказать, и я не буду это слушать. Долг между нами оплачен. Ты пришел убить меня, не дал им убить тебя, — он махнул на великанов, а те, несмотря на подозрения, толпились вокруг с интересом, — и ты решил не убивать меня. Все уравнилось. Между нами нет долга жизни.

Вечерокрыл моргнул.

— Но все еще остается проклятие...

— Проклятие? Какое? — сказал Бренд. Он приближался, но при упоминании проклятия он отскочил. — Не нужно сюда никаких проклятий...

— Он о другом, — сказал Каэл.

— Тогда о чем? — Деклан встал, руки напряглись по бокам. Он прищурил глаза и выжигал взглядом точку на затылке Каэла.

Он быстро размышлял. Он не мог дать великанам знать, что Вечерокрыл заколдован, это вызвало бы неправильные вопросы.

— Это... фигура речи, — сказал он. В его голову пришла идея, и он ухватился за нее, надеясь, что Вечерокрыл подыграет. — Когда оборотень теряет друга в бою, это висит над ним как проклятие, кхм, терзает его горем. Пока он не отомстит за друга. Тогда горе уходит.

Великаны вокруг него понимающе забормотали. Они кивали друг другу, их глаза расширились. Только Деклан был встревожен, он яростно моргал и чесал ухо со смятением на лице. Но через миг даже он поверил Каэлу.

По крайней мере, он не перечил.

— Горе — твое проклятие, — сказал Бренд. Он смотрел, как Вечерокрыл кивает.

— Да, — полусокол посмотрел на Каэла. — Но теперь я опечален, что не могу отплатить тебе, — он, казалось, думал о чем-то еще. Взгляд янтарных глаз скользил по загону, крыше, стене и кормушке. — В таких гнездах я еще не бывал. Почему ты живешь здесь?

Бренд громко фыркнул и покачал головой другим великанам.

— Мы застряли здесь, — объяснил Каэл. — Это как тюрьма.

Темные брови Вечерокрыла поползли к волосам. А потом он почему-то задрожал.

— Вы узники? — Каэл кивнул, и он дико улыбнулся. — Вот, как я тебе отплачу! Я могу освободить тебя...

— Нет! — заревел Бренд, это была не шутка, он топнул так сильно, что с крыши посыпалась пыль. — Попробуешь увести нас, и я убью тебя. Я сорву с тебя кожу...

— Он пытается помочь, — прервал Каэл. — Или ты слишком горд, чтобы принять помощь от оборотня?

— Гордость с этим не связана, — сказал Деклан. Он кивнул Бренду. — Расскажи им.

Бренд глубоко вдохнул. Красный угасал на его лице, но глаза яростно блестели.

— В замке Гилдерика заперты наши женщины, — сухо сказал он. — Мы не знаем, где, и мы не можем узнать. Но важнее другое: если мы попытаемся восстать, Гилдерик убьет их, он клялся. За каждого сбежавшего он убьет одну из наших сестер и повесит ее тело в Полях. Потому нам плевать на чужаков, ведь им нет дела до нас. Какая им разница, что погибнут наши сестры? Они могут нас ранить... они не пытаются нас спасти.

Он смотрел на Каэла, и тот понял, что в глазах Бренда блестит не гнев. Это был страх.

— Гилдерик не... — начал Каэл, но Деклан прервал его.

— О, он-то может. Тебя не было здесь в день, когда долины пали, крыска. Ты не видел, как армия Титуса убила наших родителей. Ты не видел, как Гилдерик отбирал нас, — его глаза опасно скрылись в тени лба. — Так что поверь, он это может сделать, ведь он уже делал и хуже.

В горле Каэла пересохло. Он ощущал гнев Бренда, пылающий за его покрасневшим лицом. Вокруг него великаны шумно выдыхали, их ноздри раздувались. Даже дождь звучал

яростнее, чем раньше: он бил барабаном, предупреждая его.

Но Каэл не слушал.

Великаны могли посчитать, что Каэлу было все равно, но это было не так. Он не пытался сбежать, ведь это могло стоить великанам жизни одной из их сестер. Но он не собирался провести остаток жизни в цепях.

Нет, пора было решать проблему. Каэл понимал, что он не может вернуться в море. Он не мог рассчитывать на помощь пиратов. Он был один.

Он мог это сделать. Он должен был сделать это. Если он не придумает, как освободить великанов, они могут сгнить в их загонах.

— Думаю, теперь ты понимаешь, крыска. Я не буду убивать тебя сейчас. Но знай: если я поймаю тебя при попытке сбежать, — Бренд широко улыбнулся, — мы скажем Финксу, что тебя сожрали львы.

Каэл пожал плечами.

— Ладно. Я никуда не уйду.

— Хорошо, — сказал Бренд. Он выпрямился и оглядел остальных. — Если и задумывать что-то, то в стиле великана!

Они согласно закричали. Они столпились у двери и над стенами. Все смотрели на Бренда.

— У нашего принца будет ответ. Он думал столько лет, и я надеюсь, что он создаст хороший план!

Каэл чуть не охнул, когда великаны согласно начали шептаться.

«Принц?».

Он мало читал о великанах в «Атласе». У них не было лордов или дам, они жили разбросанными кланами. Клань почти постоянно воевали между собой — из-за земли, воды, скота, даже из-за мелочей.

Управлял кланами хоть как-то только принц. Только у него была власть собирать налоги и созывать великанов в бой. Когда чужаки захватили долины, принц повел клань в бой. Некоторые историки верили, что великаны ставили слово принца выше короля.

Каэл был удивлен, но быстро успокоился, решив, что это без смысла.

— Хотите сказать, что ваш принц здесь? — великаны кивнули, он все еще не понимал. Он думал, что они шутят над ним. — Не верю. Гилдерик не дал бы ему выжить даже рабом.

Великаны рассмеялись, тыкая друг друга локтями и указывая на него, словно они не верили, что такие глупые существа бывали в мире.

Лицо Каэла пылало от их смеха, но он не собирался сдаваться.

— Хорошо, тогда кто это? Где ваш принц?

— Здесь! — сказал Деклан.

Каэл не успел удивиться, другие великаны начали вопить:

— Здесь!

— Здесь же!

— Нет, я сегодня принц!

Они снова рассмеялись, и Бренд заглушил их:

— Гилдерик пытался убить его, да? Он пытался стереть всю семью принца! Но это проблема великанов — мы одна семья. Пока есть живые великаны, у долин будет принц. Он среди нас, — сказал Бренд, озираясь. — Маленький кузен принца был так далеко в его роду, что предатели не вспомнили его. Мы бережем его уже много лет. Когда придет время, мы

вернем его на трон.

Великаны громко смеялись, и Каэл вдруг понял.

— Вы его не выдали.

Бренд насмешливо улыбнулся.

— Нас раскусили, парни. Лучше раздавить кроху!

Вечерокрыл бросился к Каэлу, закрыл его пернатым локтем. Его взгляд пронзал великанов, предупреждая их. Они тут же умолкли.

— Все хорошо. Они только шутят, — сказал Каэл, отодвигая Вечерокрыла.

Он надеялся, что великаны шутят. Но с Брендом было сложно понять.

* * *

На следующий день земля была еще слишком влажной, чтобы садить, так что Хоб приказал великанам поухаживать за плугами: они натирали ремни, проверяли, нет ли трещин, отдавали лезвия в замок, чтобы их заточили.

Каэл не знал, сколько пальцев потеряет, когда Хоб крикнул:

— Мне нужна группа тварей, что пойдет с Черлом на Фермы, там кончилась солома для зверей.

Бренд и Деклан подняли руки. Каэл чуть не лишился руки, когда Бренд потянул его за запястье.

Хоб пожевал губу.

— Крыса? И вы снова? — он смотрел на толпу, но другие не поднимали руки. — Хорошо, тогда вы...

— Нет, их нельзя посылать, — пролепетал Финкс. Он появился из-за амбаров, Невспаханые шли за ним.

Они стояли за ним. Их молочные глаза были мертвыми, рты были приоткрыты. Каждый держал лопату на плече. Каэл понял, что они собирались копать новую яму для отходов.

Хорошо было то, что Невспаханые выполняли работу, которую никто не хотел — тянули телегу Черла, разбирались с ямами для отходов. И они не жаловались.

Ими было сложно управлять. Даже сейчас они не заметили, что Финкс остановился. Ближайший к нему Невспаханый наступил ему на пятки, и тот вскрикнул.

— Назад! Назад! — визжал он. Финкс щелкал хлыстом, пока они не отпрянули, а потом повернулся к Хобу. — От крыски проку не будет, — он подло оскалится. — Почему бы не поставить его на подмогу мне.

Каэл точно не хотел весь день копать ямы. Там воняло так, что горели легкие. Он всегда старался ходить к ямам быстро и по делу.

К счастью, Хоб не согласился.

— Здесь управляю я, а не ты. И если я говорю, что крыска сможет бросать сено, то он сможет. Приступай к своей работе.

Финкс недовольно ушел, Невспаханые поплелись за ним, напоминая Каэлу огромных утят.

Финкс пропал из виду, и Хоб погнал их ударами хлыста. Каэл пошел за великанами к сараю у Северного амбара, помещение было почти таким же, как все амбары, по размеру.

С пола до потолка сарай был наполнен соломой. Деклан вручил Каэлу вилы. Он видел их на рисунках, но никогда еще не использовал. Но он быстро понял, что ними обращались, как с копьём с четырьмя зубцами.

— Осторожно, крыска! — крикну Бренд из-за плеча. Каэл отпрянул, но не так далеко.

Бренд бросил копну сена, и Каэлу пришлось упасть на четвереньки, чтобы его не пронзили.

— Что ты творишь?

— Я говорил отойти, — сказал Бренд. Он показал Каэлу свои вилы. — Мы зачерпываем так большие охапки сена...

— Я знаю, для чего вилы, — рявкнул Каэл. Его рука пылала там, где Вечерокрыл задел его, и он не был в настроении для шуток Бренда.

— Встань у телеги и грузи туда сено, что мы бросаем, — сказал Деклан, тыкая его своими вилами.

Черл был в нескольких шагах от сарая. Из его телеги убрали бочки с водой, и телега была пустой. Великаны бросали сено за плечи, и гора соломы росла перед Черлом. И Каэл должен был перекидывать сено в телегу.

Древко вил было сделано для великана, и Каэл никак не мог ухватиться за него. Пальцы приходилось широко расставлять, и от этого рана на руке болела еще сильнее. Верхушка вил была такой тяжелой, что приходилось закидывать край на плечо.

При первой попытке большая часть сена просыпалась на его голову. Солома застряла в волосах Каэла и прилипла к потному лицу. Она попала за воротник и прилипла к спине, стала ужасно чесаться от малейшего движения. Он тряс рубаху сзади, стараясь избавиться от соломы, но пот на спине удерживал соломинки на месте.

Каэл боролся, а великаны работали с сеном. Он потрясенно смотрел, как они бросали охапки сена за плечи. Движения были умелыми, они работали, как товарищи в бою. Длинные руки Бренда взлетали вверх, пока Деклан быстрыми движениями перебрасывал сено.

Они очистили весь сарай, пока Каэл сделал десяток взмахов.

— Отходи, кроха! — сказал Бренд, отогнав Каэла от кучи. — Это работа великанов.

Как только солома была погружена, великаны забрались в телегу. Каэл скривился, когда колеса застонали под их весом. Они втащили Каэла за пояс, и он тут же впился в край телеги. Он видел, как водит Черл, так что рисковать не хотел.

Они погрузились, и Бренд ткнул древком вил в скамейку кучера. Черл, смотревший на облака какое-то время, ожил.

— Вперед! Вперед! — завопил он, взмахивая хлыстом.

Невспаханнные заревели и побежали по дороге так быстро, как позволяли их толстые ноги. Телега опасно раскачивалась, прыгая на камнях и выбоинах, солома понемногу рассыпалась за ними. Ноги Каэла пару раз отрывались от дна телеги.

Если бы он не держался, он бы давно выпал и погиб.

Глава 15

Камень в скипетре

Главная дорога разделяла Поля и Фермы. Ограды делили землю на квадраты на другой стороне от замка Гилдерика, на каждом квадрате было удивительно много зверей.

Каэл никогда не видел столько существ в одном месте. Сначала он подумал, что все звери должны жить в маленьких загонах, как в Поляне. Он был удивлен, когда увидел, как пираты вернулись из рейда со скотом на одном из кораблей. Он помнил, как странно для него было видеть, что большие звери сидят тихо и не переживают, что они попали на крохотную лодку.

Он не знал, почему они не пытались сбежать.

Теперь он смотрел на ограды и думал о том же. Их было столько, а ограда была низкой, что Каэл не мог поверить, что звери не пытаются сбежать. Но они даже не поднимали головы, чтобы оглядеться, слишком заняты щипанием травки.

Стада овец бродили по траве, их мясистые бока покрывала белоснежная шерсть. Они срывали пучки травы, пока вокруг бегали ягнята на нескладных ногах, боролись безрогими головами.

Каэл зажал нос, когда они проезжали свиней. Запах от черной грязи был таким, что он ощущал его на горле. Он смотрел, как великаны высоко поднимают ноги в грязи, пытаясь загнать свиней в угол.

Несмотря на их огромный размер, свиньи быстро двигались на своих ножках. Грязь покрывала их спины, делая их особенно скользкими: они просто вылетали из рук великанов в другую сторону. После долгой гонки великан смог схватить свинью.

Она была размером с небольшую кадку. Каэл потрясенно смотрел, как великан взваливает визжащее животное на массивные плечи. Свинья отчаянно боролась, но не могла сбежать. Она визжала все громче, пока великан нес ее по дороге ко второй башне.

Эта башня была из такого же красного кирпича, как замок, и Каэл понял, что она новая. Из вершины не валил дым, но вокруг постоянно летала большая стая падальщиков.

Ему тут же стало жалко свинью.

— Мы зовем ее Дробилкой, — сказал Деклан, когда Каэл указал туда.

Его желудок сжался.

— Что там дробят?

— Все, что бросают, включая шумных горных крысок, — сказал Бренд. Телега застыла у большого сарая, он соскочил. — А теперь в сторону, нас ждет работа.

Каэл так и не научился работать с вилами, так что он не мешал великанам. Пока они разгружали телегу, он пытался выудить соломинку из штанов. Не получалось.

— Вот так-то, — бодро сказал Бренд, закрывая двери.

Каэл не сильно обрадовался тому, что они везли телегу, полную соломы, из одного сарая в другой через весь регион.

— Почему здесь не растят свое сено? — проворчал он, пытаясь выудить упрямую соломинку, прилипшую между лопаток.

Бренд вздохнул, глядя на небо.

— Спасите меня от глупости людей. Они не растят здесь сено, потому что на Фермах растят зверей, — сказал он с нарочитым терпением. — Конечно, горные крыски убивают

ради еды, вы даже сорняк для котелка не вырастили!

Каэл пронзил его взглядом.

— Ты ничего не знаешь о жизни в горах. Великаны хранят еду под землей и за оградами. Вы не знаете, что такое выслеживать добычу с клыками, просыпаться каждый день, зная, что твой ужин может тебя съесть. Мы не просто убиваем ради еды, мы охотимся. И я убивал медведей крупнее, чем вы, — добавил он с, как он надеялся, грозным взглядом.

Великаны переглянулись и расхохотались.

— Где пряталась эта искорка? — сказал Бренд. — Если бы я знал, что ты такой забавный, я бы... упс.

Его игривый толчок отправил Каэла на землю. Ему надоели великаны, надоело падать, слышать смех и кличку «крыска». И он хотел все им высказать.

Но, когда он развернулся, выражение лица Деклана заставило его забыть о своих словах. Он не мог поверить: Деклан улыбался. Не просто улыбался, а так широко, что другие казались бы глупыми с такой улыбкой. Но Деклан... выглядел другим человеком. Счастливым.

Но улыбка тут же пропала. Деклан бросил вилы в телегу и пошел в другую сторону, сунув руки в карманы.

— Я думал, что вы, крысы, сутулые ничтожества, — сказал Бренд, бросив вилы следом за инструментом Деклана. — Но, должен сказать, ... я ненавижу тебя меньше.

Каэл нахмурился.

— Меньше?

— О, точно... на капельку меньше, — он подмигнул. — Теперь побудь у телеги, но не спугни Черла. Если его не трогать, он будет просто сидеть и смотреть на куриц. У нас есть пара минут для себя, — Бренд обошел телегу и взглянул на кучера, уходя.

Черл не заметил. Он сидел на скамейке, глядя, раскрыв рот, на пернатых обитателей курятника.

Они кудахтали и бегали на своих лапах, умело не даваясь тем, кто хотел поймать их. Каэл заметил, что это были люди с морей. Он так долго был с великанами, что люди казались до смешного маленькими.

Он не знал, были ли они знакомы с Лисандром. Они могли быть с ним добрее. Чем великаны. Он хотел подойти и поговорить, но знакомая тень упала на него.

Он умолял Вечерокрыла оставить его и улететь на свободу. Но тот настаивал, что останется. Он провел ночь на крыше над головой Каэла и улетел рано утром на охоту. Казалось, он выглядывает куриц.

Роланд говорил, что у соколов очень хорошее зрение.

— Если ты видишь их, они вот-вот пересчитают тебе зубы.

И Каэл посмотрел на Вечерокрыла и покачал головой. Сокол недовольно опустил крылья и улетел к Полям, словно не хотел соблазняться.

Каэл прошел немного, чтобы убедиться, что Вечерокрыл не попытается вернуться. Когда он оторвал взгляд от неба, он заметил Деклана.

Он стоял у ограды, которая была чуть больше остальных, склонившись над ней, скрестив руки над досками. Он смотрел на существ с другой стороны со странной тоской на лице.

Каэл приближался и ожидал увидеть коров или овец, что-то съедобное. Он был удивлен, когда увидел проносящихся юных лошадей. Они отбрасывали гривы, радостно фыркали, бегая вдоль ограды. Их копыта топали по плоской земле.

Каэл видел только оседланных лошадей или привязанных к телегам. Было удивительно смотреть, как лошади двигались вместе, бегали свободно, без чьих-то поводов, они могли отбрасывать гриву, не боясь сбросить всадников. Он и не думал, что это дикие звери. Но теперь было сложно видеть их другими.

— Хочешь познакомиться? — спросил Деклан, заметив взгляд Каэла. Тот не успел ответить, Деклан сунул пальцы в рот и громко свистнул.

Кобылка тут же вскинула голову, ее уши дрогнули. Она прошла через толпу пасущихся товарищей и направилась к ограде.

— Это Криспина, — сказал он, погладив изящную шею. — Разве не красавица? Она королевской крови. Ее отец был боевым конем короля Банагера.

Каэл не сомневался. У Криспины были длинные ноги и блестящая черная шерстка, так что она выглядела как королевская лошадь. Деклан кивнул, и он протянул руку, чтобы коснуться ее шеи. Он был удивлен, когда ее нос уткнулся в его макушку.

— Ты ей понравился, — одобрительно сказал Деклан. — Лошадь читает душу человека лучше любого Провидца. Если ты нравишься Криспине, я знаю, что ты порядочный.

Каэл провел ладонью по белой полоске между глаз Криспины, и она радостно фыркнула.

— Я не знал, что великаны растят лошадей.

Деклан поднял и опустил плечи.

— Ага, мы выращивали лучших лошадей в королевстве. Для нас они больше похожи на собак. Наши задницы слишком велики для них.

— Ты даже кататься не можешь?

Он покачал головой.

— Я не такой высокий, как остальные, но мои кости все еще как из камня. Я быстро бы их раздавил. А этого никто не хотел бы, верно? — он обратился к Криспине, она тряхнула хвостом в ответ.

Они стояли мгновение в тишине, гладили Криспину, а она игриво касалась губами их пальцев. Жеребята бегали за ней, преследуя хвосты друг друга. Каэл следил за их игрой и заметил кое-что странное.

Огромный камень торчал посреди травы. Он был высотой с трех человек, кольцо из шести великанов смогло бы обхватить его руками. Сам камень был бледно-красным с черными прожилками. Солнце поднималось все выше, и черные прожилки блестели в его свете.

Когда он указал на это Деклану, тот вздохнул.

— Это Камень скипетра.

— Волшебный?

— Нет, в долинах нет магии. Если не считать навыки великанш на кухне, — он слабо улыбнулся, но улыбка быстро увяла. — Идем, посмотришь ближе.

Они перемахнули через ограду и пошли к Камню. Деклан сказал, что нужно спешить, ведь местные маги не обрадуются, увидев их среди лошадей.

Пока Деклан выглядывал магов, Каэл прижал ладони к Камню. Поверхность была гладкой, словно камень долго лежал в реке. Казалось, изнутри исходит тепло. Маленькие черные прожилки были теплее остального камня. Каэл пытался нащупать трещину, где дотягивался, но не получалось.

— Для чего он? — сказал Каэл, когда они перебрались через ограду.

Деклан перелез над досками, а Каэл проскользнул между ними.

— Он толком и не используется. Это больше символ, чем что-нибудь еще.

— Символ чего?

Деклан расправил плечи, хмыкнув, словно не хотел об этом говорить. Но Каэлу хотелось узнать. И он терпеливо ждал пару минут, позволяя вопросу висеть в воздухе. И Деклан сдался:

— Конечно, ты слышал о великанах и о том, как мы воюем. Все королевство слышало. Им нравится представлять нас кровожадными тварями. Или тупыми, — он посмотрел на Каэла, словно он мог добавить другие оскорбления.

Он только пожал плечами.

— Я мало знаю о великанах. Я большую часть жизни был в горах.

— А, — лицо Деклана ничего не выдавало, он продолжил. — Ну, мы воевали чаще, чем многие другие регионы. Кланов часто ссорились. Они начали с мелкого, просто спора между соседями. Но вскоре в бой оказались вовлечены все.

— Почему? — спросил Каэл. — Почему кланы не могли просто договориться?

— Мы ведь не чужие, все мы — семья. Каждый клан связан кровью, — сказал Деклан, теребя выступ на ораде. — Если ты воюешь с соседним кланом, есть шанс, что ты сражаешься с кузенком или дедом, — он склонил голову, и Каэл увидел, что он пытается скрыть улыбку. — Потому что часто выходит из-под контроля. Кто-то попросит жениться на моей сестре, и я выбью зубы. Кузен пустит коз на посевы моего брата. А потом кто-нибудь пойдет мыть плуг в пруду... и это только часть возможных поводов, — он поднял голову и серьезно посмотрел на Каэла. — Но то, что мы постоянно воюем, не означает, что правил нет вообще.

Он махнул на лошадей.

— Нельзя трогать того, кто стоит в тени Камня скипетра. Там женщины и дети переживают сражения. Я бывал здесь с мамой еще ребенком, — его глаза потускнели от воспоминаний. — Мы ждали много дней, устраивали пикники и бродили по землям принца. Он позволял кланам сражаться какое-то время, но, когда приходило время урожая, а наши отцы не возвращались, принц шел за ними. Он ехал из замка с армией за спиной... и приводил отца и родственников домой за уши.

Деклана словно прорвало: Каэл никогда не слышал от него столько слов, и он понимал, что вряд ли услышит снова. И даже хотя вопросы пытались сорваться с его губ, он старался тихо сидеть и смотреть, что еще расскажет Деклан.

— Они пытались разбить его, — пробормотал он через миг. Глаза Деклана были направлены на Камень, он ухмыльнулся. — Когда Титус захватил долины, он приказал магам разбить его заклинаниями. Они покрывали его огнем и льдом, пытались взорвать, даже призывали цепи, чтобы перевернуть его на бок. Но Камень выстоял, — он сжал губы. — И великаны увидели в этом знак.

Он молчал. И Каэл не знал, что ответить, так что не раскрывал рот. Они стояли в относительной тишине пару минут, а потом Бренд обнаружил их.

— О, нет, — сказал он, улыбаясь, когда увидел их. — Деклан же не рассказывал о лошадях? Не рассказывал об их блестящих боках, да? Если он начнет надоедать, крыска, ты всегда можешь уйти, а он будет и дальше говорить с ветром.

Деклан улыбнулся и покачал головой, но не защищался. Бренд продолжил:

— Ничего не поделать. Он же родился в клане Конюха. Они болтают о своих зверях

днями на пролет. Целые армии убегали, чтобы не слушать их рассказы. Клянусь матерью долин.

Каэл повернулся к Деклану и сказал:

— Значит, Деклан Конюх?

Он кивнул.

— Да, Каэл из Беспощадных гор.

* * *

Черл все смотрел на куриц, и они смогли весь день бродить среди Ферм и смотреть на зверей. Бренд знал многих великанов по имени, он говорил с каждым по несколько минут, спрашивал, как у них дела.

Солнце начало опускаться, они запрыгнули в телегу. Черл повез их по ухабистой дороге, а Каэл погрузился в размышления.

История Деклана пылала в его голове. Он решил найти способ освободить долины. Но он знал, что план не сработает, пока на его стороне не будут великаны. А они ему явно не доверяли.

Как он мог убедить их выслушать?

Он с потрясением обнаружил, что ему не хватает Лисандра. Он раздражал. Но капитан точно знал бы, что делать с великанами. Он ослепил бы их вспышками белых зубов, раскрутил бы их так, что они упали бы, потеряв равновесие. Великаны пошли бы за ним, не понимая этого, и Лисандр давно ушел бы, а они потом только поняли бы, что он обхитрил их.

Почему-то от этой мысли Каэл улыбнулся.

Он едва ел за ужином. Мысль о хитрости Лисандра не давала ему покоя, была нитью, ведущей к спутанному клубку идей. Где-то должен быть план, но было сложно понять, какой. Через какое-то время Каэлу надоело думать, он знал, что нужно прекратить страдать из-за всего и выбрать что-то одно. Ему нужно было потянуть за нить и посмотреть, какие идеи вырвутся из клубка.

И за ужином он решил поступить именно так.

— Я много думал о вашем принце, — сказал Каэл Бренду. Он сказал так тихо, чтобы другие великаны его не слышали. Хотя шум за ужином был таким, что ему даже не нужно было понижать голос. — Думаю, я мог бы помочь ему с планом.

Бренд поднял голову.

— Что ты задумал? — сказал он с кашей во рту.

Каэл рассказал ему о Джонатане, о том, как их поймали, хотя он опустил часть об остальных пиратах.

— Так что, если я доберусь до друга...

Бренд громко фыркнул, каша отлетела в кормушку.

— И как ты хочешь это сделать? Свернуть послание и бросить в окно замка?

Каэл постарался обезоруживающе улыбнуться ему.

— Я мог бы сделать это... или использовать оборотня.

Бренд понял через мгновение. Он опустил голову к Каэлу, его глаза уже не блестели с

насмешкой.

— Ты хочешь отправить сокола с посланием скрипачу?

Каэл кивнул.

— И что ты ему расскажешь? Побег лучше не планировать.

— Было бы глупо даже пытаться, особенно, когда ты обещал разобраться со мной, — сердце Каэла стучало в горле, но он заставил себя улыбнуться, когда Бренд кивнул. Он подбирал слова осторожно. — Мне кажется, что план вашего принца не сработает, пока вы не освободите женщин. Вы даже не знаете, где их держат. И если Джонатан осмотрится или даже нарисует пару карт... думаешь, это поможет?

Бренд задумался на миг. Он почесал подбородок, глядя на великанов вокруг. Он разрывался, и Каэл боялся, что он откажется.

— Если он найдет, где Гилдерик прячет наших женщин, — медленно сказал Бренд, — это нам сильно поможет. Мы не можем выйти отсюда, пока не спасем наших сестер.

Каэл знал, что, если кто и может найти комнату с женщинами, так это Джонатан.

— Уверен, проблем не будет. Он очень... кхм, наблюдательный, — сказал Каэл и поднялся на ноги. — Я отправлю Вечерокрыла немедленно.

Бренд рассеянно кивнул, глядя на великанов.

— Хорошо, я расскажу остальным, что ты затеваешь.

Каэл собрался уходить, но рука Бренда впиалась в его запястье. Он так хмурился, что Тельред гордился бы им.

— Я буду следить за тобой, крыска. Если ты попытаешься выбить ноги из-под нас, тебя ничто не спасет, — прорычал Бренд, — это я обещаю.

Каэл кивнул, и он отпустил, хотя взгляд Бренда прожигал его спину, пока он шел к загону.

Он знал, что затеял опасную игру, но другого способа не видел. Великаны могли сгнуть в амбарах, пока этот загадочный принц спасет их. И Каэл хотел взять дело в свои руки.

Он нашел Вечерокрыла на крыше над его спальным местом. Когда Каэл дал ему задание, он качнул пернатой головой. А потом он улетел в ночь, безмолвный, как тень.

Каэл лег на кусочек земли и слушал, как Бренд рассказывал великанам про его план. Некоторые были против, и они громко говорили, но Бренд все-таки уговорил их, сказав, что нет другого выхода. Он пообещал сломать Каэлу ноги, если он предаст их.

И пока он не дошел до этого, Каэл был отчасти рад тому, что ему позволили продолжать. Он надеялся, что Джонатан сможет найти женщин.

Факелы потускнели, великаны поспешили в загоны. Деклан зашел последним. Он замер на миг на пороге, тихий и неподвижный. Доверие, что Каэл ощутил днем, пропало, он мог поклясться, что ощущает давление взгляда Деклана.

Он быстро отвернулся и притворился, что спит.

Посреди ночи вернулся Вечерокрыл. Каэл ощутил что-то мягкое у плеча, поднял голову, полусокол моргнул ему в дыре крыши. Он взлохматил перья в приветствии и пропал снова, улетев во тьму.

Каэл ощупал предмет, упавший ему на плечо, и понял, что это пергамент. Он был плотно свернут вокруг куска угля, бечевка удерживала его на месте. Он развернул пергамент и улыбнулся, увидев кривые буквы на странице:

«Эй, Каэл, рад вести от тебя! Признаюсь, я начинал переживать о тебе немного. Я высовывал голову из окна три раза в день, пытаясь тебя заметить. Уже глаза болят.

Но, как только я подумал, что больше тебя не увижу, я высунул голову, и что? Полный рот перьев! Хотя не мне жаловаться. Я знал, что мы свяжемся, я в тебе ни на миг не сомневался! Хотя я ожидал не такого.

Я отправил твоего друга — Вечнокрыл, да? — к морям. Он скажет пиратам отправляться без нас. Думаю, они займутся своими делами, пока мы не выберемся. А мы выберемся, друг. Гилдетрус против нас не выстоит, мы же самые умные злодеи с этой стороны морей!

У меня все хорошо. Меня отвели к лорду, когда мы попали в замок. «Только не смотри ему в глаза», — сказал мне Дред. И я тебе скажу, друг, такие предупреждения лучше слушать.

Я прошел в тронный зал, поклонился и расцарапал нос о камни, как бард перед лордом, и я на всякий случай смотрел только на его сапоги. Он приказал мне сразу что-нибудь сыграть. И я ударил по скрипке и сыграл самую скучную вещь, что пришла в голову. С дрожью, с нотами на местах. Отвратительно.

Лорду, похоже, понравилось, потому что, как только я закончил, он сказал: «Убей другого. Этот нравится мне больше».

Не пойми меня неправильно, я рад работе, но мне немного жаль другого товарища.

Оказалось, что бардом быть не так сложно, как я думал. Это даже скучно. Гилдерик все равно, что я делаю, пока я прихожу играть за ужином. Я играю порой стражам, но чаще просто брожу по замку, ищу что-нибудь интересное. Гилдерик не любит украшения, а многие двери заперты, но я нашел вчера кое-что загадочное.

Я заблудился и забрел в старый длинный коридор. В конце была дверь, но, конечно, запертая. Я хотел попятиться, но услышал женские голоса! И много! Я слышал, как они общались и смеялись за дверью.

Как ты знаешь, с дамами я всегда был хорош. И я постучал и попросил впустить меня. Дверь открылась, выглянула старая ведьма. Правда, ведьма, друг. Она помахала на меня поварешкой и закричала, что мужчинам внутрь нельзя, и я ощутил боль в заду. Я побежал оттуда так быстро, что чуть не оставил сапоги!

Ты говорил о великанишах... может, там Гилдерик их держит? Клянусь, я ходил по замку не меньше пяти раз, и только там слышал дам.

Это может быть опасно, я могу получить ожоги на заду, но я обещаю пробраться внутрь — о, все ради плана, конечно. Мне нужно только очаровать старую ведьму.

Я никогда еще не рисовал карты, но, видимо, пора попробовать! Ты пока береги себя, друг. Может, я часто шучу, но в замке творится что-то жуткое. Я еще не понял толком... но я еще ни одну ночь здесь не спал крепко.

Выше нос, не сдавайся!

Джонатан».

Каэл перевернул пергамент и взял уголек. Он был так взволнован, что его рука дрожала, пока он писал.

Запертая дверь в конце длинного коридора, он думал только о башне вне замка Гилдерика, откуда поднимался дым. Если женщины там, то все проще, чем Каэл надеялся, и им не придется штурмовать крепость, им нужно только пробиться в башню.

Времени на размышления было много, и Каэл знал, что сможет придумать план.

Глава 16

Отвращение

Они заходили глубже в Белокость, и Килэй считала дни по припасам.

На рассвете четвертого дня закончилось мясо, потому что, хоть она и пыталась, отогнать от него Сайласа не удавалось. Он четко помнил пятый день, Сайлас громко стонал, что похудеет и погибнет, если будет есть рис и финики. На шестой день она ударила его по голове и тащила на плечах много миль ради тишины.

На седьмой день стало легче.

— Стой. Слышишь?

Она обернулась, Сайлас стоял, раскинув руки и ноги. Он осторожно обошел по кругу, словно старался идти среди ржавых гвоздей.

— Килэй, ударь его снова, — попросил Джейк, догнав их.

Бедный Джейк. После первого дня на палящем солнце он проснулся с волдырями на лице и шее. Килэй не подумала взять мазь, солнце ослабляло ее, но не обжигало кожу. Сайлас просто загорел. А вот Джейк пострадал.

Он пытался в отчаянии исцелиться. В результате волосы на его лице теперь росли в два раза быстрее. Он не мог бриться из-за волдырей. Через шесть дней у него была пышная борода.

— Нет, я слышу, что-то скребется... — Сайлас замолк и стал львом. Он впился в песок лапами, и жалящие волны отлетали к Килэй.

Она слишком устала, чтобы быть его. Она села на сумку и принялась искать воду.

Фляги хранили воду прохладной, но они выпивали ее быстрее, чем солнце могло ее нагреть. Она делила воду, нехватка уже сказывалась на теле. Она не могла вспомнить, когда в последний раз ходила в туалет.

— Он сошел с ума, — Джейк сел рядом с ней, глядя на Сайласа.

После значительных усилий Джейк отыскал верхушку невидимой фляги. Он открыл ее, отклонил, чтобы попить, но вылил почти всю воду на нос.

— Сколько еще идти? — рявкнул он, нетерпеливо вытирая лицо рукой. Он скривился, когда рукав задел волдыри.

Килэй отвернулась, чтобы он не выцарапал ей глаза.

— Мы уже близко.

— Сколько? День? Два дня? — Джейк с отвращением посмотрел на солнце. — Неделю?

— Не знаю. Думаю, мы близко...

— Не знаешь? Близко? Я думал, ты знала, куда мы идем, — она не ответила, Джейк потянул за капюшон и снял его. — Мы заблудились! — сказал он, увидев ее лицо.

Она оскалилась от этой мысли.

— Мы не заблудились. Просто... ориентироваться сложнее, чем я думала.

— Но ты же говорила, что была здесь раньше?

Она едва успела открыть рот, Джейк все понял.

— Ты летала, — от его потрясения очки съехали по носу, а он и не спешил их поправлять. — В прошлый раз ты летела к замку барона! Не шла. Ты не знаешь, как ориентироваться с земли, да?

— Конечно, знаю, — возмутилась Килэй. Она смотрела на бесконечные дюны,

раскаленное небо и начинала понимать. — Правда в том, что я никогда так не ходила по земле...

Ее слова затихли, волна усталости нахлынула на нее. Солнце не жгло ее кожу, но выматывало сильнее. В этой пустоте ее чувства были бесполезны, она не могла уловить след, и даже зрение дракона не помогало.

Днем горизонт дико искажался от жара, и дюны оказывались друг на друге, иллюзии дразнили их укрытием. Ночью из-за огненной стены Джейка они не могли видеть, что вдали. Они поднимались, солнце светило им в лицо, и они хотели, чтобы это продолжалось, но к вечеру оно было то слева, то справа.

Килэй не знала, как далеко они сбились с курса. Чем дольше они оставались в пустыне, тем сильнее она ослабевала.

Ее кровь уже начала терять свою магию. Песчаные холмы жгли днем так сильно, что Килэй ощущала жар пятками. Когда солнце садилось, холод пробирал ее до костей.

Жаркий сухой воздух терзал ее нос изнутри с каждым вдохом, кожа потрескалась, как земля под их ногами. Из ее носа уже несколько раз шла кровь и засыхала, и в это время она не могла ощущать ничего, даже противный запах Сайласа.

Вокруг них царил мертвая тишина. Казалось, только у ветра есть голос, и он не прекращал говорить. Каждый порыв воздуха нес песчинки, жаля им губы и уши. Он выл по ночам, сдувал вершины дюн и собирал новые, и когда они просыпались, пейзаж менялся.

Им приходилось упрямо отправляться на рассвете... готовясь к жаркому и душному миру еще раз.

— Не так все и плохо, — сказал Джейк. Он, должно быть, видел, сколько безумных мыслей мелькает в ее глазах, так что решил разобраться с их проблемами. — Посмотрим... ах! — он согнулся рядом с ней, уперев руки в колени. — Ты всегда можешь слетать на разведку, а мы Сайласом тебя подождем.

Килэй пыталась улыбнуться, но от этого натягивалась сухая кожа губ.

— Не могу, Джейк. Не осталось сил на полет.

Мясо кончилось, и все быстро летело под откос. Теперь ее драконья половина голодала.

Приходилось тратить много сил, чтобы устраивать им стеклянное убежище каждую ночь. И потом мир кружился. Ее голод был больше боли или урчания в животе — прошлой ночью она чуть не упала в обморок.

Если она полетит, то может упасть с неба. Кто тогда поможет Джеку и Сайласу? Нет... ей нужно было приберечь силы. Можно было найти умный способ решения проблемы.

Килэй посмотрела на север... она надеялась, что это север. В пустыне солнце проводило на небе ужасно много часов. Оно охотно забиралось наверх каждый день, а потом замирало, словно перышки облаков держали его там в заложниках. Проходило несколько часов, пока солнце висело над их головами, не позволяя ориентироваться. А потом оно высвобождалось и неслось к горизонту так же быстро, как поднималось.

— Пора двигаться к пути барона. Не знаю, как много ночей огня у нас осталось.

— Это касается нас обоих, — пробормотал Джейк. Его мрачная улыбка выглядывала из-за спутанной бороды. — Если мы не поедим, не найдем твердую землю, мы...

Его прервал вопль, который Килэй тут же узнала. Она повернулась к Сайласу.

Он копал, пока они говорили. Песок покрывал его нос и шерсть, но работа стоила усилий: в зубах он держал тощего зайца. Он указывал передними лапами на землю и качал головой на яму, что выкопал.

Килэй не требовался перевод.

Она прыгнула в яму и сунула руку в нору. Это был естественный проем в камне, скрытом под песком. Целая семья зайцев пряталась в камне от червей. Она схватила двух за лапы и вытащила, а потом бросила Сайласу.

Пять зайцев улетело к ожидающему Сайласу. Их могло быть и больше, но Килэй не могла дотянуться дальше. Она отодвинулась и посмотрела на Сайласа. На миг она подумала, что он съел всех зайцев, больше никому не оставив, но страх прошел, когда она увидела, что он просто охраняет их бездыханные тела.

— Молодец, кот. Сегодня мы пируем, — сказала она.

Его глаза вспыхнули, но утомленно. Он явно испытывал усталость сильнее, пока был в зверином облике.

Сайлас отступил, и Джейк завернул зайцев, чтобы они не испортились. Неделю назад он мог бы сломать Джейку руку или съесть все в одиночку.

Килэй даже начала гордиться Сайласом... и она не знала, может, у нее солнечный удар.

* * *

Наступил вечер, они были воодушевлены. Килэй разделала зайцев, и Джейк приготовил их, а еще рис со специями и финики. Они получили по две полные миски, хотя Сайлас и Джейк вели себя так, словно выпили пару кружек эля.

— О, чудесно, — стонал Сайлас, растянувшись.

Джейк напоминал дядю Мартина. Он поднял невидимую флягу в тосте:

— Твое здоровье, сэр Кот! Если бы не твой острый слух и зубы, мы бы так не поели!

Сайлас носил шкуру медведя как мантию, передние лапы были завязаны под горлом. Он поклонился, взмахнув накидкой.

— Благодарю, шаман. Ты не мог выбрать лучшего объекта для обожания. А ты, — он упал на колени рядом с Килэй. — Думаю, я заслужил поцелуй.

— Ни за что, — она оттолкнула его.

Его сияющие глаза разочарованно расширились.

— Прошу? Меня еще не целовали. Не знаю, почему люди так этому рады.

— И я еще не целовался, — сказал Джейк, переставая очищать ложку. — Почему они так желанны, Килэй?

На ее губах резко вспыхнуло воспоминание, которое она месяцами подавляла в себе. Жар прилил к лицу. Она не знала, что сказать... и она не сказала.

К счастью, ее спутники были так веселы, что не заметили.

— О-о-о, у тебя был? От кого? — сказал Сайлас, подвигаясь ближе.

— Каэл Убийца ведьмы! — крикнул Джейк, потрясая кулаками червям, что окружили их лагерь. — Если бы он был здесь, он бы голыми руками тебя раздавил!

— Каэл Убийца ведьмы? — прорычал Сайлас, и Килэй знала, что он ощущает, как ее сердце колотится от его имени. — Кто это? Тоже полудракон?

— Нет, он шептун, — ответил Джейк, и это хорошо, потому что Килэй сомневалась, что произнесла бы это сама.

Она вдруг смогла думать только о воспоминании. Она была удивлена тому, как хорошо

помнила это: прикосновение его губ, прижимающихся уверенно к ее губам. То, как его рука обвивала ее талию, крепко удерживая в тот миг, когда ее ноги онемели. Казалось, она ощущала пожар между ними, между их сердцами, трепет, от которого пылала ее душа...

Но, может, это ей только показалось. Ведь она так сильно хотела этого, что дело могло быть не в нем... может, трепет она ощущала сама по себе...

— Шептун, — пробормотал Сайлас. Он зажмурился, и Килэй знала, что он делает.

Такую цену платили все оборотни: их души были связаны, они теряли большую часть человеческих воспоминаний, но получали новые от зверя. Килэй было сложно разобраться во всех, помнить, что принадлежало ей, а что драконьей душе. Порой ей снилось места, в которых она не бывала, и сражения, в которых не билась.

Порой, закрывая глаза и сосредотачиваясь, она видела, как из тьмы вылетало воспоминание, скользкое, как рыба на каменистом берегу.

Она знала, что делает Сайлас. Он искал в человеческих воспоминаниях значение слова «шептун». И она отчаянно надеялась, что он не найдет.

А потом его глаза открылись.

— Нет... не Меченый, — прошипел он, возмущенно глядя на нее. — Драконесса, ты знаешь...

— Мы сыграем сегодня? — крикнул Джейк у огненной стены. Он крутил посох в руках, направляя его на Сайласа. — Или ты признаешь поражение?

— Я ничего не признаю, — Сайлас поднялся, но, уходя, сжал плечо Килэй. — Мы обсудим это позже.

Она пронзила его взглядом, он ухмыльнулся.

— Будешь вести счет? — сказал ей Джейк. Он прижал ладонь к лицу, указал на Сайласа и сказал одними губами: «Он жульничает».

— Не жульничая, — сказал Сайлас, не глядя. — Ты просто плохо целишься, шаман.

Килэй пообещала, что все будет честно, парни заняли места у стены. Они так развлекались по вечерам. Как только солнце садилось, черви вылезали из песка, не давая покинуть лагерь. Но Джейк нашел, как скоротать время.

Он начал бросать огненные шары в червей чисто ради эксперимента, как он говорил. Сайлас громко хохотал, когда черви горели. И вскоре ему захотелось участвовать в этом. Они начали считать, кто разрушил больше гадких существ каждую ночь.

Один из их ударов попал случайно в рот червя. Он проглотил огненный шар, а через миг взорвался, и волна огня задела червей вокруг него.

И эксперименты Джейка превратились в игру.

В этот раз начинал Сайлас. Он прицелился, держа посох Джейка, прикрыл глаз, пока искал мишень.

— Огонь!

Джейк прошептал заклинание, и огненный шар вылетел из посоха. Он перелетел через стену и попал в рот червя вдали. Небольшой взрыв вспыхнул на горизонте, озарив ночь, несколько червей рядом отлетело.

Сайлас громко рассмеялся, пока их пылающие тела падали с неба.

— Это не меньше восьми очков.

— Восемь? Порой я думаю, что ты даже считать не умеешь, — Джейк загибал пальцы. — Это не больше пяти.

— Нет, шесть, — сказала Килэй. Джейк с любопытством посмотрел на нее, она

вздохнула. — Ты посчитал пять взлетевших, забыв того, в которого он попал.

— Ах, точно, — Джейк загнул еще один палец. — Шесть. Моя очередь.

Килэй смотрела на них какое-то время, стараясь не давать им жульничать. Но ее сердце был не здесь. После месяцев боли, пока она осторожно пришивала хрупкие надежды к крепкому листу терпения... его имя распустило нити.

Только одно упоминание Каэла, и она тут же потеряла покой. Ее пальцы сжимались. Было сложно стоять на месте.

— Ты уходишь? — крикнул Сайлас, когда она пошла в палатку.

— Да. Я... устала, — сказала она. Килэй решила, что грудь сдавливает из-за брони. Она все же много дней потела в ней. И она сняла рубашку и безрукавку и заменила их шелковой туникой. Она сняла сапоги, но оставила узкие штаны, если придется просыпаться посреди ночи

— Думаю, стоит назвать это ничьей, — громко сказал Джейк.

— Ты говоришь так, потому что ты впереди, — возразил Сайлас.

— Что? Я бы никогда...

— О, перестань. Слова тебе потребуются, когда ты проиграешь завтра, — заявил Сайлас с улыбкой.

Килэй лежала на спине у стены палатки, наслаждаясь теплом и мягкостью шкур под ней. Это был хороший шанс уснуть, но вдруг она ощутила, что не одна.

Она открыла глаза и увидела Сайласа, лежащего напротив.

— Прочь из моей палатки.

— Хмм... нет, — ответил он. — Я обещал, что мы поговорим. Вот я и пришел.

Килэй не хотела этого делать. Она пыталась вытолкнуть его пятками, но он отбросил ее ноги.

— Тебе не нужно вылизывать шерстку? Или отгонять мух?

— Нет ничего важнее этого разговора, — парировал Сайлас. Он придвинулся ближе, чтобы она не пиналась. — Мы одни в мире, драконесса, я так выбрал, а ты — потому что странное существо без друзей.

— Уверен, что не иначе?

Он ухмыльнулся, глаза игриво блестели.

— Я не буду злиться на твои слова...

— Как мило.

— ...потому что я знаю, что твое чешуйчатое сердце разбито.

Она умолкла.

Он тяжело вздохнул.

— Раз мы оба одни, мне придется напомнить тебе о законах нашего народа.

— Я знаю законы, — прорычала Килэй. Она их ненавидела. Правила были для людей, которые любили плотные штаны. Она любила нарушать правила.

Но, хотя ее взгляд мог растопить лед, это не помешало ему отчитывать ее.

— Тогда ты знаешь, почему я должен поговорить с тобой... почему должен оборвать твои чувства к Меченому, к шептуну, пока это тебя не уничтожило, — Сайлас привстал на локте. — Если бы он был обычным человеком, я бы сказал тебе утащить его в лес, исполнить ритуал и надеяться, что Судьба переродит его полудраконом. Но он-то не нормальный? — Сайлас смотрел на нее, пытаясь просверлить дыру и выудить секреты. — Он — шептун. А ты знаешь, что ни один человек не переживет кинжал Судьбы дважды.

Он вскинул руку, и даже в тусклом свете она увидела тонкий белый шрам на его ладони. Ее пальцы дернулись к ее шраму. Ритуал всегда оставлял метку. Где вмешивалась Судьба, оставался след.

— Мне напомнить, почему это проблема? — Сайлас разглядывал свой шрам, и Килэй показалось, что он любит себя собой. — Ты так легко забыла вес Трех принципов?

Нет, она их не забыла, хотя ей очень хотелось. Но они словно были вырезаны в ее голове. Даже когда она была без имени, обнаженная в лесу, пытающаяся вспомнить, кем была, Принципы звенели в ее голове:

Убить себя — отказаться от вечного отдыха. Попытка уничтожить второе я — убийство себя же. И...

— *Связь с любым чужим — Мерзость,* — прошептал Сайлас. — *И на Мерзость Судьба спустит своего брата, Смерть.* Понимаешь, драконесса? Твои чувства к шептуну — Мерзость.

Килэй ненавидела Принципы. Они были глупыми правилами, которые могла толковаться по-разному разными людьми.

— Может, и не Мерзость.

Сайлас прищурился.

— Но это так. Так сказано...

— С чужим, — прервала его Килэй. — Ничего не говорится о моем виде. Может, дело не в облике. Я для него, а он — для меня, разве это не делает его... моим?

Сайлас рассмеялся, оглушив ее.

— Ты лучше так Судьбе не говори.

— Может, Судьбе стоило уточнять, — едко сказала Килэй. — Я знаю, что чувствую сердцем, и ничто этого не изменит. Даже Судьба.

— Ты хочешь рискнуть жизнью и доказать это?

— Да, с радостью.

— А его жизнью тоже рискнешь?

Слова застыли на языке Килэй. Она смотрела, как высоко Сайлас вскинул брови. От тишины они поднялись еще выше.

— Его жизнь не...

— На всю Мерзость, драконесса. Смерть накажет твоего шептунчика так же ловко, как и тебя.

Килэй не подумала о таком. Но теперь она разозлилась.

— Выметайся, — прорычала она.

Сайлас пожал плечами.

— Как пожелаешь, — он пополз из палатки, но замер на входе. — Помни, драконесса: мы должны защищать тех, кто слабее нас. К сожалению, и людей тоже. Если ты заботишься о нем, то не веди его по опасному пути. А если не может управлять собой... лучше держись от него подальше, а не приговаривай к смерти.

Килэй хотела бросить шкуру в Сайласа, но он уже ушел. Она рухнула на спину и подложила руки под голову.

Хотя она старалась не обращать внимания, предупреждение Сайласа звенело в ее ушах. Это была не пустая угроза, она хорошо знала, что Судьба часто наказывала оборотней, послушавшихся ее Принципов.

Она помнила истории Кровоклыка, которые он рассказывал зимними ночами малышам.

Некоторые истории были о проклятиях, которые накладывала на ослушавшихся Принципов оборотней Судьба. Она помнила историю про полуволка по имени Мраковой, который сторонился второй своей части и голодал до смерти, нарушив первый Принцип. Но Судьба не дала ему умереть, она забрала у него человеческий облик и заставила жить вечно в теле волка.

В истории говорилось, что путники могли слышать горестный вой Мраковой по ночам в полнолуние.

Килэй смотрела на тени на крыше палатки и думала. Она не могла изменить своих чувств. Но и чувства Каэла вряд ли могли измениться. Он был упрямой горной крови. Как только он что-то решал, так все и оставалось.

Но если он передумал бы... у Килэй не осталось бы выбора. Может, ей лучше было оставить его, а не подвергать жизнь риску.

Она не знала, что делать. Но она была уверена в одном: она сделает то, что будет лучше для Каэла, что бы то ни было...

Как бы больно ни было.

Глава 17

Нож в спину

Элена терпеливо ждала, застыв на ближайшей дюне. Ее ноги были согнуты под ней, руки упирались в колени. Она не шевелилась.

Она смотрела, как три фигуры в огненном кольце перестали болтать. Они по очереди скрылись в палатках. Она выждала его час, судя по перемещению луны. Ее дыхание было таким тихим, что едва ощущалось на губах. Когда она убедилась, что они спят, она встала на ноги.

Их след начался в Арабате. Женщина, продающая финики, упомянула, что видела, как три странных путника пошли на юг пустыни. Она решила, что Элена часть их группы, из-за ее брони и опасных кинжалов на руках.

Элена улыбнулась, но промолчала. И женщина, видимо, поняла, что вопросы будут стоять больше, чем пара фиников.

— За ними пошли четверо, на чьих руках много крови путников. И они не вернулись, — сказала женщина. Она вскинула голову, вручая Элене покупку. — Их семьи пошли собирать их кости утром.

Элена слышала предупреждение в ее голосе, но не переживала. Торговка помогла сильнее всех, теперь она знала, что ожидать, и не собиралась мешкать.

Отследить Драконшу было просто. Они оставили за собой стеклянные следы, эти впадины вспыхивали на солнце, как маяки. Она знала, куда они шли, оставалось только догнать. Элена преодолевала их путь вдвое быстрее каждый день, у нее было с собой много воды и еды, и сон восстанавливал ее энергию.

Задание впереди было сложнее путешествия.

О червях она знала мало. Она чувствовала в первый день, как черви двигаются в песке под ней, как они следуют за ней. Она оставила немного сушеного мяса позади, но оно их не приманило, и она попробовала другое.

Графиня начинала ее обучение с тихих шагов. Элена могла двигаться беззвучно, если желала того. И она шла тихо, черви перестали преследовать ее. Значит, их привлекал шум ее шагов, а не запах ее крови.

Пока она перемещалась без шума, черви не трогали ее. Теперь Элена побежала к кольцу огня изо всех сил, топча песок.

Тяжелее шаги компании Драконши уже подняли достаточно червей на поверхность. Элена вглядывалась в темноте, она насчитала около тридцати червей вокруг стеклянной чаши.

Ей нужно было идеально рассчитать время, чтобы приблизиться. Она не могла задерживаться. Если она заденет червя сапогом, они нападут, а она не хотела умереть от них зубов. Эта сметь была бы унижительной.

Элена набрала скорость, добралась до края кольца из червей, осмеливаясь впиваться носками глубже. Она смотрела на землю, искала пустые участки песка между червями, и прыгала на них. Ей нужно было каждый раз сохранять равновесие. Она раскинула руки, краем глаза следя за кольцом огня.

Добравшись до него, она прыгнула.

Ее руки потянулись перед ней, она нырнула над огнем. Элена опустила ладони,

перекатилась через плечо и ловко вскочила на ноги. Тень шумела больше, чем Елена.

В других палатках вход был закрыт от холода, но палатка Драконши была открыта. Елена пошла туда, согнув колени, ладони были параллельно земле. Она двигалась на носочках, мышцы были напряжены. Драконша славилась своими навыками владения мечом, и она не хотела становиться жертвой ее клинка.

Элена приближалась и готовилась к худшему. Она обдумывала, что будет, если Драконша проснется и нападет на нее, если она будет в броне и спать с мечом под подушкой. Ее нападение все еще могло пройти не так.

Но, когда она пробралась в палатку, оказалось, что она зря переживала.

Драконша растянулась на шкурах зверей. Она лежала на спине, одна рука была на голове, а другая — прижата к боку. Елена замерла и быстро осмотрела палатку. Белый меч был в ножнах и лежал на рубашке и безрукавке Драконши вдали от нее. Другого оружия в комнате не было. Даже если она проснется, у Элены будет преимущество.

Лучше и не придумаешь.

Горло Элены сжалось на миг от жалости, ведь Драконша была прекрасна. Она и не думала, что она окажется такой красивой... и юной. От ее тихого дыхания трепетали пряди черных волос, упавших на ее лицо, ее губы были приоткрыты.

Элена с вздохом вытащила нож.

Это был один из трех отравленных клинков, что дала ей графиня, она прятала их в перчатке. Даже в тусклом свете она видела опасное покрытие на лезвии. Яды графини ее еще не подводили. Элена собиралась провести неглубоко лезвием, чтобы потекла кровь, и яд довершит дело.

Элена прижала нож к горлу Драконши. Глубоко вдохнув, она собралась взмахнуть запястьем, чтобы ударить по вене под подбородком... но ничего не произошло.

Она попыталась снова, но запястье не двигалось. Ее рука онемела, словно кровь перестала течь туда, не попадала в руку. Она прищурилась в темноте и увидела, что ее запястье с силой сжимают пальцы.

Ее ладонь онемела. Нож выскользнул из пальцев. Но, раньше, чем он упал на землю, она выхватила второе лезвие из сапога. Она вскинула голову, а Драконша смотрела на нее.

Глаза были открыты, ярко-зеленые, они прожигали в Элене дыру. Она пыталась высвободить руку, но хватка Драконши была слишком сильной. И она замахнулась отравленным ножом на ее лицо.

Элена не ощутила животом ногу Драконши, а поняла, что произошло, когда уже полетела по воздуху.

Ее тело вылетело из палатки, спина ударилась о стекло. Она вскочила на ноги, но Драконша набросилась на нее. Она была тяжелее, чем ожидала Елена, и ее удивление позволило Драконше прижать ее плечи к земле.

Элена решила, что пора заканчивать игру. Она выхватила Хрупкого и нацелилась на сердце Драконши.

Взмахом руки Драконша уклонилась от ее удара и ударила по рукояти Хрупкого, он выпал из хватки Элены. Она отодвинулась, и Елена ударила коленом по ее ребрам.

Этот прием она использовала часто. Угол и сила удара должны были сломать грудную клетку Драконши. Элена ждала знакомый хруст ломающейся о колено кости. Но этого не было. А Элене показалось, что она ударилась коленом о стену замка.

На миг Елена подумала, что она в беде. Но Драконша выдохнула и отклонилась, дав

Элене секунду, чтобы переменить течение боя.

Ее локоть врезался в ребра Драконши, в ту же точку, что она ударила раньше. Пока она потеряла равновесие, Елена схватила ее за плечи и использовала разницу в их весе, чтобы выбраться из-под нее. Стекло было неровным, и она пролетела, чуть не упустив шанс схватить Хрупкого. Она коснулась его пальцем, но Драконша выбила его подальше.

Она схватила Элену за ногу и дернула вниз, но вторая нога еще была свободна. Елена развернулась, провела ногой по смертельной дуге и направила в лицо Драконши. Она попала, и Драконша упала.

Элена через миг оказалась на ней. Она обхватила ногами талию Драконши и сжала, не давая ей дышать и до боли прижимая органы к костям. И тогда Элена выхватила Тень.

Драконша напряглась. Ее зеленые глаза следили за падением Тени, горячая кровь текла из ее разбитой губы. В последний миг она быстро отдернула голову. Элена недовольно рыкнула, Тень не попал по шее, а вонзился в стекло.

Она склонилась, используя вес своего тела, чтобы удержать Драконшу. Ей приходилось держаться крепче из-за отбивающихся ног. Следующий удар Элены покончит с ней. Это точно...

Боль... и странное онемение растекалось по телу Элены.

Началось с ладони, где кровоточил тонкий порез на костяшках. Она ощущала, как онемение растекается с кровью, тело ослабевало, а разум затуманивался. Мышцы потеряли силу. Она посмотрела вниз и увидела оружие в руке Драконши: последний отравленный клинок, который она прятала за поясом.

Она смотрела на клинок, а потом не увидела кулак Драконши... пока не было поздно.

* * *

Проснувшись, Элена растерялась. Яды графини не подводили, она должна была умереть. Как она могла все еще быть живой?

Онемение все еще оставалось в теле, и она не осмеливалась открыть глаза. Она ощущала грубые веревки на запястьях и лодыжках. Простая веревка. Она легко могла разорвать ее. Она напряглась и потянула, сосредоточившись на ощущении рвущихся нитей, которое хорошо знала.

Но ее руки словно не могли вспомнить силу. Как бы она ни боролась, путы были крепкими.

Раздражение обжигало горло Элены, но она подавила его. Будет хуже, если она начнет ерзать и привлечет к себе внимание. Она прислонилась на нечто, похожее на шест за ее спиной. Наверное, ее связали в палатке. Она говорила «они», потому что слышала три голоса в нескольких шагах от нее. Судя по всему, они спорили.

— Поверить не могу, что вы не слышали, как я сражаюсь, — сказал женский голос. Он был низким и грубым, она звучала от этого опаснее. Элена поняла, что это Дракноша.

— У нас были полные животы и теплые постели, — ответил мужчина. Он странно произносил слова, словно урчал. — Меня бы и раскат грома не разбудил.

— О? А резкий удар под зад? — прорычала Драконша. — Это сработало же?

Он издал недовольный звук.

— Естественно.

— Какой тогда от вас прок? А если бы их было больше...? Хватит, Джейк!

— Я пытаюсь помочь, — возмутился Джейк, звуча оскорблено.

— Это заживет само. Я не буду выглядеть с бородой так хорошо, как ты, — отметила Драконша.

— Думаю, я понял, что пошло не так...

— Тихо, — проорчал первый мужчина, и Елена напряглась, вдруг ощутив на себе вес взгляда. — Наша пленница проснулась.

Быстрые шаги, сильная рука подняла голову Элены за подбородком. Она понимала, что нет смысла больше притворяться, и открыла глаза.

Лицо Драконши было близко к ее, она выглядела злой. Ее темные волосы были стянуты в хвост, хотя несколько прядей упало на ее лицо. И эти глаза... Елена была уверена, что в них пылал огонь.

— Кто тебя прислал? — сказала Драконша.

Элена молчала.

Через миг красные губы Драконши изогнулись в улыбке. Тонкий порез на нижней не кровоточил, как до этого. Элене казалось, что ране уже не меньше дня, хотя, судя по луне, она была без сознания около часа. Может, два.

Как она так быстро исцелилась?

— Не важно, — сказала Драконша, проследив за взглядом Элены. — Можешь не говорить. Я знаю, что ты от графини Д'Мер.

Она нахмурилась, чтобы скрыть удивление.

— Ошибаешься.

Смех в глазах Драконши заставил Элену пожелать выколоть их.

— Разве? Тогда откуда на твоих ножах яд гниющего разума? Только графиня знает его.

Любопытство мешало Элене скрывать эмоции. Она заставила себя пожать плечами.

— Я часто использую яды...

— Но не такие, — Драконша отпустила ее и отклонилась. Оружие Элены было разложено на полу палатки: Хрупкий и Тень, патронташ с метательными ножами и три ядовитых ножа. — Не знаю, как она заставила тебя работать на нее, но я тебя предупрежу: Д'Мер не такая, какой кажется. Если ты близко, то только для ее кинжала. Тебя предупредили, — она сверкнула взглядом.

А потом схватила отравленный нож и поднесла к ее лицу.

— А еще Д'Мер — хороший алхимик. Не знаю, как работает этот яд. Он бесполезен против людей и магов, но если использовать на шептуне... результат будет жутким.

Мышца на челюсти Элены подрагивала, она пыталась смотреть уверенно.

— Как только Д'Мер узнала формулу, каждое оружие в Срединах оказалось с этим ядом, — продолжила Драконша, разглядывая нож в тусклом свете. — Некоторые думают, что королевство пало бы в Шепчущей войне, если бы не ее яд.

Горло Элены вдруг сжалось. Она с трудом не пустила смятение на лицо.

— Захватывающая история, — сказала она надменно. — Теперь освободи меня.

Глаза Драконши сияли от ее ухмылки. Елена скривилась, когда ее пальцы задели опухшую кожу над ее глазом — рану оставил кулак Холтана.

— Не многие люди могли увидеть мою кровь, — сказала Драконша, убирая руку и касаясь разбитой губы. — Тебя хорошо обучили. Вряд ли я встречу того, кто тебя ранил.

— Кто ранен?

Худой мужчина заглянул в палатку. Елена узнала голос и поняла, что это должен быть Джейк.

Кроме участка вокруг очков, спутанные волосы покрывали его лицо. Он посмотрел на ушиб Элены.

— Я могу с этим помочь...

Он склонился, и его запах обжег ее нос.

— Руки прочь, маг! — закричала Елена. Гнев заполнил ее тело. Если бы она могла добраться до него, она бы разорвала его горло.

Джейк отдернул руку.

— Я... простите, мисс. Я не знал...

— Не извиняйся. Ты ничего плохого не сделал, — твердо сказала Драконша, не сводя взгляда с Элены. — Если тронешь его, я так поджарю тебя...

— Все хорошо, Килэй, — сказал Джейк. Он согнулся, чтобы поместиться в палатке, и сцепил длинные пальцы. Он смотрел на пол. — Я... кхм, проверю костер, — он вышел за дверь.

Драконша, Килэй, проводила его взглядом, а потом повернулась к Элене. Она не могла сражаться, а Килэй расстегнула первые пуговицы ее рубашки и отдернула края. Она поздно поняла, зачем. Она вздрогнула, когда Килэй провела пальцами по красной отметине на ее груди, похожей на шрам от кинжала.

— Так ты все же шептунья. Твой дар — боевой?

Элена кивнула. Волна горячих слез вдруг надавила на глаза, и она закусил губу, чтобы они не пролились.

Графиня предала ее. Она отправила ее прочь с ножами, яд на которых мог ее уничтожить, на врага, который был ей не по силам. Сомнений не было.

Д'Мер пыталась убить ее.

Это не должно было ее удивлять. Графиня врала. Элене не хватило бы пальцев рук и ног, чтобы сосчитать, скольких людей она убила, перед этим смеясь с ними. Она видела улыбку графини, пока та сыпала яд в бокал, как она шутила и обхватывала торговца за плечи, сжимая в другой руке кинжал.

Да, графиня много врала. Врала всем, даже королю... но почему-то Елена не подумала, что графиня соврет ей. Она не ожидала такой раны... видимо это старики называли ножом в спину.

Было больно, но Елена не хотела показывать это Килэй. Слезы ничего не решат. Нет... был способ лучше сравнять счеты.

Графине придется соображать очень быстро, чтобы спастись от кинжалов Элены.

— Отпусти меня, — сказала Елена. Новый план горел в ее венах. Она уже думала о том, что сделает, планировала удары. — Я уже не должна тебя убивать.

— Это радует, — ухмыльнулась Килэй. Но она ослабила путы, чтобы Елена могла освободиться.

— Отдай оружие.

— Попроси красиво, — возразила Килэй. Она крутила между пальцев отравленный нож, и Елена послушалась, хоть и не была этому рада.

— Могу я получить свое оружие?

— Да. Утром, — добавила Килэй, когда она потянулась за ножами.

Элена пронзила ее взглядом.

— Я хотела уйти ночью.

— Тогда тебя разорвут и съедят. Яд еще пару часов будет в твоей крови, — объяснила она. — Пока твои способности не вернулись, ты просто человек. Так что, если не хочешь, чтобы черви тебя съели... — она кивнула на шкуры в палатке, образовавшие вторую кровать.

Элена знала, что Килэй права. Она не могла безопасно путешествовать без своих сил. Она не хотела делить палатку с той, кто пытался убить ее, от этого было... неуютно. Но сила, греющая ее кровь, ушла. И ей пришлось слушаться.

Она неохотно сжалась на шкурах, устроилась на спине, чтобы видеть вход в палатку и следить краем глаза за Килэй. Она все еще не доверяла Драконше. И это было взаимным.

— Я оставлю это, — сказала Килэй, показав отравленные ножи. — Так что подумай хорошо, прежде, чем нападать на меня, — она развернулась. А через миг оглянулась. — Если ты хранишь, будешь спать с Сайласом.

Элена не знала, кто такой Сайлас, но ухмылка Килэй сказала ей, что делить с ним палатку она не захочет.

Глава 18

Благодарность великана

Утром Финкс разбудил великанов ревом. Он прошел в амбар раньше обычного, взмахивая над собой хлыстом, вопя, что поля высохли и можно сеять, так что им пора было двигаться.

Они успели попить воды, и Хоб повел их к сараю за Западным амбаром.

— Не толкаться, лезвия направлять на землю! — вопил он.

Каэл отметил, что маги почему-то разъяреннее обычного, но великаны были в восторге. Они оживленно шептались, толпясь у сарая. Вскоре они столпились так тесно, что Каэл боялся, что его раздавят.

Хоб возился с замком сарая, ругаясь под нос. Ключ не сработал, и он ударил по замку заклиниванием. Замок пал на его ладонь, и он дернул за двери, чтобы открыть их, а потом отскочил, чтобы его не затоптали.

Великаны побежали внутрь, протискиваясь в двери с такой силой, что рама стонала и скрипела. Один великан опередил остальных и вышел через пару секунд с большим мешком на груди. Он выходил, и Каэл увидел в его руках зловещего вида оружие.

Он тут же узнал его, вспомнив рисунки в «Атласе». Это была огромная коса — оружие с древком длиной с копье и изогнутым лезвием на верхушке. На древке в паре мест были потертые кожаные захваты, чтобы его было легко держать двумя руками. Лезвие напоминало меч, а не косу: он торчал из древка, согнутый немного, чтобы срезать охапки пшеницы.

Или шеи людей.

Каэл подозревал, что великаны использовали косы для сражений чаще всего. Они воевали так часто, что, наверное, шли сразу с полей на бой, так что им нужно было оружие, подходящее для врагов и посевов.

С косами в руках великаны выглядели очень оживленно. Они выпрямили спины, щеки пылали румянцем. Тени пропали из-под их глаз, они искали на лезвиях огрехи.

Великан за великаном выходили из сарая, улыбаясь друг другу, словно они разделяли общую радость. Каэл смотрел на их улыбки... и вдруг ощутил боль в груди.

Теперь он видел тени великих воинов, какими были великаны раньше. Он мог представить, как они выглядели, выстроившиеся в ряд и защищающие свои земли. Они были опасной силой. И Каэлу было интересно, как много армий просто убежало с поля при виде них.

Толпа великанов толкнула Каэла вперед, в сарай. Он схватил мешок с высокой полки и косу с пола. Тяжелое железное лезвие делало косу невероятно сильным оружием. Он прижал косу к груди и вышел из сарая так быстро, как только мог. Лезвие тянулось по земле за ним, мешок доставал почти до колен.

Он знал, как смешно выглядел, но насмешки великанов все равно ранили его. Они смеялись, когда он проходил, тыкали друг друга локтями и указывали на него, чтобы его точно заметили. От их насмешек у Каэла горели даже кончики ушей. Он был в ярости, когда добрался до Бренда.

— Они не перестанут смеяться, да? — выпалил он, пронзая его взглядом.

— Наверное, — сказал Бренд, пожав плечами.

— Почему? Я же выдержал вес? Я работаю, как все. Я даже делал немного их работы.

чтобы их не били! И это благодарность?

— Благодарность? — Бренд покачал головой. — Великаны не благодарят, долг решают делами. Однажды они спасут тебя, и все будет честно. Благодарность приводит к еще большим долгам, которые великан не может отплатить. И даже так, — он добавил, подмигнув, — многие великаны лучше умрут, чем отплатят его.

Каэл считал это глупым. Но он не успел ничего сказать, вмешался Деклан:

— Привяжи мешок, как я, — сказал он Каэлу. Он вышел из толпы и соорудил узел из лямок, укорачивая их до нужной длины.

Каэл повторял за ним, привязал мешок, и он уже свисал до бедер. Бренд повел их, и Деклан с Каэлом плелись за ним.

— Посмотрим, — Деклан потянулся к косе Каэла. Он изучал ее минуту, чуть сдвинув брови. — Хмм, так не пойдет. На лезвии трещина, — он вернул оружие. — Я отведу тебя к кузнецу, когда мы закончим.

— Хорошо, — сказал Каэл, Деклан не смотрел на него. Он намеренно смотрел на дорогу. Каэлу показалось, что он ведет себя немного странно. Но он не успел обдумать это, Бренд крикнул:

— Чувствуете запах?

Каэл после многих печальных случаев научился затыкать нос, когда слышит этот вопрос. Особенной опасностью был такой вопрос от Бренда.

— Нет, нет, — сказал он, смеясь. Он указал на дорогу, дым поднимался от башни в четверти мили вдали. — Они готовят хлеб, — Бренд глубоко вдохнул, Каэл видел, как раздулись его ноздри. — О, ностальгия. Сразу вспоминается милая матушка...

— Не надо говорить о маме, — сказал Деклан, ткнув его древком косы. — Ты будешь задумчивым, а нам нужно работать сегодня.

— Ты прав, — сказал Бренд. Каэл был потрясен при виде слез в его глаз. — Не могу я предаваться воспоминаниям. Кто-то должен следить, чтобы вы сеяли правильно!

По пути на поля они остановились у телеги Черла. Бочки с водой сменились бочками с семенами. Бренд заполнил свой мешок наполовину, а потом настоял, что наполнит мешки Деклана и Каэла.

— Этого должно хватить на поле. Не тратьте зря. Идемте, — рявкнул он.

К удивлению Каэла, Бренд был очень щепетильным касательно пшеницы. Он стоял скрестив руки, на поле, и пропускал только некоторых великанов сюда.

— Прочь отсюда, Таггарт! — вопил он на великана, идущего к ним. — Чтобы я не видел тебя возле своего зерна! Иди сажать репу!

Таггарт не обиделся, пожал плечами и пошел в другую сторону.

— Скоты, — фыркнул Бренд. — Неуклюжие идиоты. У них нет таланта для пшеницы. И если ты будешь возиться, — добавил он, грозя пальцем Каэлу, — я отправлю и тебя сажать репу. Не сомневайся.

Каэл пообещал постараться.

Как только их поле заполнилось, Бренд назначил по великану на ряд. А потом склонился к Каэлу.

— Наша пшеница растет группами, зимняя почти готова для урожая, так что пора садить весеннюю, — сказал он и повел Каэла к ряду на поле. — Это будет твой ряд сегодня — третий справа. Ты будешь на этом ряду на любом поле, куда мы пойдем. Это помогает не запутаться. Ты раньше сажал пшеницу? Нет? Я так и думал. Смотри.

Бренд поднял косу одной рукой, так быстро, что Каэл вздрогнул, когда лезвие просвистело у его уха. На оружии снизу было несколько колец. Он думал, что это украшение, но кольца странно напоминали узор.

Он смотрел, как Бренд проводит по линии толстым пальцем.

— Это метка для весенней пшеницы, показывает, на какой глубине ее сажать, — он вонзил древко в рыхлую землю, оставляя ямку в почве, а потом он бросил туда зерно, засыпал землей и притоптал ногой. — Видел? Сильно не дави, иначе все испортишь.

Бренд заставил Каэла посадить несколько участков, останавливая его работу, чтобы кричать, где он ошибся.

— Нет, нет! Ты садишь слишком близко друг к другу. Это плохо, — Каэл начал расставлять зерна чуть дальше друг от друга. — Ты хочешь заморить нас голодом? Если так далеко их садить, мы не соберем и половины посаженного.

Когда Каэл смог сделать правильно, Бренд обрадовался. Он казался в этот день счастливее, чем во все остальные, и он не переставал насвистывать.

— Тебя плуг так не радовал, — отметил Каэл. Хотя он сажал неплохо, размер косы был для него неудобным. Делать ею ямки было так же легко, как ужинать копьем.

Бренд быстро догнал его.

— Потому что мы вспахивали поля с овощами, — сказал он, словно это было очевидно. — Не важно, сколько у нас общих родственников, я могу быть наполовину Садовником, но в душе я — Зерновик!

— Бренд Зерновик? — Каэл растерялся от такого звучания. Было странно, что великаны так могли себя называть. Хотя это было лучше, чем быть без имени.

Они закончили второе поле и шли к третьему, где их ждал Финкс. Он опасно улыбался, пока они приближались.

— О, вы неплохо справляетесь сегодня, — Каэл почти ожидал, что его язык высунется изо рта, пока он говорит. — Но мы можем и лучше. Поиграем?

Игры Финкса настораживали. Великаны разошлись по рядам, как и раньше, но, чтобы было интереснее, Финкс шагал за их спинами и обещал, что расправится с теми, кто идет медленнее всех.

— И делайте все хорошо, твари, — он развернул хлыст и растянул в руках. — Никаких чар, просто удары жесткой кожи по заду. Начнем игру!

— Да, давай, — сказал Бренд. Его глаза сияли, он склонился, посмотрел на Деклана, а тот слабо кивнул. — Смотри, крыска. Мы сыграем в свою игру. И ты не отставай, — Бренд ударил древком косы по земле с тихим стуком.

Каэл ничего не понимал, но времени на размышления не было. Финкс шел за ним, явно надеясь, что Каэл будет идти медленнее остальных. Так и было.

— Двигай ножками, крыска! — кричал Финкс.

Его хлыст опустился и ударил по коже Каэла. Первый удар поразил его, он выгнул спину подальше от оружия и чуть не закричал. Последовал второй удар, третий. После четвертого он уже бежал за великанами, сажая зерна так быстро, как мог. Но все равно отставал.

Он приготовился к пятому удару, но услышал, как Финкс ругает великана на другом ряду. Он возился с ямкой, и Каэлу получил шанс сбежать.

Его спина ужасно болела от ударов. Он чувствовал, как следы хлыста опухают под рубахой. Кожа горела, словно противная пчелка водила жалом по его спине и плечам. Но Каэл злился сильнее, чем испытывал боль.

Его гордость была уязвлена. Было унизительно терпеть избиения от гадкого Финкса, хуже, чем от его чар. Он был незащищен. Боль делала то, что могли сделать слова. То, что его били, а не приказывали поспешить, заставляло ощущать себя менее человеком.

И больше животным.

Конечно, великаны были грубыми. Их били так долго, что удары сломили бы их, они не могли бы даже улыбаться. Они должны были давно потерять гордость, но этого не случилось.

За каждой улыбкой был вызов. Каждая шутка была бунтом. Если бы Каэл был в рабстве семнадцать лет... он вряд ли смог бы смеяться, как делали великаны. И он уже не был против того, чтобы они смеялись над ним.

Они шли по полю, и Каэл следил за игрой великанов. Он вскоре понял: великаны отставали намеренно, в задуманном порядке. Как только Финкс бросался на одного великана, ему нужно было бежать к другому, чаще всего в другом конце поля. Они заставляли его бегать туда-сюда, каждый великан получал всего пару ударов хлыстом.

Каэл отметил, что приятно слышать, как тяжело дышит Финкс, бегая между рядами. Вскоре он даже перестал ругаться, не успевал выдать возмущения, а только задыхался. Он пробежал по полю в четвертый раз, и Каэл решил, что он разгадает их игру, но этого не было. Похоже, Каэл переоценил его.

Похоже, Финкс был глупым злом.

Он вскоре вымотался полностью. Он едва дышал, бежал, задрал голову и открыв рот, словно мог поймать воздух ртом, не вдыхая. Пока Финкс страдал, Бренд наслаждался.

Каэл посмотрел на него и понял, что игрой руководит сам Бренд. Он все еще насвистывал, но в его нотах были указания: когда он свистел высокую или низкую ноту, великан послушно отставал. А потом он щебетал, как птица, и отставал Деклан.

Но это был не просто свист. Порой, когда нужно было склониться и бросить зерна, Бренд иначе прижимал пальцы к древку косы. Это тоже были сигналы. И великаны слушались их.

Бренд притворился, что уронил косу, и долго поднимал ее. Финкс заметил его и побежал по рыхлой земле с хищным взглядом. Но, как только он добрался до него, Бренд догнал великанов, а Деклан отстал.

Каэл дождался, когда Финкс убежит, и ткнул Бренда локтем.

— Ты сам это придумал?

Он пожал плечами, но не смог скрыть улыбку.

— О, конечно. Удивлен, крыска? Думал, великаны так не могут? Я... — он посмотрел на плечи Каэла, и его глаза расширились. — Думаю, сегодня ты закончил, крыска.

— Почему? Мне не больно, — быстро добавил он, когда Бренд покачал головой. — Все только онемело.

— Спина великана выдержит удары, мы крепкие, — он посмотрел на спину Каэла снова и присвистнул. — Но не человек. Я вижу следы даже из-под рубашки!

— Я справлюсь, — настаивал Каэл. У него возникла идея, и он хотел проверить ее. — Я не собираюсь выходить из игры.

Бренд хотел ответить, но визг Финкса помешал ему:

— Поднимай! Все поднимай! — вопил он, ударя хлыстом по присевшему великану.

Это был Деклан. Лямка его мешка была порвана, и он лежал на земле, зерно высыпалось из него на темную землю. Хотя Деклан старался работать быстро, ему было

сложно с толстыми пальцами. Он пытался подцепить зернышки среди земли.

А Финкс продолжал бить его.

Даже издалека Каэл слышал, как хлыст бьет плоть Деклана. Он видел красные следы на его голове и шее. Он скалился от боли.

Гнев заполнил Каэла красным облаком, затмив разум. Он не успел ничего спланировать. Он сделал первое, что пришло в голову: отклонился и бросил косу как можно дальше.

Оружие рухнуло, разбрасывая землю. Оно пролетело не так далеко, как хотел Каэл, но все равно упало за Декланом, этого хватало. Каэл пошел туда, и Финкс увидел его.

— Куда собрался, крыса? — провизжал он.

— Я уронил косу, — спокойно сказал Каэл. Он шел лениво, надеясь увести Финкса, и ему удалось.

Финкс бросился, и Каэл быстро вспомнил камень, представил, как его спина становится твердой, как камень. Он знал, что это сработало, потому что колени задрожали от веса, а кожа затвердела. Хлыст Финкса опускался, и Каэл с трудом прогонял улыбку с лица: он слышал, как хлыст бьет его, но не ощущал это.

Он склонился к косе и чуть не закричал, когда хлыст ударил его по лицу. Этого он не ожидал, на пару секунд он растерялся.

— В героя играешь, крыска? — прошипел Финкс. Он поднял голову Каэла за волосы, гадкое дыхание обожгло его лицо. — Так получи избиение, как герой.

Три удара опустились на спину Каэла, но он смог сделать кожу твердой снова. Ноги дрожали от веса каменной кожи, он шел с трудом и медленно. Он смотрел вперед и шел к великанам. Он ощущал их взгляды, но не смотрел на их лица. Они явно смеялись над его глупостью.

Ему было все равно. Он дал Деклану время собрать зерна и привязать мешок. Бренд отстал, чтобы спасти Каэла, и великаны продолжили игру, как ни в чем не бывало.

На закате они шли к амбарам в тишине. Каэл заметил, что Деклан идет впереди, и догнал его.

— Моя коса, — объяснил он, когда Деклан в смятении вскинул брови. — Ты сказал, что отведешь меня починить ее.

— О... э, не переживай, — он забрал у него оружие. — Я сам ее отнесу.

Каэл даже обрадовался, он не собирался еще час проводить у кузнеца. Он хотел тихий ужин и долгий сон.

Но ужин не был тихим.

Проделки Каэла на поле увидели все великаны, но он ожидал от них другое. Они не смеялись, не изображали, как его били. Нет, они делали то, что раздражало еще сильнее.

Бренд рассказывал историю Каэла, словно это была легенда. Его голос разносился по амбару, становился то выше, то тише, завлекая слушателей силой слов. Пока он говорил, другие тихо слушали, у некоторых из ртов все еще капала каша.

— Он спас Деклана от сотни ударов, — сказал Бренд. Хотя его голос был шепотом, великаны слышали его, ведь, помимо этого, было слышно только храп Невспаханых после ужина. — Горная крыска, но он это сделал.

Каэл покраснел, на него смотрели некоторые великаны. Бренд рассказывал историю уже в третий раз, и она становилась все длиннее с каждым разом. Он уже хотел вмешаться.

— Там не было сотни...

— О, не скромничай, — заглушил его Бренд. Он взмахнул руками, и все склонились ближе. — Мощным взмахом крыска бросил косу над полем...

— Она улетела не так и далеко, — возразил Каэл, но никто не слушал.

Кто-то даже шикнул на него.

— Он прошел мимо глупого мага, смелый, как ворона после посева. И когда Финкс спросил, что он делает, что он сказал? Я уронил косу.

Все смеялись, и Каэл скривился, когда тяжелая рука великана похлопала его по плечу.

— И Финкс из Западного амбара обрушился на него, ударяя так, что мог рассечь спину. Но крыска... даже не скривился.

— Я много раз кривился, вообще-то.

— Он минуту стоял там, удары сыпались на его краснеющую голову. Он не дрогнул...

— О чем ты? Я уходил так быстро, как мо... гх!

Великан рядом с Каэлом зажал ему рот, чтобы Бренд продолжил рассказ.

— Он шел к нам медленно, словно хлыст Финкса был всего лишь мухой. А потом крыска поднял косу и без возмущений продолжил работу, — Бренд присвистнул и покачал головой. — Я еще не видел такой ярости в глазах человека, клянусь матерью долин.

Каэл был смущен восторгом великанов сильнее, чем насмешками. Он знал, что не было смысла исправлять историю, ведь великаны просили Бренда снова и снова рассказывать ее.

Он радостно слушался, и Каэл, чтобы не слушать, как он пережил четыреста ударов, пошел в загон.

Деклан уже лежал на своем месте, его лицо было отвернуто к стене. Он был подавлен весь день, мало поел и пропал, как только Бренд начал рассказы. Наверное, он злился. Может, для Деклана было унижительно, что его спасла горная крыска.

Но Каэл не переживал из-за этого.

Его место еще не высохло полностью, все еще было в обломках крыши. Но он не переживал, что его место попытаются занять ноги или руки великанов. Ему надоело просыпаться от этого по ночам.

Он приблизился и замедлился. Он пялился минуту, а потом понял, почему место выглядело странно: обломки были убраны, а на их месте возник небольшой матрас.

Растерявшись, Каэл понял, что матрас мог предназначаться ему. Он был таким тонким и коротким, что точно не подошел бы великанам. Но кто...?

Он повернулся к Деклану и заметил, что части его постели не хватает. Его ноги лежали до колен на соломе.

Каэл застыл на долгую минуту. Он хорошо знал, что у великанов была только постель, только это они называли своим. И то, что Деклан отдал часть своей постели Каэлу... Он не знал, что сказать.

И он сказал то, что пришло ему в голову. Единственный подходящий ответ.

— Спасибо, Деклан.

Глава 19

Хитрый план

Небо достаточно порозовело, чтобы черви убралась в свои норы, когда Елена попрощалась, сказав, что она лучше погибнет, чем будет долго находиться рядом с магом. И хотя это задело чувства Джейка, Килэй решил, что это к лучшему.

Элена была на половине пути к дюнам вдаль, и Килэй занялась другим заданием: понять, что Джейк отчаянно прятал в сумке.

— Это просто эксперимент, — ворчал он. Сумка шевелилась, он грубо стучал по ней. — Я пытаюсь измерить эффекты жара кожи червей, — объяснил он, когда Килэй прищурилась. — Мы знаем, как на них действует огонь. Но я пытаюсь понять, прячутся они днем от света или от жара. Огонь не такой яркий, чтобы навредить им, но солнце...

— Хорошо, и кто это сделал?

Килэй была даже благодарна, что Элена решила в этот миг ворваться в их лагерь. Она знала, как Джейк любит длинные объяснения.

— Кто из нас что сделал? — крикнула она, Элена приближалась к ним.

Она могла сжигать плоть взглядом.

Ее плечи были напряжены, она сжимала кулаки. Пустая сумка висела в ее правой руке.

— Кто из вас сделал это? — рявкнула она, бросив сумку к ногам Килэй. — Все мои запасы пропали. Еда, вода... все!

— Почему ты обвиняешь нас? — проворчал Сайлас. Он лежал на стекле, сыто улыбаясь утреннему солнцу. — Ты оставила еду посреди пустыни ночью. Не видела сотни голодных ртов у нашего лагеря?

— Да, видела, — сказала Элена с натянутым терпением. — Но разве моя сумка изорвана, кот? Или черви научились развязывать шнурки и открывать крышки, или это кто-то из вас. Может, стоит ударить по всем троим.

Они не были вместе всю ночь, но Сайлас уже сделал из Элены врага. Небо еще было темным, когда он пробрался в палатку Килэй в облике льва и издал оглушительный рев. Элена испугалась так сильно, что чуть не пробила дыру в стене палатки, пытаясь сбежать.

Сайлас смеялся над этим все утро. Даже сейчас он сверкал белыми зубами.

— Я точно этого не делал.

Элена повернулась к Килэй, та тряхнула головой.

— Я тебе не доверяю, — прорычала Элена.

— Это даже к лучшему, — отметила Килэй. — Но, хоть я многое делаю, я не вру.

Элена не выдержала ее взгляд и подошла к Джейку.

— Погоди, — он полез за невидимыми флягами и вытащил одну. Он протянул флягу ей. — Я не делал этого, но вот. Возьми.

Килэй подперла кулаком подбородок, чтобы рот не раскрылся. Она знала, что он отдает Элене последнюю флягу. Была бы она лучше, это бы так не поражало. Но Элена была такой же милой, как заноза под ногтем.

Она посмотрела на руку Джейка.

— Шутишь?

— Нет. Это только кажется, что ничего нет...

— Ты украл мои припасы и насмехаешься?

— Нет, — Джейк встал на ноги, и, хотя возвышался над Эленой, опустил плечи и смотрел на землю. — Мне жаль, что это с тобой произошло. Я только пытаюсь помочь...

— Не извиняйся, — сказал Сайлас, вскакивая на ноги. Он встал перед Эленой и яростно посмотрел ей в глаза. — Шаман слишком вежлив, — прорычал он, — но я — нет. Тронешь его, и я тебя разжую.

Элена пронзала Сайласа взглядом, он с вызовом смотрел в ответ. Джейк, казалось, мог расплакаться. Килэй решила, что пора вмешаться.

Она разняла Элену и Сайласа, надавив руками каждому на грудь.

— Не знаю, что случилось с твоей сумкой, — резко сказала Килэй, — но если мы с Джейком говорим, что не делали этого, то мы не делали. А Сайлас...

— Правду ты не узнаешь! — он рассмеялся ей в лицо.

Элена потянулась к кинжалу.

Килэй схватила ее за запястье.

— Даже не думай об этом, — прорычала она, толкая ее. — Этого уже не изменить, у нас мало припасов, — добавила она и пронзила Джейка взглядом. — У тебя есть два варианта: идти с нами за водой или выжить одной в пустыне. Решать тебе.

* * *

К полудню Килэй начинала жалеть, что не убила их. Мяса на завтрак не было, и Сайлас начал бесконечно стонать от отчаяния. Джейк все еще задавал ей тысячу вопросов каждый час, и она не могла ответить на них так, как ему нравилось. Но теперь Элена все ухудшала.

Когда Сайлас скулил, она часто оборачивалась и говорила ему заткнуться, начиналась перепалка, и Килэй приходилось останавливать их. Потом Элена громко жаловалась, что ей нужно идти подальше от Джейка, и его оскорбляло это.

Килэй оглянулась и увидела, что Джейк идет в нескольких ярдах от них, упрямо направляясь в другую сторону.

Она заставила Сайласа и Элену сесть спинами друг к другу и поклялась сжечь их, если ей придется снова разнимать их. А потом она побежала за Джейком.

— Что ты делаешь, глупый маг? — сказала она, когда до него можно было докричаться.

— Иду домой! — рявкнул он через плечо.

— Нет, ты идешь на восток.

Он остановился и прищурился, глядя на небо. А потом развернулся и, громко ругаясь, пошел в другую сторону.

— Я больше так не могу, — сказал он, поравнявшись с ней. Он пытался пройти мимо, но Килэй схватила его за плечи. — Пусти!

— Нет, пока ты не расскажешь, в чем дело, — Килэй старалась не раздавить его, пока он боролся. — Это из-за слов Элены?

— Нет, — рявкнул он. А потом его гнев угас. — Мне не нравится быть обузой. Шептунам не нравится мой запах. Отчасти поэтому я ушел с тобой из бухты Взятки. Я знал, что тревожу запахом Каэла. Он вел себя вежливо, но я видел. И я просто...

— Да, — сказала Килэй через миг. — Он вел себя вежливо, знаешь, почему?

— Нет.

— Потому что он в душе очень хороший, — было удивительно сложно говорить о Каэле. Она пыталась сохранять голос ровным, но грудь вдруг сдавило. Что с ней такое? Она грубо кашлянула и продолжила. — А Елена не хорошая. Она ужас, она — ребенок, испорченный питомец графини, которой давали все, о чем она просила. Поверь, я уже видала таких, как она.

Джейк покачал головой.

— Ошибаешься, — он снова начал извиваться, и она отпустила его. Он бросил сумку на землю и занялся лямками. — Я оставлю тебе котелок и...

Сумка открылась, и вылетело облако пепла, покрыв лицо и бороду Джейка сажей. Он выругался.

— Просто прекрасно, — проворчал он. Джейк нахмурился, его очки были такими грязными, что Килэй не видела глаза за линзами. — Поверить не могу, что я забыл о чертовом черве, теперь мой эксперимент провален! Видишь? Вам лучше без меня, — он сорвал очки и начал яростно вытирать их о край мантии. — Елена будет приятнее без меня рядом. Если я останусь, будет хуже.

— Джейк, она относится к тебе, как к слуге. Она приказывает тебе, говорит идти подальше от нее, отдавать воду, а ты не споришь, а слушаешься! — он покачал головой, Килэй склонилась и заглянула в его глаза. — Ты — не ее раб, понимаешь? Что с того, что у нее проблемы из-за тебя? Это ее проблема, а не твоя. Мы с Сайласом не слушаемся ее, и тебе не стоит. Так что в следующий раз, когда она будет возмущаться, толкни ее...

— Драконесса!

Килэй вскинула голову, чтобы закричать на Сайласа, но увидела то, от чего сердце подпрыгнуло в горло.

Монстр двигался с юга: большое облако ветра и песка. Он затмевал небо за собой, поглощал большие дюны на своем пути. Буря двигалась к ним идеальной стеной, напоминая волну, набегаящую на берег, а они были лишь рыбками, которых вот-вот смоеет.

Буря тянулась от горизонта к горизонту, собиралась поглотить их. Казалось, она набирала скорость, подхватывала песок дюн и становилась плотнее, дотянулась до солнца и закрыла его плотным коричневатым плащом.

Килэй знала, что им не сбежать.

Она заметила движение и посмотрела вовремя, чтобы заметить, как Елена бежит в другую сторону. Она проследила за ее бегом и поняла, что она бежит к серым камням вдаль — только они вблизи были не из песка.

— За ней! — крикнула Килэй Сайласу.

— А сумки...?

— Брось их! Беги!

Ее пронзительный крик убедил его. Он бросился на четвереньки и стал львом. Килэй схватила Джейка за руку и потянула вперед. Она знала, что им не добраться до укрытия вовремя, но они хотя бы не будут разделены.

— Это песчаная буря! — охнул Джейк, едва поспевая за ней. — Я уже думал, что мы ни одну не увидим. Правду говорят? Порой песок ударяет так, что может отделить плоть от костей...?

— Не знаю, и я не хочу узнавать! — завопила Килэй. Буря приближалась, намереваясь обрушиться на них. Она ощущала ее ярость в горячем ветре, ударяющем по ее шее.

Впереди Сайлас обогнал Элену силой своих лап. Он был почти у укрытия. Килэй

вытянула свободную руку и опустила тюрбан Джейка на глаза.

— Прикрой их, если не хочешь, чтобы песок выцарапал их из глазниц! — сказала она, когда он начал жаловаться. — Я тебя веду, доверься! — она посмотрела на цель и натянула капюшон на глаза.

Ветер ударял порывами, дул со всех сторон. Джейк упал, Килэй чуть не споткнулась об него, но удержалась на ногах. Она словно оказалась на дне океана, где потоки терзали ее со всех сторон. Вскоре она перестала ощущать направление, песок не шадил ее — жалил, обжигал как пепел.

Она тянула Джейка за руки, слышала, как он кричит при этом. Огненная земля поднималась, как вода, им до колен. Песок пытался утащить их за собой, они согнулись против ветра, пробивали путь.

Песок хрустел на зубах Килэй. Она ощущала, вдыхая, песок. Она не знала, как скоро они останутся без воздуха. Укрытие из камней было единственной надеждой.

— Беги!

Она потащила Джейка в отчаянный бег. Они двигались быстро, упрямо передвигали ногами и неслись по меняющейся поверхности. Килэй посчитала, что через тридцать шагов они добегают до камней. Они должны продержаться.

Она выскочила из потока песка и попыталась шагнуть, но ее сапог ничего не нащупал. Ее нога падала в пустоту и тянула за собой тело. Она была так потрясена, что не отпустила Джейка. Он закричал, вес ее тела тянул его вниз.

Обжигающий жар, песок, рев бури пропали, их заглушила земля, забирающая их вниз. Ветер свистел в ушах Килэй, и она ударилась локтем о стену за собой, пытаясь замедлить падение. Путь изгибался, она скривилась, когда ударилась спиной о камень. А потом проем выплюнул их.

Килэй ехала, пока не ударилась спиной о стену, это ее встряхнуло. Джейк рухнул на ее живот.

Она замерла на миг, проверяла, на месте ли ее конечности. Руки и ноги были сосчитаны, и она огляделась.

Глаза быстро привыкли к полумраку. Их окружали серые стены из камня. Они упали в какую-то пещеру.

Джейк лежал перед ней. Она проверила, целый ли он. Килэй схватила его за плечо, он не ответил. Она осторожно встряхнула его, потом грубее, его тело вяло откатилось на бок.

— Джейк? Джейк!

Ее крик звоном отражался от стен вокруг них, но ей было все равно. Она уложила Джейка на спину, обхватила лицо руками. Горячая кровь оказалась на подушечках ее пальцев. Она ощущала ее в его спутанной бороде, ощупала голову и нашла рану длиной с половину пальца. Она была не шире шнурка, но кровь текла оттуда сильно.

Что-то впилось в шею Килэй. Она так переживала из-за Джейка, что отбила, не думая. Через миг давление вернулось. В этот раз раздался голос:

— Что ты делаешь в наших пещерах, чужак?

Килэй медленно развернулась, потому что поняла, что в ее шею впивалось копьё.

Она увидела лицо женщины. Она была молодой. Черные волосы ниспадали ниже ее плеч, их держала серебряная заколка. Хотя ее черты были экзотичными, как у пустынной женщины, кожа была цвета песка, светлее, чем Килэй видела у племен здесь.

Строгий взгляд женщины был смешан с удивлением. Килэй поняла, что та видела мало

путников.

— Зачем вы пришли сюда? — сказала она?

Килэй не собиралась тратить время на объяснения.

— У вас есть целитель? Мой друг ранен.

Женщина явно не ожидала вопроса. Она отпрянула, и Килэй молниеносно выхватила копьё из руки женщины и направила на ее горло.

Она с удивлением обнаружила, что копьё все из металла. Оно было тяжелым. Было не железным и не сверкало, как сталь.

— Серебро? — сказала она.

Женщина кивнула. Она отпрянула на пару шагов и защищала собой проем. За ней был виден тусклый свет, девочка в желтом шелковом платье вцепилась в ее руку. Килэй подумала, что глаза девочки выглядят знакомо. Они странно удерживали ее взглядом, словно видели сквозь ее кожу.

Она кое-что вспомнила. Воспоминание щекотало и дразнило ее. Взгляд девочки пронзал ее, Килэй прикусила губу. Она злилась, но не на девочку, а на ее взгляд. Что-то говорило ей, что у нее есть причины злиться... но она не помнила, почему.

Через миг девочка моргнула. Зловещая глубина пропала из ее глаз, на потянула женщину за руку. Детский восторг был в ее улыбке.

— Надин, смотри!

— Вижу, дитя, — шепнула Надин. Он смотрела на Килэй, и ее темные брови приподнялись, но уже не от удивления, а в решимости.

Надин была одета не как женщина пустыни. Ее красное шелковое платье больше напоминало одежду воина: одно плечо было голым, но на другой был металлический щиток. Ее юбка была до колен, покрытая тяжелой кольчугой. Она была в сандалиях, металлические пластины защищали ее голени.

Наручи на запястьях были достаточно близко, чтобы Килэй их рассмотрела. На их поверхности были изящные узоры темнее, чем на стали.

Даже ее броня была из серебра.

— Почему мы остановились? — раздался из глубины пещеры властный голос.

Надин отошла, и другая женщина вышла из-за нее, встала между Надин и девочкой.

Ее волосы были короткими и торчали в стороны, странно блестели в тусклом свете. Килэй через миг поняла, что часть ее волос была на самом деле коричневыми перьями. Они были вплетены в темные пряди и торчали. От перьев она выглядела взъерошенной, как сипуха после бури.

Тихий гром брони послышался из пещеры за ними. Килэй шагнула к Джейку и увидела стражей с копьями за Надин. Один из них вытянул шею. Он радостно улыбнулся при виде Килэй.

— Видение Рассветной Хессы сбывается, — сказал он женщине с перьями в волосах. Он указал копьем на Килэй и крикнул за плечо. — На наш путь упал достойный. Надин пощадят!

Его заявление вызвало приглушенный шепот других стражей. Многие столпились вокруг Главы, чтобы увидеть Килэй, которая отчаянно пыталась понять, в чем дело.

Они были под землей. Здесь должны быть лишь зайцы и черви... но в пещерах, как оказалось, жили люди.

Она была уверена, что люди предпочитали жить на открытом воздухе.

Хотя она и до этого ошибалась.

Только Глава не улыбалась.

— Молчать, — рявкнула она, стражи тут же притихли. Она посмотрела на Килэй.

Ее глаза были темными и далеко друг от друга. Ее нос и губы были вытянутыми, и взгляд было сложно различить. Килэй она немного напоминала лису.

Глаза Главы сверкнули, она повернулась к стражам.

— Да, к нам упал чужак. Но откуда вам знать, что она — достойнее Надин?

Килэй почти забыла о девочке. Но вдруг она выглянула из-за Главы. Хотя ее голос был тихим, все склонились, чтобы услышать ее.

— Тот, кто попал на наши земли, заслуживает больше всех.

Все посмотрели на Главу. Она скривилась, на лице отражались странные эмоции. Она злилась или даже была расстроена. Килэй не могла ее понять.

С ушей Главы свисали тяжелые серебряные кольца. Она тряхнула головой, и они звякнули о ее челюсть.

— Я не могу спорить с видением Рассветной Хессы, — сказала она.

Рот Надин открылся от шока.

— Но жребий был брошен! Я должна идти...

— Хесса разве не сказала, что тебя пощадят, если придет кто-то достойнее? Чужак послужит нашей жертвой.

Слова Главы сопровождал лязг металла, стражи вонзили копья в камень.

Если бы Джейк не был так сильно ранен, Килэй бы возразила. Но она не была целителем. Она не могла его спасти. Она хотела выторговать ему жизнь. И она оперлась о серебряное копьё и посмотрела на Главу с улыбкой.

— Вам нужен меч? — сказала она с большей уверенностью, чем ощущала. Она мало их видела, но Килэй ощущала, что это были особые люди, у которых был строгий свод правил. И если она хотела их помощи, ей нужно было действовать осторожно. — Я расскажу вам, что могу сделать...

— Ты не можешь обращаться к Главе, — резко сказала Надин, встав между Килэй и Главой. — Ты будешь говорить со мной.

— Мне все равно, с кем говорить, — Килэй опустила в ее сторону копьё, — пока вы слушаете. Я не знаю, о каком жребии речь, но мы могли бы помочь друг другу. Моему другу очень нужен целитель. У вас такой есть?

— Да, но тебе он не потребуется, — едко сказала Надин. — Из места, куда ты пойдешь, не возвращаются. А твой друг...

— Скажи ей, что мы исцелим ее друга, если она согласится на наше задание, — сказала Глава и махнула стражам забрать Джейка. — Осторожно с ним, он может нам пригодиться, если эта провалится. Надин, отведи чужачку на ее пост немедленно.

Надин стиснула зубы, но не спорила.

— Как пожелаете, Глава, — она прошла в узкую пещеру без слов, и Килэй сообразила, что ей нужно идти за ней.

Глава 20

Пещерные тролли

Темный проход отделялся от основного пути, и вскоре Килэй пришлось пригнать голову, чтобы не биться о потолок. И тут она заметила, что между макушкой Надин и камнем еще пару дюймов.

Странно... она не считала ее низкой женщиной.

— Хочешь вернуть оружие? — сказала Килэй. Надин не оборачивалась, но вытянула руку за собой. Она замедлилась, когда Килэй передала ей копьё.

— Ты странная, чужачка, — пробормотала она через миг. — Мои предки веками искали свет во тьме. Но ты уже четко видишь.

Килэй не сразу поняла, что она имела в виду, а потом заметила, что платье Надин утратило цвет, и мир стал серым. Они были во тьме, и ее драконье зрение тут же включилось.

— А кто ваши предки? — сказала Килэй, стараясь увести разговор от себя.

— Мы последние среди племен, самые не любимые. Другие зовут нас мотами, на многих наших языках это значит дети. И хотя это имя — позор для нас, теперь мы носим его гордо.

Килэй о таком не слышала.

— Как вы здесь оказались?

Надин пожала плечами.

— Есть много историй. Глава говорит, что наши предки оставили города и искали счастья в пустыне. Хотя солнце издевалось над ними из-за их бледной кожи, земля сжалась над ними. Она приняла мотов, и с тех пор мы здесь.

Они молчали минуту. Килэй все еще пыталась принять факт, что люди жили под землей. *Под землей.* Это было невероятно странно.

Килэй смотрела на Надин и отметила, что на ее спине и руках были хорошие мышцы. Она двигалась на носочках, беззвучно. Килэй задержала дыхание, и тишина была почти оглушительной.

— Ты воин, — догадалась она.

— О, ты такая умная, — сухо сказала Надин. — Я бы похлопала, но шум призовет врагов.

Килэй рассмеялась.

Хвостик Надин задел плечи, она покачала головой.

— Ты странная, чужачка. Очень странная.

Тишина и тьма длились не долго. Вскоре они вышли из узкого проема в коридор, залитый светом. Он был шире, но пустое пространство было узким в центре.

Десятки спальных мест жались в коридоре. Мешки лежали аккуратными грудками по сторонам, отбрасывая тени на ряды спальных мешков. Солдаты спали на некоторых, но большая часть собралась у маленьких огоньков, которые казались раскаленными углями на серебряных подставках.

Почти половина солдат была женщинами. Все были в красном шелке: у мужчин он был повязан на поясе, а у женщин были платья как у Надин. Но стиль брони у каждого солдата был своим. Некоторые были почти покрыты ею, у некоторых были только нужные части. И

каждый дюйм серебра был испещрен символами.

Солдаты открыто смотрели на Килэй, некоторые приветственно кивали Надин. Она повернула голову и кивала в ответ, и Килэй заметила маленькое серебряное колечко на ее ухе наверху.

Они шли мимо, солдаты поднимались с мест и брали копья. Они начали идти за Килэй со странным хором голосов.

Ее кожу покалывало. Моты говорили не громче шепота, но звук отскакивал от стен, и казалось, что их слова были всюду: за ней, перед ней, даже в голове. Хотя самый высокий мужчина среди них был едва ее роста, Килэй крепко сжала рукоять Предвестника.

Что бы она ни обещала Главе, Килэй не собиралась становиться жертвой. Эти проемы были слишком узкими для ее драконьего облика, но, если дело дойдет до боя, у нее будет преимущество: Предвестник легко разрежет сталь.

Он резал многое.

— Ожидай Смерть, чужеземка, — сказала Надин в конце прохода.

Килэй напряглась. Она приподняла Предвестника в ножнах. Она могла вытащить его за долю секунды, если потребуется.

Любопытный шепот за ними стал гулом, утихшим, когда Надин остановилась. Они стояли у большой комнаты.

Каменный потолок терялся в тенях, был высоким, как башни Насеста; гладкая серая комната была размером с весь замок. Широкие лучи света проникали из дыр на крыше. Килэй слышала, как наверху стонет ветер.

Комната словно предназначалась когда-то для собраний. Сотни стульев были вырезаны из камня, заполняли комнату плотными кольцами, становясь все меньше с каждым витком, как рябь на пруду.

В центре комнаты стоял стул с высокой спинкой и большой серебряный колокол на небольшой платформе, который висел чуть выше кресла.

Эта комната когда-то была очень важной. Но роскошь давно увяла. У многих стульев не хватало спинок, некоторые вообще стали обломками. Даже большое кресло в центре было с обломанным углом наверху. И всюду пахло смертью.

Килэй не знала, сколько сотен тел лежит на холодном полу, и она не знала, хватило бы ей смелости сосчитать их. Она видела обрывки красного шелка, но большая часть тел была похожей на звериные, покрытые черным мехом.

Одно тело лежало у входа. Острые зубы виднелись во рту гниющего существа. Килэй скривилась, увидев большую лапу, похожую на лопату. Лапа тянулась к проходу, когти на концах блестели, были короткими и толстыми, способными пробивать камень.

Пещерные тролли.

— Тебе нужно добежать до середины комнаты и прозвонить в колокол, — сказал один из мотов и сунул копьё в руки Килэй. — Не пытайся бросить задание, иначе нам придется тебя убить. Наши копейщики могут разрезать зерно риса в сотне метров от них.

— Это не очень практично. Что мешало использовать ложку? — сказала Килэй, быстро оглядывая стены комнаты. Множество проемов вело в разные стороны. Она не знала, что случится, когда она прозвенит в колокол, но казалось, что у нее много шансов на побег.

Мот был растерян из-за ее шуток. А потом его лицо стало строгим.

— Ты не успеешь вернуться, прозвенев в колокол. Иди, и пусть Смерть...

Кто-то промчался мимо него, задев его плечо и оборвав речь. Килэй удивленно

смотрела, как Надин прыгает через ближайшие тела. Она мчалась к колоколу.

Моты кричали, но Надин не слушала их. И никто не пытался преследовать ее. Вместо этого моты сгрудились, выталкивая Килэй. Они опустили копья, явно готовясь к бою.

Надин была почти у колокола, когда Килэй все поняла. Она догадалась, что будет, когда Надин прозвенит в колокол. Она понимала, какие существа побегут к ней.

Надин не убежит от троллей. Ее ноги были слишком короткими, их было всего две.

Килэй мысленно вздохнула, проклиная человеческую гордость. А потом она бросила копье ближайшему моту и бросилась за Надин. Она бежала мимо тел, перепрыгивала каменные стулья, следила за опасностью краем глаза.

Бам! Бам! Бам!

Копье Надин било по колоколу, и Килэй стиснула зубы от раздражающего звона. Она прыгнула через гору трупов и обогнула сломанную колонну, а потом оказалась рядом с Надин, которая удивилась при виде нее.

— Что ты делаешь? — завизжала она. — Это моя судьба! Меня выбрали!

— Умирать?

— Да!

— О, прости, ты хотела умереть?

Килэй хотела пошутить. Но, когда Надин не ответила, она обернулась. Лицо девушки пылало красным, и Килэй опешила.

— Почему...?

Впереди раздался вой, обрывая слова. Килэй прищурилась, чтобы увидеть, какая беда их ждет.

Как она и подозревала, в комнату хлынули тролли, но она не ожидала увидеть такое количество. Ужасные волосатые существа лились из проемов, как вода из щелей, двигаясь одной мохнатой волной, готовой поглотить их. Их зубы блестели, челюсти могли раскрываться невероятно широко.

— Беги, чужеземка, если хочешь жить! — сказала Надин. Она шагнула вперед, крепко сжав копье. — Моя жизнь обрывается здесь.

Килэй пару раз сталкивалась с троллями, но с лесными, которые были без меха и жили в пустых бревнах. Она не сражалась с армией пещерных троллей. И она была потрясена, когда первый встал на дыбы и начал раскручивать пращу.

Камень полетел к ним на убийственной скорости. Килэй услышала, как он просвистел у ее локтя, она бросилась в сторону.

— У троллей пращи? — сказала она, выхватывая Предвестника из ножен. — С каких пор у троллей оружие? — еще один камень чуть не задел ее ухо.

Они хорошо целились.

Лица пещерных троллей поровну делились на зияющие рты и большие носы, как у летучих мышей. У них не было глаз. Ноздри широко раздувались, и они атаковали. Они ощущали запах теплой крови мотов и безумно лаяли.

Их крики разносились эхом по пещерам, созывая остальных. Вскоре армия троллей превратилась в океан мохнатой тьмы. Впервые Килэй признала, что она в меньшинстве. Ничего не поделать.

Хоть он и громко жаловался, она убрала Предвестника в ножны и пробежала мимо Надин, которая явно не хотела проигрывать. Килэй выругалась, услышав, что женщина бежит за ней.

Камни летели к ней. Она никак не могла увернуться, не навредив Надин. С ревом Килэй приняла облик дракона.

Она слышала стук камней, отлетающих от ее чешуи, слышала крик Надин за спиной. Тролли учуяли перемену крови, потому что упали на четвереньки и побежали, высекая когтями искры.

Но было поздно бежать.

Желтый огонь вырвался из горла Килэй, и первые несколько рядов троллей стали горстками дымящегося пепла. Она поворачивала голову, выдыхая, преследуя троллей постоянной линией огня. Счастливики убежали в туннели с обгоревшим мехом. Она слышала их испуганные крики, отражающиеся от стен, предупреждающие остальных держаться подальше.

Килэй решила зареветь, чтобы прогнать их подальше. Но, стоило ей вдохнуть, как мир начал чернеть. Кусочки зайчатины, что были на ужин, не могли утолить драконий голод, и ее тело сдалось.

Ноги подкосились, подбородок ударился о землю. Последние силы она потратила на то, чтобы принять облик человека. Она ощутила холодный камень щекой... и тьма нахлынула на нее.

* * *

Проснувшись, Килэй решила, что еще спит. Она моргнула от яркого света солнца и повернула голову на приятный звук.

Нет, ей не снилось. Ручей журчал недалеко от нее. Он сверкал, стекая по камням, и вился среди густой травы. Она провела пальцами по травинкам и обнаружила, что ее запястья скованы.

Оковы из серебра крепко сдерживали их. Цепи между ними не было, так что она не могла развести руки. Перекатившись, она обнаружила такие же оковы на лодыжках.

Что за...?

— Привет, подруга а'калла.

Она посмотрела в сторону, откуда донесся знакомый голос, и ее сердце дрогнуло при виде Сайласа. Он поднял приветственно скованные руки. Лиловые синяки покрывали его лицо.

Килэй не представляла, что будет так рада коту.

— Еще жив?

Он улыбнулся.

— От меня так легко не избавиться.

Килэй застонала и заставила уставшее тело сесть. Повезло, что за ней было то, на что можно было опереться спиной. Не повезло, что это были прутья клетки. Они были на вершине плато, покрытого травой, но при этом на дне какой-то долины.

Долина была крупнее небольшой деревни. Земля была неровной, словно ступени выпирали из земли. Побегии вились вокруг, несколько коз жевало траву. Желудок Килэй заурчал при виде их упитанных туш.

Если бы не клетка, она бы тут же схватила самую толстую.

Но она была слишком слабой, чтобы протиснуться сквозь прутья, и не хотелось мучить себя. Она отвела взгляд от коз и посмотрела вверх.

Сотни глаз смотрели на нее со стен из камня, окружавших долину. Почти на каждом дюйме стены были маленькие домики, отделенные от соседей футом камня. Комнаты вились по спирали вдоль долины, уходя вверх по стенам.

Всевозможные моты выглядывали из открытых комнат. Некоторые смотрели с кроватей, другие стояли на камнях, смелые мальчики сидели на краю и болтали ногами над пропастью.

Килэй вдруг ощутила себя попавшей в большой улей.

— Что происходит? — сказала она.

— Хмм? — Сайлас оторвал голодный взгляд от коз и указал на землю внизу. — Думаю, они решают, убивать нас или нет.

На самом дне долины был небольшой круг грязи. Казалось, там поместятся всего пять мотов, но туда смогло влезть вдвое больше.

Она сразу узнала Надин. Она сидела перед несколькими солдатами на одной стороне кольца, а Хесса сидела на другой стороне. И, конечно, Глава была посередине.

Хотя Килэй не понимала, что они говорили, она не могла перестать слушать. Язык мотов был плавным и музыкальным. Звучало красиво даже с резким голосом Главы.

Слушая их, Килэй посмотрела вперед. Ее кожу покалывало.

Перед ней стоял стол из пластин серебра. Ножки сияли как новые, а поверхность стола была ужасно запачкана тем, что подозрительно напоминало сухую кровь. Несколько мисок стояло на столе. Инструменты лежали в ряд, острые и изогнутые, у каждого из них была свое жуткое назначение.

— Странно, да?

— Что странно? — Килэй оторвала взгляд от стола.

Сайлас закатил глаза, словно она соображала невероятно медленно.

— Странно, что нам суждено умереть вместе: гордому Королю зверей и низкому существу без шерсти.

Килэй похлопала его по плечу.

— Ладно тебе, Сайлас, не стоит так о себе говорить. У тебя много волос.

Он пытался изобразить возмущение. Но только улыбнулся.

Они склонились в клетке, слушая речь Главы. Хесса вмещивалась порой, и Килэй заметила снова, как люди затихали при звуке ее голоса. Даже Глава скрещивала руки и терпеливо слушала, словно не могла позволить себе упустить хоть слово девочки.

— Кстати, о странностях, — отметила Килэй. — Как ты здесь оказался?

Сайлас надулся, удобнее прислонил спину к прутьям.

— За камнями была пещера. Я пошел туда за этой глупой девчонкой...

— Элена, — исправила она его.

— Прошу прощения. Я прошел внутрь за этой тупой Эленой, — сказал он, улыбаясь, Килэй сдерживала смех. — Конечно, она ускользнула в темноте на первой же развилке. Не знаю, куда она ушла. Плевать. Я шел по пещере, ах, там было холодно, и я ощущал запах воды...

— И ты нашел воду?

— Да. Голубой пруд сияющей воды. И я видел рыбок на дне. Я пытался поймать одну, когда меня ударили по лицу, — он скривился, трогая синяки. — Меня оглушило, и я

случайно сменил облик на человеческий. А потом людишки окружили меня, крича а'калла. Они били меня дубинками, а потом понесли сюда как козла на костер, — он взмахнул рукой и скривился. — Не знаю, правда, где мы.

Килэй не была удивлена побегу Элены. Хорошо, что от нее избавили.

— А Джейка ты видел?

Глаза Сайласа расширились, он был встревожен почти так же сильно, как в тот раз, когда она бросила его в библиотеке за хвост.

— Я думал, он был с тобой.

Она вздохнула.

— Да, но потом он поранился...

Она рассказала ему о случившемся, он терпеливо слушал.

— Тролли? — пробормотал он, когда она закончила. — Это объясняет запах, что я уловил по пути в пещере. Может, тупую Элену съедят, — он улыбнулся. — Джейк будет в порядке. Я это чувствую.

Килэй тоже это чувствовала. Она надеялась, что инстинкты не врут.

— Зато мне дали что-то мягкое, — перебил Сайлас ее мысли. Он потянул за край шелкового одеяния. У него не было цвета, оно было просто белым. — Это удобнее штанов. Не люблю, когда все там...

— Да, я представляю, — быстро сказала Килэй. Она посмотрела на круг в середине долины, где моты начинали распалиться.

Теперь говорила Надин. Ее голос был высоким, руки она раскинула. Глава опасно склонилась, словно собиралась встать на ноги, а солдаты отклонились.

Килэй не понимала их слова, но ей казалось, что Надин не очень нравится Главе. И если Надин заступалась за них, им все равно конец.

Килэй ткнула Сайласа локтем.

— Надеюсь, ты готов сражаться.

— Конечно, а'калла, — ухмыльнулся он. А потом склонился ближе. — Знаешь, что означает а'калла? Мужчины, которых мы убили в пустыне, тоже знали.

Килэй вздохнула. Она не знала толком язык пустыни, но это слово знала.

— Это означает «проклятый». Люди пустыни верят, что мы продали души некромантам, чтобы стать оборотнями.

— Что за некроманты?

— Те, кто применяет темную магию, например, поднимает мертвых и забирает души.

Сайлас вскинул брови.

— Но это не так. Людям нравится сочинять истории о том, чего они не понимают? — Килэй пожалла плечами, он недовольно выдохнул и прислонился к прутьям. — Глупые люди. Почему они не могут просто спросить?

У нее не было ответа. Хотя она часто находила вопросы Джейка докучающими, но многое в любопытстве людей казалось ей... трогательным. Например, как Каэл морщил нос, когда пытался решить проблему...

— Смотри, драконесса.

Она отогнала воспоминания и посмотрела на круг. Руки Главы были сжаты над головой. Она трясла ими, и Килэй уловила шорох от ее ладоней. Глава разжала руки в центре круга, и оттуда упали маленькие кости. Килэй напряглась, глядя на них, на каждой были символы.

Глава склонилась над ними на миг, а потом встала на ноги. Она раскинула руки и

громко заговорила, чтобы слышали и люди в домиках.

— Руны сказали! — заявила она.

Никто не радовался, люди зловеще молчали. Без слов совет пошел по склону к клетке.

Килэй инстинктивно потянулась к Предвестнику, но его не было.

Ее сердце заколотилось в груди. Она безумно озиралась, но не видела меч нигде. Она принялась оглядывать долину, каждый выступ и склон.

И она заметила оружие на бедре Главы.

Глава 21

Нагота

— Думай хорошенько, а'калла, — прошипела Надин, вставляя ключ в замок. — Иначе твоя жизнь быстро оборвется.

Но Килэй не слушала. Она смотрела, как Глава обвивает пальцами Предвестника, и он жалобно стонет.

Килэй прикусила губу. Другие не слышали мольбу Предвестника, он говорил только с ней. Он молил ее сделать что-нибудь, бороться за него, вернуть его. Она впиалась в прутья клетки. Ее кровь кипела, она пыталась обуздать себя.

— Прошу, чужеземка, — Надин медленно поворачивала ключ в замке, глядя на Килэй. — Если ты нападешь, они убьют...

— Я разберусь, — прорычала она.

Морщины окружили рот Главы, она ухмыльнулась. Она хорошо знала, что делает, она делала это намеренно. Ее лисьи глаза были хитрыми, она следила, как борется Килэй. Как птица, изображающая, что у нее сломано крыло, она заманивала Килэй в западню.

Что сделает Глава, если она нападет? Использует ее меч против нее?

От этой мысли кровь Килэй вскипела еще сильнее. Она пылала в пальцах, впивающихся в прутья. Она не думала, что злилась бы сильнее, если бы Глава оторвала ее руку и ударила ею. Она не помнила, когда в последний раз хотела так кого-то убить.

— Прошу, — слово звучало странно от Надин, и Килэй видела, что она редко его использовала. — Прошу, чужеземка, — сказала она. — Я заплатила за твою свободу. Не бросай выкуп на ветер...

— Хватит!

Знакомый голос прозвенел по долине, он был сильнее, чем раньше. Моты охнули в своих домиках, Джейк вышел из пещеры неподалеку. Казалось, он только сбежал от целителей: его повязки были наложены не всюду, толпа мотов в голубом бежала за ним. Они пытались вернуть его, но он был слишком высоким, чтобы они схватили его.

Он, пошатываясь, пошел по траве, подняв посох высоко над головой. Когда он опустил его, долину заполнил низкий звук, словно ударили по барабану.

Сила его чар сбила всех с ног. Надин врезалась в клетку, ее рот раскрылся в удивленном О. Глава и ее стражи покатались по холму. Килэй и Сайласа отбросило в клетке, они сильно ударились о прутья.

— Это мои друзья, — проревел Джейк, направляя посох на Главу. — И я не позволю... я не потерплю... и... — он опасно лепетал, и Килэй боялась, что он упадет и навредит себе. Но моты в голубом подбежали и осторожно подхватили его. — Я не буду... — его голова опустилась, тело обмякло.

Килэй смотрела, как моты понесли его в пещеру на своих спинах, как армия муравьев. Она затрясла дверь клетки, но она была заперта.

— Куда они его уносят? Лучше бы им не вредить...

— Молчать, а'калла! — рявкнула Глава. Один из стражей поднял ее с земли, но она не поблагодарила его, она смотрела на Надин. — Ты знала, что один из них был чароплетом? Ты меня обманула?

Надин покачала головой. Она стряхнула грязь с платья и подняла копье с земли.

— Я не знала, Глава...

— Ложь! — рявкнула она, перья дрожали на ее голове. — Ты должна была знать. Иначе зачем ты торговалась за них?

— Я в этом виновата, Глава, — Хессу поднял с земли ближайший страж. На ее щеке была грязь, но она не вытирала щеку. Она в мольбе сцепила перед собой ладони. — Я сказала Надин купить а'каллу. Я закрыла глаза и увидела, что земли нашего народа вернулись, наши огни снова ярко горят. И я подумала...

Глубокий взгляд Хессы скользнул от разъяренного красного лица Главы на многие лица над ней.

— Я поверила, что в этой а'калла больше, чем мы видим. Теперь среди нас и чароплет, — она робко улыбнулась и повернулась к Главе. — Может, все, как вы говорите: мы не должны отворачиваться от дара, пока не поняли его значение.

Стражи согласно шептались, кивая Хессе. Глава впилась в свое одеяние. Мгновение она была растеряна, словно ступила в яму. А потом ее лицо стало опасно гладким.

— Хорошо. Ты заплатила мне, Надин. А'калла и чароплет — твои по праву. Стражи сопровождают тебя, чтобы забрать оплату. Идем, Хесса.

Глава протянула руку, и Хесса послушно взялась за нее. Она шла по долине, а Килэй невольно думала, что Главе взлохматили перья.

От этой мысли она бы улыбнулась, если бы не тревога о Предвестнике. Его стоны угасали, Глава уносила его с собой. Килэй смотрела ему вслед, пока он не пропал в туннеле, стараясь не кричать в оставшейся без него тишине.

Она всегда считала людей смешными из-за того, как они краснели от наготы, как они стыдились этого. Для нее не было ничего постыдного в том, чтобы бегать в своей коже. Но теперь... она начинала понимать.

Люди стыдились не кожи, а своей уязвимости. Они укутывались, чтобы скрыть свои слабости. Без Предвестника Килэй была пустой. Она была открытой, униженной, уязвимой. Она ощущала себя... обнаженной.

Замок щелкнул, и Надин открыла клетку. Она освободила их руки и лодыжки, оставив оковы на полу. А потом она отступила в сторону. С копьем в руке, оперев другую руку в бок, она ждала.

Килэй поняла, что ей дают выбрать: она могла вести себя хорошо, или Надин могла разбить ей череп. Ее взгляд был острым, как лезвие. Она видела, как Килэй упала на арене. Она знала, как Килэй сейчас слаба.

Ее драконья половина пошевелилась в груди, требуя отмщения, и хотя Килэй хотела свернуть врагу шею, мысль о Джейке заставила ее передумать.

— Что ты сделаешь с Джейком... то есть, с чароплетом?

— Целители согласились привести его, когда он будет готов, — ответила Надин.

С болью Килэй вышла из клетки. В глубине души она знала, что Предвестник будет в порядке. Он найдет путь к ней.

Со временем.

Дом мотов очень напоминал улей. Они прошли по пещере из долины к большой лестнице. Ступеньки уходили спиралью вверх в горе, рядом были комнаты.

Было душно и жарко. Ступеньки были истоптанными и, местами, скользкими. Но хуже были взгляды.

Каждая комната закрывалась шелковой занавеской, как дверью, и некоторые были плотно задвинуты. Но большая часть была приоткрыта или отодвинута, чтобы любопытные жители могли глазеть на проходящих Килэй и Сайласа.

Никто не говорил.

— Что означают цвета? — сказала Килэй, понизив голос, когда он услышала, как он отразился от стен.

— Какие цвета? — спросила Надин через плечо. Она копьём подтягивала себя на ступеньки. Оно постукивало ритмично по земле, пока они поднимались.

— Цвета одежды и занавесок.

— А, это символы наших классов. Зеленые — наши фермеры, потому что они дают нам жизнь. Голубой — целебные ручьи, и наши целители выбрали себе этот цвет. А воины выбрали красный... из-за крови, которую они проливают.

— А желтый? — спросил Сайлас. — И почему эта Глава в черном? — он открыто смотрел на людей, которых они проходили, с интересом ловя их взгляды. Он даже вытягивал шею, чтобы заглянуть за них в комнаты. Как-то раз он склонился так близко, что семья мотов запищала и отскочила за занавеску.

Надин повернулась, чтобы они видели ее поджатые губы.

— Глава — посланник Судьбы, только она понимает тайные стоны земли. Она — самая благословенная из нас, и потому ее одежда черная. Хесса в желтом, потому что представляет рассвет. Когда Главы не станет, Хесса займет ее место как наша правящая мать.

Килэй опешила.

— Женщина — ваш лидер?

— Конечно, чужеземка, — тяжело вздохнула Надин. — Вся жизнь от женщин. Мы ближе к земле, чем мужчины, у нас есть мудрость, которой они не обладают. Мы лучше подходим для управления. Больше никаких вопросов, — она подняла руку. — Берегите дыхание для пути.

Килэй потребовалось все дыхание, чтобы дойти до вершины. Впервые за долгое время она ощущала человеческую усталость мышц. Ее драконья сила была едва ощутимой. Только человеческое упрямство дотащило ее до вершины.

Когда Надин прошла в комнату, они проследовали за ней без вопросов.

— О, это Судьба! — Сайлас рухнул на землю. Он тяжело дышал, темный след жидкости образовался на камне у его губ.

Пол был прохладным под ее ногами, Килэй хотелось присоединиться к нему. Но она перешагнула его потное тело и оглядела комнату.

А смотреть было не на что. Маленькая постель из шкур была в углу, там были и козы, и лисы. Надин прошла к бочке с другой стороны и вытащила из-за нее наполовину пустой мешок. Она вручила мешок стражам, те шли с ними по ступенькам, и они оставили их без слов.

Надин зачерпнула из бочки воды, наполнила две глиняные миски и отдала Килэй и Сайласу. Они осушили миски, не вдыхая. Надин, казалось, подавляла улыбку, наливая им воду во второй раз.

Серебряная жаровня стояла у большого окна, откуда открывался вид на обрыв. Килэй выглянула и увидела точки людей, движущихся по долине. Ветер ласкал ее лицо, она вдыхала его. Ей бы понравилось выпрыгнуть отсюда, расправить крылья и улететь в небо. Но она сомневалась, что сможет сейчас взлететь.

Она проследила за сверкающим ручьем, льющим в долину по камням, начинаясь с камня на вершине, похожего на треснувшее яйцо.

— Ручей, — сказала Надин, когда она спросила. — Мы пойдем туда завтра, чтобы пополнить запасы воды, — она смотрела, как Сайлас допивает еще одну миску, с кривой улыбкой. — Или придется идти ночью.

— Вопрос, — вмешался Сайлас. — Я бы задал раньше, но не хотел казаться грубым...

— И у тебя не хватало на него дыхания, — добавила Килэй.

Он нахмурился.

— У меня хватало дыхания. И мне хватит дыхания укусить тебя, драконесса, — он повернулся к Надин. — Я слышал, что ты... купила нас?

Надин кивнула.

— Это стоило мне целое состояние. У Главы теперь все мои три козы. И я отдала зерна риса стражам, — она смотрела в окно задумчивым взглядом. — Так что и мои поля будут пустыми.

У нее был сильный акцент. Но Килэй казалось, что она слышала в ее голосе следы певучего языка. Она ощущала печаль в словах Надин сразу, а потом уже поняла смысл ее слов. Они упали, как дождь на камень: приглушенные и без надежды.

— Но я доверяю Хессе, — продолжила Надин с тенью силы. — И если моя судьба — приглядывать за а'калла, то я приму ее гордо.

— Ох, — Сайлас прищурился. — Боюсь, ты зря потратила коз, меня не купить. Я никому не принадлежу.

Надин пожала плечами.

— Можешь вернуться к Главе. Она разрежет тебя на алтаре, пока ты еще жив, и вытащит твои внутренности, чтобы изгнать из тела проклятую душу.

Килэй подавилась водой.

— Она так сделала бы?

— Я видела такое раньше, — Надин села, скрестив ноги, на землю и указала им присоединиться. — Я знаю, вы — а'калла, — сказала она, пронзив каждого взглядом. — Но вы под моей опекой. Так что я попытаюсь помочь вам прижиться. Сначала вам нужно узнать, — она посмотрела на Сайласа, — что без моей защиты вас бы мгновенно убили. Руны упали в вашу пользу, но они не могли уберечь вас от ненависти других.

Сайлас поднял руку.

— Что за руны?

— Осколки волшебных безделушек, которые ничего не значат, — ответила Килэй.

— Это не так, а'калла, — Надин пронзила ее взглядом. А потом повернулась к Сайласу. — Руны говорят волю Судьбы, они несут нам ее послания издалека. Глава знает их язык. Она читает волю и переводит нам.

Килэй ничего не сказала. Она слышала о таком раньше: руны, чайнки и рисунки из крови курицы. Это не имело значения. Обратни верили, что у Судьбы есть воля для всех живых существ, но это нельзя было прочесть.

Воля Судьбы была переменной погоды, гудением ветра. Килэй ощущала ее раньше, это

как рука на спине, толкающая ее по другому пути. Пути, которые Судьба выбирала для нее, не всегда были простыми, на них всегда попадались большие проблемы. Но она думала, что так Судьба предпочитала говорить.

Она точно не сидела, весь день шепча рунам.

Сайлас, казалось, думал о том же. Он расхохотался, и Надин так скривилась от обиды, что Килэй не выдержала. Она ткнула его локтем.

— Ай! Что? — прошипел он. Сайлас посмотрел на Надин и закрыл рот. — Прошу прощения, — проворчал он, когда Килэй вонзила локоть глубже. — Не стоило смеяться над такими глупостями... ай! То есть, над тем, чего я не понимаю.

— Я прощаю, — отмахнулась Надин. — Наши обычаи могут казаться странными чужакам.

— Да... — Сайлас хотел сказать что-то еще, но взгляд Килэй заставил его передумать. — Теперь все решили, и когда мы будем есть?

Надин опустила взгляд.

— Не знаю. Я отдала всю еду Главе.

Сайлас вскинул брови.

— Но разве нет места, где можно выторговать еду?

Надин покачала головой. Ее улыбка была горькой, когда появилась на ее губах.

— Не так давно мы могли добраться до морей. Мы меняли серебро на все, что пожелаем. Но теперь тролли пришли с севера и захватили пути.

И Килэй все поняла.

— Та комната с колоколом...

Надин мрачно кивнула.

— Большая часть нашего города под землей. Только фермеры жили на поверхности. Но теперь тролли загнали нас, и у нас нет выбора. Приходится выкапывать новые дома в горе, — она забрала их миски и аккуратно отставила. — Мы были заперты месяцами, запасы кончаются. Когда почва высохнет, мы погибнем.

Стыд холодным ветром ударил Килэй по лицу. У Надин было мало своего и до их прибытия, а теперь не осталось ничего. Что она могла получить, отдав все состояние за жизни незнакомцев? Хотя Килэй пыталась найти ответ, спокойное лицо Надин не получалось прочитать.

Может, они могли как-то помочь ей.

Пришлось пару минут сверлить взглядом Сайласа, чтобы он застонал и встал.

— Откуда берутся козы? — сказал он, разминая шею.

Надин смутилась.

— От наших семей. Стада передаются...

— Да, — перебил Сайлас. — Но если я хочу нового козла, где мне искать его?

— Вокруг нашей горы глубокие трещины в земле, — сказала она, раскинув руки. — На их дне подземные воды сформировали пруды. Дикая коза часто приходит туда пить.

Сайлас кивнул и собрался уходить, но Надин вскочила на ноги.

— Ты не сможешь добраться до них, чужак, — сказала она. — За все время здесь мы смогли поймать только тех, что зашли слишком далеко. Путь туда слишком опасный для людей.

— Но не для а'калла, — улыбнулся Сайлас.

Сайлас вернулся через чару часов с козой на плечах. Он бросил тушу к ногам Надин и начал слизывать кровь с себя.

Надин потрясенно смотрела на козла.

— Где... как ты это сделал?

Сайлас прижал ладонь к груди и сказал со стоном:

— Это жуткое проклятие а'калла позволяет найти красное мясо, где бы оно ни пряталось.

Надин не злилась на его шутки. Она протянула руку.

— Спасибо.

Сайлас растерянно смотрел, пока Килэй не подсказала ему обхватить ее ладонь. Он пожал ее пальцы и отдернул руку, словно она могла обмануть его.

— Не за что, — прорычал он.

Надин приятно улыбнулась. А потом посмотрела на козу.

— Жаль, что ты убил ее. Я бы хотела использовать ее на ферме.

— Ферма... — Сайлас прикрыл глаза, повторяя слово. — Ах, — сказал он. — Хочешь, чтобы у тебя были запасные козы? Я постараюсь в следующий раз принести живую. Хотя их сложнее нести, они брыкаются своими ножками.

Надин рассмеялась, и ее смех был таким же приятным, как улыбка. Килэй ощущала, как на сердце стало легче. Даже Сайлас не ворчал, а ухмыльнулся в ответ.

Пока Килэй разделывала козу, Надин занялась серебряной жаровней у окна. Там были камешки, которые сияли красным, как угли. Надин подула на них пару мгновений, и они вспыхнули.

— На глубине земли озеро огня, его воды — жидкое пламя, — объясняла Надин, когда Килэй задала вопрос. — Мы собираем эти камни на берегу. Они месяцами хранят огонь. Но со временем уменьшаются. Многие из них изначально были размером с мой кулак, — сказала она, указав на жаровню. — Но скоро они станут пеплом. И тогда мы не сможем греться у огня.

— Вы не можете собрать новые? — сказала Килэй, вручив Надин первый кусок мяса, который она насадила на копье.

— Мы пытались, но тролли мешают, — мрачно сказала она. Мясо зашипело над огнем.

— А что здесь забыли тролли? Это не их территория, — пробормотал Сайлас.

Надин была удивлена.

— Откуда ты знаешь?

— Они не успели пометить пещеры как следует. Были бы они здесь долго, все воняло бы троллями. Но запах пока что слабый.

— Ты прав, тролли не отсюда. Они прибыли сюда из своих нор на севере.

— Но почему они вдруг убежали из своих нор....? — вопрос Сайласа оборвался урчанием, он повернулся к окну. Он закрыл глаза, свет садящегося солнца упал на его лицо.

Надин пожала плечами.

— Не знаю. Но они выгнали нас из главного зала пару месяцев назад, отрезав путь к огненному озеру и многим подземным домам. Они точно уничтожили и наши поля грибов, — она вздохнула. — Хотелось бы грибов.

Килэй долго думала.

— Но зачем звенеть в колокол и вызывать их? — сказала она, не найдя ответа.

— Глава считает, что это наш план атаки. Мы должны атаковать их по разу, как червь глодает кости.

Килэй не знала, видела ли Глава, как черви съедают плоть. Наверное, нет, раз думала, что это медленный процесс. Моты не играли камнями и копьями, они голодали. Им нужно было прогнать троллей из их земель как можно скорее.

Но плохо говорить о Главе при Надин не стоило. Не нужно было расстраивать ее еще сильнее. И Килэй оставила мрачные мысли себе.

Как только они наелись, сон удивительно быстро нагнал их. Солнце скрылось за зубцами долины, и они рухнули спать. Они хотели разделить шкуры на отдельные постели, но Сайлас уснул на куче, и Надин с Килэй пришлось жаться по краям.

Килэй давно не спала с остальными. Люди любили личное пространство, и она забыла удобство жизни в стае. Но с теплым телом Сайласа рядом и тихим дыханием Надин, навевающим сон, она затосковала по тому времени.

Это был лучший отдых за много лет.

* * *

Посреди ночи рука грубо зажала рот Килэй, разбудив ее.

Ее глаза быстро привыкли к темноте. Она застыла, заметив знакомый лоб. Одна бровь была выше другой, зеленоватый синяк выделялся у глаза.

Элена прижала палец к маске с прорезьями для воздуха и убрала руку от губ Килэй. Она прошла к двери, быстрая, как тень, и поманила ее за собой.

— Вот уж нет, — громко сказала Килэй.

Сайлас вздрогнул, Надин села, вытирая сон с глаз. Увидев Элену, она бросилась к копыю. Кинжалы Элены покинули ножны.

— Нет, нет! — Килэй перепрыгнула Сайласа и копьем Надин отодвинула ее к стене. — Убери ножи, дамочка, — прорычала она через плечо Элене. — Обещаю, мы не в опасности.

Элена сверкнула взглядом, провела кинжалами дугу и сунула в ножны. Она опустила маску и оскалилась.

— О, я надеюсь, ты нашла путь наружу, — пробормотал Сайлас. Он прикрыл глаза рукой, когда Надин разожгла огонь в жаровне.

— Молчи, кот, — Элена повернулась к Килэй. — Нельзя тратить время. Идем со мной, я нашла нам воду и еду в пещерах. Мы отдохнем день и будем готовы идти домой.

— Так иди домой, — пожалала плечами Килэй. Она взяла у Надин миску и выпила воду, чтобы смягчить сухое горло. Она подняла голову. Элена смотрела на нее. Килэй вздохнула. — Вчера ты ворчала, что мы забрали твои запасы. Теперь ты нашла свежие. Забирай и уходи...

— Боюсь, песчаная буря убрала безопасный путь, что ты оставила по пустыне, — быстро сказала Элена. — Но, думаю, можно пройти по пещерам к морям.

Килэй не понимала мольбу в ее взгляде.

— Что ж... так лучше. Можешь идти по пещерам, не жарьсь на солнце.

Элена приоткрыла рот, словно хотела что-то сказать, но не находила на это силы. И Сайлас сделал это за нее:

— Ты боишься темноты! — закричал он, смеясь, когда она покраснела. — Поверить не могу, убийца боится темноты! Ха!

— Не темноты, — рявкнула она. Элена повернула голову к Килэй, но смотрела на землю. — Здесь нет неба. Мне не нравится давление земли над головой.

Впервые Килэй пожалела ее. Она предложила Элене воду и обхватила рукой ее плечи.

— Мы выберемся отсюда, обещаю. Но пока что все немного... запуталось.

— Как?

Килэй ухмыльнулась.

— Долгая история.

Остаток ночи они рассказывали Элене о случившемся с ними за последние часы хаоса. Она вытаскивала кинжал из ножен и крутила, пока слушала. Килэй было сложно не отвлекаться на легкость ее движений.

Почему-то от этого она сильнее заскучала по Предвестнику.

— Я не собираюсь никому служить, — сказала Элена, когда они закончили.

— Хорошо, потому что я тебя и не покупала, — криво улыбнулась Надин. Она вытянула руку. — Можно? — к удивлению Килэй, Элена отдала ей кинжал. Надин покрутила лезвие, глядя, как свет скользит по затемненному краю. — Чужеземцы и странное оружие, — сказала она, качая головой. — Сколько там видов?

— Несколько, — ответила Элена, почти улыбнувшись.

Сайлас не хотел это слушать и уснул. Он проснулся, перевернулся на бок и застонал при виде Элены.

— Фу, ты еще здесь? Я думал, что ты не хочешь быть рабом.

— Не хочу.

— Тогда почему ты не ушла?

Она нахмурилась, забрала кинжал у Надин и спрятала в ножны.

— Я не собираюсь делить комнату с котом, — заявила она и встала. — Я вернусь, когда захочу.

— Вот и славненько, — пробормотал Сайлас.

Она ударила его по заду ногой, когда уходила.

Глава 22

Дырявые крыши

Дни тянулись, и тело Каэла привыкало к работе.

Казалось, под его кожей пришили камни. Шишки размером с кулак появились на его ногах сзади и на руках, они неприятно перекатывались на его мышцах. Какое-то время он боялся, что они лопнут.

Но сеять было не так сложно, как пахать землю, через пару дней такой работы он начал замечать перемены: его ноги больше не дрожали, он мог повернуть голову, не кривясь. Медленно шишки уменьшались, тело исцелялось, и у Каэла появилась энергия, чтобы продумывать побег.

Он внимательно наблюдал за чарами, которые Финкс накладывал на амбар. Он смотрел, как двери загонов закрываются на ночь, видел молочно-белую пленку чар, тянущуюся по железу, сплетающуюся из линий. Она охватывала дверь паутиной. Одна нить оставалась свободной, и она натягивалась и дрожала, двигая дверь.

Каэл проследил за нитью и увидел, как нити от загонов собираются под потолком. Они уходили в темную щель на крыше и так и висели в неподвижном воздухе.

Он понимал, что нити как-то связаны с Финксом. И если Каэл порвет их, он тут же почувствует. Финкс забьет тревогу, и великанам не дадут даже сразиться.

Каэл знал, что не мог освободить великанов, пока над ними нависали маги. Должен быть способ обойти чары... но как?

Он размышлял как-то ночью, но Деклан пришел и помешал ему.

— Исцеляется быстро, — сказал он, глядя на раненую руку Каэла.

Порезы от когтей Вечерокрыла были слишком глубокими, чтобы зажить без помощи, и Каэл боялся, что он заразится. И он исцелял каждую ночь понемногу, пока не закрыл их, пока не остался только белый неровный шрам.

Он не понимал, что чесал шрам, пока размышлял. Он пытался спрятать руку, но было поздно: Деклан уже увидел.

— Повезло, что не начало гнить, — медленно сказал он. — Удивительно повезло.

Деклан о многом спрашивал у него. Подвиги Каэла на полях подарили ему теплое безразличие от других великанов, но Деклан становился все замкнутее. Каэл ощущал на себе взгляд и знал, не поднимая голову, что Деклан смотрит на него из угла комнаты. Он ходил за Каэлом как большая тень, скрестив руки.

И ему это уже надоело.

— Дело не в удаче. Я просто промывал рану, — коротко сказал Каэл.

— Хмм, — Деклан пожал плечами и направился к своему месту. Он молчал, но Каэл прислушивался, словно мог услышать его мысли.

Ветер подул над головой. Он свистел в дыру на крыше. Бренд застонал, пройдя в загон.

— Ночь будет долгой. С таким ветром мы вряд ли сможем поспать хотя бы час.

— Почему не попросить Финкса залатать дыру в крыше? — сказал один из великанов.

— Не, он это делать не будет. Маги... не любят чинить крыши. Особенно после случившегося со стариной Людвигом, — сказал Бренд с хитрым блеском в глазах.

Каэл узнал имя, но хотел выслушать историю.

— А что? Что случилось с Людвигом?

К счастью, Бренд любил рассказывать истории. Он опустил ноги, скрестив ноги, остальные столпились рядом.

— Людвиг был главным магом Ферм, — начал он. — Я сам там бывал редко, так что не знаю, какой он. Но говорят, что у старины Людвига протекала крыша, и он несколько раз писал в замок, чтобы крышу починили, но Гилдерик никого не прислал. Но однажды ему надоело так, что он пошел в замок...

— Никто не ходит в замок без разрешения, — сказал один из великанов. — Даже маги.

— Тогда почему стражи его пропустили? — удивился Каэл.

— О, они впускают всех через ворота, — сказал Бренд, отмахнувшись. — Любят смотреть, как Гилдерик наказывает нарушителей. Но мы отвлеклись, — он упер руки в колени. — И Людвиг пошел в замок к Гилдерiku, потребовал, чтобы крышу починили. Знаешь, что сделал лорд?

Каэл покачал головой.

— Сунул Людвиг в клетку и повесил во дворе замка! И сказал, что он повисит так пару дней, и те дыры покажутся ему пустяком.

Великаны рассмеялись, но Каэл не верил им. Бренд любил украшать истории. Он с трудом не пустил сомнения на лицо.

— Ясно... и что потом было?

Бренд пожал плечами.

— Гилдерик сказал отпустить его через пару дней... но Людвиг не вернулся. Хотя мы видели ворон над замком неделю спустя. Наверное, Гилдерик забыл о нем.

Каэл этого не понимал.

— Но почему он разбрасывается магами?

— Наверное, он понял, что без магов может отправлять к нам стражей. Он всегда ненавидел магов. Как по мне, он просто завидует, он бы сам хотел колдовать, — Бренд поежился. — Гилдерик с магией. От этого точно не уснуть!

Великаны рассмеялись и устроились на местах. Вскоре амбар заполнил храп, Каэл знал, что они быстро засыпали.

Но он не мог расслабиться. Он не мог сомкнуть глаз, думая, как избавиться от магов. Он так усердно думал, что боялся сойти с ума.

Он хотел перевернуться на бок, когда что-то стукнуло его по плечу. Вечерокрыл спал на крыше над ним. И хотя ему было сказано не приносить добычу, порой он захватывал пару крыс. Каэл протянул руку, готовясь к худшему, но с удивлением схватил край веревки.

Она тянулась к дыре в крыше. Вечерокрыл в облике мальчика безмолвно смотрел на него оттуда.

— Не могу, — Каэлу пришлось повисить голос, чтобы было слышно среди храпа великанов. — Я обещал не сбегать.

— Мы не сбегаем. Мы исследуем, — прошептал он. — Идем.

Через миг Каэл решил, что оглядеться не помешает. Он не успевал сделать это днем, когда вокруг были маги, и Деклан постоянно следил за ним. И ночной воздух мог прочистить его голову.

Он осторожно поднялся по веревке на крышу. Жар полудня еще ощущался в воздухе. Его воротник промок, когда он забрался на крышу

Вечерокрыл порылся в кармане грязной туники и вручил Каэлу свиток пергамента.

— Это от друга-скрипача, — он широко улыбнулся. — Мне он нравится, забавный.

— Это точно, — пробормотал Каэл, пряча пергамент в штаны. Он не знал, когда успеет прочитать его, ведь Деклан постоянно нависал над его плечом. — Других писем не было?

Вечерокрыл прикусил губу. А потом он покачал головой так рьяно, что Каэл боялся, что он потеряет часть волос.

Он старался скрыть разочарование.

Когда Вечерокрыл вернулся с морей, Каэл надеялся услышать новости от пиратов, получить записку от Лисандра с вопросами и крохами полезной информации. Или возмущенное письмо от Морриса, которое казалось строже из-за того, что было написано аккуратными буквами Аэрилин.

И он ждал новости от самой Аэрилин. Он думал, что она переживает за него, и он ожидал от нее исписанный пергамент, а то и стопку писем.

И было больно, когда Вечерокрыл вернулся с пустыми когтями.

— Куда мы? — сказал Каэл, свернув веревку.

Вечерокрыл пожал плечами.

— Куда хочешь. Я буду следить с неба. Хотя...

— Что?

Его странные глаза посмотрели на Каэла, словно он пытался прочитать выражение его лица.

— Не знаю, голоса обычно направляли меня. Но теперь я не слышу их. Я не знаю, могу ли предполагать. Или это должен делать ты. Или мы...

— Просто расскажи, что ты думаешь, — сказал Каэл, пока мальчик не запутался еще сильнее. — Расскажи, что ты сейчас думаешь.

— Я ел сегодня зайчатину.

Каэл моргнул.

— Хорошо... а насчет наших поисков? Куда мне стоит заглянуть, знаешь?

Вечерокрыл закивал. Он указал на пыльный двор у Восточного амбара.

— Видишь свет за дверью?

Каэл заметил фонарь и кивнул.

— Такой свет за каждой дверью, кроме одной, — он радостно улыбнулся. — Это может помочь?

— Скорее всего, — сказа Каэл с улыбкой. — Веди.

Вечерокрыл тут же сменил облик, оставив изорванную тунику. Каэл свернул тунику и поднял. Он вздрогнул, когда Вечерокрыл спикировал и забрал тунику, ветер от его крыльев отбросил волосы Каэла назад.

Он сперва двигался осторожно, боясь, что стражи патрулируют дорогу. Но, если бы они были, Вечерокрыл предупредил бы его. Луна нежно сияла сверху, это было приятно после палящего солнца. Вскоре Каэл побежал по высокой траве, наслаждаясь свободой движений.

Вскоре они добрались до Ферм. Многие звери были в амбарах на ночь. Некоторые спали на ногах на пастбище, опустив головы, помахивая хвостами во сне.

Четыре амбара стояли в свете луны. Они были такими же, как в Полях, стояли так же, квадратом, оставляя внутри двор. У каждого дома над амбаром сиял фонарь. Только одна дверь была темной, и он догадывался, кому домик принадлежал.

Людвигу.

Вечерокрыл опустился бесшумно на крышу домика. Лунный свет блестел в его глазах, он повернул голову к Каэлу, в ожидании взъерошив перья.

Каэл знал, что не стоит этого делать. Дом могли охранять чары. Но ему было слишком любопытно. Он направился к амбару, сердце колотилось от волнения в груди.

Его дыхание участилось, когда он добрался до лестницы. Он поднимался неспешно, старался не шуметь. Ровно стрекотали сверчки, ритм совпадал с диким шумом крови, шипящей в его венах. В его ушах гудели вопли лягушек:

«Назад... назад», — казалось, квакали они.

Но Каэл не слушал. Он добрался до вершины ступенек и замер у двери. Там не было чар, он был уверен. Так что его держало? Почему он замер?

Сердце билось так, что стало сложно дышать. Пот на его шее был холодным.

Назад... назад...

Сухой шорох заставил его посмотреть на крышу. Вечерокрыл сел над дверью, нетерпеливо растрепав перья на голове.

— Хорошо, — прошептал Каэл едва слышно. Он сглотнул и толкнул дверь.

Домик не открывали какое-то время, пыль посыпалась с потолка, когда дверь распахнулась со стуком. Каэл собрался шагнуть, его тень чуть подвинулась.

И он увидел это.

Белая нить на полу была такой тонкой, что он мог бы спутать ее с паутиной, если бы не знал, что это. Он проследил за нитью чар за дверь и увидел, что она тянется к соседнему амбару. Он тут же вспомнил, что Бренд говорил о Черле: что порой он не приходил в свой амбар, и другой маг делал его работу.

Кто-то отвечал и за амбар Людвиг.

Каэл знал, что ему повезло. Если бы луна не была полной, он бы не увидел эту нить. Большая часть его шипела, что нужно развернуться и уйти. Но любопытство подстегивало его, щекотало, как травинки под рубахой, пока он разглядывал комнату.

Лунный свет падал из дыр в крыше. Он увидел маленькую кровать, простыни пожелтели от пыли. Шкаф стоял у стены, покосившись из-за сломанной ножки. Низкий стол напротив кровати...

И на столе лежала книга.

Она была так сильно покрыта пылью, что Каэл не увидел бы ее, если бы не упавшая тень. Он не сдержался. Ему нужно было посмотреть.

Он быстро перешагнул паутину и пошел к столу. Пыль упрямо прилипала к его мокрым ладоням, он стряхивал ее с книги, обнаружил, что она в обложке из черной кожи. Названия не было. Каэл перевернул книгу, чтобы посмотреть на корешок, обложка отвалилась.

Владелец плохо заботился о книге. Каэлу не нравилось, когда книги портились, даже самые скучные из библиотеки Амоса. Он поднял обложку и обнаружил под ней листок. Сначала он подумал, что книга начала распадаться на страницы, но пригляделся и понял, что это не страница.

Это было письмо, сложенное и скрепленное воском. На нем не было имени, и он не знал, кому письмо предназначалось. И он уже не узнал бы...

Пока не открыл.

Каэл сломал печать большим пальцем и развернул письмо. Он принялся читать наспех набросанные слова в лунном свете:

«Признаю, я не верил Черлу, когда тот сказал, что лорд Гилдерик подозрительный. Злой, испорченный, гадкий — да. Но подозрительный? Вряд ли. Он был довольно открыт со своим черным юмором. Никто и не стал бы его подозревать.»

Но Черл не слушал. Он пошел в замок на разведку и подвергся пыткам. Наверное, это с ним произошло. На нем не было ран, но он ведет себя как сумасшедший, так что других объяснений нет.

Бедняга. Если бы он подумал, он бы получил то, что заслужил, то, что я теперь собираюсь забрать у него.

Он вернулся из замка с дикими глазами, лепетал чушь, сунул мне в руки книгу. Не знаю, почему, но я спрятал ее от остальных. И теперь рад этому. Великаны слишком глупы, чтобы читать, так что Черл явно украл ее из библиотеки замка, из личной коллекции Гилдерика. Как только я прочитал название, я понял, что это книга врага!

Зачем она Гилдерiku, я не знаю. Но это серьезное оскорбление короны. Если я смогу выдать Гилдерика Срединам, я выберусь из этой травяной чаши. Будет просто поймать его: наколдую сеть, и дело с концом.

Я уверен, но и осторожен. Если вы читаете это, то что-то пошло не так. Советую сжечь эту проклятую книгу и бежать куда глаза глядят, если вы можете.

Если нет, пусть Смерть найдет вас раньше Гилдерика.

Людвиг».

Каэл перечитал письмо, медленно складывая по частям историю мага. Дело было не только в крыше, судя по всему. Он не знал, какая книга могла разгневать короля. И кто был врагом?

Он знал, что, если хочет ответы, должен открыть книгу. Он отложил письмо Людвиг и перевернул первую страницу. Вторая страница была пустой, но он нашел название книги на третьей странице.

«Жуткие путешествия Бена Покорителя смерти».

Конечно, Людвиг думал, что книга проклята. Если название не пугало, то сами слова несли в себе тьму: каждая буква была вычерчена резко, словно пронзала страницу. От этого слова выглядели... зловеще.

Каэл решал, переворачивать ли следующую страницу, когда шум заставил его оглянуться.

Мужчина рылся в шкафу за ним. Каэл увидел черные штаны и красную тунику, и его сердце чуть не выскочило из груди. А потом он заметил серые перья на голове и понял, что это Вечерокрыл. Он нашел одежду в шкафу, а теперь открывал и закрывал ящики так рьяно, что их могли слышать.

— Тише! — прошипел Каэл, размахивая руками.

Руки Вечерокрыла послушно опустились. Он замер на миг. Он быстро посмотрел на шкаф и отвернулся, словно старался не смотреть. Его голова несколько раз так поворачивалась, и Каэл прошипел:

— Да что там такое?

— Я нашел нож, — Вечерокрыл указал на верхний выдвижной ящик, где в лунном свете блестело изогнутое лезвие. — Хочешь?

— Да, — Каэл схватил нож за рукоять. Он был простым, с железным лезвием и рукоятью из кости. — Сядь и не двигайся, — сказал он, указав на пыльную кровать. — Подожди минутку, я прочитаю письмо Джонатана, пока есть возможность. А потом мы пойдем отсюда, — добавил он, взглянув на книгу.

Он прочитал записку Джонатана. Тот писал, что еще не смог очаровать дам из комнаты. По краям были стихотворения, одно хуже другого.

Каэлу было некогда читать бред Джонатана. Они пытались сбежать, и ему было плевать на то, что скрипач ощущал себя розой с шипами, но без цветка. Было сложно удержаться и не смять письмо, не выбросить за дверь. Он развернул второй лист, надеясь, что он будет полезнее первого.

Здесь были кривые рисунки замка. Это была худшая карта из всех, что Каэл видел: коридоры были неровными, двери порой слишком большими для стен, и нигде не было пометок. Он не знал, как держать страницу.

И он крупными буквами написал Джонатану пометить все, что он мог, и торопил его найти путь в башню.

«Мой план не сработает, — добавил он, — если мы не сможем освободить женщин».

Он повернулся, чтобы отдать Вечерокрылу письмо, и увидел, что он не сидит на кровати. Он был у стола, листал «Покорителя смерти». Его янтарные глаза скользили взглядом по страницам, расширялись от интереса, пока разглядывали зловещие буквы.

Каэл был в ярости.

— Я говорил не дв...

Его слова оборвались, он заметил что-то краем глаза. Он забыл о чарах паутины. А теперь нить мерцала в свете луны, раскачивалась, хотя воздух был неподвижным.

Каэл сунул письма в карман, сердце колотилось.

— Ты трогал чары?

Вечерокрыл смутился.

— Нет. Возможно. Какие чары?

Каэл указал туда, и Вечерокрыл опустился на колени, щурясь.

— Не вижу. У меня не глаза мага.

Но Каэл не слышал его: он в ужасе смотрел на оранжевый свет, появившийся за дверью. Он становился все ярче, кто-то поднимался по лестнице.

Глава 23

Чешуекость

Других дверей не было, дыры в крыше были слишком маленькими, чтобы выбраться. Каэл безумно искал способы сбежать, но их не было, путь перекрывал тот, кто поднимался по лестнице.

— Кто тут?

Каэл застыл, в дверях появилось бледное лицо. Маг в ночной рубашке сонно смотрел на комнату, раскачивая фонарем во тьме. Через миг он решил сдаться. С вздохом и ворчанием он потянулся закрыть дверь.

Вечерокрыл, чье лицо было в дюймах от пыльного пола, решил в этот миг громко чихнуть.

— Ч-что это было? — свет фонаря вспыхнул, маг ворвался внутрь. Он тут же увидел Каэла, потрясенно застывшего у стола, огонь сорвался с его пальцев.

Каэл действовал быстро. Он прыгнул перед Вечерокрылом и бросил при этом нож. Огонь ударил по нему, запах магии обжигал нос. Он охнул от этого.

А потом ощутил другой запах.

Его нож попал. Фонарь мага повис в руке. Он вытащил нож из груди и застыл, глядя на него. Кровь текла из раны. Запах магии наполнял воздух как облако. Каэл ощущал его в горле, на языке. Нужно было остановить это. Остановить кровь...

В следующий миг рука Вечерокрыла оказалась вокруг его шеи. Каэл не мог дышать. Он не знал, как долго не дышал. Его конечности онемели, голова склонилась, подбородок ударился о землю. И Вечерокрыл отпустил его.

Они были снаружи, он ощущал землю, царапающую его лицо. Мир кружился. Вечерокрыл перевернул Каэла на спину. Янтарные глаза моргали и смотрели на него.

— Ты пытался... убить меня, — охнул Каэл, держась за горло.

Вечерокрыл покачал головой.

— Нет, нет, я спасал тебя. Ты убивал его так громко, что кто-нибудь услышал бы...

— Кого убивал? — Каэл забыл о боли и посмотрел туда, куда указал Вечерокрыл.

Тело мага лежало в нескольких шагах от них. Его фонарь был растерзан, огонек потух. Каэл видел, что из его груди торчит нож. Темная лужа блестела под телом.

Вечерокрыл присел рядом с Каэлом, брови были подняты так высоко, что почти пропали под волосами.

— Теперь я вижу, почему ты соврал великанам про то, что освободил меня. Ты — Меченый.

— Что? — прохрипел Каэл. Он все еще не мог поверить в то, что сделал. Он смотрел на мага, быстро моргая, надеясь, что это плохой сон.

— Слуга Судьбы, — продолжил Вечерокрыл. Каэл все еще был растерян, и мальчик провел рукой линию на груди. — У тебя есть метка.

Каэл инстинктивно коснулся груди. Он ощущал красный шрам даже под рубахой, и он знал, что его раскрыли.

— Прошу, никому не говори, — сказал он, пытаясь понять, как объяснить. — Будет худо, если великаны узнают, кто я.

— Конечно, не скажу, — ответил Вечерокрыл, прижимая палец к губам. Он посмотрел

на грудь Каэла и поежился.

— Хорошо. Но только в этот раз, — пробормотал Каэл. Он поднял рубаху и смотрел, как на лице Вечерокрыла вспыхивает восторг.

— Я только слышал об этом, — сказал он, глядя на метку. А потом сел и посерьезнел. — Кровоклык, наверное, был рад. Он хотел бы умереть в бою с сильным противником.

Каэл не хотел говорить о Кровоклыке. Сердце и без того болело. И были проблемы важнее. Он посмотрел на мага.

— Что с ним делать?

— Думаю, ты достаточно его убил.

— Нет, я не о том. Мы не можем оставить его на виду... — он придумал кое-что и указал на домик. — Сними простыни с кровати, встретимся там.

— Куда ты?

— Поищу камни.

Он нашел несколько камней размером с кулак и один размером с голову во дворе. Он сунул мелкие камни в одежду мага, пытаясь не смотреть на его раны.

Их было несколько.

Когда Вечерокрыл вернулся, он вытащил нож и протянул Каэлу. Но тот не принял.

— Смотри, что я наделал, — сказал он, указав на мага. — Я сорвался. Кто знает, какие ужасы я сотворю дальше.

— Ты не был ужасен. Ты защищал себя. И меня, — добавил Вечерокрыл с улыбкой. Но Каэл отказывался, и он сунул нож себе в карман, пробормотав, что пока что будет хранить у себя.

Они работали быстро, уложили мага в простыни с камнями и крепко завязали. Когда все было готово, они довели его до ям с отходами. Каэл взял на себя почти весь вес, Вечерокрыл шатался за ним, не давал ногам мага тянуться по земле.

Каэл нашел отходную яму Ферм по запаху, длинная яма в земле шириной с человека тянулась для нескольких великанов, она была наполнена до краев гадкой жижей, и Каэл споткнулся от запаха.

В других случаях запах прогнал бы их. Но этой ночью туалет им пригодился.

Они бросили мага, и жижа тут же поглотила его тело, поднялся такой запах, что Каэл отшатнулся. Его жалкий ужин подступил к горлу, но Каэл смог подавить тошноту.

Вечерокрылу повезло меньше, его зайчатина вылетела так, что он чуть не упал, спеша уйти.

— Люди такие... грязные! — кашлял он, проводя рукавом по рту. — Зачем собирать отходы? Оставили бы в траве, и дождь обо всем позаботился бы!

Каэл смог оттащить его, но Вечерокрыл озирался на яму через каждые пару шагов с отвращением на лице.

* * *

Утро наступило слишком рано. Каэл не спал всю ночь, его желудок бурлил и не давал отдохнуть. Он постоянно думал о мага и своей глупости.

Он не знал, какой хаос сотворит смерть мага. Что будет, если остальные обнаружат, что он пропал? Гилдерик выедет из замка и начнет рубить головы. Он будет пытаться магов? Истребит стражу?

Или... обвинит рабов?

Кровь Каэла похолодела от мысли. Если это случится, ему останется только признаться. Он не позволит другим умирать из-за его ошибок.

Решив так, остаток ночи он смотрел в дыру в крыше, слушая храп великанов. Звезды были такими красивыми, пока он думал, что видит их в последний раз.

Двери со скрипом открылись на рассвете, и Каэл присоединился к безмолвной очереди великанов, выходящих из загона. Он так затерялся в мрачных мыслях, что не заметил, что Бренд остановился, пока не врезался в него.

— Спокойнее, крыска, — сказал Бренд, поднимая его с земли.

Великаны застряли у кормушки, толпились и сонно ворчали друг на друга. Невспаханые протолкались к выходу.

Каэл не видел за стеной плеч. Когда он спросил у Бренда, что происходит, он пожал плечами.

— Эх, не вижу толком. Когда я решил встать на носочки, друг передо мной решил поступить так же, — он нетерпеливо переминался, а потом начал пробивать путь вперед.

Каэл схватился за его рубаху и шел за ним. Бренд был не таким крупным, как другие, так что он протискивался в бреши между тел. Вскоре он оказался в первом ряду.

Когда он увидел, что их ждало, он яростно зарычал.

Новости о смерти мага, видимо, долетели до замка. И теперь орда стражей Гилдерика была у поилок. Они поднимали вещи, заглядывали под них, тыкали высокую траву пиками и пытались не смотреть на амбары, где рабы становились все тревожнее.

Они сбивались в кучу и выглядывали, как осмеливались.

— Предатели, — прошипел Бренд, чтобы слышали ближайшие стражи. — Кровопийцы и трусы, каждый из них. О, что бы я отдал, чтобы расправиться со всеми ними! Я бы оторвал плоть от их костей голыми руками.

Многие так думали. Каэл думал, что они не начинают войну только из-за Финкса, который стоял перед дверью, расставив ноги и развернув хлыст. Опасного вида голубой свет плясал и трещал по его длине.

И когда Каэл испугался, что великаны бросятся вперед, две знакомые фигуры появились перед дверью.

Первым был Хоб. Он зло ругался, размахивал руками, отклонился, чтобы посмотреть в лицо великану, с которым говорил.

Генерал Дред был таким ужасным, как Каэл и запомнил. Хотя теперь на его щеке был свежий лиловый синяк рядом с жутким шрамом.

— Говори правду, чароторговец, — прорычал он. Острые зубы было видно из-под его губы, он выглядел опаснее обычного. — Если ты придумал чары...

— То я бы уже давно ушел отсюда, это я тебе обещаю.

Хоб закатал рукав туники и показал железный браслет на запястье.

— Вот. Доволен?

Дред нахмурился.

— Лорд требует объяснений, и я собираюсь это получить.

— Тогда ему стоило посылать кого-то не такого каменноголового, — Хоб подло

улыбнулся. — Были следы? Стоддер оставил записку? Подумай хорошенько.

Было очевидно, что Дред искал помощи, потому что он не слушал издевки Хоба и думал.

— Мы нашли разбитый фонарь и лужу крови во дворе, — сказал он через миг. — Может, львы его схватили.

Хоб закатил глаза.

— Они просто распахнули дверь и стащили его по лестнице.

— Может, он вышел во дворе.

— Зачем? Он знал, что там львы!

Дред посмотрел на амбар.

— Может, это сделал один из них.

Хоб улыбнулся и сплюнул.

— Рабы? Думаешь, кто-то из этих боровов проскользнул мимо наших чар? Это самое глупое, что я слышал от тебя с тех пор, как ты открыл рот. О, нет, генерал, похоже ты в тупике, — насмеялся он. — Не завидую. Я бы не хотел принести новости Гилдерику.

Дред на миг выглядел так, словно обхватит большими руками голову Хоба и оторвет с плеч. Но он передумал. Вместо этого он опасно улыбнулся.

— А я не завидую тебе, маг, что бы ни забрало Стоддера. Надейся, что мы найдем это быстро... или ты можешь стать следующим.

Хоб нахмурился. Слушавший их Финкс побледнел. А Дред решил, что работа выполнена. Он приказал людям идти в замок, взмахнув рукой. Он пошел прочь, но Бренд вдруг крикнул:

— Хороший синяк, генерал! — он показал на след на лице Дреда и сказал еще громче. — Видели, как лорд бьет своего верного пса?

Его крик вызвал смех великанов в амбаре. Они свистели и хлопали по коленям, бросая вызов Дреду. К сожалению, он пошел к ним.

Каэл скривился, Дред пошел к ним. Мышцы на его руках вздулись, толстые вены выпирали под кожей. Бренду стоило молчать, он не мог одолеть Дреда в бою.

И когда Каэл приготовился, что его сломают пополам, Дред вдруг остановился. Он замер на расстоянии вытянутой руки от Бренда, смотрел на что-то за ними. Через миг он оскалился и развернулся. Он прошел несколько ярдов, и Каэл осмелился оглянуться.

Деклан стоял за ними, лицо его было спокойным, руки были крепко скрещены на груди. Он, не мигая, смотрел вслед Дреду. Его каменный взгляд сверлил спину генерала.

— Не сегодня, — прошептал он так тихо, что Каэлу пришлось напрячься, чтобы его слышать. — Но скоро, Дред. Скоро.

* * *

Стражи покинули Поля, великаны приступили к работе. Каэл взял свою косу и пошел за своей командой по дороге.

Облегчение охватывало его. Узел в его животе развязался, он дышал так, словно с груди сняли большой камень. Никто не думал, что рабы связаны с исчезновением Стоддера. Они считали такое невозможным.

Каэл знал, что ему очень повезло, но не переставал улыбаться.

Усталость покинула его кости. Он мог поклясться, что воздух стал чище, солнце не так жарило. Ничто не портило его настроение, даже побои от Финкса не стерли бы улыбку с его лица.

Кстати о Финксе... было странно, что его еще не избили. Он все же следил за их командой. И обычно Финкс гнал их, чтобы они бежали. Когда Каэл оглянулся, он заметил, что Финкс отвлечен.

Он шел осторожно, словно из земли росли шипы, и он не знал, куда ступить. Он поворачивал голову в стороны, безумно разглядывал высокую траву. Он явно воспринял угрозы Дреда серьезно.

Когда Каэл указал на него, глаза Бренда заблестели так, что могли сами излучать свет.

— О, это я не могу упустить, это слишком хорошо! Поиграем с нашим любимым метателем чар?

Каэл согласился. Он начал изображать, что в ужасе, и шалость Бренда началась.

— Эй, Деклан, прошлой ночью было полнолуние?

Деклан поравнялся с ними. Он поймал взгляд Бренда и мрачно кивнул.

— Ага, так и было. И теперь все наши семена проросли, — он указал на зеленые побеги на полях. — Какая-то сильная магия побывала на наших землях прошлой ночью... и ты знаешь, что это значит.

Бренд поежился.

— Да, но мне не по себе только от мысли! Темные вещи начинаются, когда приходит Чешуекость.

— Берегите скальпы, ребята, — завопил великан впереди. — Или Чешуекость сорвет их!

Они так убедительно шептались, что это должно было привлечь внимание Финкса. Он направился к ним, догнал Бренда.

— Что за бред? — рявкнул он, схватив хлыст. — Если ты пытаешься отлынивать от работы...

— О, нет, это не сказки, — сказал Бренд, вскинув руки. — Каждый сын долин слышал о Чешуекости. Он ходит по нашим землям, от колодца к колодцу.

— Он живет в колодцах? — недоверчиво сказал Финкс. Он оскалился, как змея. — Великаны точно идиоты.

— Чешуй предпочитает влагу и тьму, — сказал Бренд, пожав плечами. — И дно колодца — отличное место.

— Но как он дышит?

— Никак. Это призрак.

Финкс оглядел великанов, ожидая, что они шутят. Но они умело сохраняли серьезные лица.

— Вы верите, что призрак ходит по вашим драгоценным полям? — сказал он с презрением. — И он выбирается ночью из колодца чтобы... снять скальп?

Бренд тяжело вздохнул.

— Простите, мастер, не стоило вас беспокоить историями. Просто после случившегося с мастером Стоддером...

— Что с ним случилось? — Финкс сунул хлыст под подбородок Бренда. — Если ты что-то знаешь, лучше говори.

— Я не знаю подробностей...

— Что ты знаешь?

Каэл думал, что Бренд затеял опасную игру. Финкс был достаточно злым, чтобы бить его по спине, а то и отдать Дреду. Он пытался придумать, как спасти Бренда, когда Деклан заговорил:

— Все в опасности, когда приходит Чешуекость, — сказал он, словно это было ясно как день. — Когда мы были детьми, мужчины пропадали с полей все время. Пропадали без объяснений, оставалась лишь лужа крови. Становилось так плохо, что мамы не отпускали нас в темноте. Когда случаются странные вещи, порой объяснить можно только Чешуекостью, — он пожал плечами, — верите вы или нет. Только это Бренд и хотел сказать, мастер.

— Это смешно, — прошипел сквозь зубы Финкс. — Я знаю, что вы просто ищете повода поленился. Я этого не допущу! Двигайтесь!

Они побежали, чары били их. Но, стоило им отвернуться, все великаны улыбались. Каэл оглянулся через плечо и увидел, что Финкс остался там, откуда они побежали. Он все еще разглядывал траву. Его шаги стали быстрее, великаны оторвались от него, и он старался их догнать.

Может, он не поверил в Чешуекость, но точно не хотел оставаться один.

Глава 24

Предупреждение

Время давило со всех сторон. С каждым проходящим часом Килэй все чаще думала о долинах.

Она днем и ночью переживала за друзей, она бы все отдала, чтобы услышать, как они, чтобы знать, что они живы. Но ей казалось, что все хорошо. Она ощущала это, чувство осталось в сердце, как смутное обещание, что завтра будет буря.

И только это не давало ей поступить безрассудно.

Джейк не мог идти со своими ранами, и им приходилось ждать с мотами, пока ему не станет лучше. Килэй коротала часы, как могла, пытаясь найти способ отплатить Надин.

Моты не торговали за монеты, для них ценилась только еда. Она быстро поняла, что восстановить утраченное у Надин можно лишь заполнением ее полей и загона. И Сайлас несколько дней ловил горных коз на выступах горы.

Когда он нашел, где они скрываются, Килэй пошла за ним к их пастбищу. Они вместе притащили шесть корчащихся блеющих существ на ферму Надин.

На это ушла вся ночь. Они ослабли от путешествия по пустыне, к утру они ужасно устали. Но, когда Надин увидела коз, все синяки и порезы оказались не напрасными.

— Я... не знаю, как вас отблагодарить, — прошептала она. Надин опустила копье и впиалась в ограду своего загона, раскрыв рот, глядя потрясенно на коз.

— Они очень уж боевые, — отметила Килэй. — Мы не могли поймать толстенных. Думаю, тот самец лишился рога... ах!

Надин врезалась в нее, оборвав конец фразы. Она сжала талию Килэй очень сильно, много раз благодарила, а потом бросилась к Сайласу.

Он развернулся, и она поймала его сзади. Он взвыл и попытался убежать от нее, но она впиалась в него, обвив руками его плечи, а ногами — живот. Он ходил по плато и отчаянно пытался стряхнуть ее.

— Драконесса, помоги!

— Вот уж нет, — сказала Килэй, смеясь, пока он корчился. — Ты не в опасности, глупый кот.

— Что это такое? — он дико встряхивался, чтобы сбросить Надин со спины. — Что это значит?

— Это объятия, я тебя благодарю, — сказала Надин. Вскоре она засмеялась так сильно, что ослабила хватку, и Сайлас сбросил ее.

— В следующий раз благодари меня издалека, — сказал он недовольно. Он понюхал плечо и закатил глаза. — Теперь от меня весь день будет вонять человеком!

Небольшая гора, которую моты звали домом, была на большом источнике подземных вод. Река текла под ней, а сверху сбегал ручей, орошая водой склоны горы.

Моты использовали это, они вырезали фермы на склонах, создали сотни выступов для выращивания еды. Фермы располагались как полки и покрывали гору снаружи. Килэй издалека они казались чешуей большой рыбы, торчащей из волн песка с открытым ртом.

Пряный рис был главной едой мотов. Опасного вида красные ростки торчали из земли повсюду, покрывали большую часть полей. Килэй и Сайлас смотрели, как Надин обменяла козу на мешок семян, который тут же отдала ближайшему фермеру.

— Он посадит рис за меня, — объяснила Надин, увидев любопытство на их лицах.

— Ты не работаешь на своей земле? — удивилась Килэй.

Надин покачала головой и дернула свое красное платье.

— Я же воин, помнишь? Мое задание — защищать людей от вреда. Это мой дар, — она указала на мотов в зеленом, снующих по плато над ними. — Выращивать растения — их дар, так что я рада отдать семена им.

Сайлас посмотрел на свою одежду.

— А что означает белый?

— Бездарные, — вздохнула Надин. — Те, кто становятся рабами, у них нет даров... иначе они бы свободно работали.

Надин хотела проверить коз по пути, и они прошли по тропе к ее загону. Там Килэй с удивлением увидела, что за ее козами уже приглядывают. Глава стояла у калитки, рядом с ней — строго вида стражницы.

— Как это понимать? — серебряные браслеты на ее запястье звякнули, когда Глава указала на загон. — Ты отдавала мне всех своих животных в обмен на а'калла. Ты обманула меня?

— Нет, Глава, — Надин чуть склонилась. — Это новые козы, дикие...

— Невозможно! До них не добраться, — сказала Глава. Она посмотрела на стражей, те пронзали Надин ледяным взглядом.

— Не для а'калла. Я отправила своих рабов собрать их.

Все посмотрели на Килэй и Сайласа.

Глава повернулась к загону. Она опасно улыбнулась.

— Значит, это возможно. Мы слышали, что а'калла влечет плоть, — сказала она стражницам. — Они используют темную магию, чтобы загнать коз, — она повысила голос. — Наши законы не против этого. Мот может растить то, что получил честно. Молодец, — она обхватила длинными пальцами плечи Надин. — Можешь продолжать.

Глава пошла прочь, стражи следовали за ней. Когда она помахала руками фермерам, Килэй заметила блеск белого на ее поясе, ей пришлось быстро отвести взгляд.

Она с трудом держалась, чтобы не схватить Предвестника и не сбросить Главу с ближайшего утеса.

* * *

Рано утром Килэй проснулась от жаркого дыхания Сайласа, бьющего по ее уху.

— Драконесса!

Она откатилась от него и придавила Надин, которая вскрикнула и стукнула ее по плечу.

— Это я, — сказала Килэй, прижав к полу руки Надин, пока она не ударила еще раз. Килэй едва могла приоткрыть сонные глаза, но Сайлас не собирался отставать. Он ткнул ее в спину так сильно, что она рявкнула. — Что? Что ради пламени такое...?

— Козы! — прошипел он.

Ужас на его лице заставил Килэй вскочить на ноги.

Она прошла за ним по лестнице к широкому выступу, окружающему вершину, идущему над долиной. Стражи спали на посту, но некоторые попытались быстро сморгнуть сон, когда

Килэй прошла мимо них.

С одного края было видно фермы мотов. Сайлас указал на землю Надин, и Килэй охнула, увидев только двух сонных существ там. Остальных коз не было.

— Но куда...?

Сайлас без слов провел ее к другому краю, откуда было видно долину. Надин говорила им, что вся долина принадлежит Главе, потому что там лучшая почва. Сайлас яростно хотел заговорить. Он указал на фермы в долине.

Килэй осмотрела стадо и заметила знакомого однорогого козла, щипающего с ними траву. Она не могла поверить в это.

— Она украла их, — прошипел Сайлас, глаза пылали от злости. — Она прошла на нашу территорию и украла наших коз своими гадкими пальцами! Нужно вернуть их и съесть одну из ее коз в предупреждение, — добавил он.

Килэй думала, что идея прекрасна, она этого хотела. Но съедение козы Главы принесло бы беды Надин. И она убедила Сайласа спрятать когти и повела его в комнату.

Они разбудили Надин, она слушала, опустив голову.

— Мы ничего не можем поделаться, — сказала она, когда они закончили.

— Мы многое можем, — рычал Сайлас. Он выглянул в окно на долину внизу. — Мой разум полон идей.

Надин покачала головой.

— Если попытаетесь забрать их, вы нарушите закон. И меня накажут. Никто не следит за землями Главы, — объяснила она. — Все, что растет на ее земле, благословлено Судьбой. Рис ей приносит ветер, фрукты растут сами, и зверь, ушедший с фермы, ее по праву. Если мои козы пришли на ее земли, — Надин выпрямилась, — так пожелала Судьба.

— Твоя Глава — пернатый вор, — прошипел Сайлас. — Ты не видишь, как она тебя обманывает?

— Она не обманывает меня, — прорычала Надин, вскакивая на ноги. — Главу избрали для ее роли, как меня — для моей роли. Не все хотят жить без Судьбы, а'калла. Некоторым хватает смелости встретить судьбу, нести острый кинжал, даже если он ударит по нам, а не в нашу пользу.

Ее взгляд на миг дрогнул. Странный свет вспыхнул в глазах, Килэй казалось, что она ощущает запах слез за ними.

— Если у меня что-то забрали, — грубо сказала Надин, — то я это заслужила. А теперь мне пора на пост. Не рискуйте, а'калла.

Она взяла копьё и пошла на выступ, оставив Килэй с Сайласом.

Он ревел и возмущался несколько минут о глупости Надин, о том, как его труды оказались напрасными, и он страшно обзывал Главу.

Когда он охрип, он пошел к двери.

— Куда ты? — окликнула его Килэй.

— Искать коз, — рявкнул он, не оборачиваясь.

Даже если Сайлас набьет загон козами, Глава продолжит их воровать. Нет, им нужен был ход умнее. Главу нужно было предупредить. Ей нужно было знать, что они заметили ее дела, что они не позволят ей трогать Надин.

Им нужно было... пошалить. И у Килэй закончились идеи.

Она нашла Джейка в лазарете мотов и была рада видеть, что его голова хорошо заживает. Травы и розоватая мазь на его ране были накрыты белой повязкой, которая

покрывала почти всю его голову, оставляя только лицо открытым.

С торчащей бородой он немного напоминал раненого льва.

Целители не давали Джейку выходить из лазарета. Но он неплохо двигался.

— Дашь мне тот ножичек? — сказал он, вытянув руку. Ближайший мот стукнул его по руке.

Почему-то он нравился мотам. Они ходили за Джейком группами, восхищенно охали, когда он применял простейшие заклинания. Целителям он был интересен, и они всегда были рады помочь его экспериментам.

Джейк был за работой. Он склонился над столом, разглядывал труп червя. Существо было разрезано пополам и раскрыто, как книга. Половинки держали на столе маленькие гвозди, от этого червь выглядел как пергамент с зубами.

Джейк пытался вытащить зеленоватый камешек из желудка червя.

— Вот так... почти... ах!

Из камешка вырвалась гадкая жидкость и облила мантию Джейка. Килэй в тревоге смотрела, как жидкость начинает шипеть. Дым поднимался, пока она разъедала его ткань.

Один из целителей стоял неподалеку с ведром. Он бросил на пятно черную грязь, шипение утихло.

— Опять все пропало! — простонал Джейк и упал на стул.

Килэй подошла к нему, целители испуганно отбежали в угол. Им нравился Джейк, но они не хотели иметь дел с а'калла.

— Проблемы с экспериментами?

— Да, — вздохнул Джейк. Он склонился и указал на зеленоватые камешки. Они были в черве, напоминали веточку винограда. — Не могу понять, почему у червей такие легковоспламеняемые свойства... почему они взрываются, глотая огонь, — объяснил он, когда Килэй вскинула бровь. — Думаю, это связано с этими железами. Они точно для переваривания. Жидкость в них очень... едкая.

Он стряхнул землю с груди, и Килэй увидела, что его мантия испещрена дырочками.

— Ты пытался зажечь их?

— Сначала — да, — кивнул Джейк. — И они быстро сморщивались, но не взрывались...

Он склонился со щипцами, и Килэй встала за ним.

— Может, не стоит так рисковать глазами...

— Твое дыхание?

— Так плохо? Я ела рыбу на завтрак.

— Я не о том, — отвлеченно сказал он и развернулся. — Хотя... да. Думаю, ты помогла мне понять, — он повернулся на табурете, и Килэй пришлось быстро отойти, чтобы его длинные ноги не сбили ее. — Жидкость в железах червей точно нужна для переваривания, но она не остается жидкостью. Дыхание червей действует как согревающее вещество, и получается воспламеняемый пар, — он вздохнул, видя пустое выражение ее лица. — Как туман над прудом.

— Ах, ясно, — сказала Килэй. — Как ты собираешься это доказать.

Джейк спешно записал пометки в дневник и поднял голову.

— Мне нужен живой червь, — он повернулся к целителям, слушающим с любопытством из угла. — Мы можем сходить на шелковую ферму? Нужен новый червь... и немного мяты.

— Конечно, чароплет, — сказал один из мотов. Он подбежал к полке и взял миску, которую протянул Джейку с поклоном.

Он взял веточку с листьями и протянул Килэй, она с опаской взяла листья.

— Зачем это?

— Дыхание дракона должно убивать, но не дыхание леди, — сказал Джейк с улыбкой.

Килэй не спорила. Она жевала мяту, пока шла за ним из лазарета, но ей не нравилось.

Город мотов был выстроен вокруг подземной комнаты с колоколом. Она была в центре, все остальные комнаты ветвились от нее, как в колесе телеги. Гора с фермами была лишь одной частью колеса. К счастью для мотов, туда тролли не пробрались.

Стражи стояли у входа день и ночь. Если солдаты в коридоре погибнут, они будут сдерживать троллей, сколько смогут, чтобы моты сбежали в пустыню.

Лица стражей были холодными как камни вокруг них. Килэй пыталась не смотреть в их глаза, пока проходила мимо, но она почти слышала, как они скалятся за ее спиной.

Они шли за целителями по другой пещере. Проход был таким узким, что Килэй местами задевала макушкой потолок. Бедный Джейк пригибался весь путь. Проход изогнулся и привел в комнатку, которая была размером с неплохую кухню.

Светили только тусклые жаровни в комнате. Сотни дыр размером с кулак на стенах и потолке напоминали внутренности большой губки.

Один из мотов поманил их к жаровне. Рядом с ней была серебряная лопаточка и ведро черных камешков. Килэй склонилась и уловила запах животного, живущего в неволе.

— Козьи отходы? — сказала она.

Джейк кивнул, указывая на мота.

— Смотри.

Мот зачерпнул из жаровни пылающие камешки. А потом он посыпал немного шариков на угли и подул на них, чтобы вспыхнул огонь. Повалил дым. Мот поднес лопатку к дыре, направил туда дым дыханием. Через пару минут он полез внутрь и вытащил крупного пухлого червя.

Существо обмякло в его руке. Килэй бы подумала, что он мертв, если бы белая плоть не пульсировала.

— Сколько тебе нужно, чароплет?

— Одного хватит, спасибо, — сказал Джейк, забирая червя. Он протянул червя Килэй — Интересно, да?

Она отклонилась.

— Это... нечто.

— Дым отключает их, этот не проснется еще несколько часов. Это как выгонять пчел из улья, — червь шлепнулся на его ладонь, когда Джейк подбросил его. — Поведение этих червей уж очень похоже на пчел. Например: они укутывают гнезда шелком, но внутри нет яиц! У меня возникли подозрения, что вся пустыня — это большой улей...

Джейк болтал, но Килэй не слышала. Она не планировала шалость, идеи приходили к ней, показывались вдруг из странных мест. Так что она не знала, что вдохновит ее. И, пока Килэй оглядывала шелковую ферму, она вдруг придумала.

Она с трудом подавила улыбку и пошла за Джейком в проход.

Следующим утром Килэй проснулась от того, что древко копья тыкало ее в бок. Она увидела недовольную Надин.

— Что ты наделала, а'калла? — прошипела она.

— О чем ты?

Надин указала на окно, где уже был Сайлас. Он радостно хлопал в ладоши.

— О-о-о, стражи бегают! Как муравьишки.

— Это не смешно! — рывкнула Надин и повернулась к Килэй. Она схватила в кулак ее волосы, когда та попыталась спрятать лицо. — Всех коз Главы съели. Черви пробрались на ее земли!

— Значит, они принадлежат теперь ей, да? — улыбнулась Килэй.

Глава 25

Стая ворон

Когда Каэл вернулся в загон той ночью, он с удивлением обнаружил там Вечерокрыла. Мальчик стоял у постели Каэла, сцепив руки за спиной. Он точно что-то затевал, потому что копал землю ногами.

А еще он выглядел так, словно был вором, пойманным при свете дня.

— Что ты наделал? — сказал Каэл. Он подавил улыбку, когда Вечерокрыл покраснел.

Он прикусил губу и смотрел на дальнюю стену.

— Я украл книгу.

— Какую?

Вечерокрыл вытащил из-за спины руки, и желудок Каэла сделал сальто при виде «Жутких путешествий Бена Покорителя смерти» в его руках.

— Я знаю большую часть слов. Но не все, — признался Вечерокрыл. — Я помню... смутно. Думаю, тебе стоит прочитать это, — он протянул книгу. — Это истории твоего народа.

— Моего...? — и он вспомнил, что Людвиг писал, что это книга врага. И он понял. — Это книга о шептунах? — сказал он так тихо, что Вечерокрылу пришлось склониться к нему.

— Да, да!

— Шшш!

Вечерокрыл зажал ладонью рот.

— То есть, да, — прошептал он, глядя на дверь загона. К счастью, великаны еще ужинали. Мальчик сунул книгу в руки Каэла и безмолвно попросил прочитать ее.

Его и не нужно было уговаривать.

Даже в библиотеке Лисандра было мало книг о шептунах. Король приказал сжечь их в конце Войны, было преступлением хранить хоть что-то, связанное с шептунами.

Каэл перевернул страницу с названием и попал на первую страницу книги. Вся книга была написана так же зловеще, неровным почерком, порой слова были мелкими, записанными тесно. Порой острые завитки задевали слова под ними. А в некоторых местах цвет чернил менялся, словно это был дневник, а не книга.

Чтение начиналось медленнее обычного. Каэл мгновение привыкал к особому стилю «Покорителя смерти», но вскоре он перестал замечать перемену ритма и чернил. Слова поднимались от книги и оживали, то, что они описывали, заполняло его разум, словно он мог прикоснуться.

Вскоре он оставил амбар и долины, он затерялся в путешествии в «Покорителе зари».

«Я не обычный путешественник. Меня не интересуют камни, деревья или сокровища. Нет, читатель, меня интересуют загадки, ответы на вопросы, которые так сложны, что не все даже догадываются задать их. А те, кто задают, не так сильны или смелы, чтобы искать ответ.»

Я силен и смел.

Следуй за мной в новые земли, читатель. Узри монстров, которых я встретил, таких страшных чудищ, каких даже Судьба не осмелилась бы пустить в этот мир, но они остаются в наших кошмарах. Пройди по королевству без неба, где от любой мелочи может рухнуть целый мир. И ты поймешь, что бояться следует только сомнений.

Я — Бен Покоритель смерти — поведаю истории моих самых жутких путешествий.

Разум — дом с множеством комнат...»

Каэл выбрался из книги так резко, что чуть не упал на спину. Он уже слышал эту фразу.

Казалось, это было давно, но Каэл помнил, что Моррис говорил именно так. Он рассказывал об умении вхождения в разум, сильного исцеления, позволяющего шептуну попасть в разум другого человека. Это был самый опасный прием, и Моррис заставил его поклясться, что он никогда так не сделает. И он собирался хранить эту клятву.

Каэл огляделся, но загон был пустым. Вечерокрыл пропал. Улетел к Джонатану или искать еду. Каэл не успел обдумать это, факелы затрепетали и начали угасать. Ему пришлось сунуть книгу под матрас и делать вид, что ничего не произошло.

Через миг великаны заполнили загон и начали устраиваться на ночь. Бренд весь вечер рассказывал, как он пошутил над Финксом. Они смеялись весь ужин и решили пошутить и над остальными магами.

Все решили, что это прекрасная идея: заставить всех магов думать, что Чешуекость найдет их.

Не скоро взволнованный шепот великанов перешел в храп и сопение, и Каэла ничто не могло отвлечь. Он устал, ему нужно было отдохнуть. Но слова из книги всплыли в его голове. Их темная тайна отгоняла сон, и он хотел узнать больше о вхождении в разум. Его пальцы тянулись к следующей странице.

Через пару минут хитрый голосок зазвучал в его голове:

«Ты не будешь это применять, — шептал голосок, — ты обещал, что не будешь применять, читать-то можно. Как это может навредить?».

И он поверил.

Каэл вытащил книгу из-под матраса и осторожно открыл, чтобы страницы не шелестели. Он жадно посмотрел на следующие строки:

«Разум — дом с множеством комнат. Не важно, богат человек или беден. Я нашел целый особняк в черепе отшельника: прекрасный мир, сияющий теплыми огнями, со сводчатыми полотками и комнатами, которые пристыдили бы короля.

Но в головах аристократов я часто находил мир, что разочаровывал меня, он был простым, не сравнить с красотой мира отшельника. Наверное, если человек ничего не хочет, он ни о чем и не мечтает. Хотя я не могу доказать это.

Какими бы мы ни родились, скрытый в каждом из нас мир — наше творение, наш разум. Каждая мысль, желание, даже наши бессознательные мечты служат фундаментом. Это живое творение. Пути всегда меняются, появляются новые этажи, а старые здания рушатся, и секреты — о, секреты кричат со стен, пытаясь заманить путника.

Не слушай их голоса, читатель. Они отправят тебя по темному пути... по пути, откуда ты вряд ли вернешься.

Хотя путь был жутким, я ходил по коридорам сердца. Я пережил лабиринт страха, нашел Внутреннее убежище. Самые опасные лестницы были не из кирпичей и цемента, а из веры. И если вера человека не крепка, то подъем очень опасный. Стоит тебе войти, и никто не поможет. Даже хозяин не будет знать обо всех опасностях, что ждут тебя.

Разум — дом с множеством комнат, и мы лишь ухаживаем за ними...»

Каэл не знал, сколько раз прочитал книгу, но проснулся утром с лицом в книге.

Истории были сложными, укутанными тайной, и он не все мог понять. Даже читая по

десять раз, он не понимал всего.

Каэл шел за великанами к полю, а думал о книге. Он так погрузился в мысли, что чуть не потерял голову.

— Осторожно!

Каэл вовремя пригнулся. Коса Бренда просвистела над ним, задев его торчащие волосы.

— Прости, — пробормотал он. Каэл провел рукой по волосам, отрезанные пряди посыпались вниз.

— Не извиняйся, — крикнул через плечо Бренд. — Не моя голова чуть не упала!

Великаны двигались идеальным рядом по полям с озимой пшеницей. Их косы описывали дуги, и зерно падало на землю. Золотые стебельки подрагивали, и Каэл выдергивал их.

Он плохо управлялся с косой. Орудие было ему велико. Его коса выпала из рук при первом взмахе и чуть не покалечила великана рядом с ним. И пока остальные собирали урожай, Каэл связывал колоски в снопы.

Задание было скучным, и его шея сильнее подставлялась солнцу. Он выпрямился дл вздоха, коснулся кончиками пальцев обгоревшей красной кожи. Он надеялся, что его веснушек станет столько, что они сольются, и его кожа станет загорелой, как у великанов. Но, к сожалению, он был только белым и красным.

Каэл знал, что его голову снесут, если он будет отвлекаться. И он заставил себя перестать думать о книге и сосредоточиться на задании. Он старался думать о снопах, очень старался. Но вскоре отвлекся на другое.

Ему нужно было как-то сбежать. Прошло несколько неприятных дней, и он начинал думать, что Джонатан не проберется в башню женщин. Ему надоело ждать, так можно было ждать, пока прекратиться дождь или подует правильный ветер.

Все волнение пропало. Работа стала скучной, великаны раздражали его, спина болела без мягкой кровати. Но, пока Джонатан не даст карту башни, их план под вопросом...

Он знал, что виноват не только Джонатан. Хотя он размышлял много дней, Каэл так и не придумал, как избавиться от магов. Если великаны начнут бой, их разнесут чарами. Если они попытаются сбежать... их услышат

Каэл не мог придумать сценарий, который не приводил к смерти от огня. Загадка была ужасной. И он начинал терять терпение.

Он вытер пот со лба и поднял голову, чтобы посмотреть, сколько еще поля осталось. И тут он заметил одинокую фигуру, идущую перед рядом.

Деклан напал на пшеницу, словно она была его врагом: сражался с невидимыми врагами, шагал сложными узорами и размахивал косой с такой силой, что колоски отлетали в стороны. Его движения были умелыми. Он все усилия направлял на борьбу с пшеницей.

Каэлу было не по себе. Теперь он верил в слова Морриса о великанах. Он не хотел злить Деклана.

Одинокий крик привлек его внимание к небу. Вечерокрыл кружил над ними, искал грызунов, которых могли спугнуть на поле. Каэл много раз говорил ему не делать этого, но Вечерокрыл все равно находил их. Он летал над ними, поднимал ветер и старался быть полезным.

Как-то он следил за кукурузными полями. Неподалеку поселилась стая ворон, они любили следовать за великанами в дни посева, они забирали семена, как только они падали на землю. И Вечерокрыл решил, что его долг — прогонять их.

Он пролетел мимо, хлопая крыльями, чтобы привлечь внимание Каэла, а потом спикировал к кукурузе в неожиданной атаке. Безумное карканье заполнило воздух, отлетала земля, черные вороны разлетались в стороны. Их лапы отбивались пот крыльями, они поднимались в воздух. Вечерокрыл летал среди стаи серой молнией, щипая ворон за хвостовые перья.

Вороны улетали к амбару, они сгрудились на крыше, зло каркая друг на друга. Их вопли заполнили воздух, а Вечерокрыл кружил в небе, и они не двигались. Они понимали, что сокол не опустится на них, на земле он терял преимущество. Пока они сидели там, они были в безопасности.

Через миг Вечерокрыл развернулся и завопил, перекрикивая карканье. Он злился, что игру испортили, но зато кукуруза могла расти и дальше...

Каэл вдруг замер, не затянув узел на снопе. Идея вспыхнула во тьме, железо раскалилось и ожидало, чтобы его выковали. Он перевернул кусок железа, размышляя, какую форму ему придать. А потом кое-что вспомнил, и железо вспыхнуло так ярко, что ему пришлось зажмуриться.

Вот оно.

Каэлу не нужно было воевать с магами. Ему не нужно было трубить и начинать бой, он мог распугать их, отправить искать убежища в замке, как стаю ворон. Бренд уже посадил семя. Его рассказы о Чешуекости уже разошлись по Полям, и вскоре семена выпустят корни.

Каэлу нужно было как-то оживить призрака, и страх довершит дело.

Огонь отступил, железо остывало, и у Каэла остались зачатки многообещающего плана.

* * *

Работа была закончена, Каэл почти бежал в Западный амбар. Он прошел в загон и увидел, что Вечерокрыл сидит в облике сокола на крыше. Каэл видел, что он выглядит виновато, но понял только, когда чуть не рассек ногу.

Сокол снова ел там, где не должен был: горка костей грызуна лежала у постели Каэла, и кости были чистыми и острыми. Но он был слишком сосредоточен, чтобы злиться.

— Есть вести от Джонатана? — сказал Каэл, вытаскивая косточку из ботинка.

Вечерокрыл радостно кивнул. Он забрался в тунику, которая была его гнездом. Порывшись там, он вернулся.

В клюве он держал свиток пергамента, он бросил послание в руку Каэла.

— Отлично, и это мы обсудим, — Каэл потряс косточкой. — Так что не думай, что легко отделался.

Вечерокрыл опустил голову, выглядя подавленно.

Каэл разорвал пергамент, надеясь, что Джонатан хоть что-то полезное. Его сердце заколотилось, когда он прочитал первую строку:

«У меня отличные новости, друг. Я немного продвинулся...»

— Что это?

Каэл вздрогнул.

Деклан стоял на пороге, хмуро сдвинув брови. Он указал на письмо.

— Я знал. Я знал, что ты что-то замышляешь, убегаешь после ужина, шепчешься с

птицей. Не двигайся.

Каэл стоял. В глазах Деклана была тьма, какой он никогда не видел. Казалось, зрачки разлились и затмили серые радужки. Каэлу казалось, что от его взгляда не убежать. Он никогда не видел, чтобы взгляд такое делал. Это было странно.

Деклан отклонился и позвал Бренда, его голос звучал не так, словно за него говорил кто-то другой.

— Ох, — сказал Бренд, приближаясь. — Деклан, глубоко дыши...

— Крыса что-то затевает, — прорычал он. Вены проступили на его шее. — Я не знаю, что, но я не доверяю ему... ах!

Деклан бросил пыль ему в лицо. Она прилипла к его лбу и губам. Он удивленно заморгал, и Каэл с облегчением увидел, что его глаза стали серыми.

— Лучше? — сказал Бренд. Он дождался кивка. — Что за шум?

— У крысы письмо.

— Да? — Бренд улыбнулся Каэлу. — От скрипача?

— Да, — осторожно сказал Каэл.

Бренд хлопнул по животу.

— Тогда ты должен прочитать его нам за ужином.

Это было не предложение. Глаза Бренда невинно блестели, но Деклан все еще хмурился. Если Каэл откажется, Бренд во второй раз его не спасет. И ему пришлось пойти к кормушке.

Бренд объявил, и великаны окружили его. Они ужинали, а Каэл начал читать.

«У меня хорошие новости, друг. Я продвинулся с прошлого раза.

Помнишь, я рассказывал тебе о старой ведьме? Оказалось, она интересуется мной, точнее, моей музыкой. Я много дней сидел у той двери и играл самые скучные идеальные баллады. И...

Ничего. Ни звука. Даже не было вопля: «Уходи, или я превращу тебя в жабу!». То, что я играл, не привлекало ее так, чтобы она выглянула снова. И я решил, что, раз мне нечего терять, нужно сыграть то, что я хотел слышать.

На середине жуткой песни про безрукого русала я услышал смех за дверь. И это было жутко, друг, хуже, чем если бы меня привязали к стулу и поставили по бокам двух Аэрилин, и одна визжала бы, а другая плакала. Клянусь, дверь дрожала!

Я хотел убежать, но ведьма схватила меня и втащила внутрь. «Куда собрался? — сказала она мне. — Я хочу узнать, что случилось с русалом!».

И я продолжил песню, хотя это было сложно. Она смеялась так, что я едва слышал свои слова. Если бы я не ощущал пальцы, я бы не понял, что уже доиграл! Но это того стояло.

Она сунула ключ мне в руку и сказала: «Это проведет тебя в башню в любой момент, красавец. Только лорду не говори!».

Я играю грязные песни каждый раз, когда прихожу туда. Она грязнее меня! Но ты не поверишь, что внутри башни. Там кухня, друг! И не простая, а чудовищная. Там два этажа печей и шкафов, лестницы ведут к ним. Я могу только представлять, что еще там есть.

Но это даже не половина. Угадай, кто работает на кухне? Леди-великаны!»

Каэл чуть не выскочил из кожи, когда в амбаре заревели. Великаны улыбались и толкали друг друга. Бренд вопил громче всех:

— Я знал! Знал, что они правы! — он схватил Каэла за рубаху и чуть не бросил в

кормушку. — Он написал о Клейри?

Каэл посмотрел в письмо и покачал головой.

— Нет. Что за Клейри?

— Что за...? — Бренд фыркнул, но все равно улыбался. — Клейри — моя сестренка! Она была малышкой, когда Гилдерик забрал ее. Я оставил ее в руках девушки, ее звали Дарра. Она жила по соседству, была милой... — он кашлянул и потянул за воротник. — Дарра поклялась, что присмотрит за Клейри за меня. Спросишь у скрипача, видел ли он ее?

— Хорошо, — Каэл пошел в загон и вернулся с кусочком угля и чистым пергаментом. — Как пишутся их имена?

— Ах... — Бренд покраснел и оглянулся. — Мы не... мы не учили буквы, — он кашлянул и ударил кулаком по ладони. — Мы, великаны, читаем землю и небеса. Нам не нужны слова.

Остальные гордо ворчали. Деклан пробормотал:

— Мы не умеем читать. Потому королевство считает нас глупыми.

Все тут же притихли.

Каэл молчал. Он видел, что великанам стыдно, и он не понимал этого. Когда он прибыл в долины, он ничего не знал о плуге, посеве и уходе за ростками. Это было естественно для великанов. Для них он выглядел глупо, но он не смущался от этого.

Он не видел причины стыдиться того, чему можно легко научиться.

— Вы не глупые, — твердо сказал он, скользя взглядом по комнате. — И что, если вы не умеете читать? Вы умные во многом другом. Я знаю нескольких торговцев, которые хорошо заплатили бы, чтобы узнать ваши секреты, — добавил он с улыбкой.

Великаны медленно начали улыбаться. Вскоре улыбались все в амбаре. Даже Деклан слабо улыбнулся на миг, а потом нахмурился.

Бренд хлопнул Каэла по плечу так, что он упал.

— Тогда мы не будем продавать свои секреты дешево, — подмигнул он. — Спроси скрипача про мою Клейри. И про Дарру, если можно.

Каэл написал их имена в уголке страницы.

— О ком еще нужно написать?

Посыпались просьбы: сестры, подруги, кузины, и имена заняли почти половину пергамента. И, пока Каэл записывал их, он кое-что понял, и сердце дрогнуло.

Он хотел вернуться к друзьям, увидеть Амоса и остальной Тиннарк. Но, хотя месяцы тянулись как годы, он ждал не так много. Великаны ждали дольше него. И сейчас они сияли только от мысли, что услышат о любимых, узнают, что они в порядке.

Если бы Каэлу пришлось ждать семнадцать лет, чтобы увидеть Амоса... он бы вряд ли продержался. Его надежда давно угасла бы. И тогда он понял кое-что странное.

Хотя великаны были крупными, сила их была не в руках и ногах...

Она была в их сердцах.

Глава 26

Хороший сокол

И все было решено. Каэлу нужно было только запугать магов, чтобы они ушли в замок, и великаны могли сбежать. Если они будут двигаться тихо, то заберут женщин из башни и будут на половине пути к морям, когда Гилдерик поймет, что они пропали.

Это был не лучший план Каэла, что-то могло пойти не так. Но это было начало.

Рассказы великанов о Чешуекости оказались обоюдоострым мечом. Было весело смотреть, как маги вздрагивают от шороха травы, но они и не оставались одни. Где бы они ни были, маги старались видеть друг друга. Финкс гнал великанов в амбар, как только солнце опускалось, и запирали за ними двери. Каэл слышал, как его ботинки сразу после этого топают по ступенькам.

Маги не хотели выходить ночью.

Он знал, что врываться в их дома нельзя: теперь все были защищены чарами. Каэл боялся, что поднимет тревогу, если заберется к ним. Он бы разбирался с ними по очереди, если бы маги не поддерживали друг друга магией. Каэл мог выступить против одного мага, но против двоих — вряд ли. Они могли понять, как обойти его силы, как сделала Ведьма из Вендельгримм.

Или хуже — кто-то из них сбежит и предупредит Гилдерика о шептуне на его землях.

Чем дальше он об этом думал, тем больше Каэлу казалось, что он оказался на середине рушащегося моста. Если он наступит не на тот камень, все рухнет. Его план мог развалиться раньше, чем все начнется, если он не будет осторожен. И он заставлял себя терпеть. Он сжимал зубы и выжидал подходящего момента.

И он наступил.

Одним утром он поднял голову от поилки и заметил Хоба и Финкса на краю двора. Они что-то оживленно обсуждали с незнакомым магом: мелким и болезненного вида. Под его глазами были темные круги, руки дрожали так сильно, что он тер ими о тунику.

Каэл решил, что маги что-то затевают. Он продвинулся вдоль поилки ближе к ним, притворяясь, что пьет воду, пока слушал их.

— Больше так нельзя, — прохрипел незнакомый маг. Его кожа была зеленоватой в бледном свете утра. — Нам и втроем было сложно. Но два мага на четыре амбара? Это невозможно! Мы едва справляемся.

Финкс рассеянно ковырял между зубов.

— Не вижу в этом нашу проблему, Дойл.

— Это твоя проблема, — рявкнул Дойл. — Что будет, если твари сбегут? Устроят мятеж? После этого Гилдерик убьет нас, и стражи разбросают наши останки воронам! — Дойл провел лицом по зеленоватому лицу с диким взглядом. — Два амбара, десятков дверей — это слишком. Мы с Гаффом едва сможем держать тварей под контролем. Если мы проживем день, не потеряв сознание, то мы будем близки к этому. Очень близки к...

— Хорошо, — проворчал Хоб. Он взмахнул рукой раньше, чем Дойл поблагодарил его. — Но я не могу дать своих людей на двойную работу на всю ночь. Если там что-то есть, — он скривился, оглядывая Поля, — нам нужно быть сильными. Гилдерик нам не поможет.

Руки Дойла задрожали еще сильнее, он оглянулся.

— Там что-то есть? Что?

Хоб покачал головой.

— Не знаю, но... оно забрало Стоддера, — он повернулся к Финксу, который с оскалом смотрел на страх на лице Дойла. — Ты первым пойдешь на Фермы.

Его улыбка тут же пропала.

— Почему я? Почему не Черл или Боббин?

Хоб выпятил губу.

— Я отправлю Боббина вместо тебя в третий заход. Ты не уйдешь, пока он не придет сменить тебя. И ты сам знаешь, почему не Черл, — он фыркнул. Он махнул Дойлу. — Все. Проблема решена. Иди на свои Фермы.

Каэл спешно опустил голову в поилку, маги прошли мимо. Но Финкс его заметил.

— За работу, крыса! — завизжал он.

Вонь магии в его дыхании была приглушена другим запахом... и Каэл узнал его сразу. Финкс прогнал его, а он заметил, что ботинки мага противно шлепают при каждом шаге.

Каэл растерялся. Он догнал великанов.

— Почему от Финкса несет свиным навозом?

Бренд переглянулся с остальными, а потом расхохотался.

— О, поверить не могу! Он сделал это, да? Признаю, я не верил.

— Что? — сказал Каэл.

Великаны увидели его смятение, и смех взорвался снова. Бренд опустил ладонь на его плечи.

— Я пустил слух, что, если сунуть в ботинки навоз свиньи, запах человека будет скрыт от Чешуекости, — его глаза блестели.

— Надеюсь, Судьба не узнает о твоих делах, — сказал Деклан с насмешливой строгостью. — Даже вороны прячутся от твоей шалости.

Бренд пожал плечами.

— О, Судьбе мои шалости нравятся. А вороны просто обиделись, что сами не додумались!

Великаны сошли с дороги, смеясь. Каэл шел за ними медленнее. Он понимал, что, если он хотел пошалить сам, то это нужно было делать сегодня.

* * *

Вечерокрыл разбудил его за час до третьего захода. Каэл слышал, как стонет тело, пока он забирался на крышу.

Он следовал за тенью Вечерокрыла к сараю за Северным амбаром. Вооружившись костью, которая осталась от перекуса Вечерокрыла, Каэл начал взламывать замок.

— Откуда ты все это знаешь?

Каэл рассеянно поднял голову. Он с удивлением увидел Вечерокрыла человеком, он был только в черных штанах, которые украл у Людвига.

— Я много времени провел с пиратами, — объяснил Каэл. Он покрутил костью, стараясь не сломать ее. — Такому невольно учишься... ха!

Он услышал щелчок, и замок раскрылся. Он боялся, что потеряет навык. Но все еще не

был таким быстрым, как Лисандр, но он еще учился. И справился неплохо.

Он снял замок и отдал Вечерокрылу. Тот спрятал замок в карман.

— Но ты Меченый, — прошептал он. — Я видел, как ты разорвал мои оковы. Почему не сломать так замок?

Каэл шел по темному сараю в поиске инструментов.

— Не хочу, чтобы маги поняли, что мы здесь были. Если они увидят, что замок сломан, то поймут, что кто-то вломился. Но они будут бояться сильнее, если будет выглядеть так, словно ничего не трогали.

— Почему?

Каэл прищурился, пытаясь разглядеть что-нибудь перед собой. Но тьма была слишком густой.

— Потому что они не смогут это объяснить. Не будет причины исчезновения Боббина. Это будет... жутко.

— Глупо. Я больше боюсь хищника, чем ничего.

— Это человеческое, — нетерпеливо сказал Каэл. — Нам на все нужны ответы. И если их нет, мы представляем ответ. И порой человек придумывает ужасные объяснения. Да где эти чертовы лопаты?

Вечерокрыл прошел мимо него и легко вытащил из темноты две лопаты.

Каэл взял протянутую ему.

— Как ты это сделал?

— Это фишка оборотней, — ответил он. Каэл не видел его лица, но был уверен, что мальчик улыбается.

Они выбежали на главную дорогу с лопатами на плечах. По бокам дороги были узкие ямы, чтобы дождь не затопил дорогу. Яма плохо скрывала их, но была лучше, чем ничего.

Каэл отметил, где нужно копать, линией на земле, и они приступили к работе. Вечерокрыл сначала неловко управлялся с лопатой, но быстро научился. Вскоре он размахивал орудием так, что земля отлетала в стороны. Каэл напомнил ему, что землю нужно держать ближе к яме.

— Как это — быть оборотнем? — сказал Каэл. Ему нравился их темп, они уже сделали половину работы, и все еще оставалось много времени, чтобы выкопать остальное. Он не видел проблем в разговоре.

Вечерокрыл выпрямился на миг. Он задумался.

— Уточни, — сказал он.

— Хорошо... как ты стал оборотнем?

Вечерокрыл на миг закрыл глаза.

— Не помню. Порой мне снится большое сражение. Я вижу себя на мрачной арене... Думаю, это как-то связано, — он бросил охапку земли в сторону. — Никто не помнит, как это случилось. Кровоклык говорил, что Судьба скрывает от нас воспоминания, чтобы две половины не враждовали.

Каэл на миг перестал копать.

— Две половины? — Вечерокрыл кивнул, и от этого возникло только больше вопросов. — Что это значит? Прости, если я тебя раздражаю, — добавил он. — Просто интересно...

— Я рад вопросам, — улыбнулся Вечерокрыл. — Многие люди хотели бы убить нас, а не поговорить. Твой друг-великан прав, я наполовину зверь, — признался он. — У всех

оборотней души связаны — одна человеческая, а другая — животного. Наша связь позволяет нам менять облик. С тобой за нас говорю я, Вечерокрыл, сокол. Но мальчик, с которым я связан, все еще здесь, — он похлопал себя по голове. — Мы защищаем друг друга. — Я знаю секреты земли, он знает слова людей. И мы живем в обоих мирах. Понятно?

Каэл кивнул, хотя теперь у него стало еще больше вопросов, и один из них сиял раньше других. Он ощущал вопрос сердцем, он пронзал каждую мышцу. Но, хоть вопрос так сильно горел, он не осмелился задать его.

— Ты сказал, что дружил с оборотнем?

Каэл кивнул, во рту вдруг пересохло.

— Почему ты не спросил у нее об этом?

— Я пытался, — проворчал Каэл. — Она не отвечала. Каждый раз, когда я пытался, она упрямо молчала. Она была невозможной. Не знаю, почему она так закрывалась... — мир закружился, и Каэл резко опустился на землю. Он прогонял мысли о Килэй из головы. Черный зверь отступал, сила быстро возвращалась к нему.

— Ты скучаешь, — сказал Вечерокрыл.

Каэл знал, что это не вопрос, но покачал головой.

— Нет.

— Тогда почему твой запах печален?

Он не мог ответить на это.

— Закончим, пока Боббин не пришел, ладно?

Каэл тут же приступил к работе. Он ощущал на себе взгляд Вечерокрыла, мальчик копал, и вскоре они закончили яму размером с человека.

Они легли на животы в яме и смотрели на дорогу. Желудок Каэла сжался, когда Вечерокрыл вложил в его ладонь нож.

— Не давай мне потерять контроль, — прошептал он. — Делай, что хочешь: бей меня, души, но не дай снова обезуметь, хорошо?

Вечерокрыл слабо кивнул.

— Ты поступаешь правильно, — прошептал он. — Любой хороший сокол защищает гнездо от змей.

Каэл не ощущал себя хорошим соколом. Ему не нравилось хладнокровно убивать человека, даже если он был плохим. Это не было смелым поступком... но он должен был сделать это.

Они увидели Боббина издалека. Он чаще всего бывал на восточных Полях, так что Каэл мало знал о нем. Но у него была особая походка, так что они его сразу узнали.

Боббин подпрыгивал через каждые несколько шагов, словно у него была ранена нога. Он резко останавливался, водил хлыстом по траве, поднимая ветер, шуршащий травой. Он вздрагивал от каждого звука, поворачивал голову от тихого шелеста ветра.

Он так боялся шума, что шел прямо в их ловушку. От странной походки мага было сложно прицелиться. Но, когда он остановился осмотреть клочок травы, Каэл увидел шанс.

Изогнутый нож покинул руку, вспыхнул, полетев к Боббину. Он услышал вскрик, маг упал со стуком.

— Стой...!

Вечерокрыл покинул яму стрелой, Каэлу пришлось идти за ним. Даже раненый Боббин оставался опасным.

Он бежал по траве, готовясь к бою. Но, когда они прибыли, он увидел, что опасности

нет. Боббин не двигался. Вечерокрыл опустился на колено и вытащил нож.

— Чистое попадание! — сообщил он. — Я переживал из-за твоего слабого зрения человека. Но ты идеально убил его.

Запах крови Боббина вызвал туман перед глазами Каэла. Он закрыл нос рубашкой и схватил мага за ноги.

— Бери его за руки, закончим быстрее.

* * *

Черви оставили от коз Главы пару рогов и копыт. Черви не могли пробить плотную почву долины. И когда солнце взошло, они стали пеплом, с которым пропали следы шалости Килэй.

Глава долго рассказывала, что Судьбе было угодно послать червей в ее земли, и Килэй была рада, она думала, что ее задумка сработала.

Но Надин вернулась днем с поста в жутком настроении.

— Теперь я буду стеречь всю ночь, еще и у северной жаровни. Там почти угас огонь, — нетерпеливо объясняла она растерявшейся Килэй. — Надеюсь, ты рада, а'калла. Из-за тебя я проведу ночи, замерзая.

— Но ты хотя бы признаешь, что Глава наказала тебя из-за меня, а не по воле Судьбы, — бодро сказала Килэй. — Мы не дадим тебе замерзнуть. Мы будем сторожить с тобой.

И этой ночью они пошли с Надин на вершину горы. Северная жаровня догорела. Когда угас свет дня, подкрался холод.

Сила Килэй уверенно возвращалась. Она вдоволь ела рыбу и мясо коз, когда могла, и она старалась оставаться в облике человека, давая дракону в ней отдохнуть.

Холод не пробирал ее, как когда-то. Ее кровь вернула свой жар, тело источало достаточно тепла, чтобы согреть Надин. Посреди ночи Надин села, сказав, что ногам нужно отдохнуть, но быстро уснула. Килэй села рядом с ней и сторожила ее.

Без света огня ничто не мешало видеть звезды. Они покрывали все небо, пронзали тьму яркими огнями. Их манящий свет менял пустыню, пылающие дюны теперь напоминали снег, а овраги выглядели как реки. Горы были лишь тенью вдаль.

Горы были ближе, чем она надеялась. Она думала, что сбилась с пути так, что придется неделю идти к ним. Но отсюда можно было дойти за день или полтора по дюнам.

— Здравствуй.

Килэй старалась не пугаться при виде юноши, сидящего напротив нее. Если бы она так не сосредоточилась на горах, она бы заметила его раньше.

К счастью, он явно не собирался вредить ей. Он был в одних черных штанах. Темные волосы закрывали глаза тенью, но не скрывали. Она видела янтарные радужки и узнала их пронзительность мгновенно.

— Здравствуй, друг, небесный охотник, — сказала она, улыбаясь, когда глаза полусокола загорелись от ее слов. — Что привело тебя в эти Судьбой забытые земли в такое время ночи?

Ей нравилось говорить с другими крылатыми оборотными: они видели мир с того же

угла, что и она. Их было так мало, что всегда было приятно поговорить с тем, кто понимал.

Этот маленький полусокол не был исключением. Он радостно придвинулся от ее улыбки.

— Я говорил с воронами. Они хорошо разносят слухи, — его улыбка вспыхнула быстро, как и его слова. — Они сказали, что я могу найти тебя здесь.

— Ясно, — сказала она, хоть и смутилась. — Зачем ты искал меня? И как тебя зовут, кстати?

— Вечерокрыл. А тебя?

— Килэй.

— Имя человека? Хорошо, — он посмотрел выше головы Килэй, словно пытался составить слова во фразу. Он почесал локти, и она увидела, что из них торчат перья.

Она выдохнула, желудок сжался.

— Ты был рабом Средин, — она потянулась к его руке. — Проклятие оставило на тебе след.

Он спокойно смотрел, как она проводит пальцами по его перьям.

— Да, но мне повезло освободиться до того, как две половины сплелись. Щекотно, — добавил он.

Килэй убрала руку, но не из-за того, что ему было щекотно, а потому что она поняла. Она поняла... но не осмелилась сказать. Она не думала, что перенесет, если она ошиблась.

Но она заставила себя спросить:

— Тебя освободил Каэл?

Ее сердце подпрыгнуло, когда Вечерокрыл кивнул. Она хотела прижать его к груди изо всех сил. Она хотела расправить крылья и взлететь в небо, реветь так, чтобы все королевство содрогалось от ее радости, но она этого не сделала. Она сцепила ладони и прикусила губу.

Вечерокрыл прочитал все по ее глазам и улыбнулся.

— Хочешь услышать историю?

— Да, больше, чем дышать.

Он рассмеялась.

— Хорошо. Я расскажу...

История Вечерокрыла заняла большую часть ночи. Килэй едва дышала, пока он рассказывал о жизни Каэла у великанов, о его борьбе с магами, о плане побега. Звучало так, словно он использовал весь ум своей чудесной головы, и, пока Вечерокрыл говорил о нем, ее грудь раздувалась от гордости... хотя она знала, что не стоило так делать.

Каэл не был ее. И он ясно дал понять, что не хочет этого. Она зажмурилась от боли из-за того воспоминания.

«Гордись за него, как за друга, — думала она. — Будет только больнее, если он станет тебе никем».

Хотя он говорил часами, история Вечерокрыла закончилась слишком быстро. Солнце приближалось к горизонту, и звезды начали скрываться из виду.

— Ты знал Кровоклыка? — сказала Килэй, глядя, как яснее небо. Она хотела бы задержать солнце.

Вечерокрыл кивнул.

— Он был хорошим другом в стае, научил меня всему.

— Раз Кровоклык был в моей и твоей стае... — Килэй улыбнулась. — Видимо, ты мне как братик.

Он обхватил колени и подтянул их к подбородку, словно так не давал улыбке стать слишком широкой.

— Мне это нравится. Я скучаю по семье.

— Тогда решено.

Они минуту смотрели на рассвет. Они не хотели, чтобы ночь кончалась, но она их не слушалась. Вечерокрыл встал на ноги.

— Мне пора, я нужен Каэлу, чтобы следить за небом.

— Ты можешь рассказать мне что-нибудь еще?

Сердце Килэй сжалось, когда он покачал головой. Еще один вопрос давил на нее. Он был таким тяжелым, что она с трудом встала на ноги.

— Зачем ты искал меня? Тебя прислал... Каэл?

Вечерокрыл снова покачал головой, и она тут же ощутила себя глупо. Не стоило спрашивать. Это разочарование было ее виной. Когда она поймет это?

— Я прилетел, потому что... — он почесал перья, торчащие на шее, его пальцы двигались быстро. — Каэл — хороший человек, — сказал он, посмотрев на Килэй. — Он отличается от остальных. Я хотел убедиться, что ты ему не навредишь.

Килэй нахмурилась.

— Я бы никогда не навредила ему. Я лучше умру, чем причиню ему боль.

Вечерокрыл кивнул.

— Я тебе верю, — тихо сказал он. И указал на горизонт. — Я верю тебе больше, чем верю в рассвет.

И он улетел, пообещав вернуться, если она будет нужна друзьям... или если Каэл будет в беде.

Глава 27

Монстр мелководья

Почему-то от визита Вечерокрыла Килэй стало еще тревожнее.

Она хотела в путь. Голова Джейка заживала недостаточно быстро, и она боялась, что останется с мотами навеки, ожидая, пока его швы растворятся. Она знала, что ведет себя смешно, но от этого время не шло быстрее.

И не помогло то, что она узнала, что все здесь подчинялось строгому своду правил. Они касались и того, где Килэй могла быть, когда она могла там быть, и с кем. Каждый раз, заворачивая за угол, она сталкивалась со злыми стражами. Они скрещивали копья и кричали, чтобы она не нарушала правила.

И Килэй это надоело, она поклялась, что разобьет голову того, кто накричит на нее следующим. После этого стражи стали обходить ее, но Надин приструнила ее. И она вздохнула и принялась за свои дела.

В дни купания Килэй шла с Надин по длинной лестнице к купальням. Она должна была идти на две ступеньки впереди нее, чтобы Надин, если упадет, приземлилась на Килэй, а не на каменные ступеньки.

Ей казалось, что моты часто использовали рабов для мягкого приземления, раз это было записано в их правилах.

Лестница вела в подземную часть города мотов. Там был большой круглый зал. Каменный пол был прохладным под босыми ногами Килэй. Она отошла в сторону, пропуская Надин вперед.

Воздух был влажным, пахло землей. Килэй вдыхала, пока они шли, слушая, как ее дыхание отражается тихим эхом. Они миновали арку, которая, как сказала Надин, вела в комнаты Главы. У арки стояла компания солдат-мужчин.

Они кивнули Надин. Килэй ощутила, как взгляд солдат скользнул по ее телу, а потом они отвернулись к стене.

— Думаю, ты их смущаешь, — шепнула ей Надин. — Они слышали о темной душе а'калла и жажде красной плоти. Твоя красота удивляет их.

Килэй представляла, как они терялись при виде нее. Наверное, если бы она прошла мимо них с ногой козы в зубах, они бы думали о ее темной душе, а не о ее теле.

Она прикусила губу, чтобы не рассмеяться от мысли.

Вторую арку охраняла пара женщин. Когда они увидели Килэй, одна ушла в проем, а потом вернулась и скрестила копье с другой стражницей.

— Ты войдешь, когда все остальные уйдут, — ее взгляд был каменным, она добавила. — Они не хотят быть в одной комнате с а'калла.

Какие бы женщины не охраняли дверь, они говорили одно и то же. Килэй казалось, что им нравится стыдить Надин, а не просто сообщать это.

Женщины постоянно выходили из купален. Многие даже не смотрели на Килэй, хотя некоторые презрительно поглядывали на нее. Многие девушки собирали волосы в свободные хвосты, которые через промежутки сковывали серебряные кольца. Но большая часть была с короткими волосами, чуть ниже ушей. У редких были волосы средней длины, как у Надин.

Килэй это удивляло. Но она решила не спрашивать. Длина волос Надин могла быть меткой позора, и она не хотела расстраивать девушку.

С несколькими женщинами ходили рабыни, Килэй узнавала их по белым платьям.

— Порой, если семья теряет состояние, людям приходится стать рабами, — объяснила Надин, когда Килэй спросила. — Да, они лишаются свободы. Но их хозяева обязаны кормить их. Так что они хотя бы выживают.

Даже рабы смотрели на Килэй, словно хотели удушить ее. Она терпеливо ждала рядом с Надин, пока не выйдет последняя женщина. А потом они вошли в комнату.

Купальня мотов была размером со столовую Насеста. Каменный пол был с множеством ям в нем: некоторые были размером с кадку, в некоторых могли влезть четыре или пять человек.

Маленькие жаровни сияли между прудов, их света хватало, чтобы моты видели, куда идти. Надин прошла к дальней стене.

Вода в прудах была из медленной подземной реки. Сама река текла от конца комнаты к входу, что означало, что вода в дальней части была чище.

Законы мотов говорили, что только Глава может ходить в черном, и Килэй запретили носить ее броню. Ее заставили быть в белом платье рабыни.

Она ненавидела платья. Они чесались, открывали слишком много тела, были слишком нарядными. Они не только не защищали важные части тела, еще и юбки имели плохую привычку путаться между ног. Ей было даже проще сражаться обнаженной, чем в платье.

Но она была удивлена тому, что платья мотов были довольно удобными. Они не были нарядными, не чесались, и их длина не позволяла юбкам путаться. Ей приходилось быть в этом платье, но это было не так и плохо. И все же Килэй не могла дожидаться момента, когда снимет его.

Как только они добрались до своего пруда, Килэй сняла платье через голову и отбросила в сторону. А потом прыгнула в воду.

Теплая вода закрыла ее уши, когда она оказалась на дне пруда. Килэй выпустила воздух пузырьками, и тело стало опускаться быстрее. Килэй нравилось спокойствие воды, она завидовала рыбкам, которые могли дышать в ней.

Она считала, что не страшно попасть в невод, если так она могла увидеть подземный мир так, как они.

Но Килэй не была рыбой, и ей нужно было всплывать.

— Это точно мое любимое место здесь, — сказала она, распуская волосы. Она отклонила голову, мышцы задрожали, теплая вода дразнила кожу ее головы. — Хотя я не понимаю, зачем купаться в нижнем белье. Это странно.

Надин осторожно опустилась в воду. Бледно-зеленое сияние воды плясало на ее коже.

— Только мужья могут видеть нас без одежды, чужеземка, — она зачерпнула ил и начала тереть им конечности. — По нашим законам, если мужчина увидит женщину без одежды, а она — не его жена, ему должны выколоть глаза. А еще отрезать язык, чтобы он не рассказал, что видел, — добавила она. — Может, ты и можешь раздеться перед всеми. Но для нас красота священна.

Килэй увидела ухмылку на губах Надин и поняла, что она дразнится. И она уперлась локтями в край пруда и дала воде поднять ее ноги на поверхность. Ее ноги оказались перед лицом Надин.

— Я не раздеваюсь для всех. Только для особенных.

Она пошевелила пальцами ног, и Надин все-таки улыбнулась. Она оттолкнула ноги Килэй.

— Какая наглость. Стоило позволить Главе распороть тебя.

Килэй хотела парировать, но ощутила знакомый запах от стены за Надин. Она смотрела на тени и вдыхала его. Запах окутал ее, обжигал ноздри, как пряный рис.

— Поплаваешь, Елена? — сказала она подозрительной тени. К ее радости, она правильно угадала.

Элена вышла, покачивая бедрами, из тьмы. Она опустила маску, и ее лицо было недовольным.

— Откуда ты знаешь? Откуда ты всегда знаешь? — проворчала она, садясь у кромки воды.

— Мне везет, — сказала Килэй.

Хоть ей не нравилось это признавать, Элена была полезным союзником. Ее необычная бесшумность и сходство с тенью позволяли пробраться в любую точку земель мотов незаметно, и она могла превратить любую трещину в укрытие. Как-то раз она спрыгнула с потолка, от этого Сайлас чуть не выскочил в окно.

— Надеюсь, ты прекратила воровать, — сказала Надин, строго глядя на Элену. Она убрала мокрые волосы с шеи, и Килэй заметила, что на каждом пальце правой ладони у нее кольца. Они были серебряными, толстыми, чуть заостренными сверху, так что скорее предназначались для разбивания черепов, чем для украшения.

Элена не смотрела на нее. Она вытащила кинжал и покрутила его.

— Я обещала не воровать у фермеров, и я не воровала.

После прибытия Элены начали пропадать посевы с полей, а еще шкуры, оружие и несколько рулонов шелка. Килэй подозревала, что она устроила себе гнездо где-то в глубинах пещер, где она будет вдали от Сайласа.

Моты не обрадовались, увидев, что их вещи пропадают, и они начали искать спасения у Главы. Подлая пернатая лиса обвинила во всем Сайласа, заявив, что коты часто воруют, и моты не должны были впускать вора на свои земли. Бедной Надин пришлось отдать на съедение козу.

После этого Элена пообещала перестать воровать. Но никто ей не доверял.

— А шахтеры? Другие воины? — не унималась Надин. — Нельзя забирать из сада еду, когда ты голодна. Приходи в мой дом, и я буду рада накормить тебя.

— Клянусь, я не воровала у крох, — сказала Элена. А потом подняла голову и с весельем во взгляде добавила. — Я воровала только у Главы.

Надин охнула.

— Тогда все хорошо, — Килэй отклонилась в воде.

— Ничего подобного! — Надин опустила кулак, и Элена откатилась, чтобы ее не задела брызги. — Ты не понимаешь, как это серьезно. Если тебя поймут, я не смогу тебя защитить.

Элена кивнула, словно понимала это.

— Почему Глава тебя ненавидит?

Это тоже было присуще Элене. Она не смущалась задавать такие вопросы, которые другие не осмелились бы, потому что все понимали, что некоторые вещи нужно было скрывать. Элена была смелой, как ее кинжалы.

Надин удивленно раскрыла рот.

— Я сделала то, чего не стоило делать, — сказала она. Ее взгляд был упрямым, но голос дрожал. — Было время, когда я была уважаемым воином. Но, когда народ нуждался во мне

больше всего, я забыла о своем долге. Я предала их. Глава лишила меня ранга, и она имела полное право... куда ты?

Но Елена без объяснения пропала во тьме. Ее броня слилась с тенями, закрывая ее от глаз. Через миг они услышали тихие шаги в купальне.

Надин посмотрела вверх плеча Килэй, и ее глаза расширились. Она выскочила из пруда так быстро, что ее ноги едва коснулись земли.

— Что такое, дитя?

Хесса побежала мимо жаровен. Желтый шелк ее платья был смят, пряди темных волос выбились из заколки. Надин опустилась на колени, раскрыла объятия, и девочка прибежала к ней.

— Я уснула и увидела кошмар, — выдохнула Хесса. Она заплакала, хотя плечо Надин и без того было мокрым. Килэй выбралась из пруда, подобралась свое платье и дала Надин. Та вытирала платьем слезы Хессы.

Она шептала на певучем языке мотов, крепко сжимая ее. То, как она говорила, звучало успокаивающе, напоминало колыбельную. Когда Хесса притихла, Надин обхватила ее подбородок.

— Расскажи, что ты видела, дитя.

— Мне снилась ты, — прошептала Хесса. — Я видела, как ты стоишь на берегу большой реки, смотришь за своим стадом. Твои козы радостно пили воду. Но, когда ты отвернулась, из воды поднялся монстр и схватил одну из твоих коз. Он съел их всех по одной. Я пыталась позвать тебя, предупредить, но... — она вытерла слезы, — ты словно не слышала меня.

Надин улыбнулась.

— Я всегда тебя слышу, дитя. Сколько бы камней не было между нами, я услышу тебя, — она снова крепко обняла Хессу. — Но это был только сон, мои козы живы и в безопасности. Мои слуги смотрят за ними вместо меня. А теперь иди в свою комнату, пока Глава не потеряла тебя... она не захочет видеть тебя со мной.

Хесса с неохотой отодвинулась, в их расставании было столько тяжести, что Килэй было сложно смотреть. Когда она вернула Килэй платье, их взгляды пересеклись.

Открытость взгляда Хессы пугала ее. Она не закрывала свои чувства, не пыталась скрывать. Десятки лучей пересекались в ее глазах, вспыхивая, как звезды... и Килэй читала в них боль.

Когда Хесса ушла, Килэй ощутила, что ее щеки мокрые. Она поняла, что плакала.

— Почему мне кажется, что Хесса — не обычная девочка? — сказала она, быстро натягивая платье через голову.

Надин посмотрела на нее.

— Да, она не обычная. А теперь идем, нельзя терять время.

Она прошла по комнате, надевая по пути платье. И Килэй следовала за ней.

— Куда мы?

— Проверить коз, — она замерла у двери, но так, чтобы стражи не слышали, и прошептала. — Я давно научилась слушаться кошмаров Хессы. В них многое сбывается.

Сайлас решил не позволить Главе воровать его коз, и он стал их защитником. Теперь он дни проводил рядом с загонем, следил за фермерами, когда они приходили поить, кормить или пасти коз. Он даже вставал два или три раза ночью, чтобы убедиться, что козы не «ушли» в долину.

Когда Килэй и Надин приблизились, они обнаружили Сайласа на траве у фермы. Его ладони были под головой, он грелся на солнышке.

Килэй накрыла своей тенью его лицо, и он раскрыл глаза.

— Отойди, драконесса.

— Мы пришли проверить коз, — быстро сказала Надин. Она прошла мимо него и прижалась к ограде. Ее пальцы двигались над их головами, она считала коз.

— Все на месте, — проурчал Сайлас. Он перекатился, чтобы уйти от тени Килэй, но она прошла за ним. — Предупреждаю, драконесса, я убивал и за меньшее.

— Надин переживала о зверях. И, раз ты их охраняешь, я подумала, что ты захочешь ей помочь.

Сайлас уловил напряжение в ее голосе. Он вскочил на ноги, но неспешно пошел к Надин.

— Что тебя беспокоит? — сказал он, склонившись рядом с ней.

— Не знаю. Сложно понять смысл, скрытый во снах Хессы... — она нахмурилась, взгляд был далеким. Она бормотала под нос, постукивая пальцами по ограде. — Вода, — она повернулась к Килэй. — Монстр в реке... опасность в их воде!

Килэй перепрыгнула ограду. Козы разбежались, испугано блея от ее запаха. Килэй заглянула в поилку, вода невинно блестела. Ничто не выбивалось из виду.

— Может, она отравлена, — думая, что его козы в опасности, Сайлас стал полезным. Он встал рядом с Килэй, зачерпнул воду. Он попробовал ее, закрыв глаза. А потом покачал головой. — Нет, вода хорошая.

Килэй задумалась, вспоминая все, что могла, о кошмаре Хессы. А потом поняла.

— Монстр был на мелководье. У берега...

Она провела пальцем по дну поилки и сунула его в рот. Горечь окутала рот. Она спешно сплюнула.

— Поилка отравлена? — Килэй кивнула, и Сайлас проверил сам. Он покраснел, сплевывая. — Она пыталась отравить их! Она пыталась отравить моих... ты, — проревел он проходящему фермеру. — Моя поилка отравлена. Я требую новую!

Килэй не успела его остановить, он схватил поилку за край и бросил. Вода полетела в стороны. Поилка с грохотом ударилась об ограду, фермеры побежали в стороны, словно думали, что их съедят.

Пока Надин объясняла фермерам, что случилось, Килэй пыталась успокоить Сайласа. Его шея и плечи покраснели. Он расхаживал, сжав кулаки, яростно глядя на всех, хотя Килэй знала, что злится он на Главу.

Она решила, что его лучше отвлечь.

— Признаюсь, не думала, что тебя что-то так беспокоит, — сказала она, перепрыгнув ограду. — Еще и стадо рогатого скота.

Сайлас посмотрел на коз. Он пытался скрыть нежность на лице.

— Я охраняю их, как любую еду. Они — лишь ужин, который я еще не съел.

Килэй не верила ему. Она покинула загон, и козы поспешили к Сайласу. Некоторые тыкали его рогами, смотрели с любовью странными глазами. Один начал жевать край его

одежды, и Сайлас отскочил.

— Кыш! — сказал он, отходя к ограде. — Ешь что-нибудь другое, ужин!

Потребовалось время, но Надин обменяла поилку коз на новую при условии, что Сайлас постоит в стороне. Как только новую поилку установили и наполнили, Сайлас вернулся на свой пост. Он теперь следил еще сильнее. Агентам Главы будет теперь сложно пробраться.

Надин оставалось пару часов до ее смены на посту. Она пошла в комнату, чтобы отдохнуть, и Килэй последовала за ней.

— В крови Хессы есть что-то от Провидицы? — прошептала Килэй, когда они добрались до лестницы.

Она ощущала в девочке что-то странное, когда они впервые пересеклись взглядами, но после ее сна Килэй начала догадываться. Она помнила вес взгляда Хессы, она уже ощущала его... но где?

Она искала ответ и вдруг ощутила гнев. Воспоминание было плохим. Может, ей лучше и не вспоминать.

Надин замедлилась. Многие моты все еще были заняты своими делами, так что их никто не подслушал бы.

— Не вижу больше смысла скрывать от тебя. Да, Хесса — Провидица, но не только.

— Расскажи, — попросила Килэй. — Поэтому Глава выбрала ее своей наследницей?

Надин ухмыльнулась.

— Традиционно, да — Глава выбирает Рассветных сама. Но Хессу выбрала Судьба. В ночь, когда она родилась, у дома ее семьи ухала сова. Мы считаем сов посланниками Судьбы, — объяснила она. — Потому в волосах Главы вплетены перья совы.

— Вплетены? Ха, я думала, они выросли сами.

Надин повернулась к ней.

— Твои шутки доведут до беды, чужеземка, — но она улыбалась. А потом продолжила рассказ. — Сова сидела на окне ее семьи, смотрела всевидящими глазами. Ее родители посчитали это знаком, они тут же позвали Главу. И она назвала Хессу своим Рассветом, и сова улетела. У нас еще не было такого юного Рассвета, — тихо сказала Надин. — Законы говорят, что наш Рассвет должен покинуть семью и позволить Главе вести ее с мудростью. Но Хесса слишком мала, чтобы заботиться о себе, а Глава не успевала нянчиться с младенцем. Нужно было найти ей защитника. Я тогда была ребенком, только начинала учиться сражению с копьем. Но я была в ряду воинов-женщин, когда Глава созвала их. Она прошла мимо нас с Хессой на руках. Глава сказала, что Хесса выберет сама, — Надин застыла. Они стояли возле ее комнаты, на пороге. Ее голос стал тихим. — Хесса улыбнулась мне, эта улыбка была прекрасной. Она протянула ручку... и я обхватила ее. И так меня выбрали.

Она развернулась так внезапно, что Килэй отпрянула.

— Я растила ее, заботилась о ней, как о дочери. Она была в моем сердце. Хесса всегда знала будущее, с рождения. Она знала, как развернется моя жизнь... потому и выбрала меня, — Надин моргнула и похлопала Килэй ладонью. — А теперь ты мне что-нибудь расскажи.

Килэй пожала плечами.

— Справедливо, — она прошла за Надин к бочке с водой. Доставая миски, она ощутила ладонь Надин на ее лопатке.

— Что это за метка?

Килэй ожидала такой вопрос. Она знала это с момента, когда надела платье и увидела, что ее плечи обнажены. И хотя ей не хотелось говорить об этом, она должна была ответить Надин.

— Это дракон Средин.

— Средин, — медленно сказала Надин. — Стой, не там живет ваш тиран?

— Да. Вы так его называете? Не Его величество или Его королевское задничество? — она с насмешкой цокнула языком. — Стыдно. Нужно повесить тебя за пальцы ног.

Надин фыркнула.

— Он мне не король, — Килэй ощутила давление ее пальцев на коже правой лопатки, она обводила шею дракона и изгиб его крыльев. — Странно, чужеземка. Зачем ты это сделала?

— Я этого не делала. Это сделали со мной.

— Зачем?

Килэй хотела соврать. Она всегда врала об этом, потому что правда больно жалила. Она закатывала глаза из-за гордости Сайласа, но понимала его. Она тоже была когда-то гордой.

Может, немного гордости в ней еще оставалось, потому что ее кулаки сжались при мысли, что она расскажет правду. Она знала, что не связана с Надин: правила или нет, но она уйдет, как только Джейк выздоровеет. У нее хватит сил. Но не так давно сил у нее не было. И она чуть снова не оказалась слугой.

Она не хотела врать Надин после ее честности. И Килэй попыталась объяснить, не вдаваясь в подробности.

— Я не первый раз становлюсь слугой, потому я так хороша в этом, — она улыбнулась, когда Надин рассмеялась. — Я была слугой короля когда-то. И он заклеил меня этой меткой.

— Как ты сбежала?

Килэй пришлось взять себя в руки. Странно, что такое давнее событие все еще сжимало ее горло, как один поступок мог все изменить.

— Меня выкупил добрый человек, — грубо сказала она. — И освободил меня.

Так что она всегда помнила Сезерана не великим воином или бесстрашным рыцарем, а доброй душой, человеком, проявившим милосердие... и сжалившимся над ней.

Глава 28

Только любовь

Каэл надеялся, что его нападение наделает шуму. Но он получил настоящий хаос.

Поняв, что Боббин пропал, маги запаниковали: они взрывали траву, ворочали камни, выжигали Поля в поисках его тела. Стражи прибежали из замка, чтобы помочь с поисками, их вел Дред с черным синяком под глазом. Они часами прочесывали округу, пытались обвинить всех, кроме себя.

Днем они решили выпустить рабов.

— О, смотри, как бегают, — насмеялся Бренд.

Они смотрели, как стражи осматривают большой плоский камень. Страж подцепил его копьем, двое стояли с опущенным оружием, словно оттуда мог выпрыгнуть тролль.

— Не знаю, — Деклан мрачно смотрел, как стражи тыкают под камнем. — Пропали два мага. Что-то их точно забирает.

— Старина Чешуекость! — смеялся Бренд.

Они должны были садить капусту. Но магов не было видно, и они двигались медленнее обычного. Бренд сажал по семечку за раз, выпрямляясь и шутя между каждым, пока Деклан двигался рассеянно, долго смотрел на Поля и ворчал под нос.

Каэл в этот раз был впереди. Он держал голову опущенной. Деклан мог прочитать все на его лице, если посмотрел бы. Но, к счастью, великан смотрел не туда.

— Ты знаешь, что Чешуекость — просто сказка...

— Но они — нет!

Деклан издал недовольный звук.

— Если Чешуекость — сказка, а маги пропадают, то их забирает что-то настоящее. И, может, оно скоро, — он взмахнул косой, — доберется до нас?

Бренд скривился.

— Ему придется преодолеть чары и запертые двери для этого. Думаю, это львы, в это время года их много. Нечего ходить по ночам, сами виноваты. И почему ты так из-за этого ворчишь? — он метнул косой землю в Деклана. — То, что нападает на магов, мой друг!

Прошло пару часов, а они все еще не нашли и следа Боббина. Стражи пошли в замок. Маги по одному вернулись на свои места, и Финкс вскоре добрался до них.

Каэл думал, что их будут бить. Кожа Финкса была красной, его длинные зубы впивались в нижнюю губу. Он слабо пару раз метнул в них чары хлыстом, но большую часть дня только ходил и тревожно чесал макушку.

Бренд не мог сдержаться. Его глаза сверкали, Каэл знал, что он придумывает новую историю. И вскоре Бренд громко заговорил о том, как Чешуекость нападает на магов.

— Ты не видишь? Это логично! — спорил он с Декланом. — Старина Чешуйка нашел дыры в плаще после прошлого ливня...

— При чем тут дождь?

— Дождь обжигает его кости, балда! Все это знают, — нетерпеливо сказал Бренд. Он заметил Финкса неподалеку и понизил голос. Каэл чуть не улыбнулся, когда Финкс подошел ближе. — Кожа магов очень маслянистая, в них же магия. Так что она хорошо защищает от дождя.

— Как думаешь, много он собрал? — прошептал Деклан.

Бренд пожал плечами.

— Кто знает? У него большая шкура, отросла за годы, и наш вид подходит ему для штанов. Он точно сплетет себе новый плащ, вокруг столько хороших магов, — он повернулся к Каэлу. — А когда земля затвердеет, берегись: кожа горных крыс годится на пару сапог, ведь крысы такие упрямые.

Каэл постарался изобразить потрясение.

Истории Бренда росли быстрее сорняков, и ужас пробуждался в магах, и они были готовы сойти с ума. Неделя прошла без скуки.

Началось все в пыльный жаркий день, когда Черл вопил, что видел Чешуекостя в траве. Он погнал телегу на полной скорости к амбарам, за ним поднималось облако пыли, он думал, что призрак преследует его.

Он в панике выпрыгнул из телеги, колеса раздавили его.

Без хлыста Невспаханые ворвались во двор и на поля кукурузы, чуть не затоптав великанов, которые там работали. Они убежали бы в горы, если бы на их пути не было пруда.

Невспаханые ворвались в воду, и вес бочек потопил телегу в зеленоватой воде. Они смогли выбраться из упряжи, но не плыли к берегу. Почему-то им понравилось в воде. Они забрались на затопленную телегу и отказывались сдвигаться, зло плеща водой на тех, кто пытался приплыть к ним.

Хоб вытащил их чарами по одному за раз. Невспаханые пыхтели и размахивали руками и ногами, пока он нес их по воздуху, но, как только их ноги касались земли, они начинали пускать слюни.

Смерть Черла убедила Гилдерика, что нужно что-то делать. Он отправил стражей вытащить телегу из пруда, а еще приказал, чтобы днем и ночью Поля охранял патруль. Они разожгли костры вдоль дороги и постоянно вились у амбаров. Горело так много факелов, что было сложно понять, что солнце уже село.

Но атаки продолжились, и в этот раз мишенью были не маги.

После первой ночи патруля стражи были в смятении. Каэл подслушал, что пара стражей не вернулась со смены. Они начали патрулировать парами, но и так стражи пропадали.

Каэл подумал, что в этом замешан Вечерокрыл. Он часто улетал ночью, а днем не выходил из облика сокола. Каэл думал, что он что-то скрывает.

— Я спрашиваю, потому что переживаю за тебя, — сказал он как-то после ужина, пока остальные великаны еще ели.

Вечерокрыл резко щелкнул клювом в стороне, Каэл считал, что он так качает головой.

Но он не был убежден.

— Пытаться помочь благородно, но нам повезло, что нас еще не раскрыли. Если стражи и дальше будут так пропадать, никто не знает, что сделает Гилдерик. Он может сойти с ума и начать убивать рабов. Ты же этого не хочешь?

Вечерокрыл опустил голову, перья над крыльями распушились. Ночью Каэл слышал щелканье его когтей, когда он спрыгнул с крыши.

Хотя он заявлял, что не связан с этим, после разговора Каэла с ним, стражи перестали пропадать в таких количествах. Через промежутки пропадали то один, то два, но их было мало, и это списывали на львов.

Сила магов ослабевала с каждым днем, и Каэл ждал. Дожди теперь были все чаще. Они прибывали с морей, и днем все время моросило.

Каэл смотрел на тучи вдаль. Их серые перистые хвосты играли с вершинами гор, трепетали, а потом замерли, словно невидимая стена не пускала их в пустыню. Было странно думать, что Бесконечные долины могли делить Судьбу соседа, и только горы не давали этой земле стать пустыней.

Из-за дождей великанам пришлось вернуться в амбары. За полями теперь наблюдало столько глаз, что великаны не перечили. Стражи приблизились одновременно с тучами, и, когда упали первые капли, они погнались великанов пиками.

Хотя Каэл знал, что дождливый день дает ему больше времени на размышления, большая часть его считала, что нужно хоть что-то делать. Каждый миг, когда он просто сидел, считался потраченным. И, пока великаны устроились и болтали, Каэл начал расхаживать.

— Так не выйдет, — сказал Деклан. Он сидел спиной к двери загона, Бренд был напротив него. Они играли в то, что напоминало шахматы, стратегическую игру, которой дядя Мартин научил его за зиму. У великанов доской был круг на земле, а фигурами — камешки.

— О чем вы? — проворчал Каэл. Он был раздражен сильнее обычного. Замок Гилдерика нависал в его голове, как скалящееся чудовище, ожидающее его ошибки.

— Твоя борода, — Деклан кивнул ему. — Ты не можешь вырвать все волосы, так что пусть остаются.

Каэл и не понимал, что дергает бороду. Но теперь он осознал, что волоски щекотятся. Над верхней губой они были короткими, и он знал, что там они длиннее не станут. Они там толком не росли. Волосы на челюсти и щеках тревожили его сильнее: они росли пучками, были густыми, где хотели, а в других местах почти отсутствовали.

И он напоминал наполовину ощипанную курицу.

— Хмм, — Бренд посмотрел на Каэла через плечо. — Я видел мало бород, но эта — худшая из них.

— А как вы не даете расти своим?

Каэл заметил сразу, что великаны были без бород. На их лицах не было волос, хотя он не видел, чтобы они брились.

— Великаны не отрачивают волосы. Мы родились со всем, а у некоторых и того не хватает, — Бренд хлопнул Деклана по затылку. — Смотри! Тоньше росы.

Деклан отбил его руку.

— Но у наших женщин длинные волосы, они плетут из них косы, — Бренд смотрел на игру, странно улыбаясь. — Остальное королевство может вздохнуть по хрупким девам, но истинная красота у великанш!

Все согласно загудели, и Каэл понял, что их окружили другие великаны, забыв о своих делах. Каэлу не нравилось, куда клонил Бренд. Он достаточно слышал историй о женщинах и из баллад Джонатана, и из историй дяди Мартина за ужином.

Он старался это скрывать, но всегда краснел, и остальные смеялись над ним часами. Он был убежден, что Джонатан прикрашивал свои рассказы, чтобы каждый раз все сильнее

загонять Каэла в краске.

Он приготовился к смущению. Но он зря переживал. Каэл старался не смеяться, когда Бренд рассказывал о грудастой великанше:

— А ее волосы... были как волосы! Чистые и блестящие. Ни пылинки. Эх... и у нее не было бородавок. И улыбка у нее была красивой, но не дружеской. Она была скорее... эх...

— Страстной? — подсказал Каэл. Он подавил улыбку, когда Бренд ткнул его пальцем.

— Точно, это верно. Ее улыбка была страстной, волосы чистыми и... что я еще говорил?

— Не было бородавок, — подсказал Каэл.

— Точно! У нее не было бородавок. Была пара родинок, наверное. Это мы узнаем позже. Так вот...

Бренд старался рассказывать убедительно, но Каэлу приходилось давить смех рукой. Он понимал великанов: они были заперты так долго, что, наверное, во всем королевстве только у них было меньше опыта, чем у него.

* * *

Через несколько дней план Каэла закипел.

Все проходило не так, как он ожидал.

Хотя маги зеленели и боялись все больше с каждой минутой, они не уходили в замок, и этого он не понимал.

Если магия держала рабов в узде, почему Гилдерик не защищал магов? Почему не запер их в замке на ночи, в безопасности стен? Было странно оставлять их на виду, рисковать тем, что их заберут по одному. Но он так и делал.

Хуже того, Гилдерик начал посылать стражей в Поля днем, чтобы они следили за рабами. Стражи кишели вокруг с пиками в руках. Каэл думал, что великанов это встревожит. Магов было мало, и если бы стражи захотели избить их, Финкс и Хоб не успели бы добраться до них вовремя.

Но великаны не сдерживались, они стали более буйными.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Редкий день проходил без угроз и оскорблений. Великаны собирались в группы на краю поля, дразнили стражей по одному, по именам. Они напоминали, как страж купил проход в армию Гилдерика, втянул в это мать и сестер, и вскоре страж бросался на них с пикой наготове.

Рабы легко били стражей. Их косы были скромным оружием, но эффективным: они легко срубали пики стражей, выбивали из рук. А потом великаны легко били их кулаками.

Каэл был уверен, что от войны их удерживает только страх за женщин, и убийство стража могло стать последней каплей, когда Гилдерик сорвется. И никто этого не хотел.

Великаны все же не удерживались от драк. Когда Финкс и Хоб приходили разнимать их, вспыхивала новая ссора. После долгого дня преследования рабов маги ночью растягивали силы между четырьмя амбарами. Они были такими зелеными утром, что Каэл думал, что каждый день станет их последним.

Для Дойла и Гаффа этот день наступил в конце недели.

Взрыв разбудил их одной ночью, гремя над пустыми полями так громко, что Каэл

боялся, что вся крыша рухнет на них. Великаны сели на матрасах и ждали. Все прислушивались к тишине, пытались понять, что случилось. Но ответа не было.

Утром маги сжимали губы. Они выгнали великанов из амбара и приказали заниматься делами. Каэл знал, что что-то случилось, но маги не собирались им рассказывать. И он держался при работе ближе к стражам. Он понимал многое, подслушивая их разговоры.

Дойл якобы проснулся посреди ночи и поклялся, что слышал, как кто-то скребется в его окно. И он побежал к панике в дом Гаффа.

Когда Гафф услышал, как распахнулась дверь, он подумал, что Чешуекость пришел за его кожей. Он ударил Дойла в грудь чарами, которые взорвались так сильно, что разнесли часть его комнаты.

Когда тело Дойла упало во дворе, стражи бросились в бой. Они увидели Гаффа в простынях, падающего с лестницы, и решили, что это призрак. Только пронзив его, они поняли свою ошибку.

Все маги Ферм были убиты, и Каэл был уверен, что Гилдерик призовет Финкса и Хоба в замок. Но он этого не сделал.

Вместо этого он решил, что армия сдержит рабов. И Каэл увидел, как Дред и компания стражей в легкой броне шагала к Фермам, у каждого на бедре были хлысты.

— Гилдерик не будет бить их за пустяки, — сказал Бренд, когда великаны обсуждали это за ужином. — Пока они работают, все будет хорошо.

Каэл заметил его неуверенность, и остальные тоже ее ощущали: великаны пронзали стражей взглядами, пока работали, перестали дразнить их.

* * *

Дни быстро помрачнели. Как только Дред захватил Фермы, они слышали, как стражи смеются из-за того, как он избил двух рабов с морей до смерти. Великаны боялись, что на этом убийства только начали.

— Нет, это конец, — пытался убедить их Бренд дождливым днем. — Гилдерик показал свои намерения, он не будет тратить других.

Каэл хотел, чтобы он был прав, но не осмеливался верить. Он уже ошибся, поверив, что справится с магами, и его поступки сделали ситуацию только хуже: Финкс ушел на Фермы, и больше стражей перевели на Поля вместо него. Хоб держал в путах магии четыре амбара каждую ночь, и хотя нити магии были такими тонкими, что их едва было видно, Каэл знал, что и этого для нужной цели хватит.

Он не мог пройти чары, не подняв тревоги, и ночью было столько стражи, что он не рисковал выбираться снова. Он застрял в проблеме, которую создал сам. И великаны с ним.

И только один лучик пробился сквозь тучи тревоги, озарил темные дни, и этот лучик они не ожидали.

Каэл не говорил Джонатану об их беде, и его письма все приходили. Карты улучшались. Когда великаны спали, Каэл читал их в свете луны, запоминая все детали.

Карты были полезными, но Каэлу больше нравились письма Джонатана, он исследовал башню с кухней, и эти рассказы залечивали раны великанов.

Каэл читал письма за ужином, когда великаны были подавлены после дня ударов.

Веселые истории скрипача вызывали улыбки на их лицах, подбадривали их, пока не доходило до гулкого смеха.

«Не думал, что скажу это, но дядя Мартин был прав: ни одна женщина не сравнится с великаншей!»

Поверь, друг, я видел всяких. Со многими женщинами я успевал пробыть лишь пару минут, а потом меня били по голове. А за что? Мужчина не может не восхититься определенными частями, сложно скрывать это. И когда я ступил на кухню, я подумал, что с головой нужно попрощаться.

Но, рад отметить, что я ходил там днями, а на меня в худшем случае криво смотрели. Дамы здесь такие высокие, что все лучшие части на правильной высоте. Взгляд мужчины даже не воспримут пошлым. Мне нужно только повернуться, и вот вся краса!».

От смеха дрожали балки, и Вечерокрыл зашумел в своем гнезде. Лицо Каэла так горело, что он боялся поджечь воротник. Он старался фильтровать письма Джонатана. Но в этот раз не обратил внимания.

Но Бренд не радовался. Пока остальные смеялись, он завопил поверх шума:

— Скрипач пусть не смотрит! Если его глазки будут смотреть на мою Клейри, я их вырву!

Но, к счастью, Клейри была одной из немногих, кого Джонатан еще не нашел. Хотя Каэл сомневался, что он был сосредоточен на чем-то, он хорошо справился, найдя любимых великанов. Клейри, Дарра и еще несколько были единственными дамами, которых он не встретил.

«Наверное, они выше в башне, — писал он, когда Бренд спросил про Клейри в десятый раз. — Не знаю, что они там прячут, но ведьма не пускает меня и близко. И великаниши не отвечают. Скажи другу, что я пытаюсь!».

И в один из дней они получили новости. Деклан вошел в загон после ужина, а потом тут же выглянул.

— Он нашел ее!

Бренд поднял голову, куча каши висела на его подбородке.

— Кого?

— Клейри.

— Клейри? — Деклан кивнул, Бренд вскочил на ноги. — Клейри! О, она в порядке? Не ранена? С дороги! — он перескочил кормушку и отталкивал великанов с дороги в загон.

Когда Каэл попал туда, было так тесно, что ему было сложно что-то разглядеть за телами. Он пробился вперед, Деклан оттащил его в угол, где было свободнее.

Он заметил Вечерокрыла, одетого в смешке: он был без рубахи, штаны были криво застегнуты. Он держал пергамент и безумно смотрел на Каэла.

— Читай, — вопил Деклан. — Он не доберется до тебя, а штаны Бренда треснут, если ты будешь тянуть и дальше.

Великаны рассмеялись, некоторые похлопали Бренда, который чуть не лопался. С улыбкой Вечерокрыл начал. И Каэлу сразу показалось, что письмо будет бедой.

«Судьба ненавидит меня. Я не думал за всю свою жизнь, что попаду в такое место. Кто был бы против застрять в башне с едой и высокими красотками? Чтобы можно было легко подмигивать и ловить улыбки? Есть, пока не лопнет живот? Я думал, что сначала нужно умереть, а потом наступит это счастье.

Но, как только я нашел это, у меня это отняли, украл вор, которого каждый мужчина

хочет... и боится. Ее рука пронзила сердце мальчишки и короля, а теперь она пришла и за мной.

Я говорю только о любви».

Каэл застонал. Он знал, куда ведет Джонатан, но великаны не знали. Они были так очарованы словами, что не слышали угрозу.

Он попытался предупредить, они зашикали на него.

«Это случилось быстро, как раскат грома: то я был скромным скрипачом, а через миг я был поражен, упал на колени от красоты и бесстрашия. Я развернулся, а она стояла передо мной, ее взгляд пленил меня светом, который мне не забыть, словно две звезды упали ночью. Ее волосы бледными потоками ниспадали на спину. О, даже река покраснела бы от ее изгибов!

Она улыбнулась мне, ее губы были как цветущая роза, ее слова сладко окутали мои уши: «Привет, кроха-скрипач. Поможешь мне разжечь огонь в печи? Это отгонит старую ведьму».

Конечно, я не мог отказать ей. Красавица и шутница? О, Судьба! О, небеса! Я не могу это объяснить, друг, но мы как две заплаты на одной рубахе. Мы с ней подходим друг другу. Мне нет теперь покоя!

И, конечно, спроси у Бренда, как он относится к красивому пирату-скрипачу в качестве брата? Я бы хотел услышать его мнение раньше, чем я спрошу у нее».

Бренд не сразу понял. А потом заревел так громко, что Каэлу пришлось зажать уши. Бедный Вечерокрыл стал соколом и вылетел в дыру на крыше, оставив штаны позади. Великаны разбегались, как жуки от света. Они прятались в загоны от воплей Бренда:

— О, нет! Он ничего не сделает, змееныш. Если только подумает... я хлопну его! Я сорву его голову с плеч, вырву глаза! — Бренд схватил Каэла и вытащил из толпы. — Скажи ему, крыса, что я с ним сделаю! Если он только посмотрит на мою Клейри, я...

Каэл час притворялся, что пишет, что Бренд сделает с Джонатаном, если тот полезет к Клейри. Но он писал то, что Бренду не понравилось бы.

Он думал, что внезапная любовь Джонатана поможет им. Если Клейри будет ему доверять, она проведет его наверх. Она вполне могла ему помочь.

Каэлу не хотелось обманывать Бренда, но он убеждал себя, что это на благо.

Долгие часы дня терзали план Каэла. Время жевало план, оставляя только тонкий скелет, держащийся на надежде, на одном лишь если.

Если они смогут пробраться мимо магов, Каэл надеялся освободить великанш. Но если стена окажется слишком высокой и толстой, они не смогут пробраться в башню.

Он днями думал, как залезть туда. Вопрос терзал его во снах. Он бы сошел с ума от тревоги, если бы не «Покоритель смерти».

Когда ему становилось совсем плохо от тревоги, он читал книгу, топил проблемы в историях.

Они ему не надоедали. Бен был сильным целителем, и он всю жизнь посвятил изучению тайн разума. Но его методы не были скучными, как у Амоса. Вместо трав и мазей он входил в разумы пациентов и исцелял их изнутри.

Его приключения потрясали. Как-то он исцелил мужчину от чумы, выгнав орду гоблинов из левого уха. Когда Покоритель смерти пришел к женщине, которая неделями не просыпалась, он прошел по коридорам ее разума, открывая и закрывая все двери, пока не нашел ее запертой в одной из комнат. Он освободил ее, и она тут же проснулась.

Но любимой историей Каэла была последняя, где Бен заявлял, что заблудился в разуме безумца.

«В мире едва прошло мгновение, а в голове безумца миновали десятки лет. Я был в ловушке, ничто не имело смысла.

Ступеньки вели только в одну сторону: одни вверх, другие — вниз. Чтобы подняться по лестнице, ведущей вниз, пришлось идти спиной вперед. Если дверь выглядела настоящей, она оказывалась иллюзией, рисунком на стене. Если дверь была нарисована криво, и я верил, что это была иллюзия, она открывалась! Коридоры извивались, поворачивали, мерцали по краям, как недостижимый горизонт в море.

А стены... стены были зловеще тихими. Они не кричали секреты, пытаясь отвлечь меня, но понимали, что я обманываю сам себя.

Я бродил так долго, что начал испытывать жажду, что было безумием, ведь душа не испытывает жажду... да? Я был в плену стен так долго, что они пытались поглотить меня, прижать к себе, чтобы я стал частью их жуткого мира?

Нет, нет! Я не позволю этому случиться. В отчаянии я начал думать, откуда пришел. Я понял, что упал ниже, что рухнул из реальности в эти коридоры. И я знал, что, если хотел сбежать, идти нужно... вверх.

Как только я подумал об этом, в потолке надо мной открылась дверь. Я не удивлялся абсурдности, как и не спрашивал, откуда дверь на потолке. Я не терял время и забрался туда.

Реальность вернулась вихрем ярких красок. Я оказался у себя дома, безумный пациент сидел напротив меня, еда между нами еще была горячей. Я смотрел, как он безмолвно ест, думал, как постыдно хранить такой секрет... и не знать о нем.

В голове безумца я обнаружил ключ ко всей силе, которая разбивала границы, взывала к потенциалу шептуна: безумию.

Да, читатель, звучит странно, но от сомнений лечит только безумие».

Каэл закрыл книгу, в голове еще звенели сильные слова Бена, и он чуть не вздрогнул, увидев Деклана напротив себя.

— Что ты читаешь? — осведомился он, кивнув на книгу. — Где ты это взял?

— Это пустяк. Джонатан прислал, — соврал Каэл. Он пытался спрятать книгу под матрас, но Деклан был быстрее. Его толстые пальцы сжали запястье Каэла, он выхватил «Покорителя смерти» из его руки. — Отдай, — зарычал Каэл.

Но Деклан не слушал его. Он раскрыл книгу.

— Бренд знает об этом?

— Нет, потому что это не его дело.

Деклан сдвинул брови, тень скрыла глаза.

— Рукописная... — он повертел книгу. Сухие страницы недовольно шипели. Он закрыл книгу. — Ты это написал?

— Конечно, нет...

— Я не могу читать слова, крыса, — прорычал Деклан, — но читаю тебя. И я следил за тобой с того дня, как ты ступил на Поля, — он оскалился, словно загнанный в угол волк. — Я пытался доверять тебе, и это нас подставило. Никто этого не видит, но я вижу. Я все вижу. И я знаю, что ты что-то скрываешь...

— Ничего я не скрываю! — Каэл бросился за книгой, но Деклан отодвинул руку. — Отдай, ты ее испортишь!

— Это какое-то письмо? Тебя прислали шпионить за нами? Да, точно! — торжествуя, заревел он, тыкая пальцем в сторону Каэла, поднявшего голову при слове «шпионить».

Да, технически он шпионил, но не за великанами. И он мог бы объяснить это, если бы его слушали. Но Деклан хотел отыскать ложь, и, даже если бы правду разложили перед ним, он бы не увидел ее.

И Каэл не пытался объясниться. Он бросился к книге. Его пальцы задели края страниц, но Деклан отодвинул руку. Каэл не ожидал от него такой прыти. Он упал и случайно схватил Деклана за руку.

Перед глазами вспыхнула картинка, испугав его на миг. Но, когда картина начала обретать форму, Каэл понял, что происходит: так было, когда Килэй показывала ему свои воспоминания. Он понял, что это воспоминание Деклана, и ему нужно было отпрянуть.

Но он не сделал этого. И история поглотила его.

Он стоял среди долин, вокруг были великаны. Он видел мир глазами Деклана, словно жил в его теле. Великаны, среди которых он шел, стояли ровными рядами, готовые к бою. Каэл был слишком низок, чтобы видеть за ними, и когда ряды стали слишком плотными, чтобы обходить великанов, он опустился на четвереньки.

Он полез среди леса ног к первому ряду. Он едва заметил, что было впереди, когда кто-то схватил его за пояс и поднял на ноги.

— Привет, кроха Деклан! — прогудел низкий голос. — Что ты здесь делаешь? Я сказал тебе быть с мамой.

Великан, которому принадлежал голос, был с нависающим лбом и большим носом с горбинкой. Даже присев, он возвышался над Декланом.

— Я пришел, чтобы биться, отец, — прозвенел уверенный голос Деклана в голове Каэла. — Я увидел знамя Каллана Конюха и понял, что должен там встать.

Глаза Каллана были добрыми, он покачал головой.

— Ты не можешь сегодня сражаться, сын.

Лицо Каллана приблизилось, Деклан встал на носочки.

— Прошу, отец. Я не такой большой, как остальные, но все же могу...

— Нет, дело не в размере. Любой мужчина гордился бы, если бы сын с ним был в бою.

Но в этом бою мы не победим.

— Разве?

Вопрос прозвучал не от Деклана, а мужчины, стоявшего рядом с Каланом. Почему-то он был таким тусклым, что Каэл не видел его лица, только силуэт тела.

Каллан повернулся к нему, его взгляд ожесточился.

— Я слышал о тех воинах, шептунах, что сражаются против короны. Сталь для них пустяк. Они стерли половину армии Средин огнем одной свечи, они потопили гордость флота Его величества одной пуговицей. Ничто их не остановит, когда они идут единым строем. Нет, сегодня мы не победим, — Каллан встал, его голос загудел над морем великанов. Он добавил. — Но, ради матери долин, мы сотрясем их.

Шум, как раскат грома, ударил по ушам Каэла, великаны били оружием по броне на груди. Каллан поднял косу над головой, и великаны гремели после каждого предложения.

— Земля задрожит там, где мы встретимся. Мы изобьем их так, что даже на их душах будут ушибы. О, нет, они не скоро забудут имя великанов, потому что мы высечем это на их черепах! — Калан развернулся, ярость его громоподобных слов разнеслась до морей, когда он проревел. — За принца, за клан, за дом! Вперед!

Великаны бросились в бой, и, несмотря на предупреждение отца, Деклан побежал среди них. Великан перед ним получил стрелу в шлем и упал. С криком, терзающим уши Каэла, Деклан поднял его косу.

Ритм его шагов совпадал с яростным биением сердца. Деклан смотрел на шептуна, выпустившего стрелу, и Каэл с удивлением увидел, что рот шептуна раскрылся в страхе. Полетела вторая стрела, и шептун развернулся и бросился бежать, но... Деклан схватил его.

Как только этот шептун погиб, он бросился к следующему. С каждым убийством свет тускнел, шум становился громче. Вскоре мир почернел, звуки сражения били по ушам Каэла. Он слышал тяжелое дыхание Деклана, крики шептунов, которых он убивал. И вдруг все затихло...

Тьма растаяла, глаза Деклана открылись, и перед ним было страшное лицо Каллана. Из раны на лбу текла кровь, он был встревожен. Но при виде глаз Деклана он радостно взревел:

— Он жив!

Дыхание Деклана участилось, когда на крик ответили другие голоса. Великаны окружили его. Некоторые даже хлопали его по плечу.

— Судьба была добра к нам сегодня, мы отразили их атаку, — прошептал Каллан. Тень мелькнула на его лице, взгляд ожесточился. — Твой старший брат убежал, трус! Но я еще догоню его. Он не испортит твой день.

Мир закружился, он усадил Деклана себе на плечи, и Каэл увидел толпу великанов вокруг. Их были сотни, они были со всех кланов. Их лица были размыты, Деклан скользил по ним взглядом.

Каэл увидел две знакомые фигуры, стоявшие за толпой, они были ниже остальных. Но Деклан отвернулся раньше, чем он успел рассмотреть их.

— Нам всем должно быть стыдно сегодня, — вопил Каллан. — И мне больше всех. Ведь не ваш генерал привел вас к победе, а этот кроха, — он замолчал на миг, а когда заговорил снова, его голос стал хриплым. — Теперь это не кроха Деклан, это лев среди людей!

Великаны вопили и били косами по броне на груди. Они улыбались сквозь ушибы, вытирали нетерпеливо кровь с глаз. Но Деклан уловил среди голосов один тоненький:

— Ты сделал это, брат! Сделал!

Каллан недовольно заворчал, склонившись.

— И ты? Меня вообще не слушают сыновья?

Он выудил из толпы мальчика и усадил на другое плечо. Мальчику было не больше шести. Он нежно похлопал Каллана по раненой голове.

— Я слушал, отец, — возразил он. — Я дождался конца боя и вышел, — он повернулся к Деклану с открытым сияющим лицом. — Я видел, как ты сражался. Ты хорошо сражался, брат...

Земля задрожала, воспоминание разбилось. Небо почернело, дождь хлестал его каплями. Он держал кого-то в руках, того маленького мальчика.

Его лицо не сияло. Рот был приоткрыт. Глаза опустели. Каэл беспомощно зажимал рану на груди мальчика, но она была слишком глубокой.

Голоса гудели в его ушах. Он не слышал слова. Гнев вскипал в нем, и он не мог управлять им. Ребра распирало от этого, они трещали. Мышцы набухли, дрожали, кричали. Кровь обжигала глаза, он разглядывал толпу.

Он нашел лицо — оно было ужасно размыто. Но он знал, кто это. И он заплатит.

Каэл замахнулся мечом на лицо мужчины, крича изо всех сил. Он услышал свист лезвия, попавшего в цель. Он бросился, чтобы добить его, но сильные руки удерживали его, пальцы впивались в руки, у него забрали меч.

Каэл закричал. Он кричал на мужчину, которого ранил, кричал, пока не ощутил кровь в горле:

— Я убью тебя! Убью! Убью!..

— Прочь из моей головы!

Тело Каэла врезалось в стену, и он вернулся в реальность.

Воздух вылетел из его легких. Он услышал яростные шаги и попытался бежать, но не успел. Деклан упал на него, обхватил рукой шею, удушая.

— Прочь из моей головы! — повторил он, и Каэл понял, что это не голос Деклана, это безумный голос чудовища.

Спина Каэла ударилась об пол. Деклан прижал его коленом. Вены выступили на горле, он ревел. Его глаза были не серыми, а черными, как две дыры, ведущие в глубины земли.

— Прочь из моей головы! — визжал Деклан. — Прочь из моей головы!

Его рука так сильно сжимала горло Каэла, что он слышал, как гнутся его кости. Он знал, что если не сделает что-то сейчас, его раздавят.

— Деклан! Что ты творишь?

Каэл услышал голос Деклана и позвал на помощь. Бренд не ответил, и он начал извиваться в хватке Деклана, биться ногами и стучать кулаками по его рукам.

— Не борись, будет хуже!

— Тогда что мне...?

Воздух оставил его горло, и ладонь Деклана сжалась сильнее. Бренд обхватил руками его пояс. Он потянул, лицо покраснело, но Деклан не двигался, глаза пылали тьмой, он смотрел, как жизнь покидает лицо Каэла.

Свет угасал. Тьма наступала. Каэл рылся в воспоминаниях, пока не осталась одна безумная надежда. Он прижал большой палец к запястью Деклана и сделал то, что делал с

Тельредом, впустил в него свои воспоминания.

Пугающие глаза Деклана медленно закатились, он рухнул на Каэла.

— Что ты сделал? — Бренд стоял над ним, впившись в Деклана. — Надеюсь, не убил потому что...!

— Не убил, — охнул он, Бренд откатил Деклана в сторону. — Только отключил...

— Нельзя его убивать, — заявил Бренд. Он прижал пальцы к шее Деклана, проверяя пульс. Через миг он обрадовался. — Не стоило так его злить. Он не может управлять этим.

— Чем? — завопил Каэл. Он все еще дрожал. Он был уверен, что Деклан убьет его точнее не Деклан, а черноглазый вопящий монстр.

Бренд сжал губы.

— Деклан — берсерк, он не может этим управлять. Его дед был таким же.

— И что за берсерк?

— Он сходит с ума в бою, — Каэл был растерян, и Бренд нетерпеливо вздохнул. — Если Деклана разозлить, включается берсерк. Глаза чернеют, сила растет, и он не понимает, что творит. Это полезно в бою, но опасно, если выйдет из-под контроля. Такое бывает редко, — добавил он, заметив тревогу на лице Каэла. — Деклан среди нас один такой.

Голова Каэла кружилась. Он схватился за пострадавшее горло, покрутил голову. И он понял, что они не одни. Крики Деклана созвали остальных, и загон был полон любопытных великанов.

— Это ужасно, — продолжил Бренд. Он закричал, подхватил Деклана под руки и потащил к его матрасу. — Он всегда хотел быть генералом, как его отец, Каллан. И у него есть для этого задатки. Но, стоит ему попасть в бой, он становится берсерком, — он опустил Деклана, качая головой. — Великан не может управлять боем, если сходит с ума.

Каэл знал, о каком безумии говорит Бренд. Это случилось с ним, когда он ощущал запах крови мага. Он невольно пожалел Деклана, сходящего с ума каждый раз, когда он злился. Каэл злился так часто, что был бы постоянным берсерком, если бы это у него было.

Его горло болело, но он не мог винить Деклана в содеянном.

— Чем ты его так вывел? — Бренд сел на свой матрас, скрестив ноги, он пристально смотрел на Каэла.

Он обдумывал увиденное, пытаясь как-то объяснить ситуацию, не выдав себя.

— Я... спросил его про брата.

Он вздрогнул, великаны хором охнули.

— О, нет, — Бренд потряс руками перед собой, словно мог остановить Каэла от повторения этой ошибки. — Не стоило этого делать, крыска. Никто не спрашивает о Дантэ. Мы даже не произносим его имя.

— Почему?

— Он был младшим братом Деклана, — прошипел один из великанов.

Некоторые посмотрели на Деклана, тот еще спал. Печаль на их лицах заставила Каэла сжаться.

— Что случилось с Дантэ?

Бренд фыркнул и закатил глаза, но румянец растекался по его лбу.

— Даже горные крысы слышали, как Титус создал армии Пятерки.

Каэл хорошо знал, что сделал Титус: он осаждал деревни королевства, натравлял друг на друга родню и друзей. Те, кто хотел убивать, заслуживали место в армии Пятерки, но их народ считал их предателями крови.

Титус этим перессорил все королевство, каждую семью.

— Когда на нас напали маги, — начал Бренд, — наши матери и отцы смело встретили их. Но они не могли состязаться с чарами магов. Их сожгли, всех уничтожили... — он грубо кашлянул. — Деклан отвел нас, детей, к Камню скипетра. Мы думали, что там нас не тронут, но... ошиблись.

Все лицо Бренда стало красным. Даже глаза налились кровью.

— Титус забрал у нас сестер, его армия заперла их в замке. И он выстроил мальчиков вокруг Камня скипетра. Он дал каждому из нас меч и приказал убить великана справа. Я стоял справа от Деклана, — Бренд улыбнулся. — Я молил его быстро убить меня и покончить с этим, ведь Титус обещал жестокую гибель тому, кто ослушается. Но этот упрямец не стал этого делать. Он бросил меч, шагнул к Титусу и... что он сказал, ребята?

— Моя кровь за их свободу, — прошептали великаны. Все лица были красными, как у Бренда. Их взгляды пугали Каэла.

— Что случилось? — хрипло сказал он.

— Ты знаешь, что случилось, — голос Бренда был тихим шепотом. — В каждом клане были трусы, бесхребетные гады, которые были готовы жертвовать тысячами, чтобы спасти свой зад. Не скажу, как это случилось, это не моя история. Но Дантэ был среди убитых... и тебе лучше не произносить его имя.

Глава 30

Край лезвия

Наконец, рана Джейка зажила достаточно, чтобы ему позволили покидать лазарет самому. Он появился на пороге комнаты Надин, когда они собрались ужинать. Улыбка мелькнула в его кустистой бороде, которая сейчас доставала почти до его груди.

— Как раз вовремя, шаман, — Сайлас старался изобразить безразличие, но Килэй заметила, что ухмыляется он не так резко, как обычно. Игривого блеска в его глазах почти не было.

Джейк замер на пороге.

— Да, мне разрешили уходить, и я решил проведать вас. И мне нужно побриться, — он показал, что было у него в руках: ножницы для коз, ведро грязи и серьезного вида лезвие. — Я подумал, что это лучше делать среди друзей... чтобы помогли остановить кровь.

— У нас есть ткань наготове, — пообещала Килэй.

Надин подвела Джейка к окну и усадила на стул. Табуретка была такой низкой, что колени Джейка оказались у его груди, и ему было сложно решить, куда уткнуться локти. Хотя он выглядел, как ворона на ложке, он тут же приступил к работе, обрезаая бороду.

Борода становилась короче, и Килэй ощущала радость, исходящую от Джейка: она заполняла всю комнату, напоминая холодный ветер морей, подбадривая их. Надин болтала с Сайласом, задавала ему разные вопросы. Но он был не против, ему даже нравилось внимание. И Килэй прислонилась к стене, слушая радостные звуки ее спутников.

Все было почти идеально. А потом появилась Елена, наполнив комнату пряным запахом.

Сайлас застонал при виде нее.

— Нет... Уйди.

Надин шлепнула его рукой и пригрозила пальцем, когда он начал спорить. Она протянула Элене миску с ужином.

— Это рис с сухофруктами. Я добавила немного козьего сыра, — сказала она, когда Елена замешкалась.

Килэй подумала, что дело в рисе, но Елена даже не взглянула на миску: она смотрела на Джейка.

Он поднял голову и заметил ее. Его очки съехали на носу, пока он собирал вещи.

— Я могу уйти...

— Нет, ты останешься, — твердо сказала Килэй. — Я не позволю тебе уйти с моих глаз с острыми предметами. Елена может остаться и поесть с нами или уйти во тьму.

К ее удивлению, Елена осталась.

Они сели кругом и общались, пока ели. Моты не пользовались ножами и вилками, а если пальцами. Джейк не мог говорить и есть одновременно. Ему пришлось стряхивать рис с укороченной бороды. Сайлас предпочитал есть, уткнувшись лицом в миску. Он выедал содержимое и вылизывал миску. А потом он убирал еду с лица и волос кошачьими движениями ладонью, ворча под нос.

Килэй научилась есть аккуратно, глядя на Надин. Она думала, что Элене будет сложно, но она ела так, словно всегда ела пальцами. Ни одно зернышко риса не упало с ее губ. Она мало говорила и смотрела на стену, но Килэй ощущала, что она следит за ними краем глаза.

После ужина Элена не ушла. Она тихо сидела в углу комнаты, полируя кинжалы. Килэй не хотела оставлять ее с Джейком, но солнце почти село.

— Нам пора на твой пост, — сказала Килэй Надин. — Не стоит давать Главе повод солить твои рисовые поля.

Надин улыбнулась.

— Сегодня поста нет, чужеземка. Я буду пару дней отдыхать и чинить броню, потому что мою группу отправят в пещеры. Мы хотим напасть на троллей.

Килэй опустилась на колени. Она не собиралась столько оставаться. Их работа здесь была закончена: они вернули состояние Надин. Ей хватало риса, и, благодаря Сайласу, весь загон у нее был полон коз.

Джейк вылечился, и Килэй надеялась вскоре уйти, даже завтра, если Джейк не против. Но при мысли, что Надин пойдет в пещеры, она замешкалась.

— Они же не заставят тебя снова звонить в колокол?

Надин пожала плечами.

— Глава бросит руны ночью, и тот, чье имя выпадет, будет нашей жертвой. Если это я, так тому и быть, — она схватила плечо Килэй и улыбнулась. — Клянусь, я не боюсь Смерти.

Солнце скрылось за горами и долину окутало золотое теплое сияние. Надин собрала их у окна и отодвинула штору. Они смотрели в тишине, как Глава ступает в круг.

Хесса шла рядом с ней, и Килэй ощутила, как сжался ее желудок, при виде пальцев Главы, обхватывающих ладошку девочки. Почему-то ей виделся паук, обвивший лапами добычу, собираясь поесть.

Килэй прищурилась, глядя в подлые глаза Главы, а та заговорила.

Незнакомые слова разносились над долиной, браслеты на ее руках звенели, пока она взмахивала руками. Наконец, она вытащила руны из мешочка на поясе. Они погремели в ее руках. Долина стала тихой, они слышали стук рун о землю. Последовала тяжелая пауза.

Глава заговорила, и Килэй поняла лишь одно слово, вылетевшее в конце, как карканье:

— Надин!

— Хмм, не удивляет, — пробормотал Сайлас.

Надин повернула к нему голову.

— Если таков выбор Судьбы...

— Это не выбор Судьбы, — сказала Элена, скрестив руки на груди. — Это выбор Главы. Она хочет твоей смерти, и у нее есть право сделать это. Я такое уже видела, — она посмотрела в окно. — Лучше бы вы позволили ударить ее ножом.

— Никаких ножей, — возмутилась Надин.

— А когти? — вмешался Сайлас.

Она вскинула палец.

— Нет. Главу убивать нельзя. Я знаю, что вы все думаете, — Надин яростно скользнула по ним взглядом. — Даже если вы правы, нашей правящей матери дали власть не зря. И она использует ее для великой цели. Даже если мое имя назовут сто раз, это для великой цели. И вы пришли ко мне не просто так, — тихо сказала она, ее взгляд смягчился. — Мы странные друзья, но мы согреваем друг друга. После стольких месяцев во тьме... вы дали мне свет. Я нашла новую цель, скрытую в неожиданном месте.

Они молчали. Даже Сайлас не ворчал. Килэй думала, что ощущает благодарность в сердце Надин. Она нахлынула на Килэй теплой волной.

Она не привыкла к людям, которые открыто выражали эмоции, и глубина эмоций

удивляла ее. Она пыталась придумать, что сказать в ответ, когда услышала тихий звук и посмотрела в окно.

Хесса упала у ног Главы. Она впилась в край ее черного одеяния и прижала его к губам. Жуткие всхлипы перебивали ее мольбу. Килэй всем сердцем ощущала ее скорбь.

— Я бы так не смогла, — тихо сказала Елена. Ее глаза были большими, на лице смешались потрясение и страх. — Я бы не могла... умолять.

Глава не смогла вырваться из хватки Хессы и вызвала стражу. Две женщины вышли вперед и схватили Хессу под руки. Они уносили ее, а Глава развернулась. Она разглядывала дома, пока не увидела Надин.

Ее перья задрожали, она подняла голову, глядя на Килэй. Ее ладонь впилась в рукоять Предвестника. Он горестно звал ее.

Сердце Килэй тянулось к нему. Она впилась в край окна, всей силой удерживала себя на месте. Она развернулась раньше, чем Глава увидела ее оскал.

— Ты оставишь девочку без матери? — прошептала Елена. Она с убийственным спокойствием смотрела на Надин. — И для чего это?

Надин молчала. Она смотрела на Хессу, на ее лице отражалась боль, пока стражи уносили ее. Девочка обмякла в их руках на миг, и Килэй подумала, что Хесса потеряла сознание. Но потом ее глаза открылись, и она вырвалась.

Она бросилась мимо Главы в центр круга. Она подняла руки к небу и прокричала что-то на певучем языке мотов.

Ее слова звенели над долиной, моты охнули. Они нарушили тишину и зашептались. Даже Глава была потрясена, а потом схватила Хессу и швырнула стражникам. В этот раз девочка ушла сама. И она высоко держала голову.

— Что она сказала? — прошипел Сайлас, тронув Надин ладонью.

Но она не ответила. Она развернулась.

— Я прогуляюсь... одна, — рывкнула она, когда Килэй попыталась последовать за ней. Надин смотрела вперед, выходя из комнаты.

— Я что-то не понимаю, — признался Джейк.

— Долго объяснять, шаман. Брейся дальше, — пробормотал Сайлас. Он подошел к Килэй, его грудь прижалась к ее плечу. — Нужно кое-что сделать, драконесса. Не для человека, конечно. Просто я не люблю обман.

— В обмане проблема? — Килэй вскинула бровь, но он пронзил ее взглядом. Килэй поняла, что не сможет выбить из него признание, что он переживает за Надин. Коты бывали глупыми существами. — Похоже, есть у меня идея. Но нам сначала нужно что-то сделать с теми рунами.

Она взглянула на Элену, та сверкнула редкой усмешкой.

— Это будет не сложно.

Это было решено. Килэй легла на шкуры, голова кружилась от десятков идей, каждая была коварнее предыдущей. Сайлас сел рядом с ней, словно мог ей помочь, дыша на ухо. Елена вернулась в угол.

Джейк закончил с самыми длинными частями бороды и нанес на лицо толстый слой грязи. Он повозился с лезвием, раскрывая его. А потом отпрянул, когда вылетело опасное блестящее лезвие.

Он минуту смотрел на лезвие, вертел его, пока острый край не оказался у его подбородка. Он не мог понять, где начать: он крутил лезвие, как ключ в замке.

Килэй боялась, что он покалечится, и хотела остановить его. Но Елена вызвалась первой.

— Дай сюда, — она выхватила лезвие из его руки и сняла ткань с его плеча, вытирая лезвие о нее. Она опустилась перед ним, а он отклонился.

— Что ты...?

— Ты точно не умеешь пользоваться лезвием. И если ты порежешься, твоей кровью провоняется вся комната. Замри.

Килэй хотела вскочить на ноги, но Сайлас остановил ее, выпрямив руку. Он следил за ними, с любопытством ухмыляясь. Килэй была заинтригована и решила выждать, но следила за Эленой.

Ее движения были быстрыми и уверенными. Она водила лезвием по лицу Джейка, оставляя за собой чистую кожу. Елена работала сосредоточенно, это смягчило черты ее лица: рот приоткрылся, брови приподнялись. Ее свободная рука нежно придерживала подбородок Джейка.

Килэй знала, что ей не стоило слушать, но Сайлас склонил голову и уже делал это, так что и она прислушалась.

— Обычно я не так безнадежен, — сказал Джейк, пока Елена очищала лезвие. — Но без зеркала...

— Подними голову, — рявкнула Елена, и он послушно отклонил голову. Она начала убирать щетину с его шеи, работая осторожно. — Я видела, что ты делал в день, когда твоих друзей поймали, — прошептала она. — Ты сбил все поселение с ног одним заклинанием... Я не знала, что ты так силен.

Джейк сглотнул, и Елена отдернула руку с лезвием, чтобы не порезать его горло.

— Я не сильный, — жалобно сказал он. — У меня все еще детский импульс.

— Почему не сделать новый?

— Я бы сделал, если бы знал, как.

— Об этом нет книг? — рот Элены снова приоткрылся, она сосредоточилась на щитке под его челюстью. — Я думала, маги обожают учиться.

— Да, — ответил Джейк. — Но это очень сложный процесс. Вряд ли ты поймешь...

— Ты боишься, — просто сказала она, вытирая лезвие о ткань. — Ты сдерживаешь силы, потому что боишься навредить, и ты не думаешь, что это можно использовать во благо.

Джейк хотел возразить, но она прижала большой палец к его губам, закрывая рот. Он нетерпеливо моргнул, она принялась за растительность под его носом.

— Я думал об этом, — возразил он, как только она его отпустила. — Я думал так часто, что ощущал себя жалким...

— Почему?

— Потому что я плохой! Разве из меня может выйти хороший маг? Я бы хотел смешивать зелья и продавать амулеты на рынке, я бы лучше был магом-отшельником, живущим под землей и говорящим с зачарованными жабами! Но я не такой. Я боевой маг. Я хорош лишь во взрывании всего.

Элена закончила несколькими взмахами.

— И... ты боишься себя?

Джейк выдохнул.

— Видимо, да. Почему ты ухмыляешься?

Она покачала головой.

— Глупо такого бояться. Только над собой из всех людей королевства у тебя есть власть. Тебе стоит бояться остальных людей, особенно таких, как я.

— С чего мне бояться тебя? Ты мой друг...

— Что заставило тебя так подумать? — рывкнула она. Ее лицо ожесточилось, глаза пылали, а брови сдвинулись.

Джейк коснулся лица.

— Ты помогла мне. Это делают друзья...

Элена прижала лезвие к его горлу, обрывая слова. Килэй учуяла опасность и вскочила за ноги. Она встала за Эленой. Если ее запястье дрогнет, даже черви не найдут ее куски.

Но, к счастью для Элены, она не двинулась.

— Я ясно объяснила, зачем это делаю, я тебе не друг, *маг*. Я бы убила тебя, если бы можно было, — она встала. Яростно взмахнув лезвием, она добавила. — Я бы всех вас убила!

— Попробуй, — буркнул Сайлас.

Элена выглядела так, словно разрежет его на месте. Но она бросила лезвие на пол и ушла во тьму.

— Нет, погоди, вернись... — Сайлас рассмеялся. — Я не могу даже притвориться, что переживаю за нее, без смеха!

Джейк молчал. Он смотрел на пустой порог, подперев рукой чистое лицо. Килэй не совсем понимала выражение его лица. Но магов всегда было сложнее всего понять.

Джейк собрал вещи и сказал, что проведет ночь в лазарете, что ему вдруг стало плохо. Это явно было не просто так.

Килэй и Сайлас ждали Надин. Когда она вернулась, они не говорили, а легли спать.

Уснуть не удавалось. Килэй разрывалась между двумя тревогами: тревогой о друзьях в долинах... и тревогой за Надин. Ее мысли толкались в голове, терзали сердце, пока она пыталась уснуть.

Когда сон пришел к ней, он оказался не мирным. Он был пыткой.

Ужасное давление разбудило ее. Мышцы содрогались, словно под кожей были змеи. Что-то толкалось в глаза изнутри. Ее голова казалась тесной, пыталась сдержать это напряжение. Крик поднимался в груди, терзая горло.

А потом он вырвался.

— Драконесса!

Она едва понимала, что над ней стоит Сайлас, и его глаза расширились от страха. Его ладони были у ее кожи, словно он боялся коснуться ее. Но она не могла вырваться. Ее мышцы не переставали содрогаться, а гвозди впивались в плоть.

Слезы лились из глаз, но они не были обычными, они обжигали все, чего касались: нос, лицо, губы... и они лились, она не могла остановить их. Горло болело, напрягалось, подкрадывался новый крик.

Только сердце принадлежало в этот миг Килэй, и она была в ужасе.

И когда ей показалось, что она вырвется из кожи, руки нежно обвили ее плечи. Она оказалась в тепле, и слезы лились, не ожигая. Сердце билось под ее ухом.

Билось ровно. Ритм успокаивал, как и слова, которые Килэй не понимала, но ее душа улавливала смысл. И медленно боль покинула ее тело. Боль угасла, рассеявшись от слов и уверенного биения сердца.

Когда Килэй открыла глаза, она поняла, что ее обнимает Надин. Она прижимала голову

Килэй к груди, ее песня утихла, и она прошептала:

— Тише, не стоит стыдиться печали. Я знаю, что тебя терзает. Я рыдала такими же слезами... может, моя история тебя успокоит.

Килэй была слишком слаба, чтобы отвечать. Она лежала дрожащей кучей на шкурах. Сайлас старался разжечь огонь в жаровне, хотя свет был таким тусклым, что ничего не менял. Сайлас сел у окна, глаза были огромными, он смотрел на Килэй.

Он не хотел быть рядом с ней.

Надин устроила голову Килэй на своих коленях. Она ощутила слабое натяжение, Надин распустила ее волосы. Ее пальцы нежно скользили по вороновым прядям, успокаивая ее.

Килэй не привыкла к тому, что ее успокаивали. Ей редко было больно или страшно, и она никогда не была ранена так, что не могла ударить в ответ. Но этот враг был странным, она не могла его одолеть. Она закрыла глаза и слушала нежный голос Надин.

— Моя жизнь не всегда была такой, как я хотела, — тихо сказала она. — Но жизнь была хорошей. Хесса наполняла мое сердце радостью, пока я росла, и я думала, что не найду любви ценнее. Но, будучи девушкой, я познала другую любовь. Его звали Тахир, — ее голос дрогнул, но она кашлянула. — По законам моего народа женщина выбирает себе пару, когда готова выходить замуж, если она готова. Мужчина не может просить ее... кроме одного условия: он может просить, если спас ее жизнь. И она не сможет отказаться, — Килэй услышала улыбку в ее голосе, она продолжала. — Я была убеждена, что не выйду замуж. Я думала, мой долг перед Хессой делает это невозможным. Но... я ошибалась. Однажды в наши пещеры пришло другое племя, и меня вызвали бороться с ними. Наши враги были темнокожими мужчинами с кровью на лицах. Они были с топорами из камней и костей. Я недооценила их силу, меня быстро бросили на землю, — шептала она. — Тахир... заступился за меня, убил нападающего раньше, чем мне разбили голову. И я знала, что обречена выйти за него замуж. Но он не попросил, — ее ладонь замерла на голове Килэй, щекоча из-за дрожи. — Когда я спросила у него, почему, он рассмеялся. «Ты же защитница Рассвета. Я не буду обременять тебя своей любовью, но ты всегда можешь свободно получить ее, зная, что она принадлежит только тебе». На нашем языке это звучит красивее, — отметила Надин.

Килэй считала, что и на языке королевства это звучало красиво. Она не могла представить, что ощутила бы, услышав такие слова в свой адрес... ее горло сжалось, она поняла, что может никогда не узнать.

Она подавила новую волну боли и сосредоточилась на Надин.

— Может, дело было в том, как он хорошо понимал меня, но я знала, что Тахир — пара для моего сердца, — прошептала она. — Я попросила его жениться на мне, и он снова сказал, что не хочет обременять меня. Тогда я... — она рассмеялась, качая головой. — Я обрезала волосы! Это делают все замужние женщины: обрезают волосы и отдают в руки мужа, как символ того, что наша красота всегда будет принадлежать ему. Когда я давала волосы Тахиру, я думала, что он поймет, что я серьезна. Мы поженились и счастливо жили несколько лет, а Хесса была нам как дочь... а потом напали тролли.

Рука Надин снова задрожала. Килэй потянулась к ней, и Надин обхватила руками ее пальцы.

— Они напали внезапно посреди ночи. Нас выгнали из домов. Мне нужно было бежать к Хессе. Я крепко обняла ее и понесла в безопасность, — она глубоко вдохнула. — Тахир остался в пещерах. Он вел отряд к троллям, удерживал их силой копья, пока остальные моты

убегали. Говорили, он смело сражался. Он был благороднее всех в нашем племени. А я заслуживаю лишь унижения. Шли часы, Тахир не возвращался. Я боялась за него. Хесса уснула, и я оставила ее другим воинам и пошла в пещеры за мужем. Я бросила Рассвет, — жалобно сказала она. — Я оставила жизнь Хессы в чужих руках, жизнь, которую я клялась защищать ценой своей жизни. В пещерах я увидела, что все кончено... что люди Тахира окружены и поглощены троллями. Он был мертв. Я вернулась на гору с разбитым сердцем. Глава отчитала меня перед племенем за предательство. Она забрала у меня Хессу и сказала, что я недостойна быть защитницей Рассвета. С того дня она присматривала за Хессой, и мне не позволяли больше ее видеть. Эти удары разносились по моему сердцу, как крики в пещерах, моя душа уже была пустой, — она говорила просто, словно перечисляла факты. В ее голосе не было слез. — Ты спрашивала меня, чужеземка, хочу ли я умереть. Теперь ты знаешь.

Она опустила ладонь на щеку Килэй.

— Я не буду спрашивать, из-за кого ты плачешь, но я понимаю. Редкие сердца страдают сильнее моего. А теперь спи, — ее большой палец погладил висок Килэй. — Спи, ночь успокоит твоё тело.

Килэй закрыла глаза, но не могла уснуть. История Надин не успокоила ее, а разожгла огонь в душе.

Моты голодали, их выгнали из домов, но Главе было все равно. Она издевалась над Надин своей властью, а еще отбирала у Надин то, о чем и не подозревала: любовь Хессы. Она старалась забрать эту силу. Она использовала горе Надин, чтобы забрать Хессу.

Но было слишком поздно. Хесса уже любила Надин, уже искала ее мудрости, а не Главы. И Глава могла вернуть свою силу, только убив Надин в глубинах пещер. Потому Глава ненавидела Надин. Потому желала ее смерти.

Но Килэй, пока огонь горел в ее крови, не собиралась допускать это.

Глава 31

Весенние всхлипы

В долинах ситуация все ухудшалась.

Из замка приходило все больше стражей с хлыстами вместо пик, и они не собирались считаться с рабами. Им было все равно, как ухаживали за полями, они пришли за кровью.

Они ходили среди рабов, выжидая шанса ударить. Они ходили по полям группами, радостно нападали на тех, кто выбивался из команды. Великанов избивали за медленный темп шагов, за то, что они последними вышли из амбара, а то и без причины. Однажды великана избивали так, что он упал.

Стражи не смогли поднять его, бросили в телегу и отправили в замок.

Бренд проводил телегу взглядом, тяжелый кулак прижался к его груди.

— Не дай им получить себя, друг, — прошептал он. — Пусть Смерть найдет тебя раньше Гилдерика, — он опустился на колени, вырвал сорняк с такой силой, что Каэла осыпало землей.

Они были на грядках с овощами и вырывали сорняки, что устроились среди моркови и бобов. Работа была медленной и скучной. Каэл знал, что большинство сорняков обвивало корнями камни.

Некоторые сорняки были коварными, Каэл пытался вырвать стебель, и под листьями обнаружил шипы, которые тут же ужалили его. Он обвил пальцами часть, что казалась безопасной, и обнаружил больше шипов.

Они впились в его пальцы, но острая боль лишь разозлила его. Каэл с ревом вырвал растение из земли и бросил в ближайшего стража. Сорняк ударился о его спину с приятным стуком, осыпав его камнями и землей его броню. Страж развернулся с яростью в глазах и посмотрел на Каэла. Но, хоть он хотел бы избить Каэла, он не сделал ни шага.

Деклан прошел пару шагов, стражи продолжили избегать его. Даже сейчас ему нужно было лишь посмотреть спокойно в сторону стражей, и те тут же уходили.

Как только страж ушел, Деклан продолжил прополку. Он не говорил ни с кем после случая с чтением разума, даже с Брендом. И Каэл был даже рад.

Бренд очень хотел узнать секрет Каэла, он ожидал, что Деклан все расскажет, как только проснется. Может, он не понял, что произошло... хотя он явно понял, что Каэл побывал в его голове, и что это было не нормально. Чем больше он думал об этом, тем сильнее переживал.

Почему Деклан не говорил? Он хотел чего-то достигнуть, храня секрет Каэла? Он хотел верить, что Деклан не выдаст его Гилдерика... хотя не доверял ему. Он пытался заглянуть в тень под бровями Деклана, чтобы что-нибудь понять, но это не удавалось.

Не первый раз за эту неделю его желудок сжался в неприятный узел.

— Чего ты ждал? — пробормотал Бренд, когда увидел выражение лица Каэла. — Ты думал, что он так тебе откроется о...? Ачхи! — он громко чихнул, а потом закашлялся.

Каэл постарался похлопать его по спине, но Бренд отбил его руку.

— Это просто весенние — чхи — неприятности! — выдохнул он. Бренд перевел дыхание, выпрямился и кашлянул. — Такое каждый год. Ничего страшного.

Каэл не был уверен. Он заметил, что Бренд бледен.

Рано утром Каэл проснулся от того, как кто-то тыкал его в ухо. Он ударил по руке и сморгнул туман сна, пока не увидел встревоженного Вечерокрыла.

— Что? — сонно сказал Каэл. — Что ты делаешь с моим ухом?

— Я пытался быть тихим, — шепнул он. — Я хотел сказать тебе кое-что. Но не знал, куда тыкать...

— Не важно, — буркнул Каэл, не желая представлять, что еще мог придумать мальчик. — Что ты хотел сказать?

— Меченосцы... — он прищурился, — стражи... ушли.

Каэл сел, нетерпеливо стирая сон с глаз.

— Как это ушли? Они не могли просто уйти.

— Шум заставил их убежать в замок, — сказал Вечерокрыл, тревожно переминаясь. — Звучало как большой гусь. Или утка...

Каэл зажал рукой его рот, боевой рожок зазвучал в воздухе. Его песнь была низкой, ровной, одна нота, которая не имела для него значения, но он знал, что это звук беды.

— Вот такой, — сказал Вечерокрыл, когда Каэл отпустил его.

— Нас атакуют?

— Не думаю...

Но они не успели обсудить это. Двери загонов со скрипом открывались, и Каэл поспешил наружу впереди остальных. Он одним из первых оказался во дворе. На Полях сонно лежали зеленые ростки, покрытые тяжелым слоем сверкающей росы. Он разглядывал утренний туман, искал знамена или блеск мечей. Но земля была тихой.

Каэл не был убежден. Он заметил, как Бренд склонился над поилкой и побежал к нему.

— Где стражи? — сказал он, добежав.

Бренд поднял голову. Его глаза были стеклянными и рассеянными. Он смотрел на Каэла пару мгновений, а потом узнал.

— Привет, крыска, — выдохнул он.

Его слова прервал кашель. Звучало так, словно в его груди дрожал обломок кости. Каэл спросил, в порядке ли он, и Бренд нетерпеливо отмахнулся.

— Я уже говорил, это пустяки. Что ты кричал?

Каэл не кричал, он понизил голос и повторил вопрос.

Бренд не переживал. Он оглядел пустой двор и пожал плечами.

— О, Гилдерик просто созвал их для Посевной луны. Он любит собирать армию, когда другие рядом. Он знает, что мы будем вести себя покладисто, потому что не хотим быть избранными.

Каэл не понимал кое-что. Бренд пошел прочь, и Каэл побежал за ним.

— Что за Посевная луна?

— Фестиваль, — хрипло сказал Бренд. Он нахмурился и кашлянул. — Было раньше крупным событием. Все кланы собирались праздновать рост посевов и роды у скота. Пили, ели и играли. Победитель заслуживал уважение, — Бренд улыбнулся, — или руку любимой. Видишь?

Он указал на небо, где слабый силуэт луны еще цеплялся за свое место. Половинки ее

были немного неровными.

— Через три дня все посевы прорастут, а луна будет полной.

В Тиннарке дни отмечали переменами погоды, было странно думать, что великаны ориентировались по луне. Хотя Каэл видел логику, кроме холода зимой, погода в долинах была теплой и хорошей. Дни слились бы, если бы они не следили за луной.

— И лорд Гилдерик тоже празднует Посевную луну?

— Да... по-своему, — мрачно сказал Бренд. — Он извратил праздник, испортил его. Даже Пятерка не суется...

— Погоди, — перебил Каэл с колотящимся сердцем. — Через три дня здесь будет Пятерка? С армиями и всем?

— Не совсем. Редко кто-то принимает... чертовы глаза! — Бренд вытер их рукавом. Он моргнул, и Каэл заметил, что его глаза налиты кровью. — Граф обычно слишком пьян, чтобы удержаться на лошади, и это событие не так велико, чтобы заинтересовать герцога. Нет, барон Сахар и графиня Д'Мер могут прибыть, он раньше, а она позже, и оба уедут до начала игр.

Бренд прокашлялся и продолжил:

— Думаю, Сахар приезжает только ради еды. В пустыне нет жирного скота, и Гилдерик должен ему пару замков. Так что барон пару раз в год забирает еду. Замок Гилдерика дважды сжигали, можешь поверить?

Каэл верил. Он знал, какой полудракон был в ответе за это. Он перевел разговор к теме фестиваля.

— Что будет на играх?

Бренд сглотнул, судя по его гримасе, это было больно.

— Не знаю, крыска. Мы знаем лишь, что на Посевную луну маги выбирают пару рабов и отправляют в замок. Они выбирают самых слабых, или ребят с морей. Но рабы не возвращаются, даже как Невспаханные. Не знаю, что с ними случается, но приятного мало.

Информация о Посевной луне была интересной, но Каэл не понимал, почему Гилдерик оставляет рабов без присмотра. Даже маги не переживали: Хоб большую часть утра оставался в доме, только к полудню он выходил. Каэлу было не по себе.

Солнце садилось, когда он получил ответ.

Хор голосов отвлек его от прополки, он потрясенно смотрел на большую процессию пустынного народа, появившегося из-за гор. Он понял, что там вырезан переход, соединяющий пустыню и долины, иначе путь занял бы у них несколько дней.

Их было несколько дюжин, они шли в ряд. Они несли большие корзины на спинах, пригибаясь низко от веса сверкающего золота. Яркие краски их одежды удивляли: ярко-желтый, огненно-красный, несколько оттенков синего и зеленого. Они хлопали и пели на языке, который Каэл не понимал.

В середине линии восемь стражей окружали что-то, похожее на вершину хорошей кареты, поддерживаемой двумя длинными шестами. Солнце сверкало на позолоте кареты, слепя вспышками. Красные шторы скрывали, что было внутри кареты, но Каэл догадывался, кого они несли.

Барон Сахар прибыл в долины.

Потому Гилдерик созвал стражей в замок. Не из-за защиты, он не хотел, чтобы остальные знали о его проблемах. Если Сахар узнает, что Гилдерик потерял почти всех магов, как скоро новости долетят до короля? Как только Крewan услышит, Гилдерика точно

накажут. Он мог потерять власть.

Ему оставалось только созвать стражей и делать вид, что ничего не случилось. Каэл понимал, что Гилдерик будет уязвим несколько дней, и это давало шанс все исправить.

Он пытался собрать мысли в кучу, когда Бренд перебил его:

— Песочные солнцелюбы! — он покачивался, глядя на народ пустыни. — Они не должны ходить по нашей земле. Судьба не зря воздвигла горы, чтобы вас не пускать!

Хотя они были в двух выстрелах из лука, он поднял кусок земли и попытался бросить в них. Кусок выпал из его руки и пролетел недалеко.

От броска Бренд потерял равновесие. Он упал бы, если бы его не поймал Деклан. Он подхватил Бренда под руки и отвел к краю поля.

— Сядь, пусть ноги отдохнут...

— Они не должны! — не унимался Бренд, его голос стал сдавленным от гнева или слез. — Нужно было нам...

— Успокойся, не злись.

Но Бренд не слушал. Когда Деклан усадил его, Бренд попытался встать, держась за рубаху Деклана.

— Ты был прав... все это время, — он вцепился крепко, Деклан пытался отцепить его руки. — Мы умрем вот так. Нас отправят в пыль!

— Ты не можешь этого знать, — сказал Деклан, хотя его глаза расширились от тревоги. — Что с тобой? Солнечный удар?

Рот Бренда раскрылся, словно он хотел заговорить, но слова не вышли. Его глаза закатились, он отпустил рубаху Деклана. Каэл подбежал и приподнял его голову.

Он ощутил тревожный жар у основания черепа Бренда, желудок сжался.

— Лихорадка.

— Что делать? — ладони Деклана сжимались и разжимались. Он повернул голову налево, Хоб вез им телегу с водой.

— Нельзя показывать его чароторговцу, они заберут Бренда в замок! — прошипел кто-то, и Каэл понял, что все собрались вокруг, тревожно глядя на Бренда. Толпа великанов точно привлекла бы внимание Хоба.

— Работайте и ведите себя, словно ничего не произошло, — быстро сказал Каэл. Он послал великана за травами из сада и пошел за водой в подавленном состоянии.

Хоб приближался, но спешка к телеге только вызвала бы его подозрения. Каэл шел от амбара к амбару, пытаясь найти, в чем нести воду. Он нашел старое ведро в траве и не мог поверить удаче. Он попытался наполнить ведро и понял, почему его выбросили: несколько больших дыр было на дне, и оттуда вода лилась быстрее, чем наполнялась.

Он зажал все, что мог, пальцами, наклонил ведро, чтобы сохранить как можно больше воды. Он бежал, но так, чтобы не расплескать воду. Когда он вернулся на грядки, он увидел, что великаны снова столпились.

Он выругался.

— Я говорил вам рассредоточиться, — завопил он. — Нужно слушать...

Но его слова оборвались, когда несколько великанов отошло, и он увидел, что не над Брендом они склонились, а над Декланом.

Трое великанов лежали на нем, прижимая телами к земле. Он ревел, извивался, почти вырываясь. Еще двое великанов прыгнули, чтобы прижать его. Глаза Деклана были черными и разъяренными.

Каэл не понимал, в чем дело.

— Что случилось? — он озирался, но не видел Бренда. Он увидел облако пыли на дороге, Хоб направлялся с телегой в замок, и Каэл с ужасом понял, что произошло.

— Они забрали Бренда, — сказал один из великанов со слезами на глазах. — Они забрали его к лорду Гилдерику!

* * *

Уже стемнело, когда Деклан устал. Двое великанов оттащили его в амбар, удерживая руки за его спиной. И хотя ярость выжгла его силы, ему хватало энергии кричать на них, и он не унимался за ужином.

Он звал великанов трусами. Он говорил, что, если завтра земля будет влажной, то из-за того, что их отцы рыдали в могилах. Он говорил, что матери стыдились бы их. И великаны не перечили.

Они сидели хмуро, никто толком не ел. Они сгрудились у кормушки, кривясь, словно слова Деклана били их по коже. Некоторые прижимали края рубах к глазам, но никто ему не возражал.

Решив, что великаны отчитаны, Деклан принялся за Каэла.

— А ты, крысеныш...!

— Что я сделал? — возмутился Каэл.

Он злился за Бренда не меньше других. Он видел, что у того была лихорадка, стоило раньше что-нибудь сделать. Если он не сосредоточился на своих проблемах, он бы заметил это раньше. А теперь Бренд пропал, оказался в замке, и Каэл не мог даже послать Вечерокрыла найти его, потому что чертова птица опять куда-то улетела!

Но крики на Каэла ничего не решали. Он ничего не мог поделаться, и никто из них не мог. Они не могли рисковать ради одного человека, в замке были стражи двух правителей. Это будет глупо. Они все могли погибнуть и не освободить Бренда.

И хотя Каэл знал это, слова Деклана все равно жалили.

— Что ты сделал? Ты предал его, вырвал его сердце из груди! — Деклан подавил остальные слова, его лицо стало гладким. — Нет, что тебя винить? Крыса остается крысой. Он заботится только о себе, до других ему нет дела. Если на кого и злиться, то на меня, — тень оставила его глаза, он смотрел на Каэла каменным взглядом. — Я знал, что ты хитришь, но думал, что ты обычный человек. Теперь я вижу, что ошибся. Я виноват... Стоило сломать тебе шею, когда я мог.

Каэл онемел. Он вспомнил день на полях, когда Деклан захотел отвести его к кузнецу для починки косы. Он думал, что Деклан ведет себя странно, и теперь понимал причину: дело было не в косе, он хотел, чтобы Каэл остался один.

Он планировал убить его.

Деклан смотрел на него свысока. Никто больше не смотрел на него.

В тишине он слышал правду. Голова Каэла вдруг стала легкой, словно ее заполнил холодный ветер. Он встал на ноги и без слов пошел в загон.

Наступила ночь, звезды рассыпались на небе. Каэл напряженно лежал в темноте, ощущая пустоту постели Бренда рядом с ним. Он закрыл глаза от обвиняющего света луны,

доносящегося из-за облаков.

Он напоминал себе, что делал то, что должен: жизнь одного не стоила жизней многих. Он выбрал мудро.

Но мудрость мало помогала. Она свистела в дырах его сердца, не согревала и не охлаждала, обещала лишь шанс избежать еще худшего исхода. Время шло, и мудрость вдруг показалась ему трусостью.

Может, Деклан был прав. Может, он был крысой.

Перед рассветом начался дождь. Каэл мрачно слушал, как тот стучит по крыше, словно небо проливало его слезы. Он не двигался, когда двери загонов открылись, дождь был слишком сильным, так что Хоб не выпустил бы их в поля. День обещал быть долгим и жалким.

Когда Вечерокрыл вернулся, Каэл был один в загоне. Полусокол выслушал терпеливо все, что случилось. Когда Каэл закончил, Вечерокрыл тут же улетел, обещая, что поищет на землях замка Бренда.

Каэл знал, что надежды мало, и остальные тоже это ощущали, весь амбар окутала зловещая тишина. Шумел только Деклан, расхаживая вдоль кормушки. Его быстрые шаги прерывались, он ударял по железным дверям. Никто не хотел сказать ему, что это бесполезно.

Ужин прошел в жуткой тишине. Великаны пытались уговорить Деклана поесть. Они пытались пригнать его к кормушку. Но он отбивался и продолжал расхаживать.

Близилось время, когда гасли факелы, и Вечерокрыл вернулся. Он выпал из загона, с его волос вода капала на голую грудь, он возился с пуговицами штанов. Он поднял голову, и Каэл увидел, что его губа кровоточит. Сокол был испуган.

— Что с тобой случилось? — сказал он, проталкиваясь сквозь толпу к нему.

Вечерокрыл схватился за его рубаху.

— Я искал всюду. Заглянул в каждое окно. Но не видел его. А потом полетел сюда и увидел его, идущего по тропе. Я снизился, чтобы сказать ему, что мы беспокоимся, и он ударил меня, — Вечерокрыл прижал ладонь к губе. Смятение отражалось на его лице. — Что я сделал не так?

— Ты ничего не сделал, — быстро убедил его Каэл. — Где он сейчас?

— Почти здесь.

Вечерокрыл взглянул на дверь, страх закипал в Каэле. Он пытался подготовиться к тому, что увидит, но, когда двери открылись, земля под ним оборвалась.

Бренд стоял на пороге. Его руки свисали по бокам, рот был раскрыт. Он тупо смотрел на дальнюю стену. Его глаза затуманились и потускнели, весь блеск в них пропал... и не возвращался. Ведь Бренд больше не был собой.

Он был Невспаханным.

Глава 32

За порогом

— Бренд! — Деклан бросился к нему и попытался схватить за плечи. Но Бренд был слишком сильным. Он вырвался с хрюканьем. А потом ударил Деклана по челюсти.

Звук был таким, словно кусок сырого мяса ударился о стол. Деклан упал. Бренд прошел мимо него, не взглянув, и направился в загон Невспаханых.

Один из великанов помог Деклану встать на ноги.

— Ты ничего не можешь сделать. Он ушел.

Но Деклан не слушал. Он смотрел вслед Брендю, держась за красное пятно на лице. Боли заполняла его глаза. Казалось, он вот-вот расплачется.

Факелы потускнели, и боль сменилась решимостью и мраком, и Каэл почти ощущал, что будет дальше. Он не мог помешать этому.

Деклан напал на Брендю сзади. Он все еще лежал на животе, когда Деклан схватил его за лодыжки и потащил назад. Бренд зло кряхтел, извиваясь, как рыба на крючке. Он взмахивал руками, но не понимал, как освободиться. И Деклан с силой втоптал его в загон.

Великаны внутри тут же выбежали, некоторые прижимали к себе матрасы, спешили укрыться в других загонах. Бренд попытался последовать за ними, Деклан сунул его обратно ударом пятки.

Каэл, смотревшись на это потрясенно, вдруг ощутил, что его ноги отрываются от земли, Деклан схватил его и швырнул в загон к Брендю, который отбил его к другой стене.

Он потрясенно смотрел, как Бренд пытался сбежать во второй раз. Но Деклан толкнул его обратно. Двери начали закрываться с жутким скрипом.

— Что ты делаешь? — закричал Каэл. — Ты не можешь запереть нас здесь, он убьет нас!

— Нет, потому что ты его починишь, — ответил Деклан, отпихивая Брендю. Когда дверь закрылась так, что Бренд не мог сбежать, Деклан повалил его, обхватив рукой горло.

Каэл увидел вспышку движения краем глаза и увидел, что летит Вечерокрыл.

— Нет. Прочь отсюда!

Но было поздно. Дверь закрылась, и Каэл понял, что они застряли с ревущим Невспаханым с мертвыми глазами, который разорвет их на клочки, как только освободится. Бренд яростно боролся с Декланом, не собирался уставать, а лицо Деклана покраснело, его руки дрожали от усилий.

— Чини его, — пропыхтел он, обхватывая Брендю еще и ногами.

Каэл был в ярости. Он толкнул Вечерокрыла за себя и закричал:

— Как? Как я должен его починить? Он мертв, Деклан!

— Нет...

— Да! Бренд мертв. Он больше не здесь, это только пустая оболочка. Ты так говорил...

— Он не мертв! — его глаза пылали от отчаяния, вены проступили на шее. — Еще нет. Не мертв. Он просто не в себе. Потому что ты его починишь. Войдешь в его голову, как ты сделал со мной, и вернешь его, — он стиснул зубы. От усилий по его щеке текла слеза. — Ты знаешь, что у меня остался только он... только он — моя семья. И если ты ему не поможешь, — он всхлипнул, сверля взглядом, — мы все умрем.

Его слова были безумными, последняя просьба человека, которому горе мешало понять,

что он несет бред. Любой ударил бы его по лицу и сказал это. Любой сказал бы, что он просит невозможного, что это безумие. Но Каэл был другим.

И он думал, что мысль Деклана может быть возможной.

И тут он вспомнил слова из книги, так четко, словно она была открыта перед ним.

«Все начинается с глаз, — шептала книга. — Глава — открытые двери... и секреты разума лежат сразу за ними».

Каэл посмотрел в глаза Бренда. Они были пустыми, да, но не скрытыми. Они еще не заледенели, как у Кейси: еще можно было различить зрачки и серые радужки.

Он шагнул к Бренду и обхватил его лицо. От прикосновения он на миг опешил и перестал биться.

«А потом я смотрю пациенту в глаза, — рассказывал Покоритель смерти. — Я смотрю во тьму и представляю, что стою на краю высокой скалы. Связь между нами натягивается, и земля ускользает, но я не борюсь. Я задерживаю дыхание и готовлюсь к прыжку».

Ладони Каэла задрожали, он понимал, что собирается сделать. Обещание Моррису не стоило жизни человека. У него был шанс спасти Бренда раньше, и он этого не сделал. Вместе с этого он забился в безопасность амбара и говорил себе, что мудрость важнее дружбы.

Может, так и было. И, если дело было в этом, то был шанс, что Каэл неправильно все расставил. Но он был не против, были вещи хуже, чем быть дураком.

Каэл с готовностью посмотрел в глаза Бренда.

И мир ускользнул.

* * *

Каэл стоял в длинном коридоре. Он извивался в слабом свете и был с крепкими дверями по бокам. Он понимал, что это Порог, комната в начале, которая вела ко всем остальным.

Коридор тянулся бесконечно, пропадал во тьме. Он разглядывал стены в поисках меток, подсказок, которые говорил отмечать Покоритель смерти. Но стены были голыми.

Дверей были сотни, каждая была вырезана из дуба. Где искать сначала? Что искать? Он не знал, что случилось с Брендом. Он не знал, где взять ответ. Во что он ввязался...?

Вдруг коридор начал размываться, краски смешивались перед ним, мерцали, как отражение на пруде. Он знал, что паникует. Это произошло с Покорителем смерти, когда он первый раз попытался войти в разум: он запаниковал, мир стал размытым, и его выбросило. Каэл знал, что нужно успокоиться, если он не хочет попасть в реальность.

Он глубоко вдохнул, и рябь стала угасать. Он убеждал себя, что решит это. Что поймет все. Мир снова стал четким, и он пошел по Порогу.

Он двигался по коридору, старался не открывать двери. Монстры прятались в Пороге, опасные монстры безумия и сомнений. Они нападали беспощадно, и они хотели поглотить не только Каэла, они съедали стены и двери, воспоминания, все, что можно было сжать челюстями. И они ели и становились сильнее, желая заполнить весь разум Бренда.

Покоритель смерти однажды выпустил монстра безумия в голове аристократа, и бедняга вонзил кон в свое сердце, чтобы спастись.

И Каэл осторожно шел по коридору.

Он замирал у дверей и слушал. Порой он слышал голоса. Это были воспоминания, люди и мгновения, которые были дороги для Бена. Каэл знал, что это воспоминания, потому что они говорили тихо. Судя по книге, надежды и мечты звучали громче.

— Сюда.

Каэл вздрогнул и обернулся. Голос звучал за ним, но там никого не было.

— Ау?

— Сюда, — сказал голос из коридора. — Я хочу тебе кое-что показать.

Каэл шагнул вперед.

— Вы знаете, что случилось с Брендом?

— Да, да... сюда. Здесь то, что тебе нужно знать.

Он шел за голосом по коридору, слушая, пока он не замолчал. Тишина ощущалась странно. Его проводник словно пропал.

— Ау? Где вы?

— Посмотри сюда.

Дверная ручка загремела слева. Он потянулся к ней.

— Да, да... ты найдешь секрет здесь.

Черт, секреты! Каэл забыл о них. Он отдернул руку, сердце колотилось. Он не знал, в какую ужасную ловушку они пытались завести его.

Он пошел прочь, но секреты звали его. Их было много, они говорили поверх друг друга, становились громче с каждым шагом. Он сунул пальцы в уши и напевал, стараясь заглушить их.

Он не знал, как долго искал, но Бренд не находился. Коридор не кончался. Двери выглядели одинаково, секреты кричали, не давая услышать, что было за ними.

На пустых стенах не было знаков. Он боялся открывать двери. Но, хотя он мог запаниковать и сбежать, он не делал этого. Бренд рассчитывал на него.

Ему нужно быть смелым. Нужно продолжать.

Он закрыл глаза и начал искать в словах Покорителя смерти. Слова и истории вспыхивали перед его глазами, он почти слышал шелест страниц, которые он листал. А потом он нашел историю о спящей девушке и остановился.

«Она была не в нашем мире, как и не в мире Смерти, она была где-то между. Я прошел по Порогу дважды, а потом понял это и ощутил себя глупо. Если она была не там и не там, то она была здесь, в разуме со мной. И если дело было так, то мне нужно было лишь...»

— Позвать, — закончил вслух Каэл. Он не знал, был ли Бренд еще в сознании, но это был лучший вариант. И он вытащил пальцы из ушей и закричал. — Бренд!

Ничего. Даже бормотания не было. А секреты начали вопить «Бренд!» изо всех сил.

Каэл старался не слушать их.

— Бренд! — перекрикивал он их. — Бренд! Бренд! Бр... о, молчите!

Он бил стены ногами и кулаками, это только веселило секреты. Они начали пронзительно смеяться, вопили все громче, когда Каэл начал ругаться.

Он серьезно хотел найти монстра сомнений, чтобы он поглотил их, когда сильный голос сотряс коридор:

— Здесь!

Секреты притихли, свет в коридоре стал ярче, и Каэл знал, что говорил Бренд. Он был жив!

— Где ты?

— Здесь! — снова сказал Бренд, что-то громко загремело после его крика.

Каэл пошел на шум, постоянно вопя и слушая ответы Бренда. Он дошел до двери. Он спросил еще раз, и ответ Бренда сотряс дверь. Он знал без сомнений, что Бренд там.

Он схватился за ручку и замер, вспоминая, что Покоритель смерти говорил о дверях.

«Решил войти, сразу шагай внутрь. Опасно замирать на пороге. Лучше оказаться запертым с монстром, чем выпустить его в мир».

И Каэл открыл дверь. Он шагнул внутрь и быстро захлопнул ее. Ничто не готовило его к тому, что лежало за ней.

Он увидел Бренда, его лицо было бледным, а конечности — тоньше, чем Каэл помнил. Черные блестящие оковы на руках и ногах удерживали его у огромной тени.

Тень была вдвое выше Бренда, была в форме человека. Ее плоть блестела, бурлила, менялась. Конечности тени были соединены с Брендом, и он висел, как игрушка. Когда тень шагнула вперед, нога Бренда поднялась с ее ногой.

Бренд поднял голову, подбородок дрожал, и он пробормотал:

— Здесь...

А потом его голова упала на грудь, и Каэл в ужасе смотрел, как тень поглощает его. Она втащила его в свои складки и запечатала его тело с чавкающим звуком.

Комната задрожала, тень откинула голову. Черные шишки на лице стали носом и ртом. На голове появились знакомые волосы. А потом тень подняла руки над головой и опустила их с ревом.

Каэл от страха пригнулся.

Его чуть не раздавили насмерть. Руки тени снова опустились, и он откатился, пытаясь вспомнить указания из книги.

«Сражаться лучше в разуме, чем в реальности, — писал Покоритель смерти. — Потому что там нет ограничений по силе или плоти, я могу владеть любым оружием».

Вот оно! Он помнил истории, когда Покорителю приходилось сражаться. Он мог владеть любым оружием в разуме, нужно было только представить.

Каэл представил лук. Он охнул, ощутив знакомый потертый кожаный захват, но удержал концентрацию. Серый лук был дополнен странными завитками. Тетива была плотно натянута. Каэл потянулся за спину и нащупал стрелы. Он быстро вытащил одну и прицелился.

Он не хотел попасть по Бренду, так что выстрелил в голову тени и улыбнулся, попав.

Тень отпрянула на миг, большие ноги оставляли следы вязкой черной жижи, и Каэл думал, что она упадет. Но в последний миг она восстановила равновесие. Черные щупальца потянулись из головы тени, обвили древко стрелы, толкнули ее во тьму, как сделала с Брендом. А потом монстр напал.

Вязкая плоть быстро поглотила два выстрела Каэла. и он понял, что лук ему не помогает. Может, если он растерзает тень на куски, он сможет вытащить Бренда.

Вязкая рука пролетела над головой, и Каэл не успел ничего уточнить, ему нужно было что-то острое. Он слепо взмахнул над собой, тень взревела, кусок руки отлетел на пол. Он с удивлением увидел в своих руках большую косу.

Но его удар не остановил тень. Обрубок растаял и слился с ногой, а потом отросла новая рука. Каэл смотрел туда и не заметил другую руку тени, пока она не ударила его по груди.

Он летел назад минуту. Он ударился о стену и рухнул на пол. Шаги тени сотрясали пол, она бежала к нему, безумно размахивая руками, пыталась высвободить вязкие ноги,

сокращая расстояние с пугающей скоростью.

У Каэла болело все, но он встал на ноги. Куски тени запятали его рубаху. Он коснулся пальцами, и ощущения были не вязкими, а скользкими. Почти как жир...

И он придумал кое-что так быстро, что не успел усомниться. Рука тени полетела к нему, и Каэл представит, что держит факел. Жар коснулся его руки, факел вспыхнул. Он стиснул зубы и сунул огонь в центр монстра.

Огонь вспыхнул. Он побежал по плоти тени, рева, поглощая ее. Огни жадно поедали слои жира. Куски тени падали на пол, где быстро сгорали.

Хотя тень размахивала руками и упала на пол, она не могла потушить огонь. За секунды монстр пропал, оставив лишь след из дыма.

Бренд стоял один посреди комнаты, живой и невредимый. Он улыбнулся и глубоко судорожно вдохнул. Каэл побежал к нему, но порыв ветра отбросил его. Он выкатился в коридор, дверь за ним закрылась. Он поднялся на ноги, чтобы побежать обратно, но... заметил кое-что странное.

Порог изменился. Гобелены висели на стенах, там были люди, земли, звери. Полки висели у дверей, на каждой было много безделушек.

Каэл чуть не заплакал от облегчения.

Так и должен был выглядеть Порог. Он должен быть ярким и полным. Дух Бренда освободился. Он вернулся во Внутреннее убежище, где жила душа.

Работа Каэла была закончена. Бренд снова управлял своим разумом.

Часть его хотела остаться, походить по коридорам, увидеть места, о которых говорил Покоритель смерти. Но Каэл знал, что задерживаться не стоит.

И он пошел по коридору обратно и вышел тем путем, которым пришел.

* * *

— Каэл!

Шаги топали по полу, Вечерокрыл бросился к нему. Его тело перекачилось, земля оказалась под спиной. Два встревоженных янтарных глаза смотрели на него.

— Ты не ранен? — сказал Вечерокрыл, глядя на Каэла. — Ты упал в обморок, я не успел подбежать.

Каэл думал, как ответить, когда нужный голос зарычал:

— Отпусти мою шею, грязный карлик!

Деклан охнул и отпрянул, Бренд сам встал на ноги. Он потер горло и медленно огляделся, словно пытался понять, где очнулся.

Деклан стукнул его по руке.

— Ай! Это за что?

— Ты нас перепугал! — сказал Деклан, но его улыбка не вязалась со строгостью в голосе. — Мы не думали, что ты вернешься.

Понимание мелькнуло на лице Бренда, на жуткий миг Каэл побоялся, что он вспомнит.

— О, это. Это всего-то лихорадка, не о чем переживать. Я в порядке, — он глубоко вдохнул носом. — Видишь? И насморк пропал!

Деклан взглянул на Каэла, но решил, что Бренду лучше думать, что он просто болел.

— Что бы там ни было, мы рады, что ты вернулся.

Бренд с любопытством рассмотрел пустой загон.

— Куда все делись?

— Они ночуют в других местах. Никто не хотел заразиться, — сказал Деклан. Он устроился на своем матрасе, широко улыбаясь.

Бренд пожал плечами.

— Ну... это логично.

Глава 33

Неосторожные гуляки

Килэй не знала, во сколько проснулась. Снаружи было темно, но воздух пах оживленно, словно ночь уже близилась к концу.

Конечности гудели, она знала, что не сможет крепко уснуть, так что и не пыталась. Она выбралась из постели и отправилась искать себе дело.

Она одна спустилась по лестнице, даже фермеры еще не встали. Она шла по извилистым тропам горы, думая обо всем, что нужно сделать. Моргнув, Килэй уже оказалась в лазарете.

Только один огонек горел в конце комнаты, и она поспешила туда. Похоже, не только ей не спалось: Джейк сидел за столиком, подперев голову кулаком. Его дневник был открыт, но уголек лежал у локтя. Он постукивал пальцем по большой стеклянной склянке перед собой.

В склянке был червь, который едва туда поместился. Бедняга корчился в стеклянных стенках, скрипя кожей, чтобы устроиться удобнее.

— Я думал, они похожи на пчел, — бормотал Джейк, когда на него упала тень Килэй. — Но у них есть мешочки в животе. Когда они едят, половина еды отправляется туда. И они пытаются уйти, — он со слабостью взмахнул рукой. — Они поворачиваются на север, словно у них очень важное дело. Думаю, эту еду они пытаются куда-то унести. Так что они не как пчелы, а как муравьи. Я ошибался, — он вздохнул. — Я во многом ошибался.

Килэй видела, что Джейк сутулится не из-за червей. Она села рядом с ним и опустила ладонь рядом с его.

— Похоже, кому-то очень нужно задание.

— Прошу, хоть что-то, — простонал Джейк.

Килэй еще не придумала план. В ее голове гудели идеи, но они не связывались в целое. И она не знала, какие были лучше.

А вот Джейк был хорош в этом. Килэй озвучивала идеи, и он организовывал их, оставлял хорошие части и отбрасывал особо опасные. Вскоре у них обрисовался план.

— Этот как останавливать реку, — бодро сказал он. Джейк ожил, рьяно поправил очки на носу. — Я могу показать тебе карту.

Килэй была немного удивлена.

— Когда ты успел нарисовать карту?

— Я неделями был заперт, у меня хватило бы времени написать книгу о землях мотов, — Джейк с любопытством посмотрел на нее. — А что *ты* делала?

Она пожала плечами.

— Ела, спала... удерживала Сайласа от бед. Это очень важно, чтобы ты знал.

— Точно, — он улыбнулся.

Он показал ей карту, вскоре они поняли, как разобраться с троллями.

— Не должно возникнуть проблем, — удовлетворенно сказала Килэй.

Джейк кивнул.

— Думаю, это лучший путь, если все пройдет по плану. Иначе будет... плохо, — он закрыл дневник, ладонь задержалась на обложке. — Я исследовал троллей. О, не кривись, — сказал он, когда Килэй застонала. — Хорошо. Я не буду вдаваться в подробности. Но я

считаю, что этот вид троллей живет у гор. Пустынный народ жил в той части Белокости веками, и потому тролли сражаются как люди. И они точно не ходили по пустыне...

— Думаешь, пещеры ведут отсюда к замку барона? — закончила за него Килэй. Джейк кивнул, и она обрадовалась. — Это упростит путь.

— Да... — Джейк посмотрел в свой дневник, погладил рассеяно большим пальцем корешок. — Знаешь, я думал...

— Я постараюсь сдержать потрясение.

Он скривился.

— Я много думал об этих червях, и я уверен, что где-то в пустыне есть большая королева червей, как в муравейнике. Тогда понятно, почему в отдельных гнездах мы наши так мало яиц, и почему черви несут часть еды на север. И я подумал, раз мы все равно пойдем на север, то можно...

— Заглянуть к королеве червей и ткнуть ее? Нет уж, — Килэй было сложно не смеяться от его разочарованного вида. — Джейк, даже если мы найдем большую склянку, ты не втиснешь ее в...

— Шути сколько хочешь, но для меня это важно, — сказал он, сунув дневник в карман мантии. Я всегда мечтал сделать такое: открыть новые земли, новые виды, новых людей... и записать это, чтобы остальные читали. Так делают хорошие маги, — он встал на ноги, — передают знания остальным.

Он хотел уйти, но Килэй поймала его за край мантии.

— Прости, правда, — сказала она, он фыркнул. — Я не привыкла, чтобы от меня зависело столько жизней. Я не была раньше лидером, и я не уверена, что гожусь для этого. Шутки помогают справляться.

— Ясно, — Джейк сел. — Думаешь, это особая черта? Все полудраконы так делают, чтобы справиться?

— Я не... что ты делаешь?

Джейк вытащил дневник из мантии и листал страницы.

— Я так надеялся, что мы сможем поговорить. Я даже место оставил, видишь?

Он повернул дневник, на одной из страниц было аккуратно написано: «Разговоры с полудраконом».

— Так все не будут знать твое имя, — объяснил он. — Все будет анонимно.

— Гениально, — пробормотала Килэй, встав на ноги.

— Куда ты? Я думал, мы поговорим.

— Не сейчас. У меня много дел, а времени осталось мало.

Килэй ушла, улыбаясь, услышав недовольный выдох Джейка.

* * *

В ночь перед боем Надин заявила, что хочет поспать снаружи.

— Я столько времени провела под землей, что и не думала, что буду скучать по звездам. Это странно, но, думаю, если я не увижу их сегодня, я буду скучать.

И Килэй пошла с ней к загону.

Солнце село, фермеры вернулись в дома. Шумели только сонные козы и ветер. Они

растянулись на траву и смотрели на звезды наверху. Молчание было легким, Надин не переживала о своей судьбе и сосредоточилась на другом.

Они только устроились, когда темная фигура направилась к ним. Острые плечи Элены выделялись на фоне мерцающего неба, словно ее вырезали из него, и осталась темная дыра. Заметив Килэй и Надин, она подняла руку в приветствии. В ее руке была большая бутылка.

Надин села.

— Пахнет рисовым вином?

Элена пожала плечами.

— Не знаю, что это. Пахло неплохо, я подумала, что нам можно это выпить. Я забрала у Главы, — добавила она, когда Надин потянулась за бутылкой.

Она замешкалась на миг, а потом вдруг выхватила бутылку из рук Элены. Она прижала бутылку к губам, ручеек вина потек по ее подбородку. Она проглотила.

— Больше она ничего со мной сделать не может, — Надин передала бутылку Килэй. — Так что я могу выпить!

— Вот и я так подумала, — согласилась Элена.

Они сели кругом и передавали бутылку. Вино обжигало, как их пряный рис. Но было что-то приземленное в напитке. Сладкая крепость окутала язык Килэй, и, когда бутылка вернулась, она уже была готова к огню.

Она сделала пару глотков, пальцы рук и ног онемели. Она знала, что с вином в крови уснуть будет проще, но она не хотела перегнуть. Она видела, как влияет вино на людей, и не хотела, чтобы ее чувства притупились.

Но ее спутницы не знали об опасности, потому что пили, даже когда от вина стали глупыми.

Оказалось, что Элена умеет улыбаться и даже смеяться. Надин половину времени говорила на своем языке, и Элена отвечала ей неразборчиво. Они говорили, шутили, словно знали друг друга всю жизнь. Они были веселыми в один миг, спорили в другой, а потом снова смеялись.

Килэй отклонилась на локтях, наслаждаясь их болтовней. Было приятно так наблюдать за людьми. Они так старались пригласить свои перышки, что ее радовало, когда кто-то из них был взлохмачен.

Но с наступлением ночи веселье угасло. Счастье утонуло во тьме.

Килэй слушала, едва дыша, Элена рассказывала свою историю:

— ... Я думала, что любила его, но это не... это произошло не так, как должно было. Такой должна быть любовь? — спросила Элена. Ее маска пропала, годы боли отражались на лице.

Надин покачала головой. Она неуклюже обхватила плечи Элены.

— Это не любовь, а совращение. В моей культуре, если мужчина так делает с женщиной, каждый член ее семьи должен бить его по спине древком копья, каждый по три удара. А потом его раздевают и выгоняют в пустыню ночью, — она указала на горы так, что чуть не потеряла равновесие. Элена поймала ее за платье, чтобы та не упала. — Если он выживет в бою с червями, то он окажется невиновен. Но, — она рассмеялась, — этого никогда не случалось.

— Неплохое наказание, — отметила Килэй.

Надин вскинула палец.

— Это одно из тех правил, которые нужно нарушать.

Элена смотрела на пустыню, покачиваясь немного от вина.

— Все мужчины такие... волки?

— Нет, — твердо сказала Надин. — Не все. Мой Тахир был хорошим. Он любил меня и не покидал, хотя... — она всхлипнула и прижала ладонь к губам, — даже хотя я бесплодна!

Она заплакала, и Элена заплакала с ней.

Килэй не знала, что делать. Она не привыкла к таким слезам, это не были глупые слезы Аэрилин, когда ее чувства задевали, или слезы после чьей-то смерти. Эти слезы таились глубоко. Они скрывались за годами боли и скорби в самом холодном уголке сердца. Теперь они вырвались.

И Килэй не знала, как их успокоить.

— Ты была хорошей мамой для Хессы, — сказала Элена, сжав ладони Надин. — Я убила бы за такую мать, как ты.

— Если я встречу Холтана, я с радостью изобью его копьём, — пообещала Надин. — Его синяки никогда не сойдут.

Элена вытерла глаза.

— Это самые добрые слова, что я слышала...

Пока они всхлипывали и вытирали слезы, Килэй быстро вылила остатки вина в ближайшее рисовое поле.

— Думаю, нам нужно немного поспать, — сказала она им. — Завтра долгий день.

— Согласна, — прошептала Надин.

Килэй легла, и она была удивлена, когда Надин прижалась головой к ее плечу. Элена смотрела на них мгновение, покачиваясь. А потом попыталась встать.

Килэй поймала ее за одежду.

— Иди уже сюда, — прорычала она, притягивая Элену с другой стороны.

Она сначала боролась, но вырваться из хватки Килэй не смогла. Вскоре обе женщины сонно дышали в шею Килэй. Как только они уснули... полились ее слезы.

Ее друзья были такими хрупкими. Она могла случайно раздавить их. Но они хранили столько боли, сколько Килэй не могла себе и представить. Она плакала, потому что ее чувства не были взаимны. Но эти женщины потеряли больше. Перенесли больше. Их печали вышли только от почти полной бутылки вина.

Ночь тянулась к рассвету. Килэй невольно думала, что она не так сильна, как думала. Она крепко обняла подруг и поклялась перед звездами, что защитит их.

Она не могла стереть их боль...

Но она могла убедиться, что их больше не ранят.

* * *

Каэл проснулся следующим утром и впервые ощутил спокойствие. Погода была теплой, но приятной. Воздух был прохладным, ветерок легким, и пахло землей.

Весна подбиралась неделями, и, казалось, в этот день она решила проявиться. Каэл смотрел на поля, на землю, что была когда-то мрачной и голой, и поражался перемене.

Новая жизнь росла там, где раньше были шрамы. Линии, что они вспахали в земле, вдруг наполнились зеленью, тысячи ростков ожили там. Зеленые листья уверенно

развернулись на стеблях. Они тянулись во все стороны, к солнцу. Когда ветерок задевал их, они дрожали от радости, словно все для них было новым, и они были в восторге.

Каэл тоже был потрясен. Он всю жизнь собирал еду: ловил в силки, срезал фрукты, выдергивал корешки. Он думал, что его навыки сложные и полезные... но это было до того, как он познал навыки великанов.

Теперь его лицо пылало, когда он думал, что смеялся над работой великанов, что думал, что это просто. Он не понимал раньше важности такой работы, нужного терпения. Растить жизнь из семян было непросто, нужна была сильная рука, доброе сердце и постоянная надежда.

Увидев, как земля снова дышит, он понял это. И в глубине души Каэл гордился тем, что потел для этого.

— О, крыска улыбается! — завопил Бренд.

Он стоял дальше с Декланом, они остановились на дороге, поняв, что Каэл не плетется за ними. Их улыбки были без насмешки.

— Ты начал понимать свет наших земель, по лицу вижу, — сказал Бренд, когда Каэл догнал их.

Каэл подавил улыбку.

— Нет. Просто день хороший.

Но Бренд не поверил. Он обвил рукой плечи Каэла и прижал к себе с удивительной силой.

— Ерунда! Мы сделаем из тебя великана.

Он насвистывал, пока они шли по дороге, стараясь петь как птицы над головой. Его ноты разносились в необычной тишине утра.

Как Каэл и подозревал, стражи еще не вернулись из замка. Гилдерик развлекал барона Сахара и притворялся, что все хорошо. Хоб заявил, что у него нет времени везти им воду, так что великаны, которые хотели пить, могли сами вернуться к амбарам.

Это их обрадовало. Посевы закончились, великаны ходили по полям, выдергивали сорняки, двигали камни, наслаждались миром. Каэл шел за Декланом и Брендом, помогая, где мог. Белые облака лениво плыли над ними, их тени приятно сменяли солнце.

— Странно работать без хлыста, — отметил Деклан, вырвав сорняк, пытавшийся скрыться между двумя морковками. — Я все жду удара. И спине непривычно.

— Бедные маги теперь думают о другом, — сказал Бренд. Он посмотрел опасно на Хоба, который рассеянно ходил между полей.

Его пальцы чесали красные пятна на руках и шее. Он смотрел, проходя мимо, и крепко сжимал хлыст. Мыслями он был далеко.

— Удивительные вещи творит одна история, да? — Бренд выпрямился и посмотрел на ряд. — Осталось немного. Потом пойдем к редиске?

Деклан кивнул в ответ.

— Хорошо. Заканчивай и иди туда к нам, крыска, — Бренд указал на соседнее поле, и Каэл кивнул. Великаны оставили его одного.

Было приятно побыть в одиночестве. Так ему нравилось даже выдергивать сорняки. Он обхватил траву пальцами и услышал знакомый крик в небесах. Он поднял голову. Вечерокрыл кружил над ним. Наверное, здоровался.

Но, когда сокол спикировал и хлопнул по голове Каэла крыльями, ему пришлось оглянуться.

— Что? — прошипел он так громко, как осмелился.

Вечерокрыл полетел к нему. Предмет выпал из его когтей, и сокол взлетел в небо. Каэл увидел, что он бросил, и понял, что что-то пошло не так. Записка лежала в траве, наспех перевязанная бечевкой.

Они уже говорили об этом. Вечерокрыл знал, что нельзя было передавать Каэлу письма на виду, где его могли увидеть маги. Что-то было не так, может, Джонатан попал в беду. Каэл развернул письмо, надеясь, что еще не слишком поздно.

Джонатан исписал страницу, его почерк стал немного лучше. Его слова теснились близко, не было стихотворений или рисунков на полях. Его послание было четким:

«Я убедил Клейри провести меня выше в башню, оказалось, что там комнаты великаниш. Но не только это. И это ужасно.

Клейри отвела меня в комнату подруги, доброй женщины по имени Дарра, и она объяснила, что Гилдерик пытается вывести новую армию великаниш, и великаниши у него как скот! Многих старших женщин выбрали. Дарра была одной из первых, и ее живот раздулся так, что чуть не лопался.

Я не знал, что сказать. Я был потрясен, честно говоря, я не мог поверить, что кто-то мог быть таким бессердечным. Даже Гилдерик.

И тут Клейри разрыдалась. Дарра тоже, и они все мне рассказали. Оказалось, Гилдерик начал выбирать женщин, которым исполнялось восемнадцать, для родов... а Клейри будет восемнадцать через три дня...

Прости, друг, знаю, ты продумывал план, но я не могу оставить им свою Клейри. Я не могу. Я придумаю, как уйти отсюда, и мы уйдем ночью. Мы отправимся к морям, плевать, сколько стражей отправит за нами Гилдерик.

Я пишу, чтобы ты знал, что я сделаю, и не переживал за меня. Прости, если все испортил, но выбора нет.

Джонатан».

— Вечерокрыл, сюда! — прошипел Каэл.

Сокол быстро спикировал, скрылся в траве на краю поля. Каэл поспешил к нему. Он хорошо знал, что план Джонатана не сработает: ведьма охраняла кухни, чары на дверях башни могли быть такими, как у Хоба на амбарах.

Если они попытаются сбежать, весь замок это услышит. И они не уйдут оттуда живыми, если за ними бросится целая армия.

Каэл все рассказал Вечерокрылу и сказал ему попросить Джонатана дать им немного времени на подготовку.

— Я выведу Клейри до ее дня рождения, — пообещал Каэл. — Как только он согласится, лети к морям и скажи пиратам, что мы собираемся напасть. Они не успеют добраться и помочь с побегом, — мрачно сказал он. — Но они смогут сдержать армию Гилдерика в глуши... если мы доживем до этого.

Глава 34

Озеро огня

Пещеры были темными и тихими, как и в первый раз, когда Килэй шла по ним. Надин шла впереди, сутулясь. Быстрые шаги Главы и всхлипы Хессы раздавались сзади.

Элена ушла без слов с первыми лучами, Сайласа не было видно. Килэй надеялась, что они знали, что делали, но не была уверена. Она предполагала, что все пойдет по плану... иначе им придется быстро соображать. Возврата не будет.

Трепет неизвестности, вес риска заставляли сердце Килэй взволнованно биться. Ее взгляд стал острее, она настороженно слушала. Она слышала, как Джейк нервно кусал губы.

Была середина утра, и Килэй была в броне. Надин сказала, что у нее будут проблемы, но ей было все равно: она не собиралась биться с армией троллей в шелковом платье.

Они миновали лагерь в конце туннеля, солдаты встали поприветствовать их. На многих лицах была жалость, они кивали Надин.

Глава следовала за ними. Было понятно, что в этот раз она не собиралась спускаться с них глаз. Она собиралась убедиться, что Надин не выживет.

— Сомкнуть ряды, — сказала она мотов, взмахнув руками. Широкие рукава ее одеяния делали ее руки похожими на крылья большой птицы. — Готовьтесь к бою! Не дайте Надин пожертвовать собой зря, почтите ее копьями.

Глава впиалась когтями в плечи Надин и крепко сжала. Глаза Надин мерцали от чего-то, что Килэй не думала, что это были слезы.

— Да, почтите ее, — продолжила Глава. Они почти дошли до конца пещеры, только несколько десятков ярдов разделяли Надин и ее судьбу. — Смело боритесь, мои воины. Не...

Бам! Бам! Бам!

Знакомый резкий звук заполнил проход, рот Главы раскрылся.

— Кто звенел в колокол? — выдохнула она.

Моты были растеряны. Многие бросились вперед, стена солдат заполнила конец прохода, пыталась пробиться в комнату с колоколом. Многие солдаты давили сзади, и Глава застряла в середине.

Ее спокойствие пропало. Она размахивала руками и топала ногой.

— Назад! — завизжала она. — Мы не готовы бороться с троллями...

— Нет! Если мы развернемся, потеряем проход, — закричала Надин. Она закрывала собой Хессу, их спины прижались к стене пещеры. — Тролли будут у нашего порога...

— Мы прогоним их завтра!

— У нас нет на это сил! Если мы потеряем проход, то навеки...

Хор громкого лая раздался в пещере, солдаты яростнее пошли вперед. Было так тесно, что они не могли поднять копьа. Моты впереди не двигались, они или ждали приказа, или застыли от страха.

А лай стал громче.

Пора было Килэй действовать. Она шагнула к Надин, но толпа мотов заполнила брешь между ними, отталкивая их друг от друга. Килэй не могла дотянуться до Надин, не проталкиваясь в толпе, но тролли нападут, если она будет ждать больше. Нужно было думать быстро.

Пока Глава вопила мотам отступить, Хесса смотрела из-за юбки Надин. Ее глубокие

глаза изучали лица солдат. Наконец, она посмотрела на Килэй, и та использовала шанс.

Она поймала взгляд Хессы и сказала губами: «Руны».

Хесса отвела взгляд, и Килэй боялась, что она не увидела ее. Между ними было много солдат, закрывающих ее от взгляда. Килэй пыталась пробиться к Надин, когда голосок крикнул:

— Спросим у рун!

— Да! — Глава погрозила Надин пальцем. — Пусть Судьба решит.

Моты затихли. Они слышали, как тролли бегут к ним, стуча когтями по камню, словно стучал быстрый дождь, звук становился все громче. Глава потянулась в мешочек, ощупала его, через миг ее рот раскрылся.

— Они... пропали! Мои руны пропали!

— Тогда времени нет, — голос Надин разнесся по пещере. — Нужно сражаться! В бой, моты!

Никто не возражал, что приказывала Надин. Никто не перечил, моты закричали в ответ. Первые ряды ворвались в зал с колоколом, остальные спешили за ними.

Глава так старательно избегала давки, что заметила Килэй слишком поздно.

— Это я заберу, спасибо, — она схватила рукоять Предвестника и вырвала его, растерзав пояс Главы. А потом она побежала по пещере, смеясь, когда она услышала злой крик Главы.

В зале с колоколом уже шло сражение. Камни летели со всех сторон. Тролли удерживали мотов на расстоянии камнями, а ближайšie ряды атаковали лапами, ударяя ими по копьям.

Несколько мотов подобрались слишком близко, и тролли ударили их по груди. Килэй скривилась, их тела откатились. Некоторые пролетели над головами товарищей.

Хотя моты храбро сражались, тролли наступали. Вскоре зал заполнили черные мохнатые тела, их запах ощущался в воздухе. Их было слишком много, и еще больше приходило из проемов бесконечным потоком блестящих зубов и когтей.

Килэй пришлось действовать быстро.

Что-то задело ее ногу, она побежала. Она заметила коричневое пятно краем глаза и уловила знакомый рев.

— За Сайласом! — крикнула она Джейку, который задыхался за ней. — Подай сигнал, когда ты запечатаешь проемы!

Он кивнул, развернулся и побежал среди тел и стульев.

Килэй не замедлялась. Она бросилась в гущу, Предвестник вылетел из ножен, срезал первого тролля на их пути. Она чуть не заплакала, услышав, как он приветственно запел. Его голос отражался прекрасным эхом, становился громче и тише, пока он резал врагов. Тон его песни придавал сил мотам, а тролли отступали в ужасе.

Надин прыгнула к ней. Она пронзала троллей быстрыми мощными ударами копья. Она дразнила их, пока они не подступали, а потом пронзала. Ее оружие влетало в их клыкастые пасти и пробивало глотки.

Они сражались, Килэй следила за Джейком краем глаза. Она не видела его в давке, но тролли взлетали в воздух или вдруг вспыхивали. И она знала, что там Джейк. Он работал быстро, и вскоре он подал сигнал.

Хвост синего пламени взлетел к потолку, наполняя комнату зловещим сиянием, и теперь Килэй нужно было исполнить свою роль.

Она неделями хотела этого. Ее драконья часть трепетала в ней, щекотала ее. Она убрала Предвестника, выгнула спину, и мышцы начали раздуваться, что вызвало ее улыбку. А потом ее пальцы стали когтями, а зубы удлинились.

Ей не нужно было выдыхать огонь, она просто взревела.

Тролли хорошо ее помнили. Они громко завопили и развернулись к проемам. Они врезались, давили друг друга, пытаясь пролезть. Но щиты Джейка отгоняли их. Оставался только один проем, который он не запечатал, и троллям пришлось бежать туда.

— За ними! Покончите с ними! — кричала Надин, Килэй вернула себе человеческий облик. Моты радостно слушались. Они хорошо знали, куда вел проем, и они знали, что троллям не сбежать.

— Да, покончите с ними!

Килэй развернулась и с удивлением увидела Главу с копьем, бегущую за группой мотов.

— О, вовремя она нашла смелость, — проворчал Сайлас. Он вышел из львиного облика и кривился, натягивая штаны. Его грудь была в красных точках от камней троллей.

— Останься с Хессой, — приказала Надин, и он послушался без слов.

Джейк и Надин бросились за троллями, пронесли мимо главного кресла в центре комнаты. Из серебряного колокола в это время выпрыгнула черная фигура.

— Все хорошо, Элена? — спросила Килэй, пробегая мимо.

Она разминала плечи, глаза сияли над маской.

— Там было тесно, но все хорошо.

Килэй рассмеялась, они побежали за друзьями.

Тролли бежали по узкой пещере. Чем глубже Килэй шла, тем больше сгущался воздух. Вскоре проход заполнил жар, покалывая ее кожу. За поворотом тьма сменилась слишком ярким светом, и потом они попали в огромную комнату.

Озеро огня было таким, как описывала Надин, словно вода была из жидкого огня. Местами озеро было черным, словно огонь был таким горячим, что как-то обжег себя. Черное потрескалось местами, открывая злые красные вены. Волны обрушивались на белые берега оранжевыми и желтыми языками.

Килэй еще такого не видела. Жар был таким густым, что она его почти слышала. Он стонал, словно земля наслаждалась теплой ванной.

Моты пригнали троллей к краю озера. Лай троллей стал высоким, полным паники, они боролись за жизни. Они в отчаянии взмахивали лапами, пытаясь пробить армию мотов. Большие раскаленные добела камни усеивали берег, моты гнали троллей к ним копьями.

Несколько троллей зашли слишком далеко, и Килэй слышала, как поджаривается их плоть. Они закричали, подскочили, держась за раненые ноги, и моты толкнули их в огонь.

Хотя они поймали так большую часть троллей, некоторые умудрились пробиться сквозь ряды мотов к пещерам. Но они не ушли далеко.

Килэй и Элена остановили их. Предвестник радостно впивался в их шеи, кинжалы Элены вспыхивали. Ее руки двигались так быстро, что Килэй было сложно увидеть, что она делает. Но, судя по количеству летящей крови, она хорошо справлялась.

Первые ряды троллей попали в огненное озеро, и выжившие пытались напасть. Первый ряд яростно бился с мотами, и последний бросал камни из пращей.

Камни летели отовсюду с отчаянной силой. Моты сталкивались друг с другом, пытаясь загнать троллей. Они пытались защититься, и тролли прорвались, попытались убежать в проем.

— Боритесь! Отгоняйте их! — вопила Глава. Она стояла на камне, и ее не трогали когти троллей. Перья в ее волосах дико подпрыгивали, она топала ногой. — Не дайте им убежать!

— Нам нужно еще тело в проеме, — пропыхтела Элена, вонзая кинжалы в грудь убегающего тролля. Она выхватила клинки и бросила тело тролля под ноги его товарищей. Они споткнулись. — Где Надин?

Килэй срезала несколько голов и увидела Надин. Она стояла на краю сражения. Ее копье висело в руке, в другой она держала пращу тролля. Килэй окликнула ее, но она не обернулась.

Она смотрела на Главу.

Праща крутилась вокруг ладони Надин, ее глаза прищурились. И Килэй могла лишь потрясенно смотреть, как камень вылетает из пращи.

Время словно замедлилось. Шум боя утих, камень летел над головами мотов к цели, а потом с громким стуком ударил Главу между ее злых глаз.

Ее тело обмякло, глаза закатились. Она пошатнулась, и упала с камня в озеро. С плеском и вспышкой огонь поглотил ее. Килэй обернулась, Надин посмотрела ей в глаза.

Ее взгляд был уверенным и твердым. Она кивнула.

Килэй кивнула в ответ.

— С дороги! — завопил Джейк, размахивая руками. — Если хотите, чтобы все очистилось, я позабочусь.

Моты отскочили, Джейк ударил посохом по земле. И земля подпрыгнула под троллями, отправляя их почти к потолку. Они пищали, размахивали лапами, их тела летели по воздуху, но это не мешало остановить их падение. Они упали в огонь, раздался плеск, как от камней, обрушившихся в воду.

Группа троллей выбралась на выступ над озером. Они пытались кидать камнями в Джейка, он обрушил выступ под ними. Они пищали в ужасе, падая в огонь.

— Думаю, готово, — сказал Джейк. Он развернулся так быстро, что очки слетели с вспотевшего носа.

Элена поймала их раньше, чем они разбились о землю, двигаясь так плавно, словно ожидала этого. Она очистила очки краем красной юбки и отдала ему.

— Спасибо, — сказал Джейк. Он рассеянно надел их, ткнув себя в глаз.

— Нужно вернуться к нашему народу, — сказала Надин. Она посмотрела на камень, где была Глава, ее взгляд был тяжелым. — Пора Рассвету засиять.

Моты шли прочь. Некоторые радостно обсуждали победу, пока остальные были в смятении. Килэй не знала, видели ли они, что Надин убила Главу, но они молчали об этом.

Они ждали, пока моты пройдут, а потом пошли следом.

— Я думала, ты говорила не убивать Главу, — сказала Элена уголком рта. Надин не ответила, и она надавила. — Почему ты передумала?

— Когда ты сказала о Хессе, — прошептала Надин с далеким взглядом. — Я не хотела делать это. За свое предательство я не заслуживаю жить среди мотов. Но я не могла оставить ее в руках той женщины. Теперь Хесса не будет без матери, — Надин улыбнулась. — Где бы я ни была, она будет в моем сердце.

Они вернулись в зал с колоколом, Хесса ждала их. Она держала Сайласа за руку, и это его пугало. Его пальцы были прямыми, и его рука была вытянута подальше от нее, словно Сайлас ожидал, что она в любой миг укусит его.

Килэй рассмеялась от такого вида.

— Закончилось? — сказала Хесса, с тревогой глядя на солдат.

— Все случилось, как ты и сказала, — крикнул один из мотов. — Кровь пролилась на землю, и свет прогнал наши тени.

Другие согласно шептались, и Килэй поняла, что эти слова Хесса кричала в круге, от которых Глава разозлилась.

Хесса кивнула. Тревога проступила на ее лице.

— Кто...?

Моты расступились. Все посмотрели на Надин.

Охнув, Хесса побежала к ней. Они безмолвно обнялись, не было слез. А потом Хесса шепнула что-то Надин. Она кивнула.

— Чужаки теперь должны покинуть нас.

Килэй ощутила сразу на себе взгляд Хессы. Она заставила себя кивнуть.

— Да, боюсь, у нас есть дела в северной пустыне.

— Вы не пойдете одни, — сказала Надин. Она улыбнулась и оперлась о копьё. — Я пойду с вами.

Моты зашептались. Некоторые пытались встать на пути Надин. Хесса подняла руки, чтобы они замолчали.

— Надин прощена, — тихо сказала Хесса. — Она сыграла свою роль в плане Судьбы, как и все мы. Только Судьба знает конец нашей истории... мы можем лишь выбирать, какой путь выберем, чтобы встретить конец. Что вы выберете, моты?

Они были потрясены. Женщина в первом ряду заговорила:

— Мы сделаем то, что ты просишь, Рассветная Хесса.

Она покачала головой с улыбкой, не выглядя больше ребенком, теперь она была главной.

— Нужно многое сделать. Нужно сжечь погибших, отстроить дом. Но это задание для других талантов. Вы, мои воины, получите другое задание. Есть два пути: один тихий, другой в крови. Путь к морям, чтобы продать то, что нужно нам для выживания, или путь с чужаками, который даст нам процветание навеки.

Моты общались между собой на певучем языке. А потом одновременно притихли. Один мот вышел вперед и заговорил за всех:

— Тогда наш путь избран. Мы пойдём с чужаками.

Солдаты готовились к пути, Хесса попрощалась с ними, вставая на носочки, чтобы обнять шею каждого. Килэй она обнимала немного дольше.

— В день, когда ты пришла к нам, — прошептала Хесса, — я сказала Главе, что у меня было видение, что ты заслуживаешь место Надин. Раз ты любишь шалости, я поведаю тебе секрет: я соврала, — она отстранилась и хитро улыбнулась. — Это было не видение, а... чистая надежда.

Килэй была удивлена. Когда Хесса ушла обнимать Сайласа, она поняла, что улыбается. Покидая земли мотов, она была спокойна.

Народ Хессы будет в хороших руках.

Глава 35

Если

К ночи все спокойствие Каэла пропало, и осталось чувство, к которому он уже привык. Тревога.

Был шанс, что все получится. Он почти видел это, закрывая глаза. Если они убьют ведьму на кухне, если маги не помешают, если великаны согласятся с планом, если пираты будут спешить на помощь, то они выберутся из долин живыми.

Он почти видел это, как свет камина в бреши под дверью. Если они все хорошо рассчитают, они успеют проскочить.

Если.

Каэл плохо поужинал. Великаны были бодрее, чем до этого, и они радостно болтали. Хотя они были потрясены тому, что Бренд был с ними, они это хорошо скрывали.

Когда они вышли утром из амбара, Деклан громко сообщил, что Бренд пришел в себя после лихорадки, и яростно осмотрел комнату, великаны тут же подыграли. Никто не хотел рассказывать правду.

И никто, видя мрачный взгляд Деклана, не спрашивал, как так получилось.

Бренд наслаждался вниманием. Кто-то просил рассказать о Чешуекости, и он радостно послушался. Каэл пролез в загон, пока остальные были заняты, надеясь побыть в одиночестве и успокоить нервы. Но вскоре знакомые быстрые шаги раздались за дверью.

— Что-то не так, Каэл?

Он хотел держать голову опущенной, но звук своего имени удивил его. Он невольно поднял голову и увидел глаза Деклана.

Черт.

— Просто устал, — проворчал он, быстро опуская голову.

Долгая тяжелая пауза повисла между ними, Каэл знал, что его допросят. Он начал придумывать оправдания, когда Деклан удивил его во второй раз.

— Я не люблю выражать свои чувства, и я никогда не благодарил за свою жизнь... но я благодарен за Бренда.

Каэл приподнял голову.

— погоди... ты благодаришь меня? — Деклан не ответил, и ему пришлось посмотреть.

Деклан стоял на другой стороне комнаты, руки висели по бокам. Он смотрел в дыру на крыше, чтобы не признаваться.

— Я не буду считать это долгом...

— Хорошо, потому что это не долг. Просто это нужно было сказать, — Деклан взглянул на Каэла. — А теперь, ты ничего не хочешь мне рассказать?

Каэл понял, что его снова обманули. Он покачал головой, и Деклан прищурил глаза, давя его ложь мгновенно.

Каэлу было все равно. Он лег на бок и решил игнорировать вопросы Деклана. Но их не было. И вскоре он крепко уснул. Он ворочался половину ночи, пока Вечерокрыл не разбудил его.

Конец веревки задел его плечо, и он забрался, не раздумывая. Только на крыше он удивился.

— Я ждал тебя только завтра, — шепнул он Вечерокрылу, сидящему у дыры. — Ты

долетел до пиратов?

Он опустил голову, волосы закрыли тенью глаза.

— Да. Сегодня был хороший ветер, он сократил мой путь.

Каэл прогнал удивление, отмечая, как прекрасно было путешествовать со скоростью сокола. Он увидел, что Вечерокрыл хочет убрать веревку, и остановил его.

— Оставь так. Великаны спят довольно крепко, вряд ли заметят. А, позаботившись о Финксе, мы можем и не успеть опустить ее. Я бы не хотел прыгать и ломать ногу.

Вечерокрыл кивнул. А потом взлетел, и Каэл последовал за его тенью.

Огни горели ярко вдоль дороги. Он быстро пошел к ним, следя, как танцует свет от дыхания ветра. Он был в нескольких ярдах, когда Вечерокрыл издал тихий крик.

Каэл тут же упал на живот.

Через миг он понял, что увидел сокол: темный всадник ехал между костров, его конь был тише любого кота. Его броня была такой черной, что даже свет не блеснул на ней. Красный шарф был на его шее, удерживал черную маску на челюсти. Его темные глаза отражали языки пламени.

Шум на другой стороне дороги привлек его внимание, и он резко обернулся. На его спине висел большой меч.

За темным всадником ехала крытая телега, ткань была с рисунком дуба из Великого леса. Второй всадник промчался быстро. Этот был худее предыдущего, пряди сияющих золотисто-каштановых волос выглядывали из-под капюшона накидки.

Каэл с тревогой понял, что это была графиня Д'Мер, прибывшая поздно, как и говорил Бренд.

Из телеги сзади торчало несколько деревцев. Они шептались от кочек на дороге, подпрыгивали с фруктами на их ветках. Двое юношей шли за телегой, похожие вплоть до походки. Один следил за левой стороной дороги, другой — за правой. Они не отпускали мечи.

И все. Никакая армия не шла за графиней. Каэл удивился тому, что она путешествовала по глуши ночью без армии. Наверное, эти люди были сильнее, чем казалось, раз графиня не переживала из-за львов.

Каэл ждал сигнала Вечерокрыла, чтобы пересечь дорогу. Он обдумал и решил, что этой ночью лучше идти за Финксом. Хоб был сильным, но Финкс — хитрее. И Каэл боялся, что маг ускользнет, если Каэл оставит ему время защититься. Это могло все разрушить.

Нет, он не даст тому и шанса. Финкс должен погибнуть первым.

Они прибыли на Фермы без проблем. Тучи собрались у луны, стражей видно не было. Но через миг Каэл заметил новую проблему: фонари горели у каждого дома. Он был прав насчет Финкса. Тот уже хитрил.

Каэл не знал, в каком доме прячется Финкс. Но дом Гаффа был отчасти разрушен, там было все видно. Он отправил Вечерокрыла проверить остальные.

Сокол покружил по двору раз, второй, заглядывая в каждое окно. На миг Каэл испугался, что он растерян. Но потом Вечерокрыл опустил у двери Стоддера, и Каэл побежал.

Он взбирался по ступенькам с изогнутым ножом в руке. Он не должен был сомневаться с Финксом, ведь знал, каким гадким он был. И Каэл будет спать спокойнее, зная, что Финкс больше не навредит ни одной душе.

Его тень упала на крыльцо. Может, дело было в том, что он сосредоточился на тихих

движениях, потому и не заметил ничего странного. Силуэт голову Каэла замерцал на дереве, словно на поверхности воды.

Это было странно. Он пытался понять, почему, и сделал следующий шаг. Его нога опустилась, и он ощутил пальцами ноги вязкое заклинивание.

И было уже поздно.

Облако пурпурного дыма окутало его лицо, ослепляя его. А потом крыльцо содрогнулось и подбросило его в воздух. Он с силой упал на спину. Воздух покинул легкие. Он знал, что ему повезло выжить, хуже уже быть не могло.

Как только он подумал об этом, ужасающий визг пронзил воздух.

Звучало как женщина, наступившая на мышь, это была тревога, и Каэл понимал, что это слышно даже в замке. Он отчаянно попытался подняться с земли.

Дверь дома распахнулась, но он не ждал Финкса. Он даже не ждал Вечерокрыла, а рванул к курятнику.

Курятник был в темноте, вдали от света фонарей. Каэл перепрыгнул ограду и скрылся за домиком, глядя, как Финкс сбегает по ступенькам. Он пошел в сторону Полей, и Каэл выдохнул с облегчением.

Пару минут все было тихо. Он смотрел на небеса, ждал сигнала Вечерокрыла, но сокол не появлялся. Шли минуты, и Каэл забеспокоился. А если Вечерокрыла поймали? Чары Финкса сбили его? Он был ранен?

Каэл понял, что не может больше прятаться. Ему нужно было найти Вечерокрыла.

Он хотел сдвинуться, когда со двора донеслись голоса:

— Ты вовремя! — прошипел Финкс. — Я загнал убийцу...

— Уверен, что это он?

Каэл скривился, услышав ответ Дреда. Холодный пот собирался на его шее.

Финкс издал недовольный звук. Его шаги стали громче.

— Видишь следы на земле? Скажи, что видишь. Великаны глупы, но ты же не слепой?

— Следи за языком, — прорычал Дред. Его броня заскрипела, он разглядывал следы. — Да, вижу. Маленькие следы.

Каэл чуть не выругался вслух. Он забыл в хаосе о пурпурном дыме. Каэл взглянул на себя и увидел, что он покрывал его с головы до ног, оставлял следы, как чернильные кляксы. Он четко видел, где перепрыгнул ограду, его ладони были на досках.

— Отлично, — медленно сказал Финкс. — Почему бы тебе не послать за ним своих?

— Хорошо. Идите по следам, не дайте монстру уйти.

Каэл слышал тяжелые шумные шаги, идущие к нему, и понял, что время вышло. Оставалось только убежать от стражей. Он мог добраться до пруда и смыть все...

— Поймали! Мы нашли убийцу!

Голос принадлежал Хобу. Он кричал с другого конца двора, стражи шли за ним.

— Лучше спешить. Не дайте ему уйти! — вопил Дред, уходя.

Дыхание Каэла застряло в горле. Они поймали Вечерокрыла.

Он перескочил ограду и побежал за стражей. Если он будет действовать быстро, он сможет отвлечь их. И стражи погонятся за ним. И пусть его поймают. Но они не заберут Вечерокрыла. Он не допустит этого.

Каэл повернул за амбар и обнаружил стражей вокруг Хоба, а тот упирал сапог в спину мужчины у его ног. Один из стражей поднял пику над головой, и Каэл завопил.

Великаны вздрогнули, испугавшись, и Каэл попытался пробиться между ними. Кто-то

схватил его за шею и бросил на землю. Сапог врезался в его спину.

— Ты! — рявкнул Финкс. Он оскалился. Когда потрясение прошло, он моргнул. — Нет, это не может быть он.

— Конечно, это он! — удивленно сказал Дред, указывая на Каэла. — Он весь в пурпурной жиже.

— Это я вижу, идиот! Но я не понимаю, как горная крыса смогла устроить переполох среди магов. Думаешь, он может убивать нас? Твоих стражей? Сомневаюсь, — нагло сказал Финкс, от вопросов Дред растерялся. Он повернулся к мужчине у ног Хоба. — Этот не лучше, — добавил он, пнув.

Мужчина застонал и начал бороться. Цепи чар Хоба натянулись на его теле, светились красным. Шипела кожа, мужчина застыл.

Каэл боролся с сапогом на спине, подполз вперед, стараясь дотянуться. Он увидел, что мужчина слишком велик, чтобы быть Вечерокрылом, и немного обрадовался. А потом он заметил завязанный рот, кривой нос, нависший лоб... и потрясенные глаза Деклана.

— Они пытались сбежать, — сказал Финкс, глядя на Деклана и Каэла. — Они всегда хитрили... затевали это, да? Решили, что, раз стражи нет, можно легко уйти?

— Если они хотели сбежать, зачем крыса полез к твоему дому? — спросил Дред. Он ткнул тело Деклана древком копья. — Этот выглядит не сильным, но он — убийца, — Дред ткнул его снова. — И только на это он годится.

Шея Каэла захрустела, Финкс прижал сапог к его щеке.

— Что ты делал у моего дома, крыса? Лучше говори правду, — он развернул хлыст.

Каэл не мог сказать правду, его убили бы на месте. И он быстро думал.

— Да, мы пытались сбежать, — пробормотал он после размышлений. — Я подумал, что дом пустой. Искал припасы.

— Я знал! — торжествовал Финкс. Пыль полетела в лицо Каэла, маг развернулся.

— Нужно отвести их к лорду, — сказал Хоб, глядя на замок. — Финкс, ты остаешься...

— Нет, — заявил Финкс. — Я их поймал, я не позволю тебе забрать все награды!

— Но мои чары сковали его, — Хоб ткнул сапогом Деклана, — так что я поведу его в замок. Но я расскажу про тебя, — добавил он с ухмылкой.

Стражи взвалили Каэла и Деклана на плечи и пошли к замку, оставив Финкса злиться.

Первые серые лучи утра показались на горизонте, Каэл смотрел на Деклана, который боролся, пока чары не заставили его отключиться.

Деклан знал, что он что-то скрывал. Давно знал. И он, наверное, не спал и ждал, пока Каэл полезет на крышу. А потом последовал за ним по веревке.

Сколько ночей Деклан следил за ним? Возможно, видел, как он уходит, каждый раз, но не знал, куда. Может, он понял, что Каэл был в ответе за смерть магов.

Но... почему он не остановил Каэла?

Они прибыли к воротам замка к рассвету. Высокие двери уже были открыты. Каждая доска была ростом с целое дерево, их держали гвозди размером с кулак Каэла. Дерево точно было подарком из Великого леса, ведь в долинах таких деревьев не было.

Тихий звон и шаги заставили его посмотреть вниз, и Каэл понял, что видит слуг барона. Пустынный народ уходил, они несли корзины без золота, но с едой. Некоторые слуги нервно поглядывали на Дреда, но не замедлялись. Они спешили уйти.

Каэл уловил запах свежего хлеба и вяло подумал, позволят ли жертвам поест в последний раз. Он сомневался в этом.

Двор замка был широким полумесяцем пыли. Высокие стены окружали его, они были из нескольких слоев, три уровня валов были вырезаны на стенах, к ним вели ступеньки. Стражи побежали на посты при виде Дреда. Двери открылись, и они прошли внутрь.

Было удивительно темно. Хотя погода была теплой неделями, в замке Гилдерика было влажно и прохладно, как в пещере. Тяжелые шаги стражей гремели в тишине, по пустым комнатам и коридорам. Наконец, они остановились в комнате, что была хоть немного освещена.

Страж бросил Каэла на каменный пол. Его стоны оборвал новый голос:

— Зачем вы помешали мне?

Вопрос был невероятно тяжелым, словно произнести вопрос было так сложно, что они об этом пожалели бы.

Плечи Дреда напряглись.

— Мы поймали тварей, пытавшихся сбежать, милорд.

Каэл невольно поднял голову.

Они были в большой комнате, похожей на столовую. На стенах не было украшений, не было гобеленов или картин. Не было даже окон, только пара свечей висела над ними в железном канделябре. Каэл подумал о столовой только из-за длинного стола в центре.

Сияющие тарелки устлали поверхность, на них были горы вкусно пахнущей еды, было сложно дышать этим. Каэл отвел взгляд от еды и увидел графиню Д'Мер сидела во главе стола. Она вяло ковыряла золотой вилкой в тарелке с фруктами. И хотя она сидела ровно, ее полные губы были поджаты.

Она не была рада, что Сахар так быстро ушел, потому что она осталась наедине с мужчиной во главе стола, который, должно быть, был лордом Гилдериком.

Он был невероятно тонким, острые линии его щек бросали тень на лицо, и его пальцы, похожие на паучьи лапы, сжимались по сторонам от тарелки. Он смотрел на еду, словно пытался заставить себя отломить кусочек вилкой с кристаллами.

— Тогда почему головы еще при них? — спросил Гилдерик так, словно Дред заставлял его идти к краю обрыва.

— Я подумал, что вы захотите, — Дред посмотрел на графиню, которая вдруг проявила интерес, — наказать их самостоятельно, милорд.

— Ах, — медленно выдохнул Гилдерик, шипя, словно воздух вылетал из впервые открытой гробницы.

Его голова начала подниматься, Каэл тут же посмотрел на пол. Он хорошо помнил совет Джонатана, он не хотел, чтобы у Деклана было больше проблем из-за того, что он посмотрит Гилдерiku в глаза.

— Думаю, у нас есть время. Мы только начали завтракать. Ты же не убил второго?

— Нет, он скован, милорд, — ответил Хоб. — Он никуда не...

— Прочь, — рывкнул Гилдерик так резко, что Д'Мер вздрогнула. — Готовьте игры во дворе.

Хоб быстро поклонился. Взмахом хлыста он освободил Деклана и погнал к двери.

— Должна признать, я заинтригована, — сказала графиня в напряженной тишине, оставшейся после ухода Хоба. Она мило улыбнулась Гилдерiku. — Похоже, долины интереснее, чем ты рассказывал.

Ладонь Гилдерика дернулась в ее сторону. Его голос был теплее, когда он ответил:

— О, такое порой случается. Рабам нужно... напоминать. Видеть это, — он со скрипом

устроился удобнее на стуле. — Хотелось бы больше времени на раздумья... но этой ночью Посевная луна, так что времени нет. Обычного расчленения хватит, начни с горной крысы.

— Милорд?..

— Слушайся, генерал, — рявкнул Гилдерик. — Убей крысу и пробуди второго. Не люблю убивать их спящими, — сказал он графине. — Они уходят без шума, а это неправильно. Мужчина должен кричать, умирая. Давай, генерал, — тьма наполнила голос Гилдерика. — Посмотрим, запищит ли он.

Каэл не успел подумать о бое, его руки и ноги прижали к земле. Сапог Дреда уперся в его щеку. Он извивался, но его держали так крепко, что он не мог вырваться. Каэл огляделся, пытаясь найти способ сбежать.

И вдруг пересекся взглядом с Д'Мер.

Она с любопытством смотрела на него. Ее взгляд был холодным, безразличным. Но что-то мерцало там, углубляя взгляд, она изучала его. Ее взгляд скользил по его лохмотьям, а потом она отклонилась и скрылась от его взгляда.

Каэл охнул, острый конец пики Дреда впился в его руку. Он стиснул зубы, чуть не откусив язык. Они могли отрезать ему все конечности, он не собирался кричать. Он не обрадует Гилдерика...

— Минуту, генерал, — Гилдерик сцепил костлявые пальцы, пика отодвинулась. — У нас с графиней есть идея. Вместо того, чтобы убивать бедняг, используем их в игре.

— Отличная идея, милорд. — Дред поклонился, хотя звучал так, словно хотел убить. — Я запрю их до вечера.

Глава 36

Замок барона

Они шли, пока не закончилась земля мотов, а потом они пошли по пещерам троллей.

— У них... особый запах, да? — сказал Джейк. Он замер и вытащил дневник. — Он больше зловонный или просто гадкий?

— Как насчет убийственного? — сказала Килэй, задерживая дыхание и перешагивая подозрительные камни.

— Пахнет смертью и навозом! — простонал Сайлас и толкнул Джейка локтем. — Шагай, шаман. Потом запишешь.

— Смертью и навоз... — спешно помечал Джейк, а потом он закрыл дневник и ускорился.

Небольшая армия мотов шла впереди. Килэй видела покачивающийся свет их фонарей, они искали в пещерах безопасный путь. Тролли копали проемы в спешке, потому что они были не такими прочными, как у мотов. Некоторые части обвалились.

Каждый раз, когда они проходили кучу камней, Элена прижимала маску к лицу.

— Сколько еще? Здесь дышать нечем!

— Здесь есть воздух, — убедила ее Надин. — Но он не самый чистый, — один из мотов позвал ее, и она повела их по узкому проходу.

Вскоре им пришлось идти по одному, следуя за мотами, проем сужался. Надин подняла фонарь, и камень ожил. Тысячи кристаллов сияли от света, словно ждали много лет, чтобы засверкать.

Справа были фиолетовые кристаллы, их сияние придавало пещере чарующий вид. Килэй склонилась, чтобы посмотреть на них, и с удивлением увидела, что каждый был почти идеально квадратным. Они повернули и покинули пещеру с фиолетовыми камнями.

— Интересно, откуда у них такая форма? — сказал Джейк. Он сунул голову в пещеру с фиолетовыми камнями. — Там еще больше. Интересно, как далеко... ах!

Он споткнулся о свои ноги и упал, ударился о стену. Гул раздался над ними, словно большой зверь собирался напасть с потолка. Посыпались камни.

— Назад!

Элена нырнула в проем, и Килэй увидела, как катится тело Джейка, когда она толкнула его. Большие камни гулко били по земле, а потом все затихло.

Килэй миновала Сайласа и, увидев обломки, охнула, случайно вдохнув при этом облако пыли. Она прокашлялась и позвала Джейка.

— Вы в порядке?

— Мы в порядке, — выдохнул Джейк. Камни почти полностью заполнили проем, их разделяла стена. Джейк и Элена остались на другой стороне.

— Держитесь, мы вас выкопаем, — Килэй убрала один камень, и три упали на его место.

Надин схватила ее за запястье.

— Нас всех раздавит! Мы не можем их выкопать. Им придется искать выход самим, — она прижалась к стене. — Джейк, через пару миль должны быть дыры. Тролли выкапывали их для воздуха. Найдешь одну, открой ее магией и иди по пустыне. Встретимся, как только сможем.

— Хорошо, это не проблема, — сказал Джейк.

Элена простонала.

— Несколько миль?

— Считай это приключением.

— Его не было бы, если бы ты не совал длинный нос, куда не надо! — парировала Элена. Их слова становились тише, они уходили, и вскоре Килэй их не слышала.

— Они будут в порядке, — сказала ей Надин. Мот крикнул что-то впереди, и она удивленно ахнула. — В трех милях от нас выход!

— Хорошо, — рявкнул Сайлас. Он пытался стряхнуть что-то с подошвы, но не получалось. — Чем скорее мы уйдем отсюда, тем лучше.

* * *

Выход оказался широкой дырой в потолке. Даже встав на плечи Килэй, Надин не смогла дотянуться. И Сайласу пришлось попытаться.

— Не шатайся, — прошипел он. Его пятки впились в ее плечи сильнее, чем нужно.

— Стой смирно, — рычала Килэй, — иначе проверим, приземлишься ли ты на лапы.

Сайлас рассмеялся, но смог выпрямиться.

— Что видно? — спросила Надин.

— Терпение, мотка, солнце слишком яркое. Глаза привы... ах!

Килэй пошатнулась, вес вдруг пропал с плеч. Она подняла голову и увидела, как грязные ноги исчезают в дыре.

— Сайлас? — она ощупала стену, пытаясь найти выступ, чтобы забраться. Но стена была гладкой. — Сайлас! Ты в порядке?

Он не отвечал. Она слышала приглушенные голоса наверху, а потом топот ног стряхнул песок с потолка. Что-то упало в дыру, и она выхватила Предвестника из ножен.

— Веревка! — Надин прошла мимо нее. Она резко дернула, но веревка не оторвалась.

Килэй не дала ей забраться.

— Погоди... мы не знаем, что там. Это может быть ловушка, — она заглянула в дыру, пытаясь увидеть что-то за слепящим светом солнца.

Тень головы появилась в поле зрения.

— Двигай чешуей, драконесса. Лучше пути не найти.

Теперь она знала, что Сайлас в порядке. Килэй стало лучше. Но она все еще настояла идти первой, на всякий случай.

Как только ее голова появилась над дырой, солнце чуть не ослепило ее. Они были под землей меньше дня. Но ее глаза так болели, что она замерла на миг, чтобы привыкнуть. Она пыталась уцепиться за что-то, чтобы вылезти, когда сильная рука схватила ее за запястье.

Один мужчина не смог поднять ее, это сделали несколько. Руки обхватили ее запястья и под руки, некоторые хватались за одежду сзади и за пояс. Руки грубо вытащили ее из дыры, и Килэй поняла, что пора открывать глаза. Она вскочила на ноги и прищурилась, заставляя глаза привыкнуть.

Ее окружали мужчины. Она видела шарфы на их головах и лицах, они могли быть бандитами. Предвестник завопил, она вытащила его.

— погоди! рано рубить головы, — сказал главный. Она отметила, что голос знакомый, но узнала его, только когда он опустил шарф.

— Шамус! — она шагнула к нему и поняла. — Разве я не говорила не идти за мной?

— О, айе.

— Тогда что вы здесь делаете? — прорычала она.

Его плечи поднялись и опустились.

— Мы шли не за тобой, честно, — добавил он, когда она прищурилась. — Вас не было неделю, вторую. И... мы подумали, что вас нужно спасти.

Килэй развернулась и увидела, что за ним было около сорока мужчин. Их голубые глаза радостно сияли поверх шарфов, некоторые махали ей.

Она не была рада.

— Вас всех могли убить...

— Но не убили, — вмешался Шамус. Он широко улыбался, а потом добавил. — Это не все, мы загнали барона в замок!

Он отошел с ее пути, и Килэй не поверила тому, что увидела.

Пещера была темной и гадко пахла, но плоская земля провела их по пустыне быстрее, чем они шли бы по дюнам. В нескольких сотнях ярдов стояла чудовищная крепость. Она была словно вырезана из склона гор, острые зубья стали стенами, скалы — башнями. Было видно только часть крепости, все остальное было в горе.

Другие горы окружали крепость естественной стеной. Две двери вели в крепость, каждая была размером с небольшой дом, они были сделаны словно из чистого золота.

В прошлый раз, когда Килэй была в Белокости, была ночь. Она не замечала драгоценные камни размером с кулак в дверях и станах. А теперь солнце блестело на них, слепило лучами разных цветов. Она едва могла все рассмотреть из-за слепящего света.

На то и был расчет.

— Нам очень повезло, — продолжал Шамус. — Мы днями проверяли все крепости вдоль пути барона. На посту было мало людей, но работа была осторожной. Мы не могли отпустить их предупредить барона! Через пару дней сражений под чертовым солнцем мы чуть не умерли, — он просиял и указал на горы. — Но мы дошли до замка, и что увидели? Самого барона! Он шел к себе через тот проход, хотел скрыться, но мы настигли его...

— погоди, — Килэй тряхнула его за тунуку. — Говоришь, барон шел со стороны долин? — Шамус кивнул, она ощутила, как земля падает под ногами. — Мы опоздали! Он уже напал...!

— Нет, он был без армии, — убедил ее Шамус, схватив за руку раньше, чем она побежала к горам. — Только слуги и немного стражи. Гилдерик устраивал вечеринку, наверное, — сказал он. — Мы напали на караван Сахара, как только они вышли из прохода. Он ушел, но, — Шамус улыбнулся, — весь груз оставил позади.

Она проследила за его взглядом и увидела еще группу мужчин, что охраняли нечто, похожее на золотую повозку. В ней были десятки больших корзин. А корзины были набиты...

— Еда! — простонал Сайлас.

Шамус рассмеялся.

— Айе, мы едим весь день. Угощайтесь!

Сайласу не нужно было повторять.

Убедившись, что все в порядке, Килэй позвала Надин и сказала поднимать армию по

веревке. Люди Шамуса вытаскивали мотов по одному, пялились на их короткие конечности. Они осторожно помогали им встать на ноги.

— Коротышки? — сказал Шамус, глядя, как моты присоединяются к Сайласу.

Килэй улыбнулась.

— Только не попади им под копые.

Моты были рады еде, но они не напали на нее сразу, как Сайлас. Они осторожно подносили фрукты и овощи к носам, словно не знали, что с ними делать. Кто-то нашел буханку темного хлеба, их глаза засияли. Они передавали буханку по кругу, нюхали корочку и взволнованно обсуждали.

— Они знают, что это можно есть? — сказал Шамус.

Килэй пожала плечами.

— Вряд ли они знают половину этой еды.

— О. Дай сюда, я покажу, как это есть.

Надин отдала дыню, которую разглядывала, и Шамус опустил ее на колено. Твердая кожура треснула, открывая нежную мякоть. Потом он показал мотам, как зачерпывать ее пальцами.

Надин попробовала первой, а потом и остальные. Они передавали половинки дыни, пробовали кусочки и широко улыбались.

— Я такого еще не пробовала, — сказала Надин, слизывая сок с пальцев. — Это слаще вина!

Шамус был рад не меньше мотов. Он радостно отвечал на их вопросы, показывал им, как есть некоторые фрукты. Он нарезал хлеб и дал им яблоки, посмеиваясь, пока они жевали.

— Драконесса! — Сайлас рылся в корзинах в поисках чего-то. Он нашел что-то и бросил Килэй.

Она ощутила запах, пока оно летело по воздуху. Она сглотнула и поймала соленую свинину.

После недель на мясе коз и рыбе она могла поклясться, что первый кусочек растаял у нее во рту. Обычно соленое мясо было твердым, неприятным. Но эти кусочки были со слоями сала, а еще натерты специями, которые давали ему жареный привкус.

— Мясо давно мертво... а по вкусу не скажешь, — радостно постанывал Сайлас, жуя кусок. В его руках была баранина, копченая курица и сосиски. — Это магия!

Килэй откусила еще кусочек. Она помнила вкус, знала, как это сделали.

— Это сделали великанши, — сказала она. — Другого варианта нет.

— Айе, и о магии, — сказал Шамус, — куда делся маг?

Килэй рассказала ему, жуя, что случилось с Джейком. Надин уверяла их, что они с Эленой выберутся, но Килэй не очень верила. Она собиралась пойти за ними, как только наестся.

— О, здесь полно дыр, — сказал Шамус, махнув на пустыню. Они расположились в тени гор, вдоль выступа, который служил путем барона. Под ними был, в основном, камень, лишь немного песка лежало на нем. — Я отправлю людей посмотреть. Если его голова покажется, мы заберем его, — пообещал Шамус.

Килэй все еще не была убеждена, но и не хотела оставлять своих людей без защиты перед замком барона Сахара.

— Разве не странно, что он еще не напал? — сказала она, глядя на золотые ворота.

— Потому что он боится нас, — ответил Шамус. — Мы хорошо его напугали, да?

Мужчины завопили, поднимая ятаганы над головами.

Килэй знала, что это не так. Она видела раньше армию барона, близко и несколько раз. И ему точно не нравилось впускать врагов на порог. Нет... Сахар выжидал. Он, наверное, лежал в ванне с лепестками роз и отмывал запах долин с золотой одежды.

А потом он наденет кольца с камнями на пальцы, может, даже поест, а потом будет готов отправить армию на них.

Килэй мрачно думала об этом, когда Надин подошла к ней.

— Будешь? — она протянула кусок хлеба.

— Нет, спасибо. Для меня это как грязь, — объяснила она.

Надин покачала головой.

— Странная ты, чужеземка, — она смотрела на горы справа от замка, а потом потянула Килэй за безрукавку. — Что это за место?

На горе были вырезаны в красном камне выступы. Ямы были там скоплениями, словно ударили большими стрелами. Мужчины в рваной одежде появлялись и пропадали в дырах, толкали небольшие телеги с землей и кристаллами.

Килэй смотрела на них и понимала, откуда взялись тролли. Их выгнали из их земель.

— Это шахты барона, — пробормотала Килэй. Она заметила, что стражи все еще следили за шахтами, не глядя на небольшое войско у замка. И это показывало, что Сахар не переживал из-за них.

Близился вечер, а тревога росла.

На закате она слышала лязг брони со двора. Было сложно сосчитать их по шуму, но солдат было около сотни за золотыми дверями. Сахар собирался атаковать.

Ее армия не выстоит. Они были слишком близко к крепости, чтобы сбежать. Килэй не могла оставить Элену и Джейку, не могла впустить армию барона в долины, но и не собиралась приговаривать своих людей к смерти.

— Собирайте вещи и идите в Арабат, — рявкнула она. Килэй начала выдавать корзины тем, кто стоял рядом.

— Почему? Отсюда прекрасно видно замок, — сказал Шамус, взмахнув рукой.

Но Килэй не шутила. Она повернула его за плечи и толкнула к дороге.

— Барон вот-вот нападет...

— Пускай!

— Нас слишком мало, — заявил Сайлас. Он смотрел на врата, нюхая вечерний воздух. — Я ощущаю запах людей... и стали.

Надин подняла корзину на плечо.

— Если уйдем сейчас, сможем оторваться.

— О, нет, мы не убежим!

Шамус пытался оттолкнуть Килэй, но она была слишком сильной. Он попытался броситься в сторону, она схватила его за пояс. Они боролись, а моты и ее люди смотрели с открытыми ртами, не зная, что делать. А потом раздался знакомый голос.

— Стоило понять, что это ты!

Килэй обернулась, барон Сахар все-таки вышел. Он стоял над вратами. Его изящная мантия блестела в угасающем свете, его пальцы сверкали камнями, он помахал ей.

— Драконша пришла ко мне, — продолжил он. — Я буду рад принести твою голову Его величеству.

Редкие люди вызывали в Килэй желание ударить их одними словами, но Сахар был из таких. Она всегда считала его голос, манеру нести слова, будто они были ценными дарами, и он радовал ими остальных, гадкими. Они играли на ее нервах.

Килэй решила заткнуть его. Она отодвинула Шамуса в сторону и вытащила Предвестника.

— Не закрывай глаза, барон, потому что ты увидишь напоследок мое лицо.

Она бросилась. Как она и подозревала, Сахар не ждал в замке, чтобы стать легкой мишенью ее огня, он чуть не спотыкался о свою одежду, двигаясь по ступенькам.

— В атаку! — кричал он. — Нападайте на нее!

Килэй знала, что у нее остались секунды. Как только солдаты барона выбегут со двора, они рассеются, как муравьи, и она не сможет остановить всех. Ей нужно бить быстро.

Золотые двери начали открываться, и она приготовилась к бою.

Глава 37

Королева червей

Стены пытались раздавить их, Элена была уверена в этом.

Она шла за Джейком по извилистой пещере, напрягаясь увидеть что-то в зеленоватом свете, льющемся от его посоха. При каждом узком повороте стены задевали ее плечи, сжимаясь, как кольца змеи. Капли падали с потолка. Они били ее по шее, пугая. Она не могла ничего поделать, они затекали за воротник и противно бежали по спине.

Как-то ее сапог поскользнулся на камне, она вскрикнула, потому что подумала, что упадет в черную дыру, какие встречались по пути. Но ее нога стукнула по твердой земле, и ее крик отразился эхом, словно земля смеялась над ней.

— Сколько еще? — прошипела она.

Джейк склонился, разглядывая кристаллы, торчащие из пола, как сорняки.

— Хмм? О, я не знаю. Сложно понять, как далеко мы ушли, ведь вокруг темно.

— Ты не можешь сделать свет ярче?

Он склонил голову.

— Я мог бы, но будет... больно, если я сделаю его слишком ярким. Порой лучше держаться тьмы, — он посмотрел на кристаллы. — Мне нужен образец. Никто не знает, увидим ли мы это снова.

Он вытащил маленькие щипцы из сумки и подошел к кристаллам. То, что он делал, точно займет много времени, и Элена решила ускорить события и вырвала кристаллы из земли, а потом сунула в его сумку.

— Вот так. Двигайся.

Джейк не стал спорить. Он пошел в сторону, которую считал севером. Элене все это не нравилось, но разве у нее был выбор? Ей едва хватало нервов дышать, куда там ориентироваться.

Пещера, наконец, закончилась, и они оказались в тупике. Элена не успела запаниковать, Джейк нашел поворот. Проход был лишь узкой трещиной, такой черной, что даже свет посоха не мог его озарить.

Элена застыла при виде этого.

— Я туда не пойду.

— Выбора нет, — Джейк провел светом по комнате и покачал головой. — Есть только этот путь. Идем, нужно спешить.

Он полез в трещину, обернулся и увидел, что Элена не двигается. Она не могла заставить себя шагнуть туда. Ее легкие сдавило от вида трещины, словно там их точно раздавило бы.

— Все не так плохо, — Джейк снова был рядом с ней. Она так сосредоточилась на узком проеме, что не слышала, как он двигался. — Уверен, дальше будет лучше.

Она смотрела на трещину. Казалось, та смотрит в ответ с насмешкой, бросает ей вызов. Если они войдут, могут и застрять. И они днями будут страдать, голодать, пока не умрут. Но, может, будет быстрее, может, они рухнут в бездну...

Ее сердце трепетало и сжималось. Она понимала, что Джейк переплел пальцы с ее. Их ладони сжались, но он не удерживал ее силой. Он пытался успокоить ее. Она не знала, как реагировать.

— По шажочку, — сказал он, слабо улыбнувшись тонкими губами. — Знаешь, как появились эти пещеры?

Элена покачала головой. Джейк говорил и вел ее вперед.

— Я немного исследовал тему. Конечно, есть десятки теорий, но одна больше всех похожа на правду. Это была раньше часть сети рек. Говорят, пустыня когда-то была не мене плодородной, чем долины. Но потом реки высохли, и регион принялось жарить солнце. Не думаю, что все здесь правда. Не думаю, что река высохла. Она могла опуститься глубже! Как вода под горой мотов, например...

Они шли через трещину, Элена слушала болтовню Джейка. Странно... но он пах не так гадко, как раньше. Может, то, что пряталось в пещерах, пахло хуже. Ее рука так вспотела, что его магия даже не щекотала ладонь.

Они спускались глубже в землю, и она начала забывать, что он был магом. Было просто видеть его мужчиной. Но и сложно... ведь он был не таким, как те мужчины, каких она встречала.

— Ах, мы на месте! — Джейк перебил ее мысли. Он провел ее чуть дальше, и они вышли с другой стороны трещины.

Элена вытянула руки, но не ощущала стены вокруг себя. Тусклый свет Джейка делал тьму только темнее.

— Ты видишь свет?

— Нет, но это ничего не значит. Может, уже ночь, — быстро сказал Джейк. — Тогда и света нет. Посмотрим.

Он шагнул вперед, и она схватилась за его сумку. Она не хотела оставаться одна в темноте. В полу все еще могли быть дыры.

Они прошли пару шагов, и порыв жаркого воздуха ударил их в лица.

— Ах, видишь? Это... ах!

Джейк согнулся от ужасного запаха. Так могло пахнуть поле боя в летнюю жару, когда плоть гнила, а кровь сохла.

— Вот это гадко, — прохрипел Джейк.

Маска Элены закрывала от большей части запаха. Она старалась понять, откуда дует.

— Если есть ветер, то и выход где-то здесь? — она указала на потолок. — Поднеси туда посох.

Он так сделал, но свет не доставал до вершины.

— Сделай ярче.

Джейк вздохнул.

— Ладно. Но лучше отойди, на всякий случай.

Капельки пота были на его лбу, когда свет стал ярче. Он достал до потолка, дрожа, как пена в ванне. Джейк поднял посох как можно выше, открывая длинный проход вверх. Края влажно блестели. Тысячи белых сталактитов росли вокруг стен...

Но сталактиты не росли по бокам.

— Ха! Невероятно! — взволнованно сказал Джейк, хотя руки дрожали от веса сияющего шара света. — Мы нашли ее!

— Кого?

Свет пролился глубже в клыкастый проем, и Элена отскочила, когда потолок сжался с влажным шлепаньем.

— Это королева червей! — крикнул Джейк.

Порыв жаркого ветра ударил по ним. Джейк пошатнулся, зеленый шар покачнулся опасно на конце его посоха. Королева червей зашипела, вдыхая. И шар вдруг взлетел.

Он парил от вдоха королевы, спокойно поднимался в ее открытую пасть, мимо сияющих зубов в глубины брюха.

Джейк застонал, глядя, как шар уменьшается.

— О, нет. Плохо дело. Очень плохо!

Он бросился к Элене, ужас на его лице сковал ее тело. Он прыгнул на нее, сбил на землю. Он взмахнул посохом, их окружила голубая стена, закрывая их.

— Держись крепко, — шепнул Джейк ей на ухо.

Она смотрела поверх его плеча, как зеленый пузырь летит в горло королевы... и раздался хлопок.

* * *

Шаги Килэй отстукивали яростный ритм, она бежала к армии барона. Она слышала товарищей за собой, но они не могли догнать ее. Золотые двери открылись, и орда солдат с ятаганами выбежала оттуда.

Она знала, что нельзя терять ни секунды. Килэй замедлилась, выгнула спину, чтобы стать драконом...

Яркая вспышка света окутала весь замок. Она была такой яркой и громкой, что показалось, что солнце упало с неба. Ее уши болели, Килэй отлетела назад. Она никогда не летала по воздуху без своего намерения, и была удивлена, как больно было падать.

Она моргала. Золотые листья сыпались на нее с неба. Они падали все ближе, становились больше, кружась и свистя. Это были не листья. Это были золотые двери барона!

Килэй бросилась бежать. Врата рухнули на землю, снова сбив ее с ног, когда земля задрожала. Камни размером с человека падали на землю за ней. Кристаллы летели на песок сияющими каплями. Ее товарищи бежали прочь, чтобы их не раздавило, их рты были открыты, они смотрели на то, что осталось от замка барона.

Жуткий язык зеленого пламени вырвался из земли, где раньше был двор. Он ярко горел пару секунд, а потом пропал с шипением. И стены замка стали грудой камней. От армии барона остались только мечи и броня.

Килэй лежала неподвижно мгновение. В ушах звенело. Она открыла глаза, над ней стоял Сайлас. Он поднял ее, чтобы она посмотрела, куда он указывал. Она не слышала, что он говорил, за звоном.

Он помог ей сесть. Его рот оказался возле ее уха, она с трудом разобрала его слова:

— Смотри на шахты, драконесса!

Она послушалась и увидела, что шахтеры использовали взрыв для мятежа. Они махали топорами и лопатами на стражей, гнали их в пустыню. Моты бежали с копьями, они быстро разобрались со стражами, которые глупо вступили в бой. Стражи убегали в пустыню, Шамус и его люди выпускали стрелы им вслед.

Килэй попыталась приподняться на руке, что-то острое впилось в ее ладонь. Крохотные черные кристаллы срослись, как две головы на одном теле. Обычно ей было все равно, но ее уши так болели, что она плохо соображала, так что решила сохранить кристалл.

Она сунула его в карман и встала на ноги. Шамус направился к ней. Он подобрал что-то, пока приближался. Рядом с ней он вложил предмет ей в руку. Это был обгоревший кусок золотого одеяния.

— Похоже, о бароне позаботились, — сказала Килэй.

Смех Шамуса еще звучал приглушенно.

— Айе. Его даже соскрести не получилось бы.

Килэй была рада, что ее друзья живы. Этот взрыв мог убить их.

— Что случилось?

Шамус пожал плечами.

— Понятия не имею. Почему ты кричишь?

— Потому что я чуть не оглохла! — сказала она, шлепнув его по руке.

Они осторожно приблизились к развалинам замка. Местами они все еще дымились, обломков было столько, что им пришлось какое-то время пробираться вперед. Сайлас стал львом, прыгал с груди на грудь, приближаясь к центру взрыва. Когда он добрался туда, то быстро стал человеком, чуть не упав от этого.

— Это глупая Елена! — закричал он, хлопнув в ладоши.

— Молчи, кот.

Сердце Килэй дрогнуло от голоса Элены. Она спешно пошла туда по развалинам и оказалась на краю большой дыры.

Куски камня обрушились в дыру, превратившись в скат. Елена забралась, как смогла, но ей требовалась помощь, чтобы выбраться. Она сжимала в руке посох Джейка, сам маг висел на ее плече.

— Он в порядке, — крикнула Елена. — Просто потерял сознание. Дайте веревку, мне надоело быть под землей!

Глава 38

Посевная луна

Дни проходили ужасно. Стражи заперли Деклана и Каэла в подземелье в сырой темнице со следами предыдущих пленников.

Не только о Людвиге лорд Гилдерик забыл.

Каэл убрал груды костей в сторону, чтобы Деклану было где спать. Он принялся яростно расхаживать по камере, не зная, какое ужасное наказание задумал для них Гилдерик.

Через час Деклан проснулся. Тонкие ожоги, пересекавшие его лицо и конечности, не были сильно опухшими, так что Каэл задумался, какие чары использовал Хоб. Но он был слишком зол, чтобы узнавать.

— Зачем ты пошел за мной? — рывкнул он, вкратце объяснив Деклану, что случилось. — Было так важно понять, что я делаю? Стоило довериться мне! Надеюсь, ты счастлив, потому что теперь в плену мы оба.

Деклан не переживал. Он коснулся с опаской ожогов на лице, кривясь.

— О, не льсти себе. Я все время знал, что это ты, — Каэл удивился, и тот сверкнул редкой улыбкой. — Семнадцать лет без проблем, а тут приходит горная крыска, и вдруг начинается переполох. Ты плохо скрывался. Я знал, что это ты. После того, что ты сделал для Бренда, я почти поверил тебе. Но я любопытный. Я пошел, чтобы посмотреть, как ты это сделал, — он склонился, все еще улыбаясь, и сказал. — Теперь нас обоих ждет смерть... Не поделишься секретом?

Каэл пронзил его взглядом.

— Нет. Я заберу это с собой в могилу, Конюх.

Но Деклан только шире улыбнулся.

В крохотной темнице не было окон, они не знали, сколько времени прошло. Каэл пытался поспать, чтобы ночь прошла быстрее. Но, стоило ему задремать, низкий громкий голос разбудил его.

Звук был низким, как раскат грома, земля задрожала, пока он утихал. Каэл вскочил и посмотрел под трещиной в полу темницы. Мимо прошла пара чудовищных ног, но они не спешили.

— Что это было? — пробормотал Каэл.

Деклан не переживал.

— О, барон, наверное, взорвал шахту. Он так часто делает, вечно ищет свои кристаллы.

Каэл надеялся, что так и было, но он не был уверен. Его тревога не давала уснуть, заднемел от сидения на каменном полу. И он был даже рад, когда стражи пришли за ними.

Дверь открылась, и Каэл узнал великана по имени Динги.

— Вот, — сказал он. Он сунул что-то грубо им в руки, а потом выгнал копьем. Больше стражей ожидало их в коридоре, они быстро погнали их прочь.

Динги дал им мешки, такие же грубые, как те, с которыми великаны сеяли на полях. Каэл перебросил его через плечо и полез внутрь. Вместо семян там была горсть грязных комков. Каждый был размером с ладонь. Некоторые ощущались пустыми, другие — тяжелыми, как камень. А один казался теплым, почти горячим.

Он показал это Деклану, тот пожал плечами. А потом рука Динги обхватила его запястье.

— Даже не думай об этом, — прорычал он. — Убери и не показывай при мне.

Пика неудобно давила на живот, и Каэл послушался.

Стражи вывели их из подземелья по сырým коридорам и резко остановились у дверей крепости, которые вели во двор. Каэл не видел за телами впереди, но четко слышал голос Дреда, звучащий снаружи.

— ...вы знаете правила, это ваш шанс подняться в ранге! Последний устоявший великан получит лучшее место в армии лорда. Если будет ничья... вы все умрете! — слушатели одобрительно заревели, и голос Дреда больше не было слышно.

Каэл едва мог поверить в услышанное.

— Нас не убьют, — прошипел Деклан. — Нам дадут шанс сразиться.

Тьма подступала к глазам, Каэл знал, что нужно думать быстро. Он не знал, для чего были комья в мешках, но не думал, что сражение будет нормальным. Если Деклан станет берсерком, он мог погибнуть.

— Это не сражение, — Каэл схватил его за плечо. — Смотри на меня. Это не сражение, а игра.

Деклан растерялся.

— Игра?

— Да. Они не зря зовут это играми Посевной луны.

— Но ты их слышал. Они собираются убить нас...

— Хитрым способом, — отметил он и указал на мешок. — Это же не обычное оружие? Конечно, нет. Потому что мы не собираемся сражаться за свои жизни, это будет игра для них. Слушайся меня, — добавил он, надеясь, что звучит убедительно. — Я неплох в играх.

Каэл успел вдохнуть, и Дред крикнул:

— Пусть выиграет лучший великан!

Двери открылись, и страж вытолкнул их наружу. Каэл оказался во дворе под рев зрителей. Он не мог поверить, как все изменилось: на выступлениях стояли скамейки, где были почти все члены армии Гилдерика. Стражи держали в руках кружки и окорока. Они ревели с полным ртом.

Лорд Гилдерик и графиня Д'Мер сидели на нижнем выступе, в середине изгиба двора. Гилдерик напряженно сидел в кресле с высокой спинкой. Он прижимал простой белый платок к носу и рту, выглядел он так, что Каэл подумал, что ему плохо. Дред рядом с ним с опаской сжимал пику. Стражи-близнецы Д'Мер стояли неподвижно за ее спиной. Не было видно темного всадника.

— Зачем все это безумие? — прокричал Деклан, пытаясь быть слышным в шуме.

Каэл посмотрел туда, куда он указал, и увидел, что двор изменился, теперь появился пустой клочок земли и место, похожее на поле боя. На нем валялись камни и обломки, они были слишком большими для Каэла, чтобы видеть, что за ними. Препятствия стояли так близко, что напоминали лабиринт.

— Что нам делать? — сказал Деклан. Он развернулся по кругу, словно ожидал, что на него нападут сзади.

Каэл не знал. Он оглядел лабиринт. А потом заметил вспышку движения.

Страж выскочил из-за обломков и забрался на перевернутую телегу. Он был со щитом, на груди висел мешок. Заметив Каэла, он хитро улыбнулся. Он полез в мешок.

Комок грязи вылетел из лабиринта и ударил его по голове. Его глаза расширились и замерли. Серое появилось там, куда по нему попали, и это растекалось по лицу и

конечностям. Через миг он превратился в камень.

Толпа веселилась.

Второй страж выскочил из лабиринта, Каэл не успел подумать: он схватил свой комок из мешка и бросил в стража. Он пролетел по прямой и попал бы, но страж закрылся щитом.

На миг щит стал каменным, страж с трудом держал его. Но раздался треск, вспыхнул свет, камень осыпался, и щит стал ровным снова.

— Они зачарованы! — завопил Деклан с огромными глазами.

Страж рассмеялся от их потрясенного вида, а потом бросил. Деклан схватил Каэла за пояс и бросился за камень. За ними вспыхнул огонь.

— Что нам делать...?

— Двигайся! — крикнул Каэл. — Я что-нибудь придумаю.

Зачем им магия? Сердце Каэла колотилось на бегу. Хотя комки не ранили, он не мог рисковать, ведь, если бы по нему попали чары, все увидели бы, что он — шептун.

Он мог выжить, лишь двигаясь, надеясь, что стражи поубивают друг друга.

Они опасно бежали по лабиринту, не замирая ни на миг. Каэл пытался услышать шаги за каждым углом, но не мог ничего уловить из-за рева толпы. А стражи на скамейках начали помогать своим на арене и показывали, где замечали Деклана и Каэла.

Как-то они чуть не сбили стража, повернув и налетев на него сзади. Он развернулся и бросил вслепую, но комок выскользнул из его руки. Он упал на землю между ними, облако зеленого дыма вырвалось оттуда. Каэл толкнул Деклана обратно, увел его за булыжник.

— Что это было? — выдохнул он, вытирая грязь с потного лба.

Дым рассеялся, Каэл выглянул и увидел, что страж лежит без движения на земле. Его кожа опухла и позеленела. Грудь не вздымалась.

— Это был яд, — понял Каэл. — Лучше задерживай дыхание, когда в нас бросят.

Деклан кивнул.

— Логично.

Каэл прижался к булыжнику, голова кружилась. Толпа уже указывала на них стражу. Им нужно было двигаться. Он смотрел на глаза над ними, смотрел, куда они указывают, а потом понял их план.

— Они хотят завести нас в ловушку, — простонал он.

Как-то они забрели в узкий проход, в котором было очень много обломков. Судя по радостным воплям толпы, один из стражей уже шел к ним. Им нужно убежать.

— Идем!

Деклан еще задыхался от бега, но упрямо последовал за Каэлом до конца переулка. И тут Каэл понял, что ошибся: впереди путь резко поворачивал, выходя на открытое пространство.

Никто не знал, что ждало их за углом, хотя он заметил, что толпа над ними затихла. Они скалились Каэлу, сидели на руках. Наверное, рядом был страж, что выжидал для атаки.

Свет вспыхнул над плечом Деклана. Страж, что бежал за ними сзади, догонял, он решил напасть. К счастью для Деклана и Каэла, он промазал.

Огонь, вырвавшийся из его комка, загорелся на деревянных обломках. За секунды весь проход охватило пламя. Страж выругался и отпрянул, но ущерб уже был нанесен: они попали в ловушку.

Они могли только идти за угол, в западню. Огонь ревел, пламя подступало ближе.

— Нужно двигаться...

— Стой! — Каэл схватил Деклана, пока он не убежал за угол. — Не сюда, — он задумался и вдруг поймал идею. — Подними меня. Быстрее!

Каэл ступил на ладони Деклана, и великан поднял его над стеной. Толпа закричала в предупреждении, но поздно. Каэл заметил стража, ждущего их появления. Он бросил комок в его спину.

Голубая молния не дала ему даже крикнуть. Он упал грудой пепла, и ветер рассеял его.

Они вырвались за угол, чудом избежав огня. Толпа выла, густой дым валил от огня. Он заполнял воздух и закрывал большую часть арены. Глаза Каэла слезились, слепя его.

Он пытался следовать за Декланом, но вскоре заблудился. Он забежал за другой угол и попал в густой участок дыма.

Он охнул. Дым ударил в нос, попал в легкие, и Каэл согнулся. Он кашлял, стараясь выгнать дым. Пока он пытался вдохнуть, пара крупных ладоней сжала его голову.

Ноги Каэла оторвались от земли, тело взмыло в воздух. Он висел, руки оказались за головой. Он отбивался, но пятки ударялись без результата о железную броню. Голос шумел в ушах:

— Выходи, Безумный Деклан! — насмеялся страж. — Выходи, кровопускатель. Или я сломаю шею твоему грызуну!

Каэл развернулся, стараясь не сломать шею. Его руки были зажаты, он не мог дотянуться до мешка. Он пытался увидеть в клубах дыма Деклана. Вокруг них было пусто. Никто не ответил стражу. Пока что Каэл был один.

А потом он увидел тень в дыму. Она пригибалась в паре футах на обломке стены.

Каэл не знал, Деклан это или нет. Это мог быть другой страж. Но он решил, что ему нечего терять.

Он протянул ладонь тени, шевеля пальцами, прося о чем-нибудь. Тень долго не двигалась. Каэл боялся, что ему сломают шею. А потом рука тени бросила комок в его сторону.

Каэл осторожно поймал его, стараясь не раздавить. Он надеялся, что дым скрывает то, что он собирался сделать от зрителей. Но, если он не будет действовать сейчас, он все равно умрет. И он глубоко вдохнул, потянулся за себя и раздавил комок о лицо стража.

Зеленый цвет окутал зрение. Страж кашлял и отплевывался, яд сковывал его. Он схватился на горло, и Каэл упал на землю. Он долго лежал, закрыв глаза, не решаясь дышать. Кто-то схватил его за лодыжки и потащил.

— Тихо, крыска! — сказал Деклан, смеясь, когда Каэл попытался вырваться. — Это я.

Он поднял Каэла на ноги, но они пошатнулись, ветер обрушился на арену. Он потушил огонь и унес дым в ночное небо. Толпу снова стало видно, они вытягивали шеи, чтобы увидеть, кто остался.

Они завyli при виде Деклана и Каэла.

— Тихо! Тихо, ну! — кричал Дред. Он спешил за Хобом, который гасил последние огни. За ним шли грозные стражи.

— Прости, Каэл, — прошептал Деклан. Он смотрел на Дреда. Его глаза чернели, пока генерал приближался. Голос Деклана стал яростным. — Прости, другого шанса может не быть.

Без предупреждения он бросился, метая комки так быстро, как только мог доставать из мешка. Ужас отразился на лице Дреда, тот закрылся щитом. Комки взрывались, огонь и яд летели в стороны. Его щит на миг стал каменным и упал, открывая его голову.

Следующий удар Деклана убил бы его, если бы Хоб не заступился. Цепи сковали конечности Деклана. Он рухнул на землю, толпа заревела. Его подбородок ударился о землю.

Как только противник был скован, Дред обрел смелость. Он шагнул к Деклану и поднял копье.

Каэл полез в мешок. Дред опускал пику, но бросок Каэла долетел бы раньше...

— Стоять, — Гилдерик убрал платок ото рта и спокойно встал. Его костлявые руки вытянулись по бокам, и он начал напоминать переевшую чайку.

Пика Дреда замерла над Декланом.

— Но, милорд...

— Прикуси язык, генерал. Или я скормлю тебя воронам.

Удивительно быстро Дред убрал оружие. Он нервно почесал подбородок.

— Прошу, милорд. Я не хотел обидеть. Не хотел.

— Я учту, — сказал Гилдерик и удивленно улыбнулся. Он повернулся к Каэлу, и тот быстро посмотрел на землю. — Странно... рабы еще не побеждали. У нас и правил на этот счет нет. Но я мог бы предложить вас место в своей армии, — он указал на Деклана. — твой срыв будет стоить дорого. Двенадцать ударов плетями, а потом верните их в амбары.

Тепло пропало с лица Каэла, когда Хоб снял хлыст с пояса. Гилдерик заявил, что Каэла выпорют первым, а Деклану придется смотреть.

Каэл едва чувствовал, как стражи сорвали мешок с его плеч и склонили его над ближайшим ящиком. Страж удерживал его руки, не давая закрыть спину. Они устроили Деклана рядом. Его глаза были темными и безумными, он кричал в цепи на рту.

— Больше никто не пробует сбежать, — сказал сверху Гилдерик. — Иначе... вы не умрете быстро. Я успею придумать, как растянуть ваши страдания. Хоб, начинай.

Каэл зажмурился. Он знал, что в этот раз выхода нет. Он не мог сделать спину тверже. Удары должны были пустить кровь, иначе его раскроют.

И он стиснул зубы и приготовился.

Но, пока опускалась тень руки Хоба, он вдруг ощутил трах. Каэл понимал, что нужно схитрить, каждый инстинкт тела кричал использовать силы, защититься от боли. Он знал, что не был смелым, чтобы терпеть удары. И, когда хлыст опускался, он обнаружил, что думал о ней... о Килэй.

Было легко вспомнить ее. Она словно была выжжена в его памяти, выжжена так глубоко, что он не мог никогда забыть ее... даже не надеялся. Он видел ее улыбку, слышал ее смех... помнил, как ее глаза сияли в свете костра.

Его сила угасала при мысли о ней, черный зверь пробудился в груди. Он обвил его крыльями, давил сердце... и печаль сокрушила его.

Первый удар легко распорол его кожу.

Глава 39

Темный всадник

Прошло несколько долгих темных часов, и Каэл проснулся. Увидев вокруг знакомые лица, он с трудом не расплакался.

Он не надеялся проснуться, еще и в этом загоне с голосами великанов вокруг. Он надеялся, что удары убьют его. Он надеялся, что больше не будет боли.

У Судьбы, конечно, были другие планы.

Что-то холодное стекало по его спине, обжигая раны, словно он попал в огонь. Он вскрикнул и быстро сел, так быстро, что нежные края порезов порвались. Мир пошатнулся, огненная боль обожгла глаза. Он подавил желчь, отбил от себя руки.

— Ложись, кроха, — сказал Бренд. — Нужно промыть их, а то они не заживут...

— Я сам их заживлю, — рявкнул Каэл. Он сморгнул последние черные точки и увидел, что вокруг собрался весь загон.

Бренд был перед ним. Миска воды казалась крохотной в его руках. Вечерокрыл сидел на коленях, сжимая с тревогой мокрую ткань. По шее Каэла стекала капля крови, и он следил за ней.

— Не...

Но рука Вечерокрыла бросилась вперед со скоростью молнии, вытирая кровь, и Каэл не успел отбиться.

— Вы не помогаете, — застонал Каэл, ощупывая ущерб. Пальцы задели первую рану, и он чуть не потерял сознание, ощутив, как она глубока.

— Ты смело поступил, — сказал Бренд. В этот раз он не шутил. — Деклан рассказал, как ты сражался на Посевной луне... как ты боролся за всех нас. Признаю, я не был рад узнать о твоих поступках, — он строго нахмурился, — но я понимаю, зачем ты это делал. Я бы попытался остановить тебя, если бы узнал.

Каэл не знал, что сказать, и у него не было сил думать. Он кивнул и сказал:

— Где Деклан?

— Здесь, — пропыхтел он.

Два великана сидели за ним, промывали красные полосы на его плечах. Они двигались медленно, стараясь не навредить, но, судя по гримасе Деклана, получалось у них плохо.

Он стиснул зубы. Когда они начали промывать ткань, он сказал:

— Мои раны не так глубоки, как твои: спина великана прочная, — он скривился. Он сильно прикусил губу, и Каэл встревожился, когда из его глаз полились слезы. — Я поступил эгоистично сегодня. Я много лет нес это бремя, и, увидев шанс снять его, сделал это, не подумав.

Он вытирал глаза, махнул великанам за ним подождать. Он глубоко судорожно вдохнул, весь амбар притих.

— Но ты пролил за меня кровь, и я хочу рассказать тебе, зачем сделал это. Я второй из трех братьев, — начал он, хмуро глядя на пол. — Я родился болезненным ребенком, меньше и худее остальных. Отец, Каллан Конюх, был генералом нашего принца. О его смелости столько историй, сколько камней на долинах. Он заслуживал лучшего сына, чем я. Судьба уже дала ему старшего ребенка, сына, что был равен ему по размеру и силе... старшего брата, который был всем, чем я хотел быть. Ты уже, наверное, догадался, но его имя... было

Дред.

Нет. Каэл этого не ожидал. Он зажал рот, чтобы поймать челюсть.

Деклан сжал кулаки. Его голос стал грубее.

— Даже сейчас мне больно думать о том, как я гордился Дредом. Когда я смотрел, как он бил других на соревнованиях, как он бросал взрослых великанов через плечо, словно они были снопами сена. Я гордился им. Он был моим старшим братом, гордостью клана Конюхов, — кулаки Деклана задрожали, он выдавливал слова. — Да, я смотрел на Дреда как любой младший брат, желая достичь тех же вершин, что и он. Теперь мне стыдно думать, что я любил его, — он посмотрел на Каэла, взгляд впивался в него, как отчаянные руки в рубашку. — Ты уже знаешь о том дне, когда узнали о моем... безумии. Когда на нас напали шептуны-мятежники, я сражался, как хотел отец. Дред развернулся и убежал к семье моей матери, к клану Козопасов. Они защитили его от гнева моего отца. Но, когда на наш регион напали маги, даже Козопасы не спасли его. И хотя Дред был достаточно взрослым, чтобы сражаться, он убежал с детьми к Камню скипетра, — глаза Деклана были красными. Его лицо скривилось, словно в его живот вонзали кинжал. — А теперь я расскажу тебе о третьем сыне Каллана, — его голос был едва слышен. — Пора тебе узнать о Дантэ. Он был моим младшим братом, нежной душой, — Деклан замолчал. Он прижал большие пальцы к глазам с такой силой, что Каэл боялся, что он их выдавит. Он дышал сквозь сжатые зубы, а потом поднял голову с болью на лице. — Ты знаешь, что случилось у Камня скипетра. Знаешь, как Титус выстроил нас, как натравил друг на друга. Я пытался остановить это, — Деклан покачивался, кулаки прижимая к голове. — Но, когда я вышел против Титуса, я услышал крик Дантэ. Я развернулся, и увидел... увидел...

Деклан не мог выдавить слова. Его пальцы впились в лицо, оставляя царапины на висках. Бренду пришлось схватить его за запястья, чтобы он не ранил себя.

— Все хорошо, — быстро сказал Каэл. — Я видел, что случилось с Дантэ. Помнишь?

— Ты не знаешь! — закричал Деклан. Гнев в его глазах не был направлен на Каэла, но пугал не меньше. — Ты не знаешь это, пока не увидишь, как один твой брат убивает другого. Дред был старшим. Он должен был защитить Дантэ. Я доверял ему! — он убрал руки от лица и скрестил их на груди. — Но для Дреда родство не имело значения. Он заботился только о себе. Он вонзил меч в грудь Дантэ, мой меч, который я бросил. Если бы я не бросил его, если бы не выпустил...

— Он бы все равно это сделал, — твердо сказал Бренд, сжав руку Деклана. — Не держи его зло на своих плечах. Это не твоя вина...

— Моя, — мрачно сказал Деклан. Он смотрел, пока Бренд не отпустил его, а потом продолжил. — Он кровью нашего брата купил себе путь в армию Гилдерика, и я дал ему средство. Я поклялся убить Дреда, — прорычал он. — И я все еще хочу сделать это. Я буду ненавидеть его, пока дышу. Потому я бросился на него. И я не жалею, но мне жаль, что я втянул тебя в это, — он смотрел на окровавленную рубаху Каэла. — Ты помог мне выжить там, я плохо тебе отплатил. Я лишил тебя свободы... и я никогда не прощу себя за это.

Тишина повисла в загоне, и на миг Каэл забыл, как дышать.

А потом он рассмеялся.

Точнее, начал смеяться, но это отозвалось болью в ранах. И он вместо этого улыбнулся.

— Я не собирался убежать. Ты это знаешь, — сказал он, а потом повысил голос. — Когда вы, великаны, поймете? Вы не заслужите свободу в этом Судьбой забытом месте. Вы не дождетесь этого. Если вы хотите быть свободными, сделайте это сами.

Он принялся расстегивать пуговицы рубахи так быстро, как позволяла спина. Бренд с любопытством смотрел на него. Великаны склонились. Вечерокрыл прижал колени к груди, широко улыбаясь.

— Что ты делаешь? — встревожился Деклан.

Каэл невольно ухмыльнулся, расстегивая последнюю пуговицу.

— Ты рассказал мне свою историю, Конюх. Пора мне поведать свою.

Сначала великаны были потрясены, узнав, что Каэл — шептун. А потом он показал свою метку, и все рты в комнате раскрылись. Многие чесали головы и бормотали, некоторые задавались вопросом, хочет ли он убить их. Не удивлен был только Деклан.

Он рассмеялся, словно победил, указал на палец Каэла и прокричал:

— Я знал это!

— Что значит...? Почему ты тогда не рассказал? — проворчал Бренд. Он почесал голову, он явно еще пытался понять, что происходит.

Но Деклан не объяснял дальше.

— У меня были подозрения, — он пожал плечами.

Каэл начал исцелять свои раны, чтобы великаны не ворчали слишком громко. Он исцелял части, куда доставал, начав с самых глубоких ран. Он не исцелил все, но сделал так, чтобы можно было двигать руками и плечами почти без боли. Небольшие порезы могли подождать: он знал, что ему еще потребуется сила.

После уговоров Деклан дал ему запечатать часть его порезов. Его спина дергалась, когда Каэл пытался соединить кожу. Когда он попросил Деклана заметить, тот прорычал в ответ:

— Что мне делать? Щекотно.

Вскоре он закончил. Каэл сказал Вечерокрылу лететь к Джонатану, чтобы он готовился. Тот улетел с шорохом перьев.

Бренд все лохматил себе волосы и услышал это:

— К чему скрипач будет готовиться? — выпалил он. Он смотрел на Деклана и Каэла. — Больше никаких секретов, я хочу знать, что вы задумали.

И Каэл рассказал ему все.

Бренд был против плана, он мог начать споры, но Каэл рассказал ему, что Гилдерик задумал для женщин. И Бренд замолчал.

— Не Клейри... — прошептал он после долгой паузы, которую тянул за волосы так, что Каэл боялся, что он выдернет их. А потом он покачал головой. — Не могу. Я не буду рисковать жизнями всех ради одной, даже если это моя Клейри, — сказал он жалобным голосом.

— Дело не в Клейри, — ответил Деклан.

Он тихо слушал Каэла, скрывал мысли в тени лба. А теперь он поднял голову и смотрел на Бренда, и в его глазах был огонь, который Каэлу нравился.

— Дело во всех нас, — Деклан повысил голос, чтобы его слышали в каждом загоне. — В нашем шансе на свободу.

— А если не получится, — прошептал Бренд. — Мы не планировали. Нет времени думать...

— Подумай о наших посевах, — Деклан указал на Поля. — Они не знают, когда будет дождь, но разве они замирают до этого дня? Нет, оказавшись в земле, они пускают корни, и, когда проливается дождь, они к этому готовы. Ребята... мы годами пускали корни надежды. И теперь льется дождь, — он повернулся к Каэлу и улыбнулся. — Я готов промокнуть.

Гул начинался в загонах. Великаны заревели. Они били по груди, их глаза пылали, как угли. И только когда Бренд встал, чтобы утихомирить их, Каэл понял, что прижимается к стене.

Он понимал, почему для покорения долин требовалась магия. Ничто не могло подавить великанов, готовых к войне.

— Так все решено? Мы договорились?

Великаны ответили Бренду яростным рывком, таким громким, что задрожала крыша.

— Хорошо, — Бренд раздулся, сказав это, и повернулся уже не Бренд, а могучий воин. — Мы пойдем за тобой в бой, кроха-шептун. Говори, куда идти.

Ночь только началась, но Каэл знал, что часы пролетят быстро. Он решил дать великанам самим придумать, как освободить Фермы. Они знали земли лучше него. И он не сомневался, что они соберут остальных быстро.

Он раздал остальные указания и попросил Бренда поднять его к крыше.

— Мы будем думать, — прошептал Бренд, когда Каэл выбрался наружу. — Судьба с тобой.

Каэл не хотел, чтобы Судьба была рядом с ним, но он рассеянно кивнул.

Домик Хоба был на вершине Северного амбара, их соседа справа. Каэл пошел туда, стараясь не шуметь и держаться тени. Облачко закрыло луну на миг, заглушив ее свет вуалью. Но не было ясно, когда луна вырвется из облака. А кроме него на небе ничего не было.

Каэлу нужно было спешить.

Он привык, что над ним летит сокол, но в этот раз Вечерокрыл не предупредил его об опасности. И он дольше пробирался к Северному амбару, чем думал.

Он добрался до лестницы, был готов и не собирался мешкать. Каэл позволил себе замереть и глубоко вдохнуть. Он потянулся за ножом на поясе... и его рука ничего не нашла.

Он чуть не выругался вслух, поняв, что не взял его. В волнении вечера он забыл забрать нож из гнезда Вечерокрыла. Он хотел ударить себя за глупость, но времени было мало. Если он прибежит обратно, Бренд сможет дотянуться и бросить нож ему.

Он повернулся к Западному амбару и застыл.

На его пути была тень, ее там не было раньше. Она была так близко к нему, что он не мог понять, что это, но точно ощущал жаркое дыхание макушкой.

— Идем со мной, — прошептал мужской голос.

Каэл не двигался, и рука крепко впилась в его руку.

— Ты можешь идти сам, или я понесу тебя на плече. Тебе выбирать.

Каэл не мог терять время. Но он плохо видел, а этот мужчина, видимо, видел хорошо. Он понимал, что теряет ценное время, пытаюсь бороться с ним. Он решил идти... и ждал.

Мужчина отвел его в Поля, грубо сжимая руку. Они миновали грядки, пошли среди кукурузы вдали от дороги. Каэл ощущал, как теряет минуты с каждым шагом. Он проверил хватку мужчины, чуть повернув свою руку.

Его руку тут же выпрямили силой.

Каэл подумал, что стоило рискнуть высвободиться, но тут луна вышла из-за облака, пролив свет. Он увидел огромный меч на спине мужчины и понял, что это темный всадник, что путешествовал с графиней Д'Мер.

Он не успел подумать, как его обезоружить, всадник развернулся.

— Ты приглянулся графине, шептун. Бойся.

Каэл постарался смутиться.

— Шептун?

Темные глаза всадника сверкнули.

— Не придуривайся. Я видел, как ты исцелил себя и друга-великана. Графиня уже покинула долины и спешит в лес. Она послала меня за тобой.

Желудок Каэла сжался при мысли о слежке, но он старался сохранять спокойствие.

— Что графиня от меня хочет?

— Использовать, конечно. Исцеление — редкий дар. Ты сможешь помогать ее армии. Но... сначала сделай кое-что для меня.

Каэл смотрел с любопытством и тревогой, как всадник снимает маску. Он осторожно сдвинул ее с носа и дал маске упасть на грудь. Лицо под ней было бы красивым, но опухший порез на подбородке все портил.

Ране было несколько недель, она была глубокой. Неровная линия шла под нижней губой, такая толстая, что ее можно было принять за второй рот. Он пытался зашить ее, но стежки были кривыми и неровными, так что не помогли. Амос был бы в ярости от этого.

— Исцели это, — сказал темный всадник, — и в путь.

Каэл хотел отказаться, но кое-что придумал.

— Хорошо, — он подошел и прижал ладонь под рану всадника. — Закрой глаза.

— Зачем?

— Я лучше сосредоточусь, если ты не будешь смотреть на меня, — всадник замешкался, Каэл нетерпеливо вздохнул. — Ты хочешь, чтобы я тебя исцелил?

— Ладно.

Всадник закрыл глаза, Каэл прицелился. А потом ударил кулаком по подбородку всадника.

Этому удару его учил Моррис, удар побеждал врага с использованием малой силы. Каэл знал, что попал верно, ощутил это костяшками, и всадник упал бы без сознания. Но вместо этого всадник выхватил меч.

Каэл упал на четвереньки, лезвие пролетело над головой. Сапог в плечо отбросил его назад. Мир кружился, он уловил блеск металла, опасную дугу, направленную к его животу. Он отчаянно бил ногами изо всех сил, желая только убрать подальше меч.

Его сапог попал, и всадник удивленно охнул. Каэл неловко упал на живот. Он поднял голову и увидел, что руки всадника были пустыми. Как-то удар Каэла обезоружил его. Он отбросил меч и на миг выдохнул свободнее.

А потом пустые руки ударили его по спине.

Каэл едва понял, что происходит, когда приземлился с всадником над собой. Он пытался защититься изо всех сил, следил за мечом всадника. Если он дотянется, то сможет изменить исход боя. Он упал где-то здесь, но земля была пустой. Куда упал меч?

Без оружия он быстро проигрывал.

Зубы всадника вспыхнули в лунном свете. Свежая кровь напала из пореза. Он схватил кулаком волосы Каэла и больно дернул, поднимая его на ноги.

— Хорошая идея, — прорычал всадник. — Но ты промазал. Я покажу тебе, как это делают, — он дернул Каэла за волосы, открывая его подбородок.

Полная луна висела в ночном небе. Сияющая поверхность правила звездами, ее не скрывали облака. Каэл отчаянно смотрел вверх. Его глаза скользили взглядом по серым тихим горам, он пытался вырваться из хватки всадника. Но на все его движения быстро

отвечали, любую возможность напасть отнимали. И когда он подумал, что мир потемнеет, луна подсказала ответ.

Черная тень мелькнула там, бледный свет не мог озарить стальную поверхность, пока предмет летел наверху. Силуэт поднимался, пока не достиг пика, а потом развернулся и помчался к ним. Он падал на землю, как ворона с перебитым крылом, быстро кружась, целясь клювом в землю.

Всадник сжал пальцы в волосах Каэла.

— Закрой глаза, целитель. Будет сильно болеть голова.

— Я не целитель, — парировал он. На миг удивление стража оставило его без защиты. И этого Каэлу хватило.

Он подтянул ноги к груди, весь вес оставив руке всадника, и тот потерял равновесие. Каэл завел его руку за спину, удар его ног направил всадника, и тот перелетел через Каэла.

Со стуком он рухнул на спину, охнул, а потом свистящий звук... меч вспахивал землю.

— Я Райт, — прошептал Каэл в тишине. Он позволил себе перевести дыхание и встал на ноги.

Всадник лежал без движения на спине, его меч был глубоко в его груди. В отчаянии Каэл ударил меч сильнее, чем хотел, и тот улетел в небо, а потом вес лезвия потянул меч острием вниз. Только это могло все объяснить... хоть и звучало невозможно.

Если бы у него было больше времени, Каэл бы придумал другое. Но время быстро таяло, и он не мог тратить ни секунды.

Рука всадника обмякла на рукояти меча, словно он пытался вытащить его. Но он больше не шевелился.

Каэл закрыл глаза всадника кончиками пальцев и быстро поискал на его теле оружие. Он нашел длинный кинжал на бедре. Он был острым с одной стороны. Каэл знал, что лучше не брать оружие мертвеца, но его удача и без того была плохой, так что он сунул кинжал за пояс. Он был уверен, что оружие ему послужит верно.

Каэл побежал во двор, в этот раз он знал, что искать. Он разорвал чары на крыльце. А потом выбил дверь.

Хоб вскочил. Глаза расширились при виде фигуры на пороге, с криком он метнул заклинание в грудь Каэла. Магия без вреда окутала тело, щекоча и рассеиваясь. А потом он сделал бросок.

Бедный Хоб умер, не зная, что его ударило.

Глава 40

Яркий свет

Богатая мебель барона была разбросана вокруг, лежала кусками на песке. Люди собирали обломки и использовали, чтобы развести огонь. Тепло прогоняло холод, оживляло их еду. Они провели вечер бодро, пили и пировали.

Большая часть шахтеров захотела вернуться в семьи, и они направились по пути барона, не оглядывая. Надин смогла уговорить десяток остаться и сражаться.

— Я мало слышала о великанах с долин, — призналась она. — Но мне говорили, что они выше даже чужаков. Не могу представить бой с таким врагом. Нам потребуются все копы.

Килэй была согласна. Им повезло сегодня, но даже удача не могла провести их мимо армии Гилдерика.

Ее кровь была слишком горячей, чтобы сидеть, и она решила пройтись вокруг. Она с улыбкой слушала песни смеха и веселой болтовни, звон кружен и чавканье. Это был мир, который наступал после человеческого боя. Они быстро хватались за мир, так просто... и не так давно она не понимала их из-за этого.

Полуволки скорбели по всем погибшим, даже из-за смертей врагов. Она думала, ее братья и сестры по стае проявляли уважение, а люди уважали только себя. Но, чем больше она сражалась рядом с ними, тем больше понимала, что люди праздновали, потому что понимали то, чего не осознавали оборотни: каждый павший злодей позволял свободно жить хорошему человеку.

Килэй подумала о шахтерах, которые шли по пути барона, о легкости их шагов, они спешили к своим семьям. Люди праздновали новый шанс жить, а не смерть.

И это она считала довольно мудрым решением.

Этой ночью в воздухе была странная магия. Килэй прошла один из костров и увидела с удивлением Элену, сидящую рядом с Сайласом, они даже не толкались локтями.

Элена потрясла руками над головой, ее ладони гремели.

— Спроси, что хочешь, — громко сказала она. — Я теперь все знаю!

— Хмм, — глаза Сайласа заблестели. — Я встречу красивую кошечку весной?

Элена разжала ладони, выпали знакомого вида руны. Она сделала вид, что изучает их.

— Боюсь, что нет.

— Что? — встревожился Сайлас. — Они сказали, почему?

Элена указала.

— Эта говорит, потому что ты — дурак.

Он зашипел на нее.

Через пару шагов она увидела Джейка и Шамуса. Мужчина был уверен, что Джейку плохо, так что укутал его шкурами и усадил у огня. Бедный маг потел, когда Килэй подошла к ним.

— Я уже говорил: я не простужен. Просто перенапрягся, — медленно говорил он, словно уже несколько раз объяснял. — Я не рассчитал расстояние и силу взрыва.

— Ага, простуда замутняет сознание человека, — согласился Шамус. Он вложил в его ладони миску чего-то горячего. — Выпей, ты встанешь на ноги.

Джейк решил, что спорить бесполезно, и сделал, как ему говорили.

Большая часть их ребят сидела рядом с мотами. Они сидели широким кругом у одного из небольших костров, начинали танцевать. Моты по краю круга хлопали и пели, а в середине круга танцевали. Их движения были грациозными, но резкими, а не плавными: они прыгали, двигали ногами и руками в сложных узорах. Убийственная грация их танца придавала ему сходство с боем.

Некоторые мужчины подходили слишком близко, и Надин втягивала их в круг с собой. Те с трудом изображали движения. Моты переставали петь, смеялись над этим, а потом снова пели хором. Их песнь замедлилась, Надин показывала мужчине шаги, и песня ускорялась, когда он учился двигаться.

Пара мужчин присоединилась к другу в круге, а те, кому не хватало смелости, стояли у круга и хлопали в такт.

Килэй любила танцевать. Она словно говорила так на другом языке. Она ощущала, что движения тела могут выразить то, что она не могла высказать, что танец может говорить за приглушенные крики сердца. И она бы присоединилась к ним.

Но ей не хотелось танцевать.

Она смотрела, как моты хлопают вместе, и жар покинул ее кровь. Она устала. Она вряд ли смогла бы уснуть в таком шуме вокруг, так что выбрала самый тихий костер и попыталась успокоить сердце.

Она вытащила черный кристалл из кармана и покрутила. Две головы сияли в свете огня, отражая языки пламени, словно зеркало.

— О, это редкая штучка.

Килэй подняла голову и увидела рядом мужчину средних лет из пустыни. Его глаза изучали камень, как у пирата изучали бы карту, словно он уже придумал, что делать.

— Вы мастер? — догадалась она.

Он кивнул.

— Меня зовут Асантэ. Можно?

Она отдала ему камень.

Не поднеся его к огню, Асантэ посмотрел на него на фоне ночного неба.

— Это звездный оникс, или камень влюбленных, как его называют люди, — добавил он с хитрым взглядом. — Его секрет раскрывает только ночь. Смотри сама.

Килэй подняла камень высоко над собой. Ночь наполнила его, сделав ярче, как не мог даже огонь. Первая звезда коснулась камня, и он стал почти прозрачным: она легко видела свет звезды сквозь оникс.

— Я видела много светящихся кристаллов, — тихо сказала она, разглядывая камень. — Но я никогда не видела, чтобы камень одалживал свет у звезд.

— Это редкий камень, — согласился Асантэ. — Еще реже встречается один в виде пары. То, что ты держишь в руке, может прокормить человека всю жизнь. Нет, оставь его, — сказал он, когда Килэй протянула камень ему. — Он пришел к тебе, ты найдешь способ использовать его.

— Я не ношу камни, — она пыталась вложить камень в его руку. — Прошу, возьмите для своей семьи.

— У меня нет семьи. Только мое ремесло, — просто сказал он. Он в последний раз посмотрел на камень. — Пообещай только, что, не разлучишь камень. Они были вместе, когда земля еще была молодой, — он крепко сжал ее ладони. — Будет жестоко разлучать их.

Асантэ ушел, больше ничего не сказав. Килэй легла, подложив руку под голову. Она

смотрела на ночное небо, пытаясь потерять боль сердца среди звезд.

* * *

Хоб умер, и чары рассеялись. Освободить великанов стало просто.

Каэл выпустил сначала великанов Северного амбара, и они тут же приступили к работе. Некоторые взломали сараи и раздавали косы, другие пошли к другим амбарам, освобождали товарищей, небольшая группа побежала за телегой с водой, некоторые решили запереть Невспаханных в их загоне, на всякий случай.

Бренд бегал всюду, собирал великанов в группы, объяснял им, что делать. Каэл ожидал сопротивление, кто-то должен был усомниться в мятеже. Но никто не спорил с Брендом. Они брали косы и вставали, ожидая приказы.

— Сколько нужно в башню? — сказал Бренд.

Каэл вдруг понял, что все смотрят на него.

— Эм... десятерых хватит, — его голос звучал удивительно громко в тишине, но он не отступил. — Двое нужны для телеги...

— Готово, — сказали два голоса. Великаны уже застегивали упряжь телеги. Они широко улыбались Каэлу.

— Хорошо... остальные помогут увести женщин к дороге. Те, кто не может бежать, сядут в телегу, — он повернулся к Деклану, который не отходил от него. — Нужно, чтобы ты отвел группу на Фермы. Ждите моего сигнала, чтобы отпирать двери. Нужно разобраться с Финксом, а он не сдастся с легкостью.

Деклан растерялся, ведь его не задействовали в спасении, но не спорил. Он понимал причину.

Бренд настоял, что пойдет в башню. И Каэл раздал приказы, великаны послушно приступили к выполнению заданий, решительно расправив плечи.

Они едва вышли со двора, когда свет луны пропал. Каэл поднял голову и удивленно увидел, что ясное небо покрыли облака.

— Наша матушка прислала возлюбленного помочь нам, — сказал Бренд, улыбаясь небу. — Он будет закрывать свою голову, пока нам это нужно. Но потом вернется.

Холодный ветерок поднял пыль у их ног. И Каэл не знал, ветер или слова Бренда принесли с собой дрожь.

Облака скрывали их, пока они шли к замку. Тьма покрывала красные стены, даже жаровни не горели. Стражи так отпраздновали, что забыли о долге. Все уже спали в тумане эля.

Они добрались до башни с кухней без проблем. Каэл привел великанов в тень, а потом издал тихий свист. Он слушал, ожидая ответ Вечерокрыла. Но его не было.

— Что их задерживает? — прошипел Бренд.

Каэл не знал. Он посмотрел во врата, дверь была закрыта. Джонатан должен был собрать женщин. Что он делал?

Бренд толкнул врата ногами.

— Выглядит прочно, но мы могли бы приоткрыть для тебя щель, — он посмотрел на тощее тело Каэла.

Идея ему нравилась. Минуты тянулись, Вечерокрыл не отвечал, и он все сильнее склонялся к этой идее. Он хотел отдать приказ, но дверь приоткрылась, и знакомая фигура выглянула оттуда.

— Вечер добрый, господа!

— Джонатан! — Каэл потянулся в брешь и сжал его руку, Джонатан улыбнулся. Его лицо было приятным зрелищем.

— Я услышал свист и решил проверить. Наш пернатый друг улетел поднимать врата, — сказал он, шлепнув по ним рукой. — Это простой рычаг. Стражи делали так много раз при нас. Должен быть не сло... ах! Вот так!

Со стоном врата начали подниматься. Они гремели цепью и двигались уверенно вверх. Джонатан начал выпускать женщин.

Первая великанша прошла под вратами, и Каэл удивился ее ростом. Он ожидал женщину чуть крупнее обычной, но не думал, что они будут не менее крупными, чем мужчины.

Белые волосы великанши были умело заплетены в длинную косу. Ее юбка развевалась за ней, она обошла Каэла.

— Осторожно, кроха, — сказала она с улыбкой.

Его лицо вспыхнуло, когда он понял, на что смотрел.

Три женщины прошли мимо, и он заметил, что они несли в руках пики, мечи, луки и колчаны стрел, которые складывали в телегу. Было и несколько женщин с морей с тяжелыми мешками.

— Стражи напились, — объяснил Джонатан Каэлу. — И Клейри подумала, что можно их обокрасть. Осталось только оружие за поясами у стражи, но то бесполезное, — он махнул на кухни, глупо улыбаясь. — Разве она не гениальна?

Гениальна. Каэл и не подумал обокрасть стражей. Нужно было поблагодарить Клейри при встрече.

Все шло гладко пару мгновений, и Каэл поверил, что у них есть шанс сбежать тихо. Но, как только врата поднялись до конца, начался хаос.

Пронзительная нота заполнила воздух. Она накрыла королевство Гилдерика бесконечным криком ужаса. Шум безжалостно жалил уши, Каэл думал, что это ощущал даже глухой.

— Ты не убил ведьму? — закричал он на Джонатана, который закрыл руками голову.

— Старуха проснулась! — скривился он. — Я говорил Клейри насыпать больше трав в ее чай...

— Нельзя было усыплять ее! Я говорил убить ее!

— Что?

Но тут в замке вспыхнул яркий свет. Жаровни ожили, несколько страшных теней появилось на стенах. Факелы горели, кто-то вопил приказ, и тени быстро начали двигаться к крытому проходу.

Каэл повернулся и указал великанам:

— Бегите к Фермам! Вперед!

Они послушались, женщины следовали за ответственным великаном. У двух были такие большие животы, что они не могли бежать, и Бренд усадил их в телегу.

— Это все?

Каэл обернулся к Джонатану, но скрипач вдруг пропал. Он ушел за дверь, не

предупредив, и Каэл не знал, что он делает. Он хотел пойти за другом, но услышал знакомый крик над головой.

Он посмотрел вверх и увидел, что Вечерокрыл сражается над проходом. Несколько стражей бежали по крыше к башне. Вечерокрыл опускался на них и бил когтями и крыльями шлемы. Он смог сбить одного стража с ног, второго сбросил. Но остальные бежали.

На крыше башни была небольшая дверца, которая вела к вершине. Каэл помнил карты Джонатана. Он не мог ничего поделать, он смотрел, как стражи добрались до стены и забрались на вершину башни.

— Они закроют ворота! — вопил Бренд. — Все вышли?

Каэл начал отвечать, но увидел великана, безумно машущего на дороге.

— Замок открывается. Они высылают армию!

— Нужно бежать! — сказал Каэл Бренду. — Женщин веди на Фермы, скажи Деклану, что беда близко!

Он кивнул и передал приказ. Великаны побежали, увозя телегу. Остальные спешили за Брендом, глядя на ворота замка. Каэл сунул голову в дверь, чтобы позвать Джонатана, и увидел, что скрипач не один.

Он и великанша помогали другой великанше спускаться по лестнице. Ее живот был огромным под платьем. Она двигалась так быстро, как только могла, но ее лицо было белым от усилий.

Каэл выругался.

Телега уже уехала без них, а он знал, что они не убегут от стражей с ее темпом ходьбы. Надежда сбежать живым быстро таяла. А еще вот-вот могла напасть армия Гилдерика.

Он бросился вперед, собираясь нести великаншу на плечах, если нужно. Но шум остановил его.

Бам! Бам! Бам!

Джонатан поднял голову с диким взглядом.

— Вечерокрыл закрепил ворота, и они пытаются сломать цепь!

Как только вылетели слова, Каэл развернулся от ужасного грохота. Ворота оторвались от цепи и падали.

Тупые зубья ворот тянулись к земле, пытаясь закрыть от них ночное небо. Как только ворота упадут, они не смогут их поднять. И выйти не смогут. Они застрянут в башне в ожидании смерти, которую придумает для них Гилдерик, если стражи не пронзят их раньше.

Нет, Каэл знал, что выжить можно только за воротами. И их шанс на побег был только в том, чтобы ворота не упали.

Не было времени паниковать и сомневаться в себе, он просто сделал то, что должен был. Он бросился между воротами и землей, помня о Камне скипетра.

Он видел могучий красный камень великанов, такой высокий и прочный, что даже маги не смогли разбить его. Он поднял руки над головой и представил, что он и был Камнем скипетра. Его кожа стала красной с черными точками. Он представлял, как его руки твердели, а ноги погрузились глубоко в землю.

«Я — Камень скипетра, — думал он. — Ничто меня не сокрушит».

Он ощутил гул в груди, когда решетка упала на его раскрытые ладони, но его руки не дрогнули. Его ноги устояли. Пару мгновений он держал ворота над собой, словно это была простая дверь.

А потом у него заболела голова.

Он понял, что устал. Он не спал два дня. Не ел. Он был занят сражением на арене, с стражем графини и Хобом, чтобы подумать об остальном. И теперь слабость быстро окутывала его.

Боль пронзила череп так резко, словно топор разбил голову пополам. Его руки задрожали. Плохо исцеленные раны на спине открылись, горячая кровь лилась по рубахе. Точки света вспыхнули перед глазами, слепя его. Его сила быстро таяла, на нее давила невероятно тяжелая дверь башни. Он знал, что может погубить себя, пройдя слишком далеко.

Но ему нужно было попробовать.

Джонатан и две женщины почти добежали. Если он продержится еще пару секунд, они будут свободны. Он боролся упрямо с болью, отгоняя ее. Женщины миновали его, пробежал Джонатан, и Каэл уже не мог держать врата.

Его голова ударилась о землю с силой, черная пелена приближалась к нему.

«Нет! — говорил он себе. — Нельзя отключаться, вставай! Тебе нужно отвести женщин в укрытие», — он терпел огонь в голове, попытался пошевелить руками под собой. Он попытался встать, но не смог.

Врата рухнули на него, и его голова оказалась между нижней балкой и землей. Он пытался высвободиться, но балка плотно прижимала его горло. В другой раз он бы посчитал себя везунчиком, ведь еще пара дюймов, и его раздавило бы.

Но армия Гилдерика шла сюда, и он был бы не против, если бы его раздавили, и все кончилось.

Земля посыпалась на его живот, кто-то лез к нему. Он услышал, как руки отчаянно дергают балку.

— Не могу поднять! — пропыхтел Джонатан. — Можешь пошевелить головой?

Каэл хотел закричать на него, сказать ему убираться отсюда и идти за женщинами. Но он смог едва подумать об этом, и новая волна боли ослепила его. Он боролся с тьмой, пытаясь оставаться в сознании.

Воздух рядом заполнил взрыв. Каэл ощутил его грудью, земля загудела. Оранжевый свет вспыхнул у прохода, он увидел встревоженное лицо Джонатана, смотрящего на него. Его голова прижималась к балкам выше. Каэл успел посмотреть на него, и он исчез.

Пронзительный свист прорезал ночь, и Джонатан закричал:

— Эй! Помогите, громадины, Каэл застрял!

Земля задрожала снова, несколько великанов спешили к нему. Было больше взрывов, сыпалась пыль. Он слышал крики и звон стали со стороны ворот замка. Он пытался говорить, но закрыл глаза от вспышек света. Он стиснул зубы, борясь с болью.

Когда свет угас, его глаза открылись. Он с потрясением увидел знакомого мальчика с песочными волосами, улыбающегося ему.

— Не переживай, Каэл. мы вытащим тебя отсюда, — сказал Ноа.

Ноа? Откуда он здесь? Он должен был находиться в полутора дня пути, путешествовать с другими пиратами. Он не мог уже быть у замка. Может, Каэл уже потерял сознание.

Но пронзительный вой ударил по ушам, стирая сомнения.

— Каэл! Он в порядке: Он же не ранен?

— Нет, он в порядке...

— Не в порядке! — завопила Аэрилин. Каэл ощутил, как она тянет его за пояс. — О, у него кровь. И голова застряла! Вытащите его!

— Остановите эти стрелы, — кричал Бренд. — Мы справимся с остальным. Готовы?

В ответ согласно хмыкнули, и ворота начали подниматься с громким треском.

— Еще! Вверх...

— Пики на стене! — крикнул кто-то.

— Вытаскивайте его! — пыхтел Бренд.

Две пары руки схватили Каэла за ноги. Он оставил кусок кожи позади, пока его тело вытаскивали. Пика вонзилась в землю рядом с ним, в дюймах от носа. Другая просвистела над головой, кто-то охнул от боли.

— Ноа! — закричала Аэрилин.

— Мы позаботимся. Стреляй, кроха!

Стрела ударила по башне над ними и взорвалась. Куски кирпича полетели вниз. Каэл сквозь туман видел, как куски башни летят вниз, как снежинки. Он с любопытством смотрел на них, но не увидел, как они упали. Кто-то подхватил его, от этого покачнулась голова. Огонь вспыхнул перед глазами. Он боролся с этим.

И, когда он заставил глаза открыться, он увидел то, что остановило его сердце.

Ноа лежал на руках великана рядом с ним. Красная дыра пронзала символ на его тунике пирата. Он пытался зажать руками рану.

Каэл мог это исправить, мог спасти Ноа. Он был уверен.

Он отогнал тьму в последний раз. Он прижал ладонь к горячей мокрой ране Ноа. Он ощутил рваные края и подумал:

«Ты гл... глина...».

Свет был ярче, чем когда-либо, и он вспыхнул перед его глазами.

И Каэл ничего больше не видел.

Глава 41

Где падают все люди

Килэй проснулась от странного ощущения.

Сначала она подумала, что дело в соленом мясе, которое ели они с Сайласом. Но, чем дольше она думала об этом, тем сильнее понимала, что ощущает себя не сытой, а пустой. Словно и не ела, словно и не нужно было есть, ведь в этом не было смысла. Свет потускнел, и все краски вокруг нее увяли.

Она забыла о звуке смеха. Она пыталась вспомнить его, но могла думать только об одиноком вое ветра. Как бы она ни молила их, губы не изгибались в улыбке. Она помогла бы им пальцами... но не могла двигать руками. Они вяло лежали рядом с ней, словно кости были разбиты.

Страх дал ей силы встать. У нее было ужасное ощущение, что что-то не так.

Проход в горе звал ее, и она побежала туда, минуя спящих товарищей, двигаясь так быстро, как только несли ее ноги. Она была так сосредоточена, что чуть не заметила человека на пути, пока не сбила его.

Вечерокрыл. Он вскочил с земли: песок прилип к потной груди и шее. Он задыхался и яростно тянул ее за безрукавку.

— Твой Каэл! — хрипел он, трясая ее. — Скорее, твой Каэл!

Впервые за долгое время Килэй испугалась.

Она и не знала, что может испытывать этот новый инстинкт. Горы возвышались перед ней. Ее крылья били над головой. Ей было все равно, заметят ли ее. Ей было все равно, в опасности ли она.

Нить тянута ее к Каэлу. Она пролетела горы и помчалась над долинами. Четыре амбара выделялись на плоской земле, как отпечатки в грязи. Огни мерцали вокруг них.

Ради Каэла она опустила в стороне, в полях. Она оставила Вечерокрыла позади, не знала, Каэл среди врагов или друзей. Она не могла опуститься в обличье дракона с риском начать сражение, ведь ей нужно было скорее добраться к нему.

Она бросилась бежать на человеческих ногах к амбарам. Великаны вскакивали, когда она пробегала, но ей было все равно. Она смотрела на строения вокруг, и нить трепетала. Паника терзала ее грудь, она пыталась понять, где его найти.

— Килэй!

Кто-то схватил ее за руку, она вырвалась. Когда ее схватили во второй раз, она узнала Аэрилин. Ее нос был красным и опухшим, глаза пылали, лицо было мокрым от слез. Она вдохнула, и ее дыхание чем-то пахло. Запах что-то означал... но у Килэй не было времени вспоминать.

Ей нужно было найти Каэла.

Аэрилин отчаянно тянула ее за руку.

— Он здесь. О, Килэй, он так сильно ранен. Мы не знаем, что делать!

Аэрилин вела ее, а Килэй словно шла в кошмарном сне. Вокруг был шум, но она его не слышала. Свет сиял, но ничего не озарял. Под ее ногами, должно быть, была твердая почва...

Но она ее почему-то не ощущала.

Знакомые лица мелькали по сторонам. Руки тянулись к ней, стучали по ее коже. Она прошла дерево, сталь, а потом нить закончилась, и Килэй вздрогнула.

Когда она увидела его, мир разрушился.

Каэл лежал в углу загона для лошадей на горе грязной ткани. Он был таким, каким она его помнила: его прямой нос, губы... но что-то было не так с его лбом. Обычно там была морщинка, которая становилась глубже, когда он хмурился. А он всегда хмурился, даже когда спал. Он всегда о чем-то думал.

Но теперь его лоб был гладким, расслабленным. Это напугало ее.

Она отвела взгляд от его лица и увидела, что его туника пропитана кровью Его кровью. Он лежал на животе, и она видела раны на его спине, словно монстр провел по ней когтями. Она потрясенно смотрела на сухую кровь вдоль ран, на красную кровь в их серединах.

— У нас нет целителя, — Аэрилин заламывала руки. — О, не знаю, что...

— Сними его рубаху, маленький Деклан, — сказала Килэй. Она посмотрела на великана рядом с Каэлом, только у него в глазах не было паники.

Он отодвинул миску с водой и осторожно убрал окровавленную ткань со спины Каэла. Его руки двигались уверенно, отчаяние было заметно, когда он промывал раны Каэла. Но его губы были сжатыми. Спокойствие его дыхания было приятным в панике в воздухе.

Она отметила, что Деклан теперь больше похож на отца. Складка между бровями стала не такой глубокой, когда он поднял голову.

— Ты меня помнишь?

Килэй этот вопрос показался странным.

— Я стараюсь не забывать тех, рядом с кем сражалась. Ты меня не помнишь?

— О, нужно быть хуже, чем слепым, чтобы забыть Килэй Мечницу, — отметил Деклан. Он разорвал рубаху Каэла одним быстрым движением. Он снял рубаху с его рук, и Килэй увидела спину Каэла. Было хуже, чем она думала. Намного хуже.

Она повернулась к Аэрилин и начала срывать шнуровку своих наручей.

— Помоги.

Аэрилин помогла ей снять безрукавку, пока Килэй снимала перчатки и пояс. С каждой секундой воздух в комнате становился холоднее. Она задрожала. Времени оставалось мало.

— Так пойдет, — сказала она, когда осталась только в леггинсах и повязке на груди.

Холод проникал в кости, когда она легла рядом с Каэлом. Она осторожно притянула его к себе. Влажное тепло растеклось по ее коже, когда она прижалась животом и грудью к его раненой спине. Их конечности переплелись, соединяя их.

Килэй прижалась щекой к его шее и уловила его запах. От него пахло землей после ливня. Запах был хорошим, успокаивающим.

Но он был слабым и быстро угасал.

Килэй с силой прикусила губу, отгоняя слезы.

— Как бы я ни кричала, — процедила она, — не трогайте меня. Не отцепляйте от него. Я не буду виновата в ваших смертях, если вы попытаетесь разделить нас.

Аэрилин кивнула.

— Мы оставим вас одних, — она развернулась и принялась выгонять остальных. Некоторые возражали, но загон постепенно опустел, оставив Килэй шанс сосредоточиться.

Только кожа разделяла их души. Килэй крепко сжимала Каэла и, казалось, чувствовала, как его дух пытается вырваться на поверхность. Они прижимался к ней там, где они соприкасались, проникал в поры ее кожи.

Ее конечности онемели. Она уже не могла разделить их тела. Они были одной плотью: дышали вместе, сердца бились вместе.

И пришла боль.

* * *

Холод... это Каэл ощутил первым. Твердая земля под ним была холодной, словно никогда не знала тепла. Порыв ветра ударил по его спине. Он тоже был холодным, ранил его кожу тысячей маленьких кинжалов.

Он проснулся от дрожи в конечностях.

Как-то он оказался в Беспощадных горах. Он упал в трещину, одну из тех, что погода оставляла на склоне горы. Туда было легко упасть, если не смотреть под ноги. Трещины часто скрывались под кустами, ждали глупых путников.

Но Каэл знал об этом. И он знал, что ему повезло выжить... хотя, увидев высоту камня над ним, он не понимал, как мог пережить падение.

Ему нужно было выбраться, желательно, до того, как сядет солнце. Как он объяснит это Роланду? Он будет разочарован, что Каэл был отвлечен. Амос будет ворчать из-за дыр на штанах.

Но тут он ничего не мог поделать.

Каэл встал на ноги и с удивлением понял, что боли нет. Он должен быть в синяках и крови. Ему очень повезло.

За ним была стена, идти он мог только вперед. На дне трещины текла небольшая река, журча на камнях. За ней была еще одна стена, и Каэл застонал, увидев, что она такая же высокая и гладкая, как стена за ним.

Он подумал, что не выберется. Даже если Роланд пошлет за ним охотников, они не найдут его здесь. Как он мог быть таким глупым? Почему не смотрел под ноги?

Он не успел разозлиться на себя, глаза заметили кое-что новое: трещину в стене за ручьем. Она была маленькая, он бы с трудом туда пролез. Он смотрел туда, и порыв теплого воздуха вылетел из трещины. Даже отсюда он уловил запах лета.

Где-то за трещиной была зеленая земля, которой не мог коснуться холод. Каэлу нужно было лишь пересечь реку, и он будет свободен.

Она не выглядела глубокой. Он мог бы перебраться, не намочив штаны. Он сделал шаг в воду, приготовился сделать второй, но сильная рука сжала его плечо.

— Не стоит туда идти, мальчик.

Каэл развернулся и охнул от радости при виде улыбки Роланда. Он улыбался сквозь бороду и крепко обнял Каэла. Его руки были сильнее, чем Каэл помнил. Его грудь не была такой уж костлявой.

— Я думал, что глуп, — сказал он, когда Роланд отпустил его. — Но если эта трещина обманула нас обоих, то я не так плох.

Роланд рассмеялся.

— Это точно. Сюда попадали люди и хитрее тебя, — сказал он, указав на высокие стены. Его улыбка стала мягче. — Все люди падают сюда.

Каэл не успел спросить, что он имеет в виду, Роланд взял его за руку.

— Мне нужно кое-что проверить. Поможешь?

Каэл замешкался. Он посмотрел на трещину в стене, подумал о зеленых лугах за ней.

— Нам не стоит идти туда?

Роланд проследил за его взглядом и покачал головой.

— Я не могу отпустить тебя туда, мальчик. Я уже обещал твоему отцу, что удержу тебя на этой стороне.

Он пошел прочь, и Каэл побежал за ним.

— Моему отцу? Он был здесь?

— О, я уверен в этом. Но я обещал ему еще до этого, когда ты был крохой. Хотя, — он снова улыбнулся, — я не совсем понимал, что он просит.

— Что вы...?

— Тише, — шепнул Роланд. Он вскинул руку перед грудью Каэла, словно увидел льва или медведя.

Каэл застыл. Он знал, если Роланд что-то уловил, шевелиться нельзя. Он разглядывал кусты впереди в поисках опасности. Вскоре на их пути появилось несколько крупных фигур.

Это были великаны в одежде из грубой ткани, они босиком шли по каменистому берегу. Что великаны делали в Беспощадных горах?

— Смотри внимательно, — сказал Роланд, великаны подошли к реке.

Они заходили в нее по одному. Река была обманчиво глубокой, в середине она доставала великанам до пояса. Многие погружались еще глубже. Каэл мог лишь смотреть, как река течет над их головами, унося за течением.

Великаны не боролись. Их руки не били по воде, они не кричали. В один миг они пересекали реку, а в другой пропали. Их головы погрузились в воду и больше не всплыли.

Только один из них перешел. Он вышел на другой берег и уверенно пошел к стене, к убежищу, которого Каэл не видел. А потом он пропал.

— Ах, видишь? — прошептал Роланд. — Его поступки донесли его.

Это были странные слова. Странные, но... знакомые. Роланд уже говорил о чем-то похожем, но не на охоте. Это было в Зале, когда Каэл был ребенком. Роланд рассказывал ему о Смерти:

— В реке человека проверяют на несколько качеств, — говорил тогда Роланд. — Потому у Смерти река на пороге, она помогает при отборе. Человек, умирая, несет с собой только свои деяния. Они с ним всю жизнь, а в смерти они на его ногах. Хорошие поступки всплывают на реке Смерти... а плохие топят человека.

Каэл все вспомнил. Он не был в горах, он был в долинах. Они сражались, и вспышки... Ноа был ранен.

Где он был? Ему нужно было вернуться. Друзья были в беде, он еще не закончил.

— Роланд, я...

Он замер. Роланд шел дальше по тропе. Он обернулся и скрестил руки на груди, туника была белой, как облака над морем. Белыми были и его штаны и ботинки. И Каэл понял, что в его снах тем мужчиной был не Смерть.

Это был Роланд.

— Ну-ну, мальчик. Не плачь из-за меня, — грубая рука Роланда схватила его за плечо, но слезы Каэла все равно лились. Они текли по его лицу, и земля у его колен становилась мокрой.

— Вы мертвы, — выдохнул Каэл.

— Да.

Роланд рассказал ему, что случилось с Тиннарком, что Титус сделал с деревней, как

много ее жителей пересекло реку. Он даже рассказывал, как их убили. Каэл слушал, и его слезы высыхали.

— Но вы хотели... смерть охотника...

Роланд крепче сжал его плечо.

— Я умер как воин, Каэл. Об этом я и мечтать не смел.

Это немного успокоило его, но Каэл быстро помрачнел.

— Обещаю, я прослежу, чтобы Марк и Лэмот заплатят за то, что сделали.

Роланд посмотрел на реку.

— Лэмот уже заплатил, — прошептал он. — Уверен, Марка ты отправишь, но когда придет время, ладно? Не думай только об этом. Не давай этому терзать тебя.

Каэл кивнул. Ему нужно было задать еще один вопрос, но на это требовалось много смелости.

— А Амос?

Роланд покачал головой с улыбкой.

— Он сюда не приходил. Этот хитрец точно заставил Титуса приберечь его.

Килэй выдохнул с облегчением. Почему-то от этого закружилась голова. Он встал с колен и сел на землю. Роланд сел рядом с ним.

— Я мертв? — спросил он вслух.

— Не совсем, — подмигнул Роланд. — Иначе ты был бы одет как я.

Каэл не понимал, что он все еще в изорванной грязной тунике и штанах, какие были на нем в долинах. Его глаза вдруг стали тяжелыми. Было сложно не закрывать их.

— Как вы меня нашли? — пробормотал он. Они сидели в большой трещине, он не видел ее конца. — Откуда вы знали, что я буду здесь?

Роланд печально улыбнулся.

— Я не знал. Я проходил мимо, когда мальчик с морей с каштановыми волосами помахал мне... — он замолчал, потому что Каэл снова расплакался.

Горе терзало его голову. Оно сжимало его, выдавливая всю влагу из глаз, но он не стыдился. В этих слезах не было ничего стыдного, ведь юную жизнь так быстро оборвали.

— Ноа, — выдавил он. Он четко видел лицо мальчика, как оно сияло от приключений, как становилось мрачным в бою. Он помнил, как Ноа ходил за Джонатаном по кораблю, смеясь над шалостями.

— Ты спишь, — продолжил Роланд, когда Каэл притих. — Такое бывает, когда человек при смерти, но еще не умер. Я говорил юному Ноа, что присмотрю за тобой, и я отправил его в путь.

Каэл посмотрел на реку.

— Он...?

Роланд кивнул.

— Он легко пересек реку, даже обувь не намочил. Хороший он был.

Каэл ощутил облегчение, которое согрело его. Вдруг стало очень сложно держать глаза открытыми. Он решил прилечь на миг и закрыл их.

— Не хочу, чтобы вы и дальше были здесь, — прошептал он Роланду. — Все равно, что вы обещали отцу, я хочу, чтобы вы перешли реку. На той стороне земля лучше...

Роланд рассмеялся.

— Не сомневаюсь. И я обещаю, что пересеку ее, как только ты уснешь.

Эта мысль успокаивала. Вдохнув, Каэл прошептал:

— А я смог бы перейти?

Роланд вздохнул.

— Это знает только человек, стоящий на другой стороне.

* * *

Он боролся с ней. Он всегда боролся с ней. В этом был весь Каэл: он никогда не хотел помощи, не хотел, чтобы кто-то знал о его боли. Но Килэй была сильнее. Когда он попытался скрыться от нее, она вытащила его.

Ее душа переплелась с его, удерживала, успокаивала. Медленно твердая скорлупа начала крошиться, и он заговорил:

«Так больно», — прошептала его душа.

«Знаю. Я заберу боль», — ответила Килэй.

Боль заполнила ее голову, сначала пульсируя, потом пронзая. Ее глаза дрожали, за ними бушевала буря. А потом начались знакомые удары. Она ощущала удары кожи и острых металлических зубцов. Они терзали ее спину, рассекали кожу. Она кричала от ударов, но не из-за боли, а от ярости.

Каэл не должен был так страдать. Эти удары не должны были его коснуться. Она понимала его боль. Его душа говорила за его, делилась болью и унижением, и она знала, что он никогда бы не рассказал об этой боли.

Жаркие слезы ярости обжигали ее щеки, она думала о том, сколько ему пришлось вынести, потому что ее не было рядом, чтобы защитить его.

Когда его душа закончила рассказ, он проснулся. Он заерзал в ее хватке, и она отпустила его. Каэл перевернулся и схватил ее за плечи. Его теплые карие глаза еще были сонными, он не до конца проснулся.

— Роланд мертв, — простонал он. — Он... мертв.

Слезы лились по его лицу, от этого ей было больнее, чем от его ран. Она обвила его руками и прижала его голову к своей груди. Она провела ладонью по его спине и выдохнула с облегчением, не найдя ран. Его тело исцелилось, он был вне опасности. Через пару мгновений он притих.

Она уложила его на матрас и не сдержалась: поцеловала его в щеку.

Килэй долго не двигалась. Ее кожа кровоточила, горела. Она слышала шипение крови, текущей из свежих порезов на спине. Одна капля стекла с ее плеча по руке. Килэй смотрела, как капля падает с кончика ее пальца на грудь Каэла.

Любой другой проснулся бы с криком. Ее кровь обжигала, как раскаленная сталь, могла вызвать волдыри на коже человека, она это уже видела. Но огонь в ее крови никогда не вредил Каэлу.

Она ощущала это в сердце, но не была уверена. Она вытерла красную каплю, кожа Каэла под ней была ровной.

Если бы у драконов было слово о любви, это было бы «валтас». Она считала, что это означает на языке людей «очень глубоко». Валтас была клятвой крови, нерушимой связью. Два дракона с валтас ощущали одну и ту же боль, страдали от одних и тех же ран. Но, что важнее, огонь их крови никогда не вредил им.

Ее драконья душа помнила валтас, но Килэй не думала, что ощутит это сама. Все же она была полудраконом. Она решила жить как человек, думала, что, если и влюбится, то как человек, без связи. Чтобы можно было сбежать.

Ей всегда нравился Каэл, с первого мгновения. В его глазах был свет, восхищавший ее, глубина, из-за которой она чувствовала себя понятой. Он отличался от других людей, и она знала, что они всегда будут хорошими друзьями. Она бы защитила его от любого вреда. Она заботилась бы о нем до его старости.

Да, она с самого начала знала, что ей всегда будет нравиться Каэл. Но... ее чувства по пути изменились. Они тихо росли, подбирались с краев к центру сердца. Она и не понимала, как сильно выросли ее чувства, пока не спасла его в бурю.

Она вытащила Каэла из воды, несла его обмякшее тело в руках, ощущала, как сжимаются ее легкие, когда он пытался вдохнуть, часть ее жизни угасала вместе с его. Она понимала, что, если потеряет его, свет солнца станет серым. Ее тело будет жить в темном мире, чужом мире. Мир этот мог длиться тысячу лет... пока солнце не поднимется для нее в последний раз.

Килэй понимала это, давя на грудь Каэла, вдыхая жизнь в его легкие. Но она не хотела верить в это. Она не хотела, чтобы ее жизнь была привязана к чьей-то. Она хотела быть самостоятельной, свободным и гордым существом. Пару отчаянных мгновений она злилась.

Когда он вдохнул, все изменилось... Когда Каэл открыл глаза, началась вторая жизнь для Килэй.

Одно и то же тепло текло в их крови, одно дыхание наполняло легкие. Килэй ощущала трепет кончиками пальцев. Это были новые небеса, начало незнакомой и чудесной земли. За многие свои рассветы она еще не ощущала, чтобы ее сердце так билось.

Возможно, оно только в тот миг начало биться по-настоящему.

Какое-то время она была невероятно счастлива. А потом... все снова изменилось. Каэл был человеком. Его чувства были не такими, как у нее, и она надеялась, что ошиблась. Может, ей лишь показалось, что у нее драконья любовь к нему. Может, это была человеческая любовь, и ничего более.

Но теперь ее кровь показала правду. Теперь она видела, что это была валтас. Она не могла отрицать правду, не могла сбежать от этого.

Килэй любила Каэла обоими сердцами.

Глава 42

Трепещущая надежда

Когда Каэл проснулся, он был один.

Он лежал лицом в матрас минуту, вспоминая, где он. Знакомый запах одежды великанов ударил по носу, и он резко все вспомнил: они пытались освободить женщин, напала армия Гилдерика, и Ноа...

Он откуда-то знал, что Ноа умер. Его глаза все еще болели от слез. Он ощущал на щеках высохшие дорожки от слез.

Каэл протер глаза и попытался сосредоточиться. Он оказался в загоне, подумал, что у них не получилось. Наверное, Гилдерик поймал их и запер. Но Каэл повернулся и увидел, что дверь загона открыта. Снаружи доносились голоса.

Он медленно встал на ноги. Он вспомнил, что был ранен, что его раны открылись, когда он пытался остановить врата. Он двигался осторожно, уже кривясь. Он ждал укол боли, но его не было. Каэл удивленно потянулся назад.

Хотя рубаха была изорвана, ран не было. Он покрутился, проверяя кожу, и понял, что раны пропали. Он был исцелен.

Что происходит?

Каэл выбежал из загона. Снаружи у догорающих костров лежали большие спящие фигуры. Великаны лежали вместе на самодельных покрывалах из грязной одежды и мешков от картошки. Он увидел несколько длинных кос и выдохнул с облегчением. По крайней мере, женщины были в безопасности.

Но они же храпели не хуже мужчин!

— Каэл!

Темная фигура потащила его к Восточному амбару, а потом провела внутрь. Каэл прошел в двери, заглянул в первый загон и увидел знакомую белозубую улыбку.

— Мой дорогой мальчик, — начал капитан Лисандр, увидев смятение на лице Каэла, — ты же не думал, что мы оставим тебя одного с лордом долин?

Каэлу пришлось сжать кулаки, чтобы не ударить ими. Он уловил движение и увидел на плече Лисандра Вечерокрыла.

Он с виноватым видом распушил перья, и Каэл понял.

— Ты помогал им? — догадался он. — Ты привел пиратов несколько недель назад, и потому они быстро добрались сюда, — он посмотрел на Лисандра. — Поэтому стражи стали загадочным образом исчезать.

— Их броня слабая на шее, — улыбнулся Лисандр, но Каэл не был рад.

— Я говорил вам не лезть, — прорычал он, шагая вперед. Он кое-что вспомнил и разозлился сильнее. — Поверить не могу, что ты втянул в это Аэрилин! Как ты мог, зная, как это опасно...?

— Ах, тут я не виноват, — Лисандр стал строгим. — Когда Вечерокрыл сказал нам, что ты в опасности, мы захотели тут же отправиться в путь. Конечно, Аэрилин хотела с нами, но я и слушать не хотел. Нам повезло, что мы сбежали в первый раз. И я не хотел рисковать ее жизнью снова.

Лисандр сцепил руки за спиной и начал расхаживать. Бедняга Вечерокрыл чуть не слетел с его плеча от резкого разворота.

— Но Аэрилин не отговорить, если она что-то решила. И я не пытался. Я отвел ее к нашей каюте, чтобы попрощаться с ней, — он подмигнул, — а потом запер ее. Я думал, что такое могло случиться случайно. Я даже заставил мужчин носить броню. Я был уверен, что они продержат ее пару недель, — строгий взгляд Лисандра превратился в улыбку. — Но я ошибался. Прошло три дня, как мы прибыли, и Аэрилин нашла нас. Она оттаскала всех за уши и отказалась говорить мне, как умудрилась сбежать, хотя я спрашивал вежливо. Я подозреваю бунт, — отметил Лисандр, хотя его улыбка не увяла. — Но нам нужны были все мечи. И все обернулось к лучшему, — он повернулся к Каэлу с серьезным видом. — Мы освободили Фермы, загнали армию Гилдерика в замок. Хотя они явно нападут на нас завтра. Точнее, сегодня, до рассвета осталось пару часов.

Каэл все еще злился на него, но были дела важнее.

— У нас есть план?

Лисандр покачал головой.

— Я хотел оставить лорда догнивать, но...

— Великаны не могут быть свободны, пока мать долин скована, — заявил сзади Бренд. Его глаза заблестели, когда он посмотрел на Каэла. — Мы оставили планирование тебе, кроха Райт, ведь это ты умеешь.

У Каэла не было сил думать, серьезен ли он. Он увидел рядом с Брендом великаншу, которую Джонатан пытался вывести через ворота. У нее было открытое лицо и добрая улыбка. Она прижималась к Брендру, руки лежали на круглом животе.

— Вы, должно быть, Дарра, — понял он.

Ее улыбка стала шире.

— Да, кроха. А тебе точно нужно поесть. Еда у нас лежит там, — она указала на кормушку.

Каэл склонился и увидел, что там полно еды. Мешки мяса, сыра, хлеба были плотно набитыми, запах еды сильно ощущался в воздухе.

— Поешь, — настаивала Дарра. — Не стесняйся, тебе точно нужно немного мяса.

— Они накормили нас до отвала, — прошептал Бренд. Он застонал, держась за живот. — Не думаю, что в меня еще хоть крошка влезет!

Хотя еда пахла вкусно, Каэлу было не до этого. Он схватил полоску соленого мяса и рассеянно жевал ее, пока ходил и разглядывал лагерь.

Насколько большой была армия великанов? У них были шансы против лорда Гилдерика? Великанов было больше, чем он ожидал... но они не были хорошо вооружены.

Несколько великанов несли пики, украденные из замка. Большая часть была с косами, некоторые были с вилами или лопатами. На некоторых великанах были части брони стражей, которых они убили, но у многих на груди были дыры от кос. Но это их не тревожило.

Почти у каждого костра Каэл видел, как великаны точат оружие. Некоторые останавливали его и спрашивали, когда он собирался атаковать. Он слышал рвение в их голосах. Они нетерпеливо поджимали губы.

Сердца великанов были готовы к бою... но хватит ли этого? Он не знал. Армия Гилдерика была вооружена и обучена. Они были предателями крови, они уже все потеряли, так что сражаться будут изо всех сил.

Может, великаны любили свои долины так сильно, что смогут сравниться по силе с армией лорда, одолеть их пики и броню. Но Каэл не был уверен.

Тревога была такой сильной, что великаны смогли бы прочитать ее на его лице. Так что Каэл ушел от костров в поисках тихого места.

Он нашел Тельреда на страже на краю лагеря, у амбаров. Он большую часть времени сверлил взглядом Деклана, который сидел один на краю поля с зерном, его коса лежала на коленях.

Конечно, Тельред не поприветствовал Каэла.

— Я не буду показывать ему спину, — он кивнул на Деклана. — Он безумен.

— Он это не контролирует.

— Ты не видел его в бою, — рявкнул Тельред, Каэл подумал, что гнев в его глазах смешан со страхом. — Он выл как зверь, убивал как зверь. Я никогда не видел столько крови.

— Ты ничего о нем не знаешь. Он хороший, — прорычал Каэл. Он пошел прочь, потому что в любой миг мог ударить Тельреда.

— Такие люди не отличают врага от друга, — крикнул вслед ему Тельред. — Если встать у него на пути, он убьет тебя.

Каэл не хотел верить в это. Деклан не ранил бы того, о ком заботился, он не был так безумен, потому что, если Деклан мог убить друзей, то и Каэл мог бы.

Он стиснул зубы.

Чуть дальше он нашел Аэрилин. Она сидела у сарая за Северным амбаром с луком в руке. На ее спине был зачарованный колчан, Джейк сделал, чтобы ее стрелы взрывались.

Каэл замедлил шаги, приближаясь. Казалось, что Аэрилин избавляется от ужина в кустах. Он знал, что она захочет побыть одна.

— Я просто волнуюсь, — сказала она, вытирая рукой рот. Каэл подал ей флягу воды с земли, она долго пила. — Я переживала за тебя неделями! И тут я получила тебя обратно, а Ноа... Ноа... — она прижала большие пальцы к глазам, чтобы остановить слезы. — Лисандр сказал не плакать за него, ведь Ноа не хотел бы, чтобы я плакала. Я пыталась, правда, но... — она вытерла глаза рукавом и повернулась к Каэлу. — Его тело в одном из амбаров. Можешь посмотреть, если хочешь.

Каэл покачал головой.

— Я не хочу видеть его таким, — он сглотнул, но выдавил слова. — Я буду помнить его, каким он был.

Подбородок Аэрилин опасно дрожал. А потом она вдруг обвила руками его шею.

— О, я так по тебе скучала. Ты всегда знаешь, что сказать. Я рада, что ты в порядке, и что твои раны зажили...

Каэл забыл о ранах, а Аэрилин, похоже, забыла, что не должна была говорить о них. Она закрыла рот, ее глаза расширились на миг.

Она схватила его за руку.

— Поищем Морриса...

— Что случилось с моими ранами? — потребовал ответа Каэл. — Как они зажили?

Она вытащила что-то из кармана.

— У меня твоя книга, — сказала она, сунув «Атлас» в его руки. — Я сберегла ее, как ты и...

— Аэрилин, — прорычал он. — Скажи мне.

Но даже его взгляд не напугал ее. Она смело посмотрела на него.

— Я обещала, что не скажу, и я этого не сделаю. Точка, — добавила она, когда Каэл

начал спорить. — Идем к Моррису.

Он пошел за ней, его шаги были легче, чем за все месяцы. В нем теплилась надежда, шевелилась, как нечто новое в почерневшей скорлупе его сердца...

«Нет, — яростно говорил себе он. — Даже не думай».

А крохотная надежда не сдавалась.

Они осторожно обходили спящих великанов, несколько раз обошли лагерь, а потом нашли Морриса и Джонатана в Южном амбаре. Моррис сидел у дальней стены и грыз жареный хлеб. Он потерял руки в Шепчущей войне, так что его обрубки были в кожаных наручах. К одной руке лямками была пристегнута палка, хлеб был насажен на нее.

— Ты снова это делал, — сказал Моррис, когда Каэл приблизился. Он улыбнулся. — Мне пора перестать удивляться этому.

— Меня удивляет, — вмешалась Аэрилин, — вот это.

Они проследили за ее потрясенным взглядом и увидели Джонатана, крепко спящего на грязном полу в объятиях красивой великанши. Пряди волос выбились из ее косы волнами. Даже во сне ее брови были хитро изогнуты.

Каэл понял, что это Клейри.

Увидев опухшую щеку Джонатана, он убедился в том, что это Клейри.

— Бренд не рад тому, что скрипач может стать ему братом?

Аэрилин покачала головой.

— Если бы не женщины, от него ничего не осталось бы, — она улыбнулась и понизила голос. — Дарра топнула ногой, и я думала, что будет хуже, но Бренд послушался! Он расстроился. Одно слово Дарры, и он поник. Казалось, что его отругала мать. Представляешь? Великану Бренду говорили, что делать! — Аэрилин быстро вдохнула. — В общем, Дарра заставила Бренда извиниться и увела его. Лисандр, наверное, развлекал их пиратскими байками... Клейри не отпускает Джонатана, — добавила Аэрилин, поджав губы при виде спящей парочки. Она на миг нахмурилась, глядя на них. А потом выдохнула и вскинула руки. — О, я с ума сойду!

Она ушла, оставив Каэла с Моррисом.

— Садись, — Моррис похлопал по земле рядом с собой. — Я бы спросил, как тебе удалось, но я слышал это уже раз десять! Великаны не переставали говорить о тебе, когда мы прибыли сюда. Мы только теперь успокоили их, — крошки посыпались с бороды Морриса, он покачал головой. — Должен сказать, ты действовал немного безумно.

Каэл пожал плечами, сев.

— Порой только безумие спасает, — он улыбнулся Моррису, но тот не ответил улыбкой.

Его рот раскрылся, глаза прищурились.

— Где ты это услышал?

Желудок Каэла сжался.

— Н-не помню.

Моррис заморгал, словно в глаза ему попала пыль. Он потер уши обрубками и покачал головой.

— Опять это! Я где-то это слышал раньше.

— Что слышали? — сказал Каэл. Он сильно растерялся, от выражения лица Морриса ему стало не по себе. Там были удивление и страх.

— Это моя вина, — проворчал Моррис через минуту. Он сдвинул кустистые брови. — Я думал, ты тянешься к бою, но я ошибался... ты больше ремесленник. Да, только

ремесленнику это удалось бы.

— Что удалось бы? — Каэлу было сложно держать голос ровным. Он не знал, почему Моррис смотрел на него с обвинением, но ощущал себя злодеем. — Хорошо, я соврал. Я читал книгу о вхождении в разум. Довольны?

Моррис покачал головой.

— Ты не понимаешь. То, что создал ремесленник, делает то, что он задумал. Слова — тоже творение, умелый ремесленник может словами подчинять других своей воле. Так делали раньше. Будь осторожнее с ложью, — он отвел взгляд. — Иначе можно навредить.

Сначала Каэл не поверил ему. Как слова могли управлять кем-то? А потом он вспомнил день, когда он соврал о проклятии Вечерокрыла. Он вспомнил выражение лица Деклана, как он моргал и тер уши, как делал Моррис. А потом его лицо разгладилось.

Может, Каэл управлял им.

— Я слышал это, — продолжил Моррис. — В твоих словах есть звон, как молот бьет по наковальне. Я знал, что это связано с силой шептуна, — он ткнул Каэла в спину, возвращая его из мыслей. — Ты умный парень, я не буду на тебя давить. Райт должен сам выбирать свой путь. Но будь осторожен с тем, что читаешь. Особенно, если это писал Покоритель смерти.

Каэл удивленно посмотрел на него.

— Вы слышали о нем?

— Айе, он был великим целителем в свое время. Но сейчас он мертв, — сухо сказал Моррис, словно хотел сменить тему. — Ты сейчас должен думать о том, как нам пробраться в замок Гилдерика!

У Каэла были идеи. Он проверял разные сценарии, планируя, что будет, если Гилдерик выйдет биться с ними, если он попытается окружить их, если он просто запрется в стенах замка. Но ему придется когда-нибудь выйти.

И великаны будут готовы к этому.

И все же... хотя у Каэла были идеи, его план еще не срабатывал так, как он задумывал. Гилдерик всегда делал то, о чем он не думал.

Так что он понимал, что праздновать рано. Он начал проверять, что в его плане могло пойти не так.

— Лисандр сказал, что вы смогли освободить Фермы.

— О, да, это было быстро.

— Они убили мужчину по имени Финкс?

Моррис прищурился.

— Не знаю... Редкие могли уйти оттуда, — он присвистнул и покачал головой. — Этот Деклан... Я рад, что он на нашей стороне.

Каэл кивнул, стараясь подавить недовольство.

Был шанс, что Финкса убили, но он не был в этом уверен. Он понимал, что поверит в это, если увидит труп. Но сейчас он не переживал за Финкса, он справится с этим, когда столкнется.

— Вы знаете что-нибудь о Гилдерике? — сказал Каэл. Он видел бледный свет. Близился рассвет, от мыслей о грядущем бое бурлила его тревога. Может, если он будет знать о Гилдерике больше, у него появится идея, как одолеть его.

Но помощи от Морриса было мало.

— Никто о нем толком ничего не знает, даже когда он работал на короля Банагера, он

предпочитал замыкаться. И мы не мешали ему! — Моррис поежился. — Я видел его пару раз... люди говорили, что он некромант. Говорят, он высасывает души мятежников на допросе. Не знаю. Я даже не помню, чтобы от него пахло магией.

Каэл кивнул. Он не знал, что еще ожидал. Он потерял живот, где переваривалось мясо. Джонатан и Клейри мирно спали. Каэл смотрел на них минуту, слушал ровное дыхание.

Они так далеко зашли... он знал, что обратного пути нет. Если они провалятся, Гилдерик не просто запрет их, он заставит платить кровью. Но великаны не позволят убить их женщин. Нет, они будут биться до последнего. Если они сегодня проиграют, завтра не наступит.

Каэлу вдруг показалось, что вес всех великанов опустился на его плечи. Он завел их сюда. Если они сегодня умрут, то только из-за него.

— Я боюсь, — прошептал он. Почему-то от признания стало только тяжелее. Он едва ощутил руку Морриса, опустившуюся ему на плечи.

— Конечно, я бы переживал, если бы было иначе! Никто не хочет воевать. Но знаешь, что?

Каэл поднял голову, глаза Морриса мерцали.

— Страх не может тебя убить. О, он может заморозить. Может заставить сдаться, но не может убить. Тебя убивает то, что ты не делаешь из-за страха. И в конце тебя настигает сожаление, — он прижал к себе Каэла. — Что бы ни случилось, не жалею о том, что сделал в долинах... потому что ты сделал великое дело.

Каэл не был в этом уверен. Если великое дело в том, чтобы вести великанов на смерть, то это не так. Ноа уже умер из-за него. Он не пережил бы другую смерть по его вине. Он надеялся, что этого не будет.

Он не успел уйти глубоко во тьму, Лисандр прошел в дверь. Вечерокрыл радостно сидел на его плече, хотя он явно прикрывался капитаном, ведь его ждали возмущения Каэла, когда он примет человеческий облик.

— Я принес твоё оружие, — сказал Лисандр, вручая Каэлу лук и стрелы. Он вытащил из кармана метательные ножи. — Это тоже твоё, думаю. Было среди оружия, украденного женщинами, — он ухмыльнулся.

Каэл вооружился, как мог. Ремешки чехла с ножами были разорваны, они вряд ли помогли бы ему против великанов, но он все равно сложил их в карман.

— Пора всех будить, — он встал на ноги. — Не знаю, когда нападет Гилдерик. Нужно быть готовыми.

Лисандр улыбнулся.

— О, не думаю, что он нападет сразу. Весной здесь густой туман. Людям плохо в нем видно... куда ты?

Каэл не ответил.

Он побежал из амбара и услышал, как Моррис топает за ним. Они вырвались наружу и застыли.

Белый туман покрывал Поля, он был таким густым, что Каэл ощущал, как вдыхает его. Он ощущал туман, он щекотал горло и легкие. Он снова вдохнул и уловил знакомый ужасный запах. Его желудок сжался, а Моррис крикнул:

— Магия! Просыпайтесь, на нас напали!

Глава 43

Битва за долины

Как только Моррис сказал это, туман рассеялся. Он впитался в землю, как вода в трещину. И на них бросилась армия Гилдерика.

Они оглушительно ревели. Их тяжелые шаги сотрясали землю. Каэл ощущал, как гремит голова от этого. Глаза пылали под их шлемами. Они опустили пики, держа их, как клыки злого стального монстра. Чудища, желающего крови.

Каэл видел их, но почему-то не двигался. Он онемел от ненависти в их глазах, боялся поднять ногу, потому что земля жутко дрожала. Армия Гилдерика бежала к ним, и он никак не мог ее остановить. Он не мог даже бежать.

Кто-то пробежал мимо него, толкнув так сильно, что Каэл чуть не упал на землю. Нечеловеческий рев ударил по ушам, и этот вопль он знал.

Деклан. Он бежал к армии Гилдерика, одинокая фигура против сотни пик. Восходящее солнце блестело на его косе, он поднял ее и издал крик.

Он встретил их как камень на пути реки, раскидывая предателей в стороны. Они кричали и пытались отпрянуть, но Деклан двигался слишком быстро. Ломалось оружие. Обломки летели в воздух, когда опускалась коса. Броня скрипела и скрежетала. Он пробирался глубже в толпу. Он развернулся, за ним летели алые ленты.

Но Деклан был меньше остальных, и вскоре тела предателей крови скрыли его из виду. Армия Гилдерика поглотила его, и Каэл забыл о страхе. Он не позволил бы им убить Деклана.

Его первая стрела пролетела мимо, но вторую предатели заметили. Она попала в горло ближайшего, его тело упало на спины товарищей. Они заметили Каэла и побежали к нему с ревом.

Кровь шумела в его ушах, зрение сузилось, они приближались. Пылающие глаза, что до этого пугали его, теперь были лишь мишенями. Три предателя упали, и он понял, что совершил ужасную ошибку: подпустил их слишком близко. Теперь они были на расстоянии пики, а у него не было меча, чтобы отбивать их. Первый предатель прицелился в его горло, и Каэл пригнулся.

Раздался звон металла. Каэл поднял голову и увидел над собой Бренда, а предатель извивался, насаженный на его косу.

— Я тебя прикрыл, крыска! — крикнул он. А потом посмотрел за плечо и крикнул. — Вперед! Заберем то, что они предатели украли у нас!

Каэл закрыл руками голову, великаны помчались мимо него. Они были босыми, с косами и вилами вместо обычного оружия, и их одежда была так изорвана, что едва защищала от ветра, куда там от стрелы. Но, когда они заревели, предатели отшатнулись.

Великаны врезались в армию Гилдерика, сбивая первый ряд врагов на землю. Они размахивали копьями, опускали вилы с убийственной силой. Армия замешкалась от ярости их ударов. Они отступили на пару сотен ярдов, а потом пришли в себя и вступили в бой.

Пираты-лучники присоединились к Каэлу. Они выпускали стрелы в головы великанов, чтобы предателей стало как можно меньше. Многие стрелы стучали по броне или застревали в конечностях, что не замедляло великанов. Каэл смотрел, как предатели крови просто выдергивают стрелы и дальше идут в бой.

— Женщин я собрал в амбаре. Моррис с ними, — крикнул Лисандр, пробегая мимо. — Пошевеливайтесь, морские псы!

— Вы слышали капитана. Двигайтесь! — кричал Тельред, следуя за ним.

Небольшой отряд пиратов прокричал ответ.

Они бежали к великанам, предатели крови пытались там пробить себе путь. Пираты прибыли вовремя, устроили беспорядок у врага. Но их сабли не могли сравниться с пиками. Каэл смотрел в ужасе, как нескольких пиратов пронзили в животы и бросили в сторону, словно их тела были снопами сена.

— Помогите им! — Каэл указал лучникам на пиратов. Он кричал Лисандру отступить, но шум боя был слишком громким. Капитан не слышал его.

Предатели крови старались загнать пиратов ловушку, Лисандр был в куче. Его сабля взлетала, он отбивался. Он так сосредоточился на враге впереди, что не видел пику сзади.

Выбора не было. Каэл бросился к Лисандру, но Вечерокрыл добрался туда первым. Он впился когтями в лицо предателя. Тот закричал, размахивая руками, чтобы отогнать Вечерокрыла.

Предатель развернулся, Тельред вонзил меч в спину противника.

— Вам пора отступить! — закричал Каэл.

Но Лисандр не слышал, он бился. Каэл закричал снова, капитан игнорировал его. Он послал стрелу в горло его противника.

— Отступайте, — сказал Каэл, предатель рухнул на землю.

Пот был на лбу Лисандра под волнистыми волосами, он оглянулся.

— Никогда! Пират лучше умрет, чем...!

Его оборвал взрыв. Он попал в предателей перед ними, они кусками взлетели в воздух. Сила взрыва оттолкнула пиратов. Лисандр врезался в Каэла, они упали на землю. Высвободившись, Каэл поднял голову, Аэрилин стояла среди лучников.

Она уже была со второй стрелой наготове. Ее взгляд прожигал дыру в Лисандре. Она прицелилась.

— С дороги, чертов пират! — прокричала она.

Удивительно, как быстро Лисандр вскочил на ноги.

— Отступаем, псы! Назад! — кричал он, размахивая саблей. — Я бы лучше умер, чем бежал, — сказал он Каэлу, отступая, — но когда жена ругается, лучше ее слушаться!

Аэрилин выпустила еще одну стрелу, пока они отступали, взорвав около шести предателей. Но, хотя ее выстрелы отгоняли великанов, они все еще проигрывали: предатели наступали, великаны не могли защититься от пик. Каэл видел несколько тел в рваной одежде, лежащих неподвижно на земле.

— Целься в середину! — крикнул он Аэрилин. — Может, они разбегутся.

Она кивнула, следующая ее стрела пролетела высоко над их головами. Каэл следил, как она взлетает, надеясь, что взрыв даст великанам шанс ответить. Стрела начала падать, но лиловая вспышка света попала по ней, и она взорвалась в воздухе.

— Что случилось? — сказала Аэрилин, шурясь.

Лисандр взмахнул саблей.

— Попробуй еще раз!

Она так и сделала. В этот раз стрелу сбила лиловая вспышка еще до того, как она набрала высоту. Аэрилин топнула ногой.

— Почему не работает?

— Это Финкс, — сказал Каэл, во рту пересохло. — Он еще жив. Пусть стреляют сразу все лучники, — крикнул он Лисандру. — Всех сразу он не остановит, и стрела Аэрилин сможет долететь!

— Хорошо, но... куда ты?

— Убивать Финкса! — коротко сказал Каэл. Он не собирался сидеть и позволять гадкому магу все портить. Нет, он убедится, что Финкс больше им не помешает.

Земля вокруг была ровной. Он не мог подняться выше, чтобы увидеть за телами великанов впереди. И Каэлу пришлось бежать среди них. Вскоре предатели заметили его и начали замахиваться пиками на его спину.

Он легко уклонялся, замедляясь, когда они целились, а потом бросаясь вперед. Пока оружие стучало за ним, Каэл бежал, пытаясь при этом увидеть Финкса.

Казалось, лиловые вспышки летели из-за армии, из-за стены тел в броне. Каэл думал о том, как добраться туда, когда услышал топот сзади.

Предателям надоело пытаться попасть по нему, и они решили догнать его. Их длинные ноги легко сокращали брешь. Как бы сильно он ни бежал, он не мог оторваться. Каэл слышал грохот брони, их тяжелое дыхание, пока они преследовали его. Он знал, что, если не хочет быть пронзенным пикой, ему нужно развернуться и сражаться.

Он посмотрел налево, где проходила основная часть сражения. Великаны толкались, пытаясь добраться до врагов. Лицо Бренда было так сильно покрыто кровью, что Каэл не узнал бы его, если бы не волосы.

Его голова появилась над толпой. Увидев Каэла, он локтями стукнул по головам великанов.

— Помогите ему! Помогите крыске, скорее!

Предатели, преследовавшие Каэла, оторвались от армии, и теперь они были в ловушке, их ждали рабы. Великаны преградили им путь с косами, и их атака дала Каэлу шанс сбежать.

Несколько минут спустя он почти добрался до края поля боя и заметил Финкса. Маг прятался за армией. Стрелы летели над головой, и он бил хлыстом, разрушая их волнами лилового света. Его кожа была болезненного желто-зеленого цвета. Ноги дрожали в коленях. Пот стекал по его волосам, стянутым в хвост, оставляя мокрое пятно на его спине. Но, хоть он выглядел так, что вот-вот потеряет сознание, он сражался.

Он понимал, что от этого зависела его гадкая жизнь, если его схватят, великаны точно расправятся с ним.

Финкс так сосредоточился на стрелах, что не увидел Каэла. Их разделял бросок камня, это устраивало Каэла. Он натянул тетиву и выпустил стрелу.

Но тут из сражения вышел предатель крови, сжимая раненую руку, и попал на пути стрелы Каэла. Его тело ударилось о землю, и от шума Финкс оглянулся.

Он увидел Каэла. Что-то дикое вспыхнуло в его глазах.

Он поднял хлыст, огонь вспыхнул на его длине. Он оскалился и взмахнул хлыстом над головой. Шар огня сорвался с его конца и полетел, как бульжник из катапульты. Каэл смотрел, как шар взлетает над полем боя, в Поля. Он не знал, куда направлена атака.

Он проследил за путем огненного шара и увидел, что он летит к амбарам.

— Женщины! — кровь Каэла шумела в ушах, от бега содрогалось тело. Он побежал к амбарам, крича пиратам, что стояли на страже во дворе. Он был слишком далеко, чтобы видеть их лица, но он видел, что они смотрели в небо, на огненный шар.

Пираты начали суетиться у дверей амбара, пытались открыть их, но Каэл знал, что они

не успеют вывести женщин вовремя. Шар начал падать, через пару секунд амбар будет разрушен.

Что-то пролетело над головой Каэла, он рухнул лицом в землю. Он поднял голову и с ужасом увидел второй огненный шар. Он пролетел над его головой и врезался с заклинанием Финкса, а потом поглотил его.

Два огня превратились в пылающее существо. Оно словно развернуло крылья и улетало от амбаров. Огненный шар развернулся к полю боя и направился по прямой к Финксу.

Он послал туда вспышку света, и шар взорвался, не долетел до него и осыпал предателей пылающими обрывками. Они кричали, некоторые загорелись. Бой замедлился на миг, все повернулись к горам.

— Еще один!

Каэл посмотрел, куда указывали предатели, и чуть не рухнул на колени.

Знакомая фигура шла к полю боя. Каэл узнал силуэт сразу же. Он, казалось, видел огонь, блестящий на очках, когда маг поднял посох.

— Джейк! — крикнул он.

Но Джейк не слышал его, он бился с Финксом. Они посылали друг в друга вспышки света, пытались пробить защиту друг друга. Некоторые их заклинания взрывались так громко, что в ушах у Каэла звенело, а предатели крови паниковали от шума.

— Бегите! В замок! — вопили они.

Армия тут же развернулась и помчалась в безопасность замка. Финксу пришлось оставить бой с Джейком и бежать с ними, чтобы его не затоптали. Жар боя охватил ноги Каэла. Он не понимал, что преследует армию Гилдерика, пока великаны не обогнали его. Они ревели, размахивали косами за спинами предателей крови. Пираты осыпали врагов градом стрел.

Но страх нес врагов вперед, вскоре они оторвались. Первая волна была почти у ворот замка, когда другая сила ударила в их середину.

Пронзительные крики заполнили воздух, и Каэл увидел, что странного вида армия вырвалась с гор и побежала к противнику. Это была странная смесь пустынного народа: некоторые были с тряпками на головах, другие были такими крохами, что он принял бы их за детей. Он растерялся, а потом услышал звук, который лишил его дыхания.

Невероятно знакомый певучий крик, который дрожал на струнах его сердца.

Предвестник.

Песня ударила по его ушам, резко звеня, как белое лезвие меча. Песнь заполнила Каэла так, что он подумал, что лопнет. Он не чувствовал руки, которыми размахивал, или глаза, пока разглядывал толпу. Его тело онемело, на миг он испугался, что рухнет на землю.

А потом сердце ожило.

Первый удар раздался в груди эхом такой силы, что он чуть не споткнулся. Его ребра затрещали, надежда ожила с ревом. Она билась о черные стены его сердца, сотрясая их с каждым ударом. Он судорожно дышал от этого биения в груди. Мгновение он был на грани.

А потом... он увидел ее.

Килэй вела отряд. Она бросилась в гущу армии Гилдерика. Предвестник яростно вспыхивал, и Каэл больше ничего не знал.

Он схватил с земли косу великана и помчался вперед. Тела мелькали размыто. Жаркая жидкость липла к рубахе, но ему было все равно. Он пробивался сквозь плоть и сталь к ней. Они оказались бок о бок, и мир вернулся.

Они били врагов. Когда предатель замахивался на живот Каэла, Килэй била его по ногам. Другой пытался ударить ее в спину, и Каэл отрубал ему голову.

Он следил краем глаза за ее движениями, стараясь прикрывать ее, когда она атаковала. Он закрывал бреши в ее защите.

Сколько бы он ни ударял, он продолжал взмахивать косой. Как бы коса ни дрожала в его руках, он держался. Каким бы слабым он ни был, ему хватало сил защитить ее.

Он не позволит ничему случиться с Килэй.

Предатель крови выскочил, и Каэл направил удар в его спину. Лезвие не успело долететь, Предвестник блокировал удар и подцепил тупой стороной.

— У них люди на стенах. Идем!

Килэй потащила его за косу. Пики гремели по земле за ними, пока они убегали. Каэл поднял голову и увидел, что их маленькая армия уже ждет их. Как долго они защищали ворота в одиночку?

— Хитрец! — вопил Бренд. Над его глазом был порез, но он все равно улыбался. — Я не думал, что твои ручки могут держать косу!

Каэл не успел ответить ему. Он скользнул взглядом по головам великанов, пытаясь понять, сколько их осталось. Тела лежали на Полях за ними. И он видел еще больше у ворот замка. Многие были в броне солдат Гилдерика, хотя он видел нескольких рабов среди них... и несколько тел пиратов.

Увидев их изломанных и в крови на траве, Каэл ощутил дрожь в коленях. Он бы упал от ужаса, если бы не Килэй.

Ее ладонь крепко сжала его плечо. Давление напомнило ему, что бой еще не окончен. Еще многое нужно было сделать.

Он искал в толпе товарищей и с облегчением увидел их всех. Лисандр и Тельред были в порезах, но живые. Многие пираты собрались за ними. Аэрилин бежала с Полей с отрядом лучников. Она с решительным видом смотрела на ворота замка.

Бренд и его великаны были в изрезанных туниках, пытались перевязать раны самодельными бинтами. Их толстые пальцы двигались неловко, и те, у кого была ранена рука, перевязывали одной рукой. И тут вступил народ пустыни.

Они вонзили копья в землю и прошли к великанам. Их маленькие пальцы работали уверенно, некоторые отрывали полоски от своей одежды для перевязок. Великаны присели и пытели, пока ни работали, на их грязных лицах светилось удивление. Каэл рассмеялся бы от зрелища, если бы было время.

— Моррис и Джонатан...?

— С женщинами, — кратко ответил Тельред, глядя на замок. — Если все пойдет плохо, они смогут увести их в глушь.

Лисандр закатил глаза.

— Не будет так плохо, — сказал он, пронзив кузена взглядом. Он улыбнулся Каэлу. — Мы готовы, сэр Райт.

— Славься, Убийца ведьмы! — прогремели голоса.

Каэл заглянул за пиратов и с удивлением увидел, что с тряпками на голове были не люди пустыни, а кораблестроители. Шамус широко улыбался, поднимая в приветствии кулак.

Боевой маг Джейк стоял в стороне, опираясь на посох. Его очки съехали с длинного носа, когда он кивнул.

Только одного Каэл не видел.

— Где Деклан?

Бренд указал за него, и Каэл обернулся.

Деклан расхаживал перед замком Гилдерика. Его босые ноги оставляли полосы в земле, коса висела на боку. Его плечи были напряжены. Он глубоко и резко дышал, и грудь раздувалась почти вдвое.

И он с головы до пят был в крови.

Он повернул голову, бездонные черные глаза посмотрели на Каэла.

— Мы прогнали врага, поймали его, — прорычал он. — Чего мы ждем?

Килэй задела Каэла рукой, пока пожимала плечами.

— Даже не знаю, — она посмотрела ему в глаза, он старался удержать сердце в груди, когда она улыбнулась. — Чего мы ждем?

— Ничего, — сказал Каэл.

Килэй кивнула. С улыбкой она бросила через плечо:

— Джейк? Дверь твоя.

Глава 44

В хранилище

Заклинание Джейка открыло врата. Двери разлетелись щепками, куски стены взлетели в небо. Как только путь был чист, Деклан бросился в замок, и великаны последовали за ним с оглушительным ревом.

Каэл знал, что великаны отвлекут предателей, но были и другие враги

— Там в башне ведьма, — сказал Каэл, указав Джейку. — Смотри, чтобы она не стала для нас бедой.

Джей побежал, армия небольших людей последовала за ним.

Аэрилин, похоже, назначила себя ответственной за лучников, она опустила руку, и пираты выпустили стрелы в стены замка, заставляя предателей пригнуться. Без пик врагов великаны прыгали через обломки ворот и спешили во двор.

— Какой план? — сказал Лисандр.

— Нельзя отпустить Гилдерика, — Каэл повернулся к Шамусу. — Из замка есть только два пути. Джейк прикрывает башню, а вы с вашими людьми смотрите за вратами.

Он кивнул и быстро передал приказ.

— Мы с тобой, — сказал Лисандр, когда Каэл повернулся к нему. — Пираты должны быть вместе. И я хотел бы посмотреть, как забегает Гилдерик, когда мы нападём! — добавил он с улыбкой.

Каэл повернулся к Килэй, тихо стоящей рядом.

— Я с тобой, — сказала она, взмахнув Предвестником. — Пора покончить с этим.

И Каэл с криком повел их к вратам замка.

Они перепрыгивали тела и обломки камня. Во дворе Каэл замедлился. Он понял, что лабиринт Посевной луны еще был здесь, стены камня и мусора стояли на их пути. Великаны заполнили почти каждый проход, сражаясь. Тел рядом было столько, что Каэлу пришлось вести товарищей по узкому проему.

Они добежали до конца проема, и они чуть не застряли из-за боя великанов. Каэлу пришлось резко повернуть, чтобы избежать встречи. Когда они снова повернули, их ждал предатель крови.

Он бросился. Каэл выпустил стрелу, Предвестник закричал за ним, и коричневая вспышка пролетела над их головами. Каэл потрясенно смотрел, как коричневый горный лев врывается в предателя, терзает его когтями и впивается огромными челюстями в его шею. Предатель откатился с их дороги с криком.

Каэл не успел ничего подумать, Килэй толкнула его вперед.

— Двигайся, сзади их больше! Он на нашей стороне, — добавила она, заметив, что Каэл смотрит на льва.

Он не понимал, как горный лев оказался на их стороне, но не задавал вопросов. Они завернули за угол, и больше предателей бросилось на них.

Это произошло так быстро, что Каэл едва смог увидеть: он услышал шипение, что-то пролетело над головой, и все три предателя рухнули на землю. Ножи были в их горлах.

Каэл развернулся и, казалось, увидел вспышку темных волос, кто-то скрылся за перевернутой телегой, но он не был уверен. Килэй подталкивала его, и он побежал вперед.

Когда они добрались до обгоревшего прохода, он вспомнил путь. Он повторял свои

шаги, что делал при Посевной луне, стараясь избегать схваток великанов по пути. Он слышал, как в хаосе кричал Бренд:

— Заканчивайте с ними, ребята! Не оставлять ни одного из гадов живыми!

Каэл не хотел встретиться в лабиринте только с Дредом. Он считал странным, что генерал не появился в утреннем бою. Гилдерик, наверное, держал его при себе. Он не хотел бы стать пленником, если замок падет. А Дред мог бы дать ему время сбежать.

Каэл понимал, что ему придется как-то пробиться мимо Дреда на пути к Гилдерику. Но он пока не видел, как это сделает.

Он отогнал эту мысль и бежал дальше. Он сосредоточился на изгибах и поворотах, следил за опасностями вокруг. Через пару минут отчаянного бега они вырвались на открытый двор.

Каэл оглянулся, проверяя, что товарищи еще бегут за ним, а потом повернулся к дверям крепости, что были в нескольких шагах от него. К сожалению, двери были заперты и защищены небольшой горой плоти и стали.

Как он и подозревал, генерал Дред стоял перед дверями. Шестеро предателей собрались за его спиной, опустив пики в угрозе. При виде Каэла глаза Дреда расширились в узнавании.

— Лорду стоило убить тебя, — прорычал он, скалясь. — Но, раз он не сделал этого, я сделаю это за него. Считай, — добавил он, когда Каэл вскинул лук. — У тебя только один выстрел.

Этого Каэлу хватало. Он прицелился в левый глаз Дреда, генерал бросился вперед, пока Каэл готовился выстрелить.

— Нет!

Деклан вышел из-за обломков стены, небольшая армия грозных великанов следовала за ним. Он был так сильно покрыт кровью, что оставлял за собой темные следы. Он сжимал кошу обеими руками, с лезвия капала кровь.

Черные глаза смотрели на Дреда.

— Нет... этот мой.

С ревом Деклан бросился, и лицо Дреда побелело от ужаса. Он развернулся и побежал, оставляя стражей биться одним.

Деклан преследовал Дреда, и великаны расталкивали предателей от дверей. На миг Каэлу показалось, что они победили.

— Невспаханые! — закричал Бренд. Он стоял на груде гнилых бочек и показывал косой на Поля. — Они вырвались! Невспаханые идут!

— Это еще что такое? — сказала Килэй, пытаясь вытянуть шею и увидеть из-за стены.

Желудок Каэла сжался.

— Поверь, лучше не знать. Идем!

Он схватил ее за руку и потащил к дверям. В два удара она сломала замок. Каэл провел ее внутрь, Тельред и Лисандр направились за ними. Они замерли на миг, глаза привыкали к полумраку замка.

— Тут темно, — проворчал Тельред. — Зачем?

— А ты что ожидал? Думал, огоньки пляшут в коридорах? — сказал Лисандр. Он закрыл двери и подпер стулом. — Это долго не продержится. Идемте.

Каэл был согласен.

Он повел их по коридорам, прислушиваясь в зловещей тишине. Килэй прижимала ладонь к его спине, словно была готова оттолкнуть его в сторону, если на них нападут. Но

они шли несколько минут, а стражей видно не было. И Каэл забеспокоился.

— Может, он ушел, — прошептал Лисандр. Но он все равно говорил тихо, словно у коридоров были уши.

Рука на спине Каэла дрогнула, Килэй покачала головой.

— Нет, он еще здесь. Я ощущаю запах.

— Тогда почему не ведешь? — сказал Каэл. Он вздрогнул от ее смеха.

— Буду, если мы повернем не туда, — тихо сказала она. — Мы почти на месте.

Тусклый свет виднелся в конце коридора, и Каэл прошел к нему до закрытой двери. Он попросил товарищей держаться сзади, пока он открывал ее, но они отказались.

— Тогда не шумите, — прошептал он, крутя ручку. — Может, шанс только один, — они кивнули, и он открыл дверь.

Длинный коридор тянулся впереди, и в конце его стоял мужчина. Каэл уже прицелился стрелой, а потом понял, что их ждал не Гилдерик.

Это был Финкс.

Он сторожил дверь в конце коридора. Лиловый трепещущий щит висел в воздухе перед ним.

— Стрелы не помогут, крыса, — прошипел он с большими глазами. — Придется шагнуть... ближе.

Каэл не собирался делать этого.

Тельред не медлил.

Он пробежал мимо Каэла, крича и размахивая мечом. Каэл бросился за ним, схватил за рубашку, но та выскользнула.

— Нет! Не...!

Взрыв сотряс коридор. Тельред отлетел и врезался в стену. Горячие капли отлетели в стороны. Тельред рухнул, и Каэл подумал, что он мертв. А потом он перекатился.

— Нога! — закричал он.

Лисандр тут же оказался рядом. Он начал рвать свою рубашку, когда Каэл остановил его.

— Позволь мне. Килэй, прикрой нас.

Она встала перед ними с Предвестником в руке. Рука дрожала, пальцы сжимались на рукояти. Каэл не видел ее лицо, но видел, как красное растекается по ее шее сзади. Он мог лишь представлять, как она смотрит на Финкса.

— Почини! — кричал Тельред, держась за колено. Его лицо было белым от боли, он сжимал зубы так сильно, что мог сломать. — Ты должен это починить!

Каэл никак не мог это исправить. Ноги Тельреда ниже колена больше не было, куски лежали в коридоре. Каэл мог только остановить кровотечение.

— Держи его за руку, — сказал он Лисандру.

Капитан обхватил руку Тельреда окровавленными ладонями и крепко сжал.

— Держись, Ред. Каэл остановит кровь.

Он быстро нашел вены на ноге Тельреда и зажал их. Как только кровотечение остановилось, он помог Лисандру поднять Тельреда. — Ты так не дойдешь до двора. Отведи его в пустую комнату. Запритесь там, мы придем за вами.

Лисандр кивнул.

— Слышишь, Ред? Все будет хорошо.

— Хорошо? Мне оторвало ногу! — рявкнул Тельред, хватаясь за Лисандра. Они

уходили, а он пронзил Каэла взглядом. — Пусть он заплатит за это, слышишь? — капли пота стекали на губы Тельреда. Его глаза угрожали закатиться, но он держался. — Отомсти ему.

Это Каэл и планировал.

Он повесил лук на плечо и предупредил Килэй оставаться позади. Он вытащил нож темного всадника и направил на Финкса.

Маг откинул голову и рассмеялся.

— Давай, порежь меня, — дразнил он, злые глаза блестели. — Вонзи в мое сердце ножичек!

Каэл улыбнулся.

— Ладно.

Он бросился. Взрывы гремели в ушах. Первый, второй, третий — ловушки взрывались волнами огня и дыма. Его пятки чесались. Порывы ветра ударили по ногам, но не вредили. Огонь лизал уши, но не обжигал. Финкс увидел, как он вырывается из дыма, и побежал.

Каэл схватил его за волосы и дернул назад, не давая скрыться за щитом. Финкс пищал, падая на лезвие кинжала.

— Ты шестой маг, которого я убил ножом, — сказал Каэл, Финкс беспомощно корчился на лезвии. — Ты не так силен, как думал.

Каэл повернул кинжал, и... Финкс затих. Он оттащил тело мага в сторону и услышал сзади шаги.

— Великаны пробились, — сказала Килэй. Ее зеленые глаза смотрели на дверь перед ними. — Гилдерик там, я ощущаю его зло. Они хотят порвать его на клочки, но...

Она нахмурилась, Каэл не понимал ее взгляд. Килэй была растеряна... или встревожена. Может, все сразу.

— Я не доверяю Гилдерику, — сказала она. — Он что-то задумал. Нам лучше скорее покончить с этим. Готов?

Каэл кивнул. Он хотел покончить с этим и собирался сделать это ради Тельреда, великанов и всех друзей, которых они потеряли. Он убедится, что Гилдерик погибнет и заберет с собой зло из долин.

Килэй ударила дверь плечом, отшатнулась, когда засов сломался, и Каэл вышел из-за нее.

Гилдерик сидел в середине комнаты, паучьи пальцы сжались на подлокотниках черного трона. Его подбородок был опущен, но, услышав, как Каэл идет к нему, он медленно поднял голову.

Каэл не отводил взгляд. Он больше не боялся Гилдерика, он хотел увидеть выражение его лица, когда стрела пронзит его. Жидкие волосы Гилдерика разделились, и два темных глаза посмотрели на Каэла.

Даже издали он видел много линий в зрачках Гилдерика. Они заполняли все перед глазами Каэла, словно он мог видеть только эти линии.

Тяжелые шаги звучали в коридоре сзади, приближаясь. Но Каэл этого не слышал. Комната пропала, как и замок, долины... даже Килэй. Его окутала тьма.

Каэл потерял равновесие и рухнул в другой мир.

Глава 45

Страх лишь перед смертью

Мир медленно проявлялся.

Сначала Каэл подумал, что вернулся в тронный зал Гилдерика. Но здесь было ярче, чем он помнил. Каменный пол давил на его спину, тело болело, словно он упал с большой высоты и еще не мог дышать. Пол был покрыт толстым слоем пыли: она прилипала к его мокрым ладоням, когда он попытался перекатиться.

Он не слушал скрип своих костей и заставил себя сесть. Перед глазами все опасно помутнело, он сосредоточился, чтобы не отключиться. Медленно все снова проявилось.

Его окружала широкая каменная комната. Она была круглой, как в башне. Полки книг обрамляли стены, от красок их корешков в комнате было ярче. Он был уверен, что оказался не в замке Гилдерика. Но... тогда где?

Перед ним были невысокие ступеньки, как подмости к трону. Но вместо трона был простой дубовый стол. Края были гладкими, но Каэл видел, что стол был сделан грубо, словно им занимался Роланд.

На столе лежала большая книга, такая большая, что Каэл вряд ли смог бы обхватить ладонью ее корешок. Мужчина сидел у стола над книгой, и Каэл тут же узнал сальные волосы.

— Куда ты завел меня, Гилдерик? — сказал он, озираясь. Сердце затрепетало, когда он понял, что один, и он в панике попытался вскочить на ноги. Но колени затряслись, ноги рухнули под ним. Все его тело обмякло. Он не мог добиться от него того, что хотел. — Где Килэй? Что ты с ней сделал?

— С ней? — Гилдерик улыбнулся. Его кожа странно свисала, словно на голом черепе. — Я ничего с ней не делал, а оставил позади. Драконша меня не интересуется. Ее разум слишком прост. Нет... — его карие глаза посмотрели на голову Каэла, взгляд стал напряженным словно глаза пытались вскрыть его череп. — Мне интересен ты, ведь я недооценил тебя. Я думал, ты лишь мятежник. Но, почитав, — Гилдерик опустил ладонь на книгу перед собой, — я понял, что мы с тобой похожи.

— Ни капли не похожи, — заявил Каэл. Он не знал, где оказался, но собирался вернуться к Килэй. Он уперся руками и попытался встать, но локти подвели его. Лоб ударился об пыльный пол.

Гилдерик не смотрел на его борьбу, он рассеянно листал страницы книги.

— Мы похожие сильнее, чем ты думаешь... Оба бедные и слабые. Не знали отцов. И, — он провел пальцем по странице, — потеряли дом. Я сам ушел. Но ты... о, это трагично, — прошептал он, но широко улыбался. — Титус сжег твою деревушку, да? Тиннарк, который ты так любил.

Во рту Каэла пересохло.

— Откуда ты знаешь? — Гилдерик не ответил, и Каэл огляделся. — Где я? Что ты со мной сделал?

Гилдерик переплел тонкие пальцы и опустил на книгу, которая, как понял Каэл, все ему и рассказала. Он с ужасом понял, где находился.

— Сделал? — Гилдерик цокнул языком. — Позволь ответить вопросом: каково быть в своем же Внутреннем убежище?

Каэл не мог дышать.

Он был заперт в своей голове... с Гилдериком. Как он здесь оказался? Как Гилдерик пробрался сюда? Каэл помнил, как смотрел в его глаза...

— Ты — шептун, целитель, — сказал он, едва веря в это. Гилдерик кивнул, а он все еще не понимал это. Но, пока думал, правда начала раскрываться перед ним.

Поэтому Гилдерик не впускал магов в замок: он не пытался держать рабов под контролем, он не выносил запах магов. Он даже ведьму запер в башне подальше от главных комнат.

Каэл вспомнил, что рассказывал ему Бренд. Как никто не мог доказать, что лорд пытал шептунов во время Войны, потому что на их телах не было ран. Но он пытал их, разделял и склеивал. Он мог терзать их днями и складывать из кусочков. Мятежники могли молить о смерти... но им не позволяли умирать.

Гилдерик не позволял им.

Горечь поднималась в горле Каэла. Он выплеснул бы жалкий завтрак на пол, но был слишком слаб.

— Невспаханые, — выдавил он.

— Ах, да, — Гилдерик склонился в восторге. — Невероятно, да? Я всегда знал, что должен быть способ управлять разумами других, покорять их тела моей воле. Потому я попросил себе долины, — он ухмыльнулся. — Великаны слабы разумом, они идеальны для начала моих экспериментов. Сначала ими было сложно управлять. Но я понял, что раны или болезнь помогают... ослабить их для меня.

Гилдерик отклонился, костлявы руки впились в книгу, как нечто мертвое.

— Невспаханые — часть меня, мои марионетки. Нити в моих руках. Интересно, что ты упомянул их, — его губы дрогнули. — Пару дней назад одна нить оборвалась. Я подумал, что нового Невспаханного убили, порой такое бывает, — отметил он, без жалости глядя на дальнюю стену. — Не все из них достаточно сильны, чтобы вынести мое присутствие, — он посмотрел на Каэла. — Но я ошибся. Он не умер, да? Ты... освободил его. Ты нашел кое-что очень важное, дневник, который я забрал с тела старого друга. Да, я читал об этом, — сказал он, когда Каэл охнул, и указал на книгу. — Здесь все есть. Я послал одного из Невспаханых забрать его. Не могу снова упустить эту книгу. Без учений Покорителя смерти я был бы без сил, самый слабый из шептунов. Ты был очень полезен для меня, Каэл из Беспощадных гор. И... что же мне с тобой сделать? — Гилдерик опасно улыбнулся. — Всегда приятно встретить еще одного целителя. Мы редкие. Может, ты еще пригодишься. Мне здесь удобно, — он огляделся. — Наверное, я останусь.

Кровь Каэла похолодела. Он не хотел быть Невспаханым, застрять в тени на остаток жизни, даже не двигать своим телом. Он не увидит больше друзей. Не увидит Килэй...

Стены вокруг них вдруг застонали, пугая его. Они скрипели, как корабль. Стало слышно позвякивание. Каэл посмотрел на полки и понял, что все окна в его убежище забиты.

Они были закрыты камнем и цементом. Темные линии бежали по ним. Капли стекали на пол.

Каэл смог отлепить язык от нёба.

— Что там? — хрипло сказал он.

Гилдерик смотрел на стены с интересом.

— Зависит от того, что ты сейчас чувствовал.

— Я боялся, — признался Каэл. Он не видел смысла скрывать это. Если Гилдерик будет

говорить, его тело может успеть восстановиться.

— Тогда это страх, — пробормотал Гилдерик. — Интересно, что страх ты держишь так близко, многие отгоняют его подальше. Кстати, об интересном...

Гилдерик встал из-за стола и спустился по ступенькам. Он выглядел не таким слабым, как Каэл. Его тело было здесь живее, чем в реальности.

Он шагал по каменному полу, сапоги поднимали облачка пыли.

— Я только читал об этом, — он указал на пол. — Люди предпочитают хранить фундамент чистым и открытым, но твой скрыт.

— Фундамент? — сказал Каэл. Он едва мог двигаться. Спина склонилась, руки висели плетями по бокам. Он мог выжить, только задавая вопросы.

Гилдерик ухмыльнулся.

— Да, фундамент. Собрание всех твоих мыслей и вер, то, за что ты держишься — твоя великая цель, — он присел и провел пальцами по полу. — Но пыль... в разуме она показывает то, что забыто. Или, в твоём случае, то, что ты и не знал. Пыли у тебя много. Интересно, что ты под ней скрываешь, — он улыбнулся Каэлу. — Узнаем вместе?

Гилдерик подул осторожно на землю. Но пыль улетела, словно ее ударил порыв сильного ветра, буря закружилась у полок, задрожали книги. Пыль дула на них, Каэл посмотрел на пол и увидел знакомые символ на камне.

Глаз с линиями, пересекающими центр, образовавшими три треугольника вверху, три сцепленных треугольника внизу и один черный в центре.

Символ Райта.

— Нет! — сказал Гилдерик.

Он спешно шагнул к Каэлу, но пыль перестала кружиться и обрушилась со стен на грудь Гилдерика. Его тело отлетело к столу, словно его ударил кулак великана. Он застонал и ощупал себя руками.

Пока Гилдерик пытался встать, пыль затрепетала перед Каэлом. Она падала, как занавес, шепча, касаясь земли.

Мужчина вышел из пыли. Его кожаная броня была потрепанной, местами дырявой. В его руке был скромный меч, в другой — надбитый щит. Символ Райта выделялся на щите. Каэл знал, кто это был.

Он заставил себя поднять голову и убедился в своей правоте.

Сезеран Райт стоял перед ним. Он выглядел так же, как в воспоминаниях Килэй: с ярко-рыжими волосами и подтянутым телом, угловатым лицом. Сезеран улыбнулся Каэлу так тепло, что тому стало стыдно.

Каэл опустил голову. Он не мог перенести, что великий воин видит его таким слабым, подавленным, не способным встать на ноги. Сезеран рассмеется? Будет насмехаться? В его взгляде будет жалость... или разочарование?

Каэл не мог смотреть. Не мог вынести это. И он смотрел на пол.

Сезеран шагнул ближе. Каэл смотрел на его сапоги. Вот они оказались в паре шагов от него, и Сезеран заговорил. Его голос был глубоким, чего не ожидаешь от его худого тела. Каэл ощутил знакомое эхо слов в душе:

— Порой смерть кажется неизбежной, а надежда слаба. Но в такие времена я забываю о страхе. Я не вижу бушующую бурю, бой впереди. Я закрываю глаза от опасности и в тишине тьмы... что я вижу?

Каэл знал ответ. Но его лицо горело, горло сжалось. Нет, он не будет плакать перед

Сезераном. Как бы стыдно ему ни было.

И он поднял голову, оторвал взгляд от пола и прохрипел:

— Я вижу только то, что нужно сделать.

Сезеран присел перед ним, их лица были на одном уровне. Он улыбнулся и протянул руку.

— Так встань, сэр Райт... и делай, что должен.

Каэл обхватил его руку, Сезеран поднял его на ноги. Пыль взорвалась, заполняя его рот и ноздри. Пыль осела, и Сезеран пропал.

Сила кипела в теле Каэла. В его руке было оружие. Его пальцы сжались на рукояти, и он понял, что у него меч Сезерана. В другой руке висел надбитый щит, вместо его одежды была рваная броня Сезерана.

— Нет, — повторил Гилдерик, безумно смеясь и вставая на ноги. — Райт? О, о большем я и мечтать не смел! Да, ты хорошо мне послужишь. Я потяну за твою нить, и все королевство падет к моим ногам! — он рассмеялся и стряхнул пыль с туники. А потом он посмотрел на Каэла. — Но сперва... тебя нужно ослабить.

Гилдерика окутала тьма с головы до пят, закрывая щитом. Топор появился в тонких руках, топор был высотой и толщиной почти с него. Гилдерик не мог управлять таким оружием.

Но Каэл вспомнил, что они сражались в разуме. Здесь представить можно было все.

— Ты дышишь свободно в последний раз, так что дыши глубже! — крикнул Гилдерик. Он опустил шлем, и их бой начался.

Каэл знал, что Гилдерик будет силен. Но он не знал всего его силы, пока не отлетел в другой конец комнаты. Его спина ударилась об полки с силой, меч вылетел из руки. Он услышал шипение топора и инстинктивно вскинул щит.

Его рука задрожала, спина врезалась в стену. Всеми силами он удерживал топор Гилдерика. Он представил, как его мышцы становятся сильнее, и он отодвинул Гилдерика на пару дюймов. Казалось, он мог вырваться, руки Гилдерика дрожали от его силы. Каэлу требовалось сильно толкнуть.

Вдруг топор вспыхнул огнем.

Он раскалился. Жар лезвия начал перетекать в железо щита Каэла. Он ощутил запах гари, огонь добрался до его брони, а потом и до кожи.

Он закричал, жар терзал его, но Каэл заставлял себя сосредоточиться. Он схватил щит двумя руками и толкнул изо всех сил. Гилдерик сдвинулся на шаг, но этого Каэлу хватило. Он откатился от полок к мечу.

Он схватил рукоять, Гилдерик обрушился на него. Каэл откатился, уклоняясь от топора. Лезвие вспыхивало о камень, секунды назад там была его шея. Он слепо замахнулся на грудь Гилдерика, меч задрожал, ударив по черной броне.

Каэл вскочил на ноги. Гилдерик был сильнее, но тяжелая броня замедляла его. И Каэл решил действовать в стиле Ноа.

Он ударял Гилдерика, замахивался со всех сторон. Не все удары попадали, Гилдерик отбивал большую часть. Но Каэл надеялся, что он устанет.

Ему требовалась одна брешь. Если он заставил Гилдерика отвлечься, Каэл нанесет решающий удар. Ему нужно лишь терпение.

Он замахнулся на шею Гилдерика, развернулся, пока топор не заблокировал атаку, и ударил по коленям. Меч вонзился в броню, рука задрожала. Но колено Гилдерика дрогнуло

от удара, Каэл увидел шанс.

С криком он бросился к шее Гилдерика. Он с потрясением попал по броне на груди, от потрясения выпустил меч. Его оружие улетело в другую сторону комнаты, тупой конец топора ударил его по спине.

Гилдерик как-то вырос. Теперь он был ростом с великана, возвышался на голову над Каэлом. Его огромная нога ударила Каэла в грудь, прижала к полу. Он пытался убрать ногу Гилдерика щитом, но щит вырвали из его руки и бросили следом за мечом. Лезвие топора прижалось к его горлу в предупреждении.

Гилдерик поднял забрало. Капли пота усеивали кожу вокруг носа и на лбу.

— Я немного разочарован. Райт должен быть сильнее, но... не важно, — он склонил топор у подбородка Каэла, — закончим быстро. Последние слова? Я собираю их, — объяснил Гилдерик, постучав по своей голове. — Так что пусть они будут достойными.

Каэл не собирался произносить последние слова. Он подцепил сапог Гилдерика пальцами, чтобы убрать его с груди. Но вес только стал сильнее.

— Пользуйся временем, — улыбнулся Гилдерик. Он рассмеялся, глядя на дальнюю стену. — Странно говорить о времени там, где его нет. Ты не выберешься, — добавил он, когда Каэл попытался отбить его ногу. — Так что лучше говори. Какие слова я запомню, хмм? Что ты добавишь в мою коллекцию?

Каэл вдруг понял, что это безнадежно. Он опустил голову, и она гулко ударилась об пол. Он осознавал, что застрянет тут навеки, будет ходить за Гилдериком пустой оболочкой. Друзья будут скучать? Забудут о нем? А Килэй...?

Он не дал себе закончить мысль. Он знал, что не увидит ее.

Окна застонали при мысли о ней, он смотрел на них. Ручейки стекали из трещин в цементе. Он слышал тихий стук капель воды о холодный каменный пол.

Может, Гилдерик был прав. Может, это был страх, он хотел поглотить его. Он представил, как страх прижался к забитым окнам и рычит, пытаясь пробиться.

Он боялся сильнее всего потерять Килэй. Он готов был даже умереть, пока она была рядом с ним...

Вдруг его посетила безумная мысль, такая безумная, что похолодели кончики пальцев. Но это могло сработать... если Каэл себя заставить. Стены застонали, он услышал слова Морриса.

«Страх не может тебя убить».

Он повторял это себе снова и снова, пока не нашел в себе смелость заговорить:

— Хорошо, я скажу последние слова.

— Отлично, — прошептал Гилдерик. — Говори четко.

Каэл кивнул, приготовился к безумной вещи.

— Я кое-кого люблю, — выпалил он. Стены застонали, пол немного задрожал, но окна выстояли. Каэл знал, что нужно копать глубже. — Я давно любил ее, но знал, что она не любит меня в ответ. И я боялся...

Несколько камешков сорвались с окон на пол. Вода полилась ручьями в дыры. Лед собрался в желудке Каэла.

«Страх не может тебя убить, — повторял он. — Страх не убьет тебя».

— Я боялся, что, если расскажу о своих чувствах, она улетит за моря в Западные земли, как Быстроножка сделала с Идэном. Я думал, что умру от разбитого сердца, если она бросит меня. И я попытался скрыть чувства... но она все равно оставила меня.

Еще больше камней сыпалось на пол, цемент крошился, натягивался, как рубашка на толстяке. Но держался.

Каэл глубоко вдохнул.

— Я думал, что она поняла, что я люблю ее, и ушла. Какое-то время я был будто мертвый. Но теперь она вернулась... боюсь, я видел ее в последний раз. Боюсь, я не увижу ее снова, не смогу сказать правду, — комната загудела. Гул звучал за окнами, они камни выгнулись, но не ломались. Каэлу нужно было сказать больше. — Я люблю ее. Да, я полюбил ее.

Он слышал, как монстр стонет за окнами, давит на них, но этого не хватало. Что еще он мог сказать.

Гилдерик с интересом смотрел. Он поглядывал на ручейки воды, льющейся с окон по полкам.

— Кого любишь? — прошептал он.

Каэл чуть не рассмеялся.

Вот. Вот, что нужно было сказать. Без имени не сработает. Он защищал сердце этими стенами, запирали чувства, чтобы не было больно. Но, если он хотел одолеть Гилдерика, нужно было столкнуться со страхами. Нужно было раз и навсегда признать это.

— Я люблю ее, — прошептал он после глубокого вдоха. — Я люблю Килэй.

Сработало.

Камень на окнах разбился, полилась ледяная вода. Она падала потоками на полки, затопила пол за секунды. Каэл закрыл глаза, вода накрыла его с головой. Сапог Гилдерика оставил его грудь, он услышал приглушенное хлюпанье, лорд пытался убежать.

Каэл задержал дыхание.

«Страх не убивает тебя. Не убивает. Не убивает, — говорил он, воздух кончался. — Страх не может тебя убить!».

Он не мог больше держаться. Воздух вылетел из его легких, он вдохнул. Он ожидал, что ледяная вода польется в горло... но этого не было. Он открыл глаза, комната была полностью заполнена водой.

Казалось, он стоял на дне моря, вокруг проносилось зеленое и синее. Но вода не давила на него. Он дышал ею легко, как воздухом. Его конечности легко двигались в ней.

Моррис был прав: страх не мог убить его.

Но мог убить Гилдерика.

Лорд долин висел в воде в нескольких шагах от него. Пузырьки поднимались из его приоткрытого рта. Он беспомощно боролся, вес брони удерживал его. Глаза его расширились от ужаса, когда он увидел, как Каэл идет к нему.

Мир затрепетал, Гилдерик запаниковал, и разум Каэла выплюнул его.

Глава 46

Смельчак

Неясные фигуры пронеслись у его головы. Каэл ощущал ветер, когда они проходили. Приглушенные крики били по ушам. Он прогонял туман, пытался вернуть четкость.

Сильные руки обхватили его, понесли так быстро, что он словно летел.

— Каэл!

Его голова осторожно опустилась на землю, а потом он увидел пылающие глаза Килэй. Хотя взгляд был яростным, губы были в тревоге приоткрыты. Он смутно ощутил тепло в животе, когда она схватила его за щеки.

— Каэл, поговори со мной! Ты ранен?

Кожу головы покалывало, когда ее пальцы скользнули в его волосы. Он умудрился обхватить ее запястье.

— Я в порядке, — прошептал он. Его горло болело, словно он часами кричал. Он повернулся к черному трону. — Гилдерик...

Но он понимал, что не было смысла объяснять, что случилось. Вокруг трона столпились великаны, стена грязных тел не давала увидеть его. Каэл ухмыльнулся.

Хорошо. Бренд разберется с Гилдериком, он покажет лорду, что тот заслужил.

Каэл лег на пол с облегчением. Через пару секунд из толпы у трона вышел великан, повернулся к двери, и Каэл увидел его глаза.

Они были мертвыми, молочно-белыми. Его челюсть свисала, слюна текла с губ. Он нес что-то у груди. Виднелись костлявые руки, и Каэл мог поклясться, что там были сальные волосы у локтя Невспаханного.

Но убедился Каэл, когда он уже побежал. Невспаханный бросился в арку, его руки чуть приоткрылись, и оттуда выглянул лорд Гилдерик.

Он ухмыльнулся Каэлу и пропал. Невспаханые столпились у двери и поспешили во двор, шлепая ногами по полу.

Каэл пытался кричать, но горло не слушалось. Он безумно поднял руку в сторону Гилдерика, но Килэй не смотрела.

Она смотрела в его глаза. Она спрашивала его, в порядке ли он, требовала, чтобы он заговорил, а за ней убежал Гилдерик.

Упрямая воля таки пробилась печать на горле Каэла.

— Останови их! У них лорд Гилдерик! Он уходит!

Он пытался выбраться из хватки Килэй, но она удерживала его, смотрела так, словно он ударился головой.

— Что ты...? Успокойся! Ты поранишься, — но Каэл не сдавался, и она подняла его на ноги. Он сделал несколько шагов, ноги подвели его. Она подхватила его под руки и прижала к себе. — Что с тобой? Ты в порядке...?

— Нет, черт возьми, не в порядке! — рывкнул Каэл. Он смотрел, как последние Невспаханые убегают за дверь, и остатки воли он направил, чтобы не ударить кулаком об стену.

Килэй поняла. Она посмотрела на пустой трон, а потом на дверь. Она ослабила хватку на миг, словно хотела броситься за Гилдериком, но она передумала. И крепче обхватила его за пояс.

— Мы убьем его в другой день, — пообещала она. — Долины свободы. Это важнее. Гилдерик подождет.

Каэл покачал головой.

— Ты не понимаешь... он все знает.

— О чем?

Он быстро рассказал ей, что с ним случилось, о сражении с Гилдериком, хоть и не объяснил ей, как именно он победил. Когда он закончил, она вскинула брови.

— Пламя, — выдохнула она. — Гилдерик — шептун? — она не сразу смогла поверить. Но она оглядела комнату, и взгляд стал тверже. — В этом есть смысл. Хотя я не понимаю, как он смог это скрыть, — она закинула руку Каэла на плечо и повела в коридор, качая по пути головой. — Но я не думаю, что Гилдерик пойдет к Кревану, не после случившегося здесь. Его власти нет, дни его, как правителя, сочтены. Если он снова покажет свою сальную голову, Креван точно убьет его. Нет, он забьется в темный угол королевства, один и побежденный.

Килэй улыбнулась ему, но он не улыбнулся в ответ.

Да, Гилдерик было логичнее скрыться, чем ощутить гнев короля. Но Гилдерик не действовал логично. Он мог направиться в Средину.

Успеет ли он рассказать королю, что узнал, что Райт нападает на правителей? Друзья Каэла были в опасности рядом с ним. Ему лучше уйти, если Средину узнают о нем.

Килэй словно слышала мрачные мысли в его голове. Она сжала его руку, и ее прикосновение освободило ее.

— По шагу за раз, — сказала она с улыбкой. — А теперь заберем наших пиратов.

Они нашли Лисандра и Тельреда в одной из комнат замка. Обрубок ноги Тельреда не кровоточил, но было очевидно по его белому лицу, что ему было больно. Он был злее, чем до этого, но немного повеселел, узнав, что Финкс мертв.

— Хорошо. Жаль, что я не сделал это, — он протянул руки к Лисандру. — Уходим, капитан. Я готов идти домой.

Лисандр обрадовался и улыбнулся.

— Да, да, кузен Ред! — он поднял Тельреда и повел к двери.

Онемение начало пропадать из ног Каэла, он сказал Килэй помочь Тельреду. Он шел впереди и проверял коридоры. Замок выглядел пустым. Невспаханые не собирались удерживать крепость, они уносили Гилдерика в безопасность.

Когда они вышли во двор, то увидели, что бой еще не окончен. Кольцо великанов окружало двух сражавшихся в середине. Джейк встретил их у края кольца. Люди из пустыни ходили за ним.

— У дам травы и бинты в амбарах, — сказал Джейк, посмотрев на ногу Тельреда. Он оглянулся на пиратов, а потом на замок. — За мной. Я проведу через башню с кухней. Там безопасно: ведьма была мертва, когда мы пришли. Мы нашли ее кости, варящиеся в большом котле, — он скривился. — Гилдерик нашел ее первой. Мы поискали в башне выживших и выходили, когда толпа великанов промчалась мимо нас, — сказал он и указал на маленьких людей. — Нас чуть не затоптали, да? Не знаю, куда они так спешили.

Каэл стиснул зубы, чтобы не закричать. Невспаханые ушли. Они ушли через башню с кухней и, из-за того, что они были одеты как рабы, Джейк пропустил их. Он не знал, куда они ушли, и Каэл не мог поймать их.

Он смотрел, как уходят Лисандр и Тельред, Джейк вел их в башню. Маленькие люди

охраняли их с серебряными копьями.

Не было смысла переживать из-за Гилдерика. Килэй была права, они достигнут его в другой день. Каэл отогнал тревогу и попытался увидеть, что было в кольце великанов.

Он подошел ближе, один из великанов заметил его. Он схватил Каэла за рубаху сзади, и он знал, что будет, так что держал Килэй за руку, пока великан переставлял их в первый ряд.

В круге тел все еще сражались Деклан и Дред. Для Дреда все выглядело плохо: на его руке был глубокий порез, кусков брони на груди не хватало. Он отползал назад, пика тянулась за ним, он поднимал раненую руку перед лицом.

— Прощу, — прохрипел он. Страх пылал в его серых глазах. Мышцы на его руках дрожали, он пытался отпрянуть от Деклана. — Прощу, я твой брат! Ты же помнишь это?

Деклан поднял косу над головой, словно собирался пронзить сердце Дреда и замер. Тьма вернулась в его зрачки. Он спокойно смотрел на Дреда, взгляд скользнул по его ужасному шраму.

— Да, — сказал Деклан после паузы. — Я помню брата. Его звали Дантэ. Ты убил его. Дред не успел и крикнуть, коса Деклана опустилась.

Каэл отвел взгляд, Дред извивался. Его тело застыло, и Каэл осмелился посмотреть. Деклан вытащил косу из дыры в груди Дреда и бросил ее на землю с отвращением на лице. А потом он посмотрел на великанов.

Увидев, сколько великанов на него смотрит, он напрягся. Он сорвал окровавленную рубаху и бросил следом за косой. Он прошел к воротам замка, великаны пропустили его.

Килэй коснулась его руки, и Каэл понял, что очень крепко сжимал ее пальцы. Он и не заметил, что все еще сжимал ее руку.

Он тут же отпустил ее.

— Идем, — он направился к лабиринту. — Я помогу исцелять.

Они сделали пару шагов, когда их путь преградила девушка из народа пустыни. Ее звали Надин, у нее был такой сильный акцент, что Каэлу было сложно ее понимать. Но, судя по всему, она видела, как Невспаханые идут на юг, за горы, в пустыню.

— Мы пытались остановить их, но наши ноги короткие. Нескольких мы одолели копьями, — добавила она с горькой улыбкой.

На миг сердце Каэла дрогнуло. Он думал, что они смогут догнать их. Но Килэй покачала головой.

— Они, наверное, ушли в пещеры троллей. Мои силы не помогут.

Надин кивнула.

— Мы их годами можем искать, но не найдем. И я бы не хотела встречаться с ними в замкнутом пространстве. Может, тролли их съедят, — она улыбнулась, а потом взглянула на Каэла. — Ты — Убийца ведьмы? Так тебя называют люди морей. Другие говорят, что ты — пират или Райт. Я слышала, как великан звал тебя рыжей крысой, но это не очень приятно, — она поджала губы. — Как мотам звать тебя?

— Просто Каэл, — сказал он, помахав руками. — Я не хочу других имен.

Надин с задумчивым видом кивнула.

— Просто Каэл... да, это хорошо. Ты просто вернул сегодня справедливость на эти земли. Хорошо, мой народ будет знать тебя как Просто Каэла.

Не это он имел в виду. Он посмотрел на Килэй, а она только улыбалась. Он видел веселье в ее глазах, она сказала:

— Отличное имя, Надин. Жду ваши песни о нем. «Баллада о Просто Каэле»... Отлично

имя, да?

Он хотел сказать ей, что чувствует насчет этого, но темная фигура появилась из обломков за ней. Он увидел черную маску и тут же вытащил нож.

— Назад, там еще один! — закричал он, заслоняя Килэй от врага в маске.

Умелым ударом фигура в маске выбила нож из его руки и поймала оружие в воздухе. Когда фигура сняла маску, на него смотрела лесная женщина.

— Еще один кто? — осведомилась она, встав перед ним. — Ты видел кого-то, одетого, как я?

— Осторожно, Елена, — прорычала Килэй.

Под ее взглядом Елена передумала подходить ближе. Она покрутила в руках длинный нож, который Каэл забрал у темного всадника. Она охнула и отбросила нож, словно он вдруг раскалился.

— Холтан... — ее темные глаза взглянули на ворота замка. — Мне нужно уходить. Если он найдет меня, то убьет.

Килэй схватила ее за руку.

— Не убегай. Я подозреваю, что тебе не нужно больше переживать из-за Холтана, — она посмотрела на Каэла, от ее взгляда все в нем взволнованно затрепетало. — Редкие воины могут пережить столкновение с ним. Я думаю, что твой кошмар закончился.

Каэл заставил себя перевести взгляд на Элену.

— Он напал, и я убил его, — он указал за стены замка. — Его тело на поле кукурузы. Мне жаль, — добавил он, увидев, как обострился взгляд Элены. — Знаю, ты хочешь убить меня...

— О, она всех хочет убить, — сказала Килэй, отмахнувшись.

Элена не двигалась, и Надин осторожно взяла ее за руку.

— Идем, посмотрим на него вместе. Расскажешь мне, что такое кукуруза, и мы найдем его.

Взгляд Элены стал тревожным, она крепко сжала руку Надин, они пошли прочь. Каэл все еще был растерян, когда Килэй чуть не сбила его.

— Спасибо, — сказала она, обвив руками его пояс. — Ты не знаешь, что сделал, но спасибо.

— Ты права, не знаю, — может из-за тепла, которое он ощутил, он добавил. — Хотя я хотел бы, чтобы ты рассказала, чтобы сделал это снова.

Он тут же пожалел, что сказал это.

Килэй отпрянула. Она начала улыбаться, и он приготовился, что над ним будут смеяться. Но вдруг она посерьезнела. Она отряхнула его рубаху, обошла его и пошла к воротам. Там стоял мужчина. Его грудь была обнаженной, он был в плотных штанах. Килэй прошла, погрозив пальцем мужчине.

— Ни слова, — прошипела она.

Он ухмыльнулся в ответ.

Он смотрел на Каэла, пока тот проходил, так, словно видел кровь под его кожей. Он невольно подумал, что сияние в глазах мужчины знакомое... но он не понимал, где уже его видел.

Аэрилин и ее лучники помогали раненым уходить с поля боя. Порой они втроем или вчетвером помогали одному великану, но они не переставали работать. Когда Аэрилин заметила Каэла, она помахала ему и показала, где самые серьезные раненые.

Каэл останавливал кровотечение и запечатывал глубокие раны. Их было столько, что ему приходилось экономить силы. Как только он помог мужчине встать на ноги, Килэй повела его в амбары, где ждали великанши с травами и повязками.

Солнце жгло, дым местами поднимался с земли. Каэл не думал, что видел хоть одного человека без царапин и синяков. Ему было не по себе, слезы подступали к глазам, пока он шел среди мертвых.

Он видел знакомые лица великанов, с которыми работал, пиратов, с которыми сражался. Он помнил их улыбки, как они хмурились, как кожа собиралась в морщины вокруг глаз.

Теперь они были масками людей, которыми были, выражения застыли со смертельным спокойствием. Они были как статуи в поместье Лисандра: благородные и холодные, последние строчки их историй. Пока он работал, он старался думать о живых... но было сложно забыть о мертвых.

Великаны вышли из амбара с лопатами на плечах и начали копать могилы у дороги. Пока они работали, другие собирали тела друзей.

Они нежно укладывали их, прижимали к груди, будто это были уставшие дети. Великаны шли тяжело, пока несли мертвых к могилам.

Каэл дважды прошел по Полям в поисках раненых, которых не заметили. Он прижимал пальцы ко всем шеям, которые проходил, в поисках пульса. Его сердце опускалось все ниже, когда он ощущал холод.

Он с тяжестью осознавал, что больше ничего нельзя сделать. Он оставил великанов и пошел к амбарам. И тогда он услышал голос, который поднял его настроение:

— Ну, ну, я хотел только грабить, но все стало сложным! — возмутился дядя Мартин.

Он стоял у Восточного амбара, опираясь на отполированную дубовую трость. Он, казалось, жарко спорил с Лисандром. Он сунул саблю под нос Лисандра, и капитан едва успел отпрянуть.

— Сложно? Ты грабил корабли до моего рождения! — сказал Лисандр. — Ты хорошо знаешь, что должен делать, не говори, что ты забыл, я не поверю. Стоило хорошо помнить и спрятать корабль в другом порту...

— Я не говорил, что забыл, — прервал его дядя Мартин, опасно размахивая саблей перед носом Лисандра. — Забыть не сложно. Это просто, как выпить чашку грога...

— Ты был пьян! — Лисандр отбил саблю от своего лица, дядя Мартин фыркнул. — Ты опять ходил в подвалы?

— Я не...

— Ты украл ключ у Бимпли и набил корабль грогом!

— Это было для настроения, — дядя Мартин сунул саблю в ножны с такой силой, что они чуть не оторвались от пояса. — Когда ты оставил нас, скучающих и расстроенных, я должен был как-то взбодрить людей! А что лучше поднимает дух? Мы и не думали идти за тобой, — он отвел взгляд и задумчиво покрутил усы, бормоча. — Мы прибыли в долины не просто так,

но... я не помню, зачем, — он пошел по двору, но Лисандр пошел за ним.

— Ты не помнишь, потому что был пьян!

— Клевета! — рявкнул дядя Мартин, размахивая тростью. — Наговор!

Каэл оставил их спорить и прошел в Восточный амбар, собираясь помочь, чем мог. Но великанши хорошо справлялись: они сделали из загонов палаты лазарета и уложили там раненых. Они перевязывали раны, наносили мази из трав, собранных в Полях, и отказывались слушать о героизме.

Великаны, что с такой яростью бросались на врагов, тихо сидели, пока женщины латали их. Они сидели, скрестив ноги, и немного ворчали, но, если они пытались тронуть раны, их руки отбивали.

— О, кроха Каэл! — его остановил бодрый голос.

Он развернулся и увидел Клейри, идущую мимо загонов со свежими бинтами в руках. Она проснулась, и Каэл видел ее сходство с Брендом, у них одинаково хитро блестели глаза.

Он начал благодарить ее за все, но она остановила ее.

— Нет, я хочу поблагодарить тебя, кроха, ведь ты привел ко мне Джонатана, — ее пальцы обхватили ему почти всю руку, когда она сжала ее. — Я сильно увлечена им, и я хочу сделать из него честного жулика, — добавила она, подмигнув. — Как только мой братец это поймет.

Без предупреждения она склонилась и поцеловала его в щеку. Его лицо запылало.

Джонатан шел за Клейри. Его лицо было опухшим, колени сгибались от веса большого горячего котла, но он смог подмигнуть Каэлу.

Дарра встретила его по пути. Она сказала, что Бренд искал его и хотел поговорить. Каэл не знал, был ли он в настроении для этого, но пошел в Западный амбар.

Он не увидел Бренда у кормушки и пошел в их загон. Его матрас был разорван, книги нигде не было. Каэл помрачнел.

Гилдерик все-таки получил книгу.

Каэл не думал, что может быть еще хуже, он вышел из загона и чуть не треснул от веса огромной руки. Знакомый запах ударил в ноздри, его голова оказалась прижатой к рубашке Бренда.

— Вот ты где, крыска! Я тебя искал.

Каэл вырвался из хватки и врезался в Деклана, который словно вылез из пруда. Одежда была мокрой, грудь блестела, как и руки с ногами. Но он оттер кровь с лица.

Он слабо улыбался, поднимая Каэла на ноги.

— Я не думал, что такой кроха может так хорошо сражаться, но ты меня переубедил. Долины снова в руках великанов.

— Я рад, что смог помочь, — Каэл отряхнул штаны. — Что теперь? Ваш принц покажется?

Великаны не повелись, они быстро ухмыльнулись, но не ответили ему.

Каэл решил, что они выбрали не то время, чтобы умничать.

— Откуда я знаю, что долины будут в хороших руках, если не знаю, кто принц? — возмутился он. — Я не уйду, пока не расскажете.

— Если это тебя выгонит, то у нас нет выбора, — Бренд ухмыльнулся.

— И кто это?

Бренд молчал, но раздражающе широко улыбнулся. Он раскинул руки, словно просил Каэла угадать.

— О, хватит, — простонал он, увидев ответ в глаза Бренд. — Нет, не может быть.

— О, может, крыска! — рассмеялся Бренд. — Я — сын кузена принца, последний мужчина в роду. Многие были бы рады считать принца своим другом.

— Не все знают его так, как я.

Деклан и Бренд громко рассмеялись. Они схватили Каэла за плечи и вывели наружу.

— Идем, грызун, — сказал бодро Бренд. — Принцу нужно разобраться с долгами. Ты ему поможешь.

И Каэл остаток дня ходил с Декланом и Брендом, помогая им отплатить его друзьям за помощь. И, хотя ему не нравилось это признавать, чем больше он слушал Бренд, тем сильнее он звучал как принц.

Надин рассказала ему о проблемах мотов, и Бренд дал им все, чтобы они вырастили себе еду: семена, инструменты и указания. Он собрал группу великанов, чтобы те показали мотам Поля и научили всему, а сам Бренд показал им, как ухаживать за посевами.

Джейк попросил разрешения изучать долины. Он хотел написать о них книгу и просил великанов позволить ему посетить их. Бренд сделал лучше: он объявил Джейка другом великанов, сказав, что, когда бы он ни прибыл, его будут ждать еда и теплая кровать. И он мог приходить так часто, как хотел.

Каэл подумал, что Бренд был щедрым, учитывая, каким невыносимым он мог быть. Они прошли к Джонатану.

Он поклонился так низко, что нос чуть не пронзил землю, и тут же попросил руки Клейри.

Конечно, Бренд отказал.

— Но я не буду тебя убивать, — сказал он, когда Клейри пронзила его взглядом.

Они спорили несколько минут, вопили. Как бы громко Бренд ни ревел, Клейри не сдавалась. Она прижимала голову Джонатана к груди, угрожая убежать с ним, если Бренд не образумится. Каэл боялся, что Джонатан задохнется или лишится головы, когда Дарра вступилась.

Она оттащила Бренд в сторону, долго отчитывала, и он вернулся с красными ушами.

— Хорошо, я разрешаю тебе жениться на моей сестре, гад... кроха скрипач, — проворчал он, Дарра строго смотрела на него. — Но ты не забереешь ее у меня, понял? Если ты женишься на ней, то остаешься здесь. Я только вернул ее, я не позволю увезти ее в тех палатках на колесах в ближайшее время.

Джонатан согласился. Он с радостным воплем запрыгнул на руки Клейри и поцеловал ее в губы. Бренд злился и явно хотел свернуть ему голову, но Дарра взяла его за руки.

Удивительно, как быстро он смягчился.

Как только с этим разобрались, Каэл повел их к пиратам. Сначала Лисандр отказывался от платы.

— Ты помог освободить моих людей, это уже больше, чем мы надеялись, — сказал он.

Великаны пытались убедить его попросить что-нибудь, но дядя Мартин вдруг ворвался с воплями. Он прошел мимо великанов и ткнул тростью в грудь Лисандра.

— Я вспомнил. Герцога убили! Точно, — сказал он, рот Лисандра открылся. — Боюсь, твой план провалился. Без герцога торговцы разозлились и выгнали Колдероя. Они уже выбрали нового канцлера, и я подозреваю, что вы поняли, кого.

Лисандр застонал и шлепнул ладонью по лицу.

— Только не говори, что это...

— Чосер, — заявил дядя Мартин. — Колдерой ушел, Чосер пришел. Если вы думаете что он забыл о голосовании, то зря! Чосер еще место не нагрел, а уже объявил войну с пиратами. Он убежден, что торговцы должны отправлять корабли флотилиями!

Лисандр снова застонал.

— А там наемники и пылающие стрелы!

— Это теперь мешает воровать.

— Точно, — продолжал дядя Мартин. — Мы едва можем высовывать головы из бухты, чтобы их не отрубили. И будет только хуже. Как мы прокормим людей, если не можем оградить судно? Хмм? Да, теперь тебе хочется грога, — Лисандр застонал, дядя Мартин повернулся к Брендю. — И дело не только в этом. Как только торговцы поймут, что долины готовы торговать, они соберутся тут стаями. Еда в морях ценнее золота. Они будут рвать у вас фрукты, а оставят лишь гору ненужной меди.

Бренд не переживал.

— Нам просто нужно придумать, как кормить ваших людей, а этих торговцев прогнать с моих земель!

Через час они заключили сделку: только пираты имели право торговать с долинами, а великаны будут убивать других людей морей, показавшихся им на глаза. И если Чосер и его торговцы хотят делить посевы, им придется опустить оружие и иметь дело с пиратами.

Как только с пиратами решили, они пошли искать лесную женщину по имени Елена. На это ушло немного времени, она умела исчезать, когда хотела, и появляться в неожиданных местах. Когда они смогли ее найти, оказалось, что она ничего не хотела. И даже Килэй не могла ее переубедить.

— Великанам важно отплатить тебе, — настаивала она, но Елена качала головой. — Что-то они ведь могут дать тебе за то, что ты сражалась за них?

Элена потеряла рукав, темные глаза смотрели на поля кукурузы.

— Я уже не знаю, что хочу. Я думала, у меня есть план, думала, что знала, что будет, когда бежала в пустыню. Но... теперь я не уверена, — она посмотрела на дороги, где Джейк заклинанием помогал великанам копать могилы. — Теперь я свободнее, чем когда-либо. Думаю, я немного попутешествую, чтобы прочистить голову. Может, я даже найду мирное место на какое-то время. Мне всегда было интересно, как живется в мире.

Деклан тихо слушал, жуя яблоко, пока Елена говорила. Но при слове путешествовать он улыбнулся.

— Думаю, есть у меня идея.

Он повел их на Фермы, где были лошади. Он помахал бегаящим зверям, сказал Элене выбрать.

— Хороший конь отнесет тебя туда, куда ты пожелаешь. Он будет с тобой во всех опасностях до самого конца. Кого выберешь?

Глаза Элены расширились.

— Откуда я знаю? У меня не было своего коня. Я брала в конюшне.

— Может, я выберу? — сказала Килэй. Элена кивнула, она забрала откушенное яблоко у Деклана и перепрыгнула через ограду.

Лошади ощущали хищника в ней, они убегали, когда она шла к ним, их глаза были полны ужаса. Все лошади убежали на другую сторону загона... кроме одного.

У него была серая шерстка в яблоках, грива была короткой. Его хвост с интересом покачивался, карие глаза смотрели на яблоко. Он медленно пошел вперед, перебирая

толстыми ногами. Добравшись до Килэй, он понюхал ее ладонь в приветствии. Она предложила ему яблоко.

По жесту Килэй Елена перебралась через ограду к ней. Она докормила коню яблоко, осторожно погладила между ушей. Ее темные глаза ничего не выдавали, взгляд не дрогнул. И Каэл был удивлен, когда она сказала:

— Этот. Я выбираю его.

— Его? — Деклан посмотрел на коня. — Но это фермерский конь. Он тянет плуг, а не путешествует. Я не хочу обманывать тебя. Там создания красивее.

— Но не смелее, — отметила Килэй.

Элена провела рукой по шее коня в яблоках.

— Смелчак... — прошептала она. А потом она обхватила его длинную морду и уперлась подбородком в его нос. — Что скажешь, Смелчак? Хочешь приключений?

Он фыркнул в ответ.

Глава 47

Неожиданность

К вечеру великаны закончили хоронить мертвых. Они свалили трупы предателей в гору на пустом участке травы и подожгли.

— Мы не оставим и следа зла, — прошептал Бренд, глядя, как огонь пожирает их тела. Он потянулся к Деклану, глаза которого не было видно за тенью. Его плечи опустились, когда Бренд обхватил их, но он не стряхивал руку. — А те, кого мы потеряли... будут покоиться с миром. Грязь сгорит, а мы попросимся с нашими братьями.

Они похоронили пиратов и великанов с одной стороны дороги, ведущей в замок. В одной из влажных комнат они нашли саженцы, которые графиня привезла для лорда Гилдерика. Некоторые уже были с фруктами, а другие — только с почками.

Они посадили деревья у могил, и Бренд сказал, что они почтят мертвых лучше, чем любая каменная табличка.

— Они будут жить в каждом цветке, в каждом плоде. Мы будем слышать их шепот в шорохе листьев... и наши братья никогда не будут забыты.

Лисандр собрал ножны павших пиратов, хотя сабли оставил на их холодных телах. Он говорил каждому слова, обещал, что расскажет о них семьям. Его глаза становились краснее с каждым ножнами, но он умудрялся сохранять голос ровным...

Пока не пришел к Ноа.

Каэл отвел взгляд, пока они укутывали его тело в белую ткань. Он не хотел видеть Ноа как маску: он хотел помнить его живым мальчиком. Лисандр забрал его ножны и смотрел в тишине, как великаны опускают его. Над его могилой посадили персиковое дерево, на котором уже висели фрукты.

— Что ты сделаешь с ножнами? — сказал Деклан Лисандру, упрямо скрестившему руки на груди.

Аэрилин уже плакала. Она тихо всхлипывала в безрукавку Килэй, шум ее слез усложнял Лисандру задачу держаться.

— Я отнесу их его матери, — сказал он. — Она захочет узнать, каким смелым был Ноа.

Деклан посмотрел на ножны.

— Не лучший подарок для матери.

— Лучше у нас нет, — рявкнул Лисандр.

Деклан молчал. Он сорвал с дерева персик. Он смотрел на него мгновение, а потом спрятал в карман.

— Он был хорошим пиратом, — сказал Лисандр. Он хмуро смотрел на дерево, сжимая ножны так сильно, что кожа стонала в его ладонях. — Ноа заслужил, чтобы его похоронили в море.

Бренд обхватил Лисандра рукой, прижал к своей груди, а тот даже не вырывался.

— Мы позаботимся о нем, капитан, — тихо сказал Бренд.

Лисандр кивнул, но смотрел на могилу. Каэл думал, что тьма не покинет его взгляд, пока Килэй не заговорила:

— Думаю, нам нужны хорошие новости, — она посмотрела на Аэрилин, она растерялась, лицо было в слезах.

— Какие новости?

Килэй удивленно вскинула брови, а потом ее лицо порозовело, чего раньше не было.

— Прости. Я думала, ты знала...

Аэрилин отодвинулась от нее. Ее голубые глаза расширились от тревоги, она сжимала локоны своих волос.

— Что знала? О, скажи, что это! Я не перенесу больше потрясений. Живот уже крутит.

Килэй порозовела сильнее. Она посмотрела на Сайласа, тот издал недовольный звук.

— Конечно, она знает, — прошипел он. — Должна знать. Как ты можешь не чувствовать, как крошечное существо скребется в тебе? — сказал он Аэрилин, указывая на ее живот. — Конечно, у тебя крутит живот...

Она запищала, и Сайлас в ужасе отпрянул. Он зажал рукой уши и смотрел, как Аэрилин обнимает Килэй.

— Боюсь, это правда, — рассмеялась Килэй. — Я думала, ты знала...

— Понятия не имела, — Аэрилин прижала ладони к груди с радостной улыбкой. — Но это теперь понятно. Я странно себя чувствовала. Но я думала... о! — она повернулась к Лисандру с сияющими глазами и сказала. — Разве это не чудесно? Ты рад?

Лисандр выглядел так, словно его ударили по лицу тролли, и он не знал, как себя чувствует.

— Что происходит? Тебе было плохо? — он шагнул к ней.

Она кивнула.

— Я не хотела говорить, потому что ты отослал бы меня...

— Ясное дело! — возмутился Лисандр, взяв ее за руки. — Я не дал бы тебе страдать...

— Я думала, это нервы, но оказалось...

— ...ты сейчас же отправишься на корабль...

— ...я беременна.

— Моя жена не... что? — подбородок Лисандра чуть не ударился о грудь, так он раскрыл рот. — Ты сказала то, что я подумал? — Аэрилин кивнула, и он посмотрел на ее живот. — Так ты... мы...?

Она кивнула еще раз, и он долго смотрел на нее, лицо было нечитаемым. А потом он подхватил ее.

— У нас будет ребенок! — закричал он, кружа ее. — Я буду папой!

Аэрилин шлепнула его по голове.

— Опустите меня, невозможный пират!

Они не переставали улыбаться. Они крепко обнимались, их смех радовал Каэла на пути в амбары.

Килэй, Вечерокрыл и Сайлас попросили пир, ужин, где их бы накормили мясом до отвала. И великаны были рады исполнить это: они принесли столы из замка в Поля, опустошили подвалы Гилдерика и отдали несколько своих жирных зверей великаншам.

Теперь дым поднимался из кухни в башне, где они работали. Одна великанша прошла мимо них с большой тарелкой еды. Обычно Каэл пошел бы за ней. Но этой ночью даже запах теплого хлеба и мяса с корочкой не мог отвлечь его. Его сердце было полно темных мыслей.

Рука Бренда упала на его плечи, отвлекая его от мыслей.

— Остался один долг, и это долг перед мой любимой горной крыской. Так что ты хочешь? — его глаза сияли, он улыбался, и вид его был мягким. — Говори! Проси все, чего хочешь.

Каэл подумал на миг о Тиннарке, об Амосе, Роланде и обо всех жителях, которые

попали в лапы Титуса. Если на его стороне были бы великаны, он мог бы освободить их. Ни одна армия людей не выстоит против великанов. Если он попросит, они пойдут, не думая.

Но мысли убили эту просьбу на его губах.

Каэл видел много холодных безжизненных лиц на поле боя... он не мог забыть их. Они остались вырезанными на его душе, он видел их пустые взгляды, закрывая глаза. Моря были свободными, долины тоже, работоторговля закончилась. Он не хотел большего. Эти люди могли жить без цепей, отстроить дома, растить детей. Они могли быть счастливы.

Но если Каэл поведет их в горы... этого шанса они могут лишиться. Некоторые умрут, одни на чужой земле. А остальные, как Тельред, будут жить с ранами до конца своих дней.

Если Каэл попросит их сражаться, он украдет у них счастье. Готов он нести такой груз на плечах? Мог ли он попросить друзей рисковать своим будущим ради боя за горы, землю, о которой никто не переживал? Мог ли он жить, зная, что он в ответе за их смерти?

Нет... не мог. И не будет. Он отказывался. Он все еще собирался сражаться за горы, но один.

И он выдавил улыбку и сказал Бренду.

— Знать, что друзья в долинах живы, уже дар, — Лисандр ткнул его локтем, но он не обращал внимания. — Если мне потребуются друзья, я точно вспомню о великанах.

На этом он стряхнул руку Бренда и пошел прочь. Лисандр схватил его за рубаху.

— О, нет. Ты слишком сильно сражался, чтобы отвернуться. Если не скажешь сам, я скажу за тебя, — предупредил он с решимостью во взгляде.

Каэл пожал плечами.

— Говори. Я не передумаю.

Это потрясло Лисандра, и Каэл выскользнул из его хватки. Он пошел к амбарам и услышал, как Лисандр начинает рассказ, начав с момента, когда Каэл оказался на борту его корабля. Он не знал, как Лисандр расскажет историю, хотя представлял, что он потеряет много фактов. Случилось многое из не задуманного, много в его жизни зависело от Судьбы. Но это уже не имело значения.

Теперь был важен конец, и Каэл намеревался написать его сам, начав с этой ночи. Он не даст Судьбе и шанса. Он сделает то, что должен, скажет то, что нужно.

* * *

Килэй смотрела, как он уходит. В шагах Каэла была решимость, которую она тут же узнала, он умело поднимал ноги и твердо опускал их. Он о чем-то усиленно думал, и ей было интересно, о чем. Она хотела пойти за ним, но Сайлас ткнул локтем в ее ребра.

Она проследила за его взглядом на дорогу, где Смелычак Элены уже был оседлан и с сумками. Великаны дали ей столько еды, что мешки висели гроздьями по бокам. Было ясно, что она хочет уйти тихо, но Джейк поймал ее.

Они стояли и говорили о чем-то. Килэй видела, как опущены плечи Джейка, как Елена вскинула голову. Они говорили минуту, а потом Елена вытащила что-то из-за спины и вложила в ладонь Джейка.

Не оглядываясь, она вскочила на Смелычака и сорвалась с места. Вскоре они стали точкой вдаль. Но Джейк не двигался. Он смотрел им вслед, сжимая то, что Елена дала ему.

— Идем, драконесса, — прошептал Сайлас. — Мы нужны нашему шаману.

Когда они подошли, то увидели, что лицо и взгляд Джейка были пустыми. Он выглядел так, словно не спал неделями. Он устал, но дело было не только в этом.

Она стояла с одной стороны от него, а Сайлас — с другой, словно могли как-то поддержать его. Они молчали, ожидая, пока заговорит Джейк.

— Она дала мне свои перчатки, — сказал он, протянув их Килэй. — Не знаю, что делать с ними.

Она сжала его пальцы на нежной черной коже.

— Береги их. И, когда будешь готов, твое сердце подскажет, что делать.

Джейк кивнул. И он мрачно спрятал перчатки в складки мантии.

Сайлас попытался похлопать его по спине, но его пальцы были так напряжены, что он словно давил паука, а не успокаивал.

— Нужно поесть, это тебя взбодрит.

— Это взбодрит вас, — вздохнул Джейк. — Я не голоден.

— Бред, — Килэй обхватила его рукой. — Тебе нужно заглушить печали пиром. Я видела большой торт пару минут назад. Клянусь, он был высоким-высоким, весь в сахаре и клубнике. Что может взбодрить лучше?

Они провели Джейка во двор и устроили за столом. Вскоре его заметила великанша и была потрясена его худобой, так что сама следила за наполнением его тарелки.

Другие великаны окружили его, желая услышать истории и узнать о магии. Джейк увлекся рассказами и словно забыл о проблемах. Вскоре он так углубился в объяснения, почему сложно превратить человека в лягушку, что даже смог слабо улыбнуться.

Один из великанов вынес Тельреда из амбара и устроил его на покрывале во дворе. Его прислонили к стене, обрубок устроили на свернутом покрывале.

К нему постоянно все подходили, включая Морриса, который уверял его, что потеря конечностей не так и страшна.

— Поверь, может быть хуже, чем потеря ноги. Ты хоть можешь застегивать штаны!

Дядя Мартин тоже старался успокоить. Он не отходил от Тельреда, оживленно говорил всю ночь о том, как радовался он тому, что Тельред теперь будет помогать ему варить грог, и что он хотел, чтобы у них были похожие трости.

— Ты не помогаешь, отец, — проворчал Тельред.

Но дядя Мартин помогал, вскоре к ним присоединилась небольшая группа великанш. Они смеялись над шутками дяди Мартина, ворковали над Тельредом, и его ворчливость таяла от их ласки.

Лисандр и Аэрилин сидели с Брендом с другой стороны двора. Принц ел одной рукой, а другой рукой держал за ладонь Дарру. Ее лицо сияло, ее ладонь лежала на ее животе, пока она слушала рассказы Лисанрда.

Килэй улыбнулась при мысли, что дитя Дарры будет расти свободно, под защитой принца. Она не знала Бренда хорошо, но видела его любовь к своему народу, знала, что он будет любить этого ребенка как своего.

Лисандр болтал, задавал великанам вопросы, но Аэрилин больше интересовало происходящее на другой стороне стола, где сидели Джонатан и Клейри. Точнее, Джонатан сидел на коленях у Клейри, и они скорее целовались, чем ели.

Аэрилин смотрела на них, прижав ладони к щекам, словно была сильно потрясена. Килэй читала по ее губам, что она бормотала: «Ой-ой-ой».

До этого Килэй согласилась бы. Но теперь она завидовала. Было приятно целоваться, когда пожелаешь. Она бы все отдала, чтобы вести себя так глупо.

Килэй отвела взгляд, стараясь отвлечься соседями по скамейке.

Сайлас и Вечерокрыл сидели по бокам от нее, жуя мясо. Оно было во всех возможных формах: ножки, крылышки, окорока, отбивные и не только. Великанша поставила перед ними зажаренную свинью, и Сайлас оторвал кусок и простонал.

— Как они это делают? — он оторвал кусок плоти и сунул в рот. Его глаза закатились, он жевал. — Мясо поет для меня!

Вечерокрыл сунул отбивную на растущую гору на своей тарелке. Он держал в руках по куку, словно боялся, что они убегут. Он опускал голову на большой скорости, отрывал куски мяса зубами. А потом он тряс головой, и в них летел жир.

— Хватит уже так делать, — проворчал Сайлас, вытирая жир с глаз. — Твоя добыча уже мертва, и кровь приготовлена.

Вечерокрыл смущенно посмотрел на него.

— Прости, я забыл, — сказал он с полным ртом еды. — Я все еще учусь манерам.

Килэй так давно вела себя правильно, что было даже приятно сидеть с людьми, которые не морщили носы от того, как она ест. О манерах можно подумать позже.

Она схватила куриную ножку и подняла над головой.

— За победу!

Сайлас присоединился к ней с цепочкой сосисок.

— За еду!

Они посмотрели на Вечерокрыла, уткнувшегося в еду.

— О, — он быстро схватил кусок мяса с тарелки и поднял. — За то и другое!

Они продолжили есть. Килэй оторвала кусок, когда ощутила, как кто-то постучал по ее плечу. Она развернулась и чуть не подавилась при виде Каэла.

Он не сказал ничего о куске мяса в ее рту. Он только улыбнулся.

Но не обычной улыбкой. Уголки его губ подрагивали, она едва заметила это. Она пыталась понять, что это значит, когда он заговорил:

— Я хотел бы поговорить с тобой, — он огляделся. — Где-нибудь в тишине, если можно.

Она тут же бросила еду и пошла за ним в ночь. Они шли, пока не оказались за двором, хотя свет костров еще достигал их. Килэй пыталась убедиться, что на ее лице не прилипла курица, когда пальцы Каэла задели ее щеку.

Она застыла.

Он редко касался ее, тем более, просто так. Но вот его пальцы оказались на ее коже, и ее сердце забило так сильно, что он мог это услышать. Она смотрела ему в глаза, он вытер кусочек мяса с ее лица, и в его глазах мелькнули искры.

Она знала, что он что-то задумал, ведь не зря он размышлял о чем-то. Его рука опустилась, он сунул ладонь в карман. Свет в его глазах стал сильнее, он посмотрел поверх ее плеча.

— Я злюсь на тебя, чтобы ты знала.

Килэй удивилась. Он не выглядел злым на первый взгляд. Но, пока они стояли в тишине, она читала его лицо. Он не сверлил взглядом, но его губы были сжаты. И он не смотрел на нее.

— Прости, что дала Гилдерiku уйти, но я не могла бросить тебя. Я думала, ты ранен...

— Я злюсь не из-за этого, — сказал Каэл. Он смотрел поверх нее, другая ладонь скрылась в кармане, где его руки сжались в кулаки.

— Каэл, что бы это ни было...

— Я злюсь, потому что ты ушла, — заявил он.

Мышца дергалась на его челюсти, она видела это под его кожей. От переносицы к щекам растекался румянец, и Килэй знала, что он собирается выдать гневную тираду.

Но она знала, что ей нельзя смеяться. Если Каэл злился, смеяться было бы неправильно. Но... она не сдержалась.

Как только все его лицо стало красным, полились слова. Он топал и рычал, говорил смешные вещи, вел себя так, словно земля оказалась над его головой. Он злился на всех и ни на кого конкретного. Он так увлекся, что забывал поднимать взгляд.

Потому что он понял бы, что зря злится: Килэй не ушла навеки. Она вернулась.

Было забавно смотреть, как злится Каэл из-за глупости. Он мог быть порой невероятно смешным. Он должен был знать, что она вернется. Почему он всегда сомневался в ней?

Это она и хотела сказать, когда он начнет кричать. Но не начал, удивив ее. Он даже не повысил голос. Он перестал хмуриться и опустил голову.

— Я должен кое-что сказать, — тихо произнес он. — Но сначала пообещай мне.

Она была готова обещать что угодно. Что бы он ни попросил, она помогла бы ему всеми силами. Но эти слова были бы слишком сильными для человека. Так что она сказала:

— Хорошо.

— Обещай, что больше не оставишь меня, не сказав, куда ты ушла.

Килэй посчитала эту просьбу разумной. Она и не собиралась покидать его.

— Хорошо. Обещаю.

— Что бы я ни сказал?

— Можешь говорить мне все, — твердо сказала Килэй. Но странное ощущение закралось в нее. Что-то собиралось произойти, к чему она не была готова. Она отогнала ощущение. — Обещаю, что твои слова не прогонят меня.

Он улыбнулся той странной дрожащей улыбкой. И поднял голову.

Каэл никогда не смотрел на нее. Он смотрел сквозь нее. Пару раз он встречался с ней взглядом по-настоящему, и ей казалось, что он проникает под ее кожу, касается ее души. Он не пытался понять ее. Он не оценивал ее взглядом. Он видел дикость в ней... но не морщил нос.

Дракон и женщина воевали в ее сердце, всегда сражались и старались решить, быть ей больше человеком или зверем. Порой она не знала, кем была. Но, когда Каэл смотрел в ее глаза, она видела свое четкое отражение.

Для него она была просто Килэй.

Долгое время он только смотрел на нее. Глубоко вдохнув, он сделал то, чего она не ожидала:

— Я люблю тебя Килэй. Знаю, ты не можешь любить меня в ответ, — добавил он. — Я читал историю Быстроножки и Идэна, знаю, что оборотни не любят людей... но я знаю, что не могу изменить свои чувства, — он шагнул вперед, глядя на нее, и это было хорошо, иначе она потеряла бы равновесие. — Но, если ты останешься, клянусь, я больше не упомяну это. Я буду скрывать это так хорошо, что ты забудешь, что я говорил это.

Килэй сомневалась в этом. Сильно сомневалась. Его слова уже звенели в ее сердце.

Он любил ее. *Любил* ее.

Она не думала, что любовь будет так важна для нее, так, как было для людей. Это было глупо, этим словом люди бросались при любой возможности. Порой ей казалось, что она слышала это слово так часто, что оно утратило значение.

Но вдруг любовь стала больше, чем просто словом. Это было истинное глубокое чувство, связывающее, как валтас. Она думала, что видела это на лице Каэла. Этот взгляд она пыталась понять, но не могла.

Он любил ее!

Один прекрасный миг ее сердце парило. Она хотела броситься в его объятия и прижаться губами к его губам, ощутить его любовь. Но потом ее сердце спустилось, напоминание зазвенело в голове.

Связь с другим видом была Мерзостью, и Судьба направит на Мерзость своего младшего брата — Смерть.

Оборотни не могли быть с людьми. Не должны были. Была ли ее любовь к Каэлу Мерзостью? Если она обнимет его сейчас, то обречет на смерть?

«Мы должны защищать тех, кто слабее нас, и, к сожалению, это касается и людей».

Слова Сайласа жалили ее уши. Они пронзали ее грудь ножом, терзали ее счастье. Даже если Смерть не заберет их, Килэй знала, что погубит его. Она знала, что Каэлу придется терпеть пустоту, если она выберет его своей парой.

Она знала правду... а потому должна была защитить его.

Жжение в груди было человеческим чувством, боль, которую ее драконья часть просто принимала, заставляла человек в ней страдать.

— Обещаю, я останусь, как твой союзник и друг, — ей с трудом удавалось скрывать эмоции, она не хотела, чтобы Каэл видел, как слова ранили ее. — Но тебе стоит беречь свое сердце.

Он впился в нее взглядом на миг, и она изо всех сил отгоняла боль. Когда он отвел взгляд, то словно забрал с собой кусок ее сердца.

— Спасибо, — тихо сказал он. И прошел мимо нее, сжал ее плечо.

Она не ожидала этого. Огонь в ее крови быстро запечатал раны, но они все еще побаливали. Когда пальцы Каэла надавили на раны, она скривилась, и он заметил это.

— Я знал это. Знал, что это была ты, — он встал перед ней, и она опустила взгляд. — Ты исцелила меня как дракон, да? — она не отвечала, и он схватил ее за руку. — Я не позволю тебе страдать за меня. Давай я залечу твои раны.

— Нет! — она вырвалась. Когда он попытался схватить ее снова, она отскочила.

— Не глупи...

— Это ты себя так ведешь!

Каэл потрясенно смотрел на нее.

— Как это? Я пытаюсь помочь...!

— Это заживет само, — рявкнула Килэй. Она не знала, почему так себя вела. Она хотела все это время видеть его, слушать его голос, слышать, что он любит ее. И теперь все это исполнилось, и все было не так. Все было не так.

Ей нужно было побыть одной... и выплакаться. Просто выплакаться.

— Увидимся утром, — сказала она и пошла прочь.

Как-то она успела убежать во тьму до того, как покатались слезы.

Глава 48

Новый план

Прошло несколько дней, они ждали, пока заживут раны товарищей. Как только пираты исцелились достаточно, они начали собираться в путь. И наступил день прощаний.

Моты ушли на рассвете, их сумки были тяжелыми от даров. Килэй смотрела им вслед минуту, а потом поняла, что Надин с ними не было. Она появилась рядом с Килэй.

— Когда мы уходили, Хесса сказала, что мы больше не увидимся в этой жизни, — объяснила тихо Надин. Она спокойно смотрела вслед мотам. — Я думала, причина в том, что я умру в бою, но теперь я вижу, что она хотела, чтобы я нашла себе новую жизнь. Я потеряла Тахира, а Хесса выросла мудрой. Так что мое назначение на землях мотов закончено. Может, в твоём странном королевстве я найду новую цель, — она повернулась к Килэй и просияла улыбкой. — Тебе нужна служанка?

Килэй покачала головой.

— Нет, но всегда пригодится друг, — она взяла Надин за плечи и повела к кораблестроителям. — А вот и наша первая гостья в Насесте. Я ожидаю от вас только лучшего поведения.

Шамус улыбнулся.

— О, конечно! Я прикажу убрать для нее комнату. Может, ей придется немного пожить в крыле стражей, пока мы подлатаем крышу. Но не переживайте, леди Килэй, ей будет удобно.

— Почему он называет тебя леди? — прошептала Надин.

— Потому что я не могу его отговорить, — вздохнула Килэй.

Она оставила Надин обсуждать с Шамусом ее комнату и пошла искать Каэла. Она несколько дней бродила в тишине Полей, пытаясь понять свое сердце. Но это ей не удалось.

Как могло что-то настолько прекрасное быть мерзостью? Была ли Судьба такой бессердечной? Если их любовь была запрещена, почему у них была валтас?

Человеческую любовь можно было объяснить желанием, но валтас была глубже, это был не сознательный выбор, не выбор тела, не решение разума. Только ее душа понимала валтас. И ее душа почему-то выбрала Каэла.

Килэй не знала, что делать. Была бы она умнее, смогла бы понять. Но факты и чувства так смешались, что она не надеялась разобраться в них. Может, Каэл подсказал бы ей, что делать...

Но она не могла рассказать ему.

Если он не знал, что она любила его в ответ, может, он излечится. Люди часто так делали. Они всегда могли найти другого избранника. Хотя от этого ей было жутко, Килэй лучше бы видела его с другой, чем с разбитым сердцем.

Она хорошо знала эту боль. Это был укол одиночества.

Килэй знала и то, что ничего не выйдет, если она сядет и будет жалеть себя. Она сосредоточилась на хорошем: Каэл был здесь и живой. Она могла поговорить с ним, если хотела. Но сначала его нужно было найти.

После недолгих поисков она заглянула в один из амбаров и обнаружила Каэла, жарко спорящего с Декланом и Брендом.

— Поздно уже, — ухмыльнулся Бренд. — Крохотный капитан пиратов уже все

рассказал. И ты говорил, что хочешь нашу дружбу, так что ты ее получил.

Каэл сверлил его взглядом.

— Друзья не должны сражаться друг за друга. Я не дам твоим людям умереть в моей войне...

— Ты помог нам вернуть земли, и мы хотим помочь тебе вернуть свои. Но, — добавил он, фыркнув, — я не знаю, зачем они тебе. В горах редкое можно найти.

— Вот именно. Так зачем вам сражаться...?

— Потому что так делают друзья, кроха Каэл, — заявил Деклан.

Бренд кивнул.

— Это лучший способ отплатить наш долг, — он похлопал Каэла по плечу, и тот отшатнулся на пару шагов. — Великаны на твоей стороне. Я отправлю к тебе своего генерала, как только у тебя будет план.

Он посмотрел на Деклана, и его брови удивленно поднялись.

— Это не могу быть я, — сказал он, Бренд все смотрел на него. — Я не подхожу, я даже не могу быть в бою, не сходя с ума! Как я буду управлять армией?

— О, отлично, — отмахнулся Бренд. — Нашей армии не нужен командир, ей нужна смелость. И ты даешь ее им. Видеть, как один великан идет против армии с одной косой... — он присвистнул. — Это уже понятный приказ. Они последуют за тобой на глубину, генерал, — Бренд хлопнул Деклана по плечу. — А теперь идем, расскажем хорошую вест!

Великаны пошли к двери, и Каэл пропустил их, что Килэй показалось странным. Если Каэлу что-то не нравилось, он бы не успокоился без боя. Он защищался бы, как барсук свое логово.

То, что он дал великанам уйти так легко, удивляло Килэй.

— Что ты задумал?

Каэл не всегда улыбался губами, она порой читала улыбку в его взгляде. Сейчас казалось, что он очень широко улыбается.

— Ничего, — он пожал плечами.

Эта ложь была не очень убедительной. Врать он не умел.

— Я слышал, ты леди Коппердока. Шамус рассказал, — объяснил он, уловив ее удивленный взгляд. — Он рассказал мне все за пару кружек эля. Лучше его не посвящать в секреты, кстати.

Килэй решала удивляться ей или возмущаться, когда она заметила выражение лица Каэла. Там всегда была мягкость, которую он старался скрыть за мрачным взглядом. Но больше он это не скрывал, она видела мягкость в углах его лица, на губах.

И было сложно не шагнуть ближе.

— Да, боюсь, они хотят превратить меня в некую правительницу, — выдавила она. Килэй пришлось отвести взгляд, чтобы не потерять решимость. — Я просто пришла сказать тебе, что буду в Коппердоке, если понадобится тебе. Хотя ты, наверное, захочешь остаться в бухте.

Она успела уловить его кивок. Теперь он не смотрел на нее.

— Если мы хотим напасть на Титуса, мне нужно многое спланировать. И Моррису нужно еще многому меня научить, — добавил он с мрачным видом. — Я не хочу больше ошибаться.

Килэй ощущала, что он погружается в мысли, но не хотела пока что терять его. И она

обхватила пальцами его запястье.

— Ты успеешь придумать все позже. А сейчас нужно попрощаться с друзьями.

Великаны набили им сумки провизией и выстроились в ряд, провожая их. Было сложно оставлять позади Джонатана, он был со странностями, но Килэй знала, что будет скучать по его веселью, бодрящему их компанию.

Джонатан отпустил Клейри, чтобы обнять их на прощание, а потом обвил руками ее талию. Килэй увидела, как они улыбаются друг другу, и поняла, что их ждет много счастливых лет вместе, хотя ей было не по себе от шалостей, которые они могли натворить.

Деклан появился из амбара с глиняным горшочком в руках и пошел к Аэрилин.

— Я посадил семечко с дерева Ноа. С женской лаской оно прорастет, — объяснил он, когда она растерялась. — Персикам нужна нежность, так говорят Садовники. Я знаю только лошадей, — он вложил горшочек в ее руки. — Отдай это матери Ноа... так у нее будет его кусочек.

Аэрилин крепко обняла Деклана, обещая, что так и сделает.

Они ушли, солнце восходило за их спинами: пираты и кораблестроители, а еще Надин, Джейк и Сайлас, который как-то пронюхал про их план напасть на горы и решил, что его пригласили.

— Теперь ты оплатишь за всю мою работу, драконесса, — сказал он. — Мои горы снова будут свободными!

Некоторые слуги Гилдерика были мужчинами и женщинами морей, и они хотели вернуться к семьям, хотя Лисандр уговорил небольшую часть стать пиратами. К их удивлению, Вечерокрыл тоже решил стать пиратом. И он летел теперь над ними, радостно вопя, направляя их к морям. Порой он даже спускался, чтобы похлопать Лисандра по голове.

Они покинули долины, Килэй широко улыбалась без причины. Она не знала, было ли дело в счастье в воздухе или в ее радости, что Каэл шел рядом.

Он слушал внимательно, как она рассказывает ему о своем приключении в пустыне, порой отмечая, что ей не стоило делать.

— Тебе очень повезло, — сказал он, когда она описала, что случилось с замком барона. — Все могло пойти не так.

— Да, но все получилось. Так что не нужно переживать из-за этого, да?

Он пожал плечами.

— Я всегда переживаю. Ничего не могу поделать. Особенно, когда... — он закрыл рот.

— Когда что?

— Нет, я обещал не говорить об этом. И я буду держать обещание. А теперь... — он огляделся и понизил голос. — Ты была права. Я кое-что замышляю.

Все в Килэй затрепетало, когда он неожиданно улыбнулся. Но она заставила себя улыбнуться в ответ.

— Я это знала. Что же ты задумал, Каэл из Беспощадных гор?

Он пожал плечами. Его глаза сверкали, он смотрел на горизонт.

— Ничего пока что. Но я надеялся, что ты мне с этим поможешь.

И она пообещала, что поможет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net